

МАЙН РИД

Охотник на бобров

Тропа войны

Черный мустангер

Капитан
МАЙН РИД
романы и повести

Т. 4

ИЗ СОБРАНИЙ И. СЫТИНА, П. СОЙКИНА,
М. ВОЛЬФА, ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА»

МАЙН РИД

Охотник на бобров

Тропа войны

Черный мустангер

МОСКВА
1992

ББК 84. (Вл.).
М 14

Художник
Е. Клодт

Издание подготовлено при участии
Акционерной компании «К. И. Т.»

М $\frac{4703010100-004}{Э26(03)-92}$

ISBN 5—7685—0064—2

© МП «Активитас»,
1992 г.
© Е. Клодт,
макет и оформление,
1992 г.

*ОХОТНИК
на бобров*

Роман

ИЗ СОБРАНИЯ И. СЫТИНА

Ни один европейский торговый город, как бы оживлен он ни был, не может сравниться с Сент-Луи, большим торговым городом в Америке. Трудно представить себе, до чего лихорадочна деятельность всего населения этого города. Особенно оживлен он бывает во время пушной меновой ярмарки. В это время он всем своим видом резко отличается от других городов Соединенных Штатов. Тут все своеобразно: люди, торопящиеся продать товары, сами товары и способ торговли ими.

Кто был в Сент-Луи в обыкновенное время, тот найдет, что этот город несколько не отличается от прочих городов Соединенных Штатов, где вообще все стараются как можно больше нажить денег.

Но вот приходит время пушной меновой ярмарки. Город наполняется самую разнохарактерной толпой. Трапперы, ловцы бобров и индейцы из разных племен съезжаются со всех концов страны в пирогах, нагруженных мехами; купцы с разных концов страны привозят всевозможные фабричные товары. Кто видел Сент-Луи в это время, тот потом всю жизнь не забудет этой оживленной картины.

Нельзя себе представить более шумной смеси всевозможных племен. Тут неутомимый янки старается перехитрить и обмануть своего покупателя; тут же и беспечный траппер, и краснокожий, как называют индейцев по цвету кожи; он будто не обращает внимания на все окружающее, но вместе с тем за всем следит; он то безучастно стоит на одном месте, то бегаёт по улицам своей не-

слышной, легкой походкой. Тут же болтливый француз зазывает к себе и расхваливает свой товар. В это время в Сент-Луи столько любопытного, нового!

А вся суть только в меновом торге, который ведут индейцы и трапперы с остальным населением Соединенных Штатов. Какие громадные дела здесь устраиваются, и сколько миллионов переходит из рук в руки в это короткое время!

Когда торг окончен, обменены все кожи и меха, то общий вид Сент-Луи совершенно изменяется. Нельзя сказать, что город вдруг пустеет и мертвеет, нет, но образ жизни всего населения города принимает более спокойный характер.

Янки укладывает, продает и отправляет меха, выменные на дурные и хорошие фабричные товары, яркие пестрые материи, ружья, порох, свинец и торопится все превратить в звонкие доллары и уехать. Француз остается наслаждаться жизнью, для чего он и старался как можно больше заработать. Траппер отдыхает от своих многолетних трудов в кругу товарищей. Он рассказывает случаи из своей степной дикой жизни и слушает рассказы об охоте на серых медведей в Скалистых горах, о битвах с врагами белых — мстительными индейцами. Он ест, пьет и ведет азартную игру иногда до тех пор, пока у него не останется ни одного цента. Он радуется своим новым капканам, купленным в городе, радуется пороху, свинцу, новому ружью, новому шерстяному одеялу и курит только что купленный табак; это его самое большое удовольствие и от него ему часто приходилось отказываться в лесах и пустынях. Индеец пьет виски до тех пор, пока не повалится чурбаном под стол, или пока у него не останется ни одного цента, вырученного за меха.

Но в Соединенных Штатах запрещается продавать индейцам водку за деньги, и закон это строго преследует. Американец и не продает водку. Он выменивает на нее меха и кожи. Пьет ли ее индеец, или выливает в Миссисипи, это уже не его дело; дикарь может с водкой делать решительно все, что ему угодно.

Ужасно подумать, что от пьянства краснокожие делаются бессмысленными чурбанами, но еще ужаснее то, что от вина дикарь вполне становится хищным зверем, приходит в бешенство и убивает всех, кто ему ни попадется в такую минуту — и правого и виноватого. В это время лучше всего оставаться дома, частью для того, что-

бы не видеть дикого унижения, до какого может прийти человек, частью, чтобы не подвергаться опасности, которая продолжается иногда целую неделю.

Несмотря на это, мы войдем в одну из таверн, которая представляет собой не что иное как гостиницу, в которую никогда не заходят краснокожие. Вокруг столов сидят трапперы и купцы, пьют, едят, курят и ведут большую игру.

На веранде подле окна сидит траппер. Он задумчиво и безмолвно курит свою трубку.

Веранда выходит во двор, который отделяется от главной улицы небольшим заборчиком. Это самое свежее, прохладное и тенистое место во всей гостинице. Вся веранда увита вьющимися растениями так плотно, что туда не проникает ни одного солнечного луча. Со стороны улицы она открыта, так что можно видеть все, что там происходит.

Трапперу было лет шестьдесят, хотя на вид он казался моложе. Его густые, черные как смоль, волосы волнистыми прядями выбивались из-под бобровой шапки. Он был невысок ростом, широкого, плотного и мускулистого сложения; каждое его движение выказывало силу и выносливость. Его лицо загорело от солнца, обветрилось от непогоды и было похоже на кору старого дерева. Из-под темных густых нависших бровей сверкали черные глаза, умные и пронизательные. На траппере были надеты довольно широкие замшевые шаровары, спускавшиеся немного ниже колен и высокие кожаные мокасины (индейские сапожки, плотно обхватывающие ноги). Широкий, довольно короткий камзол из оленьей кожи, подтянутый широким кожаным поясом, довершал его наряд. На поясе висели: мешок, туго набитый пулями, буйволо-вый рог с порохом, громадный мешок с табаком и два ножа в кожаных ножнах, один маленький, так называемый скальпель, другой — большой. В стороне у стены стояло ружье. Траппер курил из индейской трубки, с головкой из красной глины; мундштук был сделан из крепкого дерева. Из трубки вырывались густые облака дыма. Лицо траппера выражало беспокойство и нетерпение. Можно было заметить, что он ждет кого-то, так как он всякий раз порывисто оборачивал голову и взглядывал на дверь, когда кто-нибудь входил в таверну. На гостей, которые были тут, он не обращал внимания никакого. Когда его спрашивали о чем-нибудь, он отвечал коротко

и изредка сам с собою говорил, вслух высказывая свои мысли.

— Вот уже неделя, как я жду Тома Редстона,— говорил он,— что же бы это значило? Возможно ли это? Он знает, что Джек Вильямс его ждет. Впрочем, это всегда бывает так, когда у траппера есть жена и дети!.. Ему бы следовало оставить ловлю бобров и заняться чем-нибудь другим! Странно, что и Раф не идет! Славный мальчик! Из него выйдет настоящий траппер!.. Что бы это могло значить?..

Джек Вильямс замолчал, и из трубки вырвалась темная струя дыма.

— Я променял все его меха на звонкие доллары, а он не идет за ними! Непонятно!.. Если старик не может прийти, то что же могло задержать его сына? Кто мне это объяснит?

Его нетерпение с каждой минутой увеличивалось.

Вдруг он пронзительно вскрикнул, как кричат индейцы, когда хотят выразить удивление, гнев или радость. Он вскочил, повалил стул, попавшийся на дороге, бесцеремонно толкнул нескольких людей и бросился навстречу молодому человеку, только что вошедшему на веранду. Старик молча обнял молодого человека и повел к своему столу.

Прибывший был одет точно так же, как и Джек Вильямс. Он был высок и строен; каждое его движение было полно грации и силы. Лицо уже загорело от солнца, но было нежно и красиво, и в то же время в нем было видно мужество, твердость души и сила воли. Это был любимец Джека Вильямса. «Он плавает как рыба,— говорил он о молодом человеке,— он бежит так же быстро, как летит стрела, выпущенная индейцем из лука; он зорек как орел; его рука так же сильна, как лапа серого медведя, а жучок, носящийся в воздухе, не улетит от его выстрела. Его походка до того легка и неслышна, что сам сиукс * в сравнении с ним кажется подкованной лошастью!»

Так образно выражаются индейцы, когда хотят похвалить кого-нибудь, и такими словами выражалась чрезмерная любовь Джека Вильямса к Рафу, сыну Тома Редстона.

Джек Вильямс подвел Рафа к столу и взглянул на него. Его поразил черный шелковый платок, небрежно

* Сиукс — одно из индейских племен.

повязанный у юноши на шее, он наклонился к уху Рафа, как бы боясь, чтобы кто-нибудь не услышал его слов, и шепотом спросил:

— Отчего вместо красного платка, который так идет тебе, ты надел черный? Что это значит?..

С этими словами он подошел ближе, положил молодому человеку руки на плечи, взглянул ему в лицо и невольно вздрогнул. Всегда такое веселое, улыбающееся, теперь это молодое лицо было мрачно и печально.

— Ах, у нас случилось несчастье! — отвечал юноша, тяжело вздыхая. — Я надел траур...

— Что? Траур? — перебил его Вильямс. — По ком же ты его надел? Неужели по твоей матери, лучшей женщине во всем Союзе?.. Ну, говори же?

— Вы не даете мне договорить! — скромно отвечал Раф. — Моя милая мать жива и здорова, но она убита горем и день и ночь плачет!

Руки Вильямса задрожали и он с отчаянием вскрикнул:

— Раф! Что ты говоришь? Неужели твой отец, Том Редстон, умер? Лучший охотник западных лесов! Лучший товарищ!

— Да, — тихо отвечал юноша, — он умер, и мы похоронили его под большим кленом в нашем саду!

У Вильямса задрожали руки; он почти упал на стул, закрыл лицо руками и застонал. В первый раз в жизни плакал Вильямс, этот твердый, как старый дуб, человек; грудь его тяжело поднималась. Раф сел против него, и слезы текли по его нежным щекам.

Так они долго сидели друг против друга. Шумная толпа не обращала внимания на отчаяние старика, который оплакивал своего друга, товарища всех радостей и лишений охотничьей жизни. В продолжение сорока лет они жили душа в душу.

Наконец Вильямс поднял голову.

— Сиукс сказал бы, что Великий Дух переселил душу славного воина и охотника в обильные райские леса! — сказал он наконец. — Знаешь ли, в этих словах дикарю слышится утешение.

— Христианину дано большее утешение, — кратко заметил Раф.

— Знаю, знаю!.. Без этого бы сердце разорвалось на части! Раф! Твой отец был чудный человек! Преданная душа! Таких больше нет на свете! — продолжал Виль-

име глухим голосом.— Как часто из-за меня бросался он в опасность. Однажды я в Скалистых горах встретил серого медведя. Я поторопился, выстрелил и дал промах. Да будет проклят этот выстрел! Медведь встал на задние лапы и с ревом бросился на меня. Одним ударом лап он подмял меня под себя и сломал мне ключицу. Я упал. А твой отец был далеко; он осматривал расставленные капканы — от него помощи мне ждать было нечего. Я прочитал молитву и отдался воле Божьей. Однако ж я не потерял присутствия духа и ударил медведя ножом; но и этот удар был такой же плохой для траппера, как и выстрел. И, вдруг, неожиданная развязка; медведь подпрыгивает и падает мертвый навзничь! Это выстрелил твой отец. Он заметил медвежий след, оставил бобров и прибежал вовремя ко мне на помощь. Том попал прямо в дьявольский глаз медведя. Он меня спас, но моя ключица была сломана, и я ужасно страдал. Твой отец сорвал с себя белье, перевязал рану и приложил к ней медвежье сало. В продолжение шести недель он делил все свое время между работой и заботами обо мне. Он лечил меня и ухаживал за мною, как мать за своим ребенком, до тех пор, пока я совершенно не выздоровел. Это только один случай из его добродетельной жизни, но я могу рассказать тысячу подобных. И этого человека больше нет! О, Боже мой! Боже мой! Зачем же я еще жив! Тома нет; не стало лучшего охотника, ловца бобров, храбрейшего воина и самого верного, преданного друга!.. О, зачем ты меня оставил!

Его голова еще ниже опустилась, и он снова застонал.

— Вы не одни, дядя Вильямс, я не оставлю вас! — сказал с волнением Раф, крепко пожимая руки старика.

Вильямс поднял голову и взглянул на Рафа.

— Да, ты такой же славный, как твой отец! Но все же мне не достает его! Понимаешь ли ты это, дитя?

— Я вас люблю так же, как он любил вас! — сказал ласково Раф, при виде горя старика забывавший свое собственное.

— Я знаю, что ты меня любишь, Раф! Теперь это мое единственное счастье! Но ты не можешь оставить свою бедную мать!

— Всемогущий Бог покровитель всем вдовам и сиротам,— учит нас священное писание.

— Там так сказано? — спросил Вильямс, тяжело вздыхая.— Но что же ты думаешь делать, Раф?

— Идти с вами на бобровую охоту, дядя Вильямс.

— И твоя мать согласна на это?

— О, да! Очень охотно!

— Что за чудесная женщина! Она стояла такого человека, как Том! — вскрикнул с увлечением Вильямс, и потом, подумав немного, продолжал. — Мне твой отец говорил что-то о вашей маленькой ферме.

— Он, должно быть, сказал вам, что за нее еще не все заплачено? — спросил Раф.

— Да, кажется, что так. Он мне говорил даже, сколько осталось заплатить, но теперь я решительно все забыл.

— Двести долларов, — отвечал вздыхая Раф. — Может быть, можно заплатить часть долга из доли моего отца? Матушке немного надо для жизни. Я огородил наши поля тыном, засеял мансом и пшеницей и засадил картофелем. Одно поле я засеял луком. В саду развел огород. Хозяйство в порядке: куры несутся, обе коровы телятся и три свиньи роются в земле, отыскивая себе пищу. Мать в работе забудет свое горе, а добрые люди не оставят ее одну. Если будет удачная охота и хороший лов, то я вернусь домой на будущий год и все, что заработаю, принесу матери.

— Ты очень хорошо все обдумал, Раф; да иначе и не могло быть! Ведь ты сын Тома!.. Слава Богу, что я могу хоть чем-нибудь тебя утешить. На долю твоего отца приходится ровно двести долларов. Вот они тут, в этом кожаном мешке, возьми их и ступай скорей домой. Заплати за ферму, чтобы твоя мать могла жить спокойно. На, вот еще остаток моей доли после покупки новых капканов, одеял и лошади, необходимой для далекого путешествия. К чему мне деньги? Отдай их доброй, милой Бетси. У меня есть все необходимое, а ей надо же жить чем-нибудь. Трудовые деньги принесут ей счастье. Отнеси ей это и пожелай всего лучшего от меня.

Раф с волнением смотрел на старика и не хотел брать. Но Вильямс затопал ногами и сердито закричал.

Раф должен был согласиться. Вильямс накормил его, напоил и торопил идти домой.

— Я буду ждать тебя здесь, — сказал он. — Не оставайся там долго, а то я, пожалуй, совсем бабой сделаюсь! — прибавил он на прощанье.

Раф ушел, Вильямс остался один со своим безутешным горем.

— Ах, Том,— вздыхал он.— Зачем ты меня оставил? Только с тобою моя жизнь была весела и ясна! — Горькие стоны прерывали его слова.— И умер-то ты не как воин, в славной битве с индейцами, а в блокгаузе на руках у жены! Но что ж делать! Бедной Бетси еще было бы тяжелее переносить свое горе, если б ты умер не на ее руках. Это Бог послал ей в утешение! Благодарю Тебя, Создатель!.. Но мне кажется, я скоро увижусь с тобою, мой милый Том! А до тех пор я должен жить для Рафа и всем, чем могу, помогать твоему милому сыну! Он остался мне в наследство от моего старого друга!.. Клянись тебе, Том, что я не оставлю его до конца моей жизни.

Так утешал себя Вильямс. Неделю должен он был ждать возвращения Рафа, и все это время провел на том же самом месте, где оставил его Раф. Он почти ничего не ел, все больше и больше курил. Он жил одними воспоминаниями, которые рисовали в его воображении различные случаи из их лесной и степной жизни. При этом он помнил только подвиги своего друга, его преданность и любовь к себе; все же то, что касалось до него самого, он совершенно забыл. Вильямс все это время не мог ни спать, ни есть, и когда приходила ночь, то он, подавленный горем, бросался на постель, и горькие слезы текли из его глаз. Тут никто его не видел и не осуждал за это, и потому он вполне отдавался своему горю.

Вся любовь его как бы перешла с отца на сына, и он только и думал о юноше и строил планы будущей охоты.

Теперь только это одно и привязывало его к жизни и подкрепляло иссякающие нравственные силы. Наконец вернулся Раф. Вильямс с радостью бросился ему навстречу, обнимал и целовал его. Раф рассказал, как мать обрадовалась, когда узнала, что за ферму заплачено, как она благодарит Вильямса за подарок и за участие, и благословляет его и Рафа на трудный промысел.

Вильямс радовался счастью матери Рафа и смеялся также весело, как бывало в самые счастливые дни его жизни.

Они хотели тотчас же отправиться на охоту, но шел такой сильный дождь, что пришлось остаться в Сент-Луи.

В это время город опустел. На улицах перестали появляться краснокожие; купцы разъехались по железным дорогам и по рекам — кто на родину, кто в другие города торговать купленным товаром. Трапперы распродали

свой товар на рынке и снова ушли на охоту и на ловлю диких зверей. Трактир опустел, и наши друзья могли свободно горевать; никто им не мешал.

Вильямс то и дело заставлял Рафа повторять рассказ про болезнь и смерть отца, и все ему казалось, что Раф мало о нем говорит, все ему хотелось слушать и говорить о старом друге. Так прошло некоторое время. В один из дождливых дней, когда они по обыкновению сидели в таверне и вспоминали о Томе, Вильямс сказал Рафу:

— Послушай, Раф, мы еще с твоим отцом составили план для нашей охоты в области среднего Арканзаса. Это опасное место для охоты. Там, в луговых степях, покрытых густой травой в человеческий рост, пасутся стадами бизоны, олени, а по берегам Арканзаса много бобров. Туда редко заходят трапперы, потому что именно тут и живет племя черноногих индейцев, а их предводитель, Теа-ут-вэ, смертельный враг белым охотникам. Но нам нечего их бояться; мы хорошие стрелки, и если что случится с нашими двустволками, то в пироге, которую мы построили с Томом, спрятаны еще два ружья. В ней же лежат дорожные капканы, жестянки с порохом, пулями и табаком и необходимым для нас пеммиканом*. Кроме того, у нас запасено достаточно соли и медвежьего сала. Провизии хватит, пожалуй, на полгода. Рыба и бобровое мясо будут разнообразить наш стол.

Потом Вильямс стал перечислять места, где они будут жить, но вдруг задумался, и его лицо приняло печальное выражение. Раф стал расспрашивать, что с ним. Он долго отговаривался, не хотел отвечать, но потом махнул рукою и сказал:

— Меня радует вся эта охота и приготовления к ней, но я не скрою от тебя — я чувствую, что это будет последняя моя охота. Всю эту неделю мне постоянно слышится, что твой отец зовет меня к себе, и я уверен, что недолго проживу на земле.

Раф стал утешать его, но ничто не могло разогнать черных мыслей Вильямса. Он недоверчиво качал головой.

— Нет, Раф,— сказал он,— Вильямс настолько стал стар, что ему уже пора подумать о будущей жизни, и он не должен отгонять от себя подобных мыслей. Напрасно

* Так называется высушенное мясо, истолченное в порошок,

ты стараешься утешить и разуверить меня в том, что непременно должно случиться. Когда я умру по воле Божьей, то ты останешься моим наследником. У меня нет, кроме тебя, никого на свете, и я со своими деньгами могу решительно все делать, что хочу, не обижая никого. Я их закопал в землю для того, чтобы сохранить их на то время, когда мои руки не будут в состоянии больше держать ружье. Слушай меня! Ты их возьмешь, когда я умру!.. Прямо на юг от вашей фермы есть небольшой холм, на котором растет цикорное дерево. С северной стороны в коре дерева ты увидишь воткнутую ружейную пулю. На два фута в сторону от ствола, прямо против пули, взрой дерн — там ты найдешь мое наследство. Помни хорошенько, где искать!

Раф хотел было что-то сказать, но Вильямс быстро встал со скамейки и отошел к окну.

— Слава Богу, ветер переменился! — сказал он весело. — Значит теперь долго будет хорошая погода! Пора, пора собираться в дорогу!

Они стали собираться; скоро все было уложено в две большие корзины. Охотники навьючили их на лошадь, а сами пошли рядом. Они направились к берегам верхнего Арканзаса, откуда должна была начаться охота.

С той минуты, как они вышли в путь, Вильямс повеселел. Казалось, все его мрачные мысли остались в Сент-Луи. Только изредка из его груди вырывался невольный вздох, и когда он оставался один, то долго сидел задумавшись, и глаза его наполнялись слезами. Но чем ближе делалась цель их путешествия, тем реже становились такие минуты, потому что все время охотников было занято другими заботами.

2

Через несколько дней по реке Арканзасу плыла легкая пирога. Пирогой называется индейская лодка, сделанная из бересты, длинная, узкая, чрезвычайно легкая, но прочная. В ней сидело двое: старик на корме, правивший лодкой при помощи короткого весла, и молодой человек, который сидел впереди старика и греб двумя длинными веслами.

Пирога была доверху нагружена, но благодаря ловкости молодого человека, скользила без малейшего шума по бурной реке. Пирога скользила между высокими ска-

листыми берегами, вниз по течению. Скалы то полого отклонялись в обе стороны, то стояли серыми отвесными стенами, и из-за них выглядывали широколиственные раскидистые клены, всевозможных пород орешники, суковатые дубы и толстые, могучие березы. Сучья их так нависли над рекой, и верхушки деревьев так плотно переплетались между собою, что, казалось, въезжаешь в тоннель. В этих-то темных местах реки надо было особенно ловко управлять пирогой, потому что тут попадалось много плавучего леса, сломанных ветром и вырванных с корнями деревьев, которые плыли вниз по течению, и иногда почти совершенно запруживали дорогу. Охотники ехали молча.

Но вот река сделалась шире, скалы отодвинулись дальше от берегов, стал показываться густой ивняк и целые полосы дерна. Старик с большим вниманием осматривал скалистые берега. Вдруг он кивнул головой гребцу, тот сложил весла, и лодка пошла только по течению. Старик опустил глубже весло, пирога круто повернула к левому берегу и, в два или три удара рулевого весла скользнула в маленькую, едва заметную бухту. Последняя со стороны реки была закрыта ивняком и тростником, и скалы огораживали ее со всех сторон, как крепостной стеной. В самом углублении бухты, почти закрытый ивами, виднелся вход в пещеру.

— Мы приехали! — сказал Вильямс Рафу, выскакивая на берег.

Юноша тоже прыгнул, и они вытащили пирогу на берег, за ивовые кустарники. Раф с удивлением увидел, что подле пещеры лежала совершенно новая берестовая лодка, тщательно закрытая мхом и папоротником. Ее можно было увидеть только стоя рядом с ней, потому что тростник и мох осели от времени. Раф наклонился и с восторгом рассматривал пирогу. Вильямс улыбнулся и сказал:

— Неужели же ты думаешь, что твой отец и Вильямс могли что-нибудь необдуманно и плохо делать в предприятии, которое должно принести нам несметные выгоды! Ступай за мной, — прибавил он, беря Рафа за руку, — ты увидишь, как мы все устроили!

Они вошли в пещеру. Она была неглубокая, но совершенно сухая; даже на земле не было никакой сырости. Вход, через который дневной свет проникал в пещеру, сравнительно с нею, был широк. Река не могла ее залить,

потому что спереди лежали обломки скал и защищали пещеру от половодья, как хорошая плотина. В середине был устроен очаг, по бокам — две моховые постели, а в углу, под грудой камней, хранились съестные припасы. Все было в удивительном порядке.

Охотники разгрузили старую пирогу, осмотрели капканы, расставили их и устроили свое домашнее хозяйство. Потом Раф стал готовить ужин из пеммикана. Он развел огонь, вскипятил воду и сварил сытную похлебку из мясной муки, медвежьего сала и соли. Поужинав, друзья легли отдыхать. Они положили на мох спрятанные в пещере ковры и завернулись в толстые шерстяные одеяла.

Им и раньше приходилось не только плавать по Арканзасу, но и заплывать во все реки, впадавшие в него с правой и с левой стороны. Везде они находили множество бобровых построек. Где только попадались такие постройки, они расставляли капканы и укрепляли их, а эта работа чрезвычайно утомительна. Вечерами, вытащив пирогу на берег, охотники завертывались в шерстяные одеяла, чтобы хоть сколько-нибудь защитить себя от москитов, и ложились спать подле своей пироги.

Теперь же дым очага наполнял всю пещеру и выгонял насекомых. Охотники спали крепким сном до самого утра. Ничто не тревожило их.

Солнце стояло уже высоко, когда они проснулись. После короткой молитвы, прочитанной Джеком Вильямсом, оба вскочили с постели. Раф, подражая своему покойному отцу, занялся хозяйством, собрал целую охапку хвороста, в котором не было недостатка, и приготовил завтрак.

Прежде чем ехать дальше, надо было многое привести в порядок. Об этом позаботился Джек Вильямс. Раф в это время забрасывал сети, ловил рыбу в Арканзасе и готовил кушанье. Когда все было готово, охотники осмотрели новую пирогу, заново осмолили ее, нагрузили капканами и съестными припасами и спустили на реку.

Пирога понеслась по реке. По тому, как спокойно под тенью густых лесов, росших на обоих ее берегах, паслись олени, было видно, что тут вблизи нет краснокожих, и охотники могли смело двигаться вперед. Изредка виднелись стада бизонов, которые при неожиданном появлении пироги с ревом и поднятыми вверх хвостами бросались прочь от берега.

По всем признакам было видно, что страшный враг

белых, черноногий индеец, был далеко от реки. Они вполне убедились в этом, когда увидели бесчисленное множество бобровых построек на крутых берегах Арканзаса и в устьях его притоков.

Везде они расставили и укрепили капканы и поплыли дальше.

Но вот они попали в травяные степи, так называемые прерии; тут и там попадались небольшие острова, и тут-то было особенно много бобров. Некоторые из них были так близко, что их можно было застрелить из ружья, но охотники боялись привлечь этим внимание своих врагов, да к тому же пуля могла испортить дорогой мех.

Так прошло несколько дней; капканы были расставлены, и охотники должны были вернуться, чтобы взглянуть на те из них, которые находились выше их скалистого жилища.

Назад было ехать гораздо труднее, приходилось подпираться баграми, или тянуть пирогу бичевой. Кроме того, они останавливались возле капканов, в которые уже попались бобры. Их было так много, что лодка вскоре наполнилась ими и до краев сидела в воде.

Вильямс и Раф радовались удаче тем более, что большая часть пойманных бобров были черные — самые дорогие в продаже.

Когда они вернулись к пещере, Джек Вильямс стал снимать кожи, чистить и просушивать их, а Раф поехал дальше осматривать капканы.

Это было довольно трудно. Ему приходилось бороться с сильным течением реки, которое стало еще быстрее от беспрестанных дождей. По реке плыло множество деревьев, которые сталкивались, догоняя друг друга, крутились, и нужно было ловко грести, чтобы пирогу не раздавили могучие стволы.

Раф медленно подвигался вперед, искусно управляя пирогой, и постоянно подъезжал к расставленным капканам. Бобров было так много, что Раф тут же снимал кожу с тех, которые уже давно попались в капкан и начали портиться. После трех трудовых дней Раф в пироге, доверху нагруженной бобровыми шкурами, поплыл назад.

Вильямс ужасно беспокоился о Рафе, который опоздал на один день. Вильямсу представилось, что юноша попал в руки дикарей, и он спустил уже старую пирогу

на воду, чтобы отыскивать молодого человека. Но именно в это время Раф вернулся. Вильямс обрадовался ему как ребенок.

— В последний раз отпускаю тебя одного! — сказал он. — На что мне все эти дорогие меха, когда я чуть не умер от страха, что с тобой случилось что-нибудь недоброе!

— Что ж, ведь все обошлось благополучно, — отвечал Раф, улыбаясь.

— Да, на этот раз, но кто мне поручится, что всегда так будет? Однако ты устал! Ступай, съешь чего-нибудь и отдохни!

Но об отдыхе нельзя было и думать. Надо было вычищать и просушивать бобровые меха. Окончив эту трудную работу, ловцы бобров пошли спокойно отдыхать.

Тут можно сделать маленькое отступление от нашего рассказа и сказать несколько слов об образе жизни и привычках бобров, так как редко кому удастся увидеть живого бобра, да и то только в зоологических садах, следовательно, в неволе.

Время, когда бобры водились в Европе в дикой природе, давно уже прошло. Чем гуще становилось народонаселение, чем больше выстраивалось городов на берегах рек, и чем чаще ходили по ним различные суда, тем меньше становилось на них бобров и других диких животных, которые вполне резонно боятся человека. Еще с незапамятных времен дорого ценится мягкий и пушистый бобровый мех, поэтому за бобрами постоянно охотились, и бобр так же, как и многие другие животные, стал все реже и реже встречаться у берегов Рейна и был, наконец, совершенно там истреблен. За бобрами охотились не только ради их меха, но также и ради вкусного мяса, и особенно жирного мясистого хвоста, покрытого чешуею. Кроме того, в задней части бобра находится железа с темно-желтой пахучею жидкостью, известной под названием бобровой струи, которая и до сих пор еще употребляется в медицине.

Теперь бобр почти нигде в Европе не встречается. В 1656—57 годах в Саксонском курфюрстве было застрелено 586 бобров. Это показывает, что двести лет тому назад их было очень много в Германии. Бобр изредка попадает еще в Баварии, на реках Зальце, Изере, Лехе и других, также иногда на Дунае, Эльбе, Висле и Одере. В России он встречается чаще, потому что там на-

селение реже, да к тому же и самые законы оберегают бобров от окончательного истребления. Больше всего этих зверей осталось на американских реках и потоках, несмотря на то, что за ними охотятся не только трапперы и ловцы, но и дикие индейские племена, которые также знают цену бобрового меха, мяса и бобровой струи. Так как ловцы бобров умеют их ловить, и потому налавливают их вдвое больше, чем дикари, то дикари из местности преследуют белых охотников, и многие из несчастных охотников погибают в страшнейших мучениях, какие только способны придумать индейцы. Следующие цифры покажут, как многочисленны бобры в Америке. В 1743 году из американского города Монреаля во Францию было вывезено 127 080 бобровых шкур, а в Англию — 29 750. С 1789 до 1804 года одно из обществ пушной торговли разослало 36 900 бобровых мехов. В 1820 году другое общество пушной торговли разослало 60 000 бобровых мехов, в 1835 г. в Англию прислали из Северной Америки 88 400. Большая шкура весит два фунта или больше, а каждая стоит 4 доллара. Это только цифры, которые мне удалось случайно узнать, но я уверен, что число бобровых мехов может быть вдвое больше, потому что это только те, которые вывозятся из Америки в Европу, остальные же распродают как обшивки для зимних костюмов и часть на шапки в самой Америке. Только зимний мех бобра идет в торговлю на шубы, из летнего же выделывают только так называемые касторовые шляпы. Бобровая струя употребляется в медицине как успокаивающее средство против судорог. Это жирное, желтоватое, иногда коричневатое, вещество с чрезвычайно сильным запахом.

Бобр принадлежит к млекопитающим, к классу грызунов. От конца хвоста до головы он длиною до трех футов. Один хвост длиною в фут, шириною пять дюймов и толщиной один дюйм. Он совершенно гладкий, покрыт толстой чешуей, формой напоминает весло и помогает бобру плавать. Подшерсток меха короткий и нежный, светло-серого цвета, иногда серебристо-белый, а иногда совершенно темный. Этот подшерсток закрыт сверху длинными, тонкими, блестящими волосами коричневато-желтого, коричневого и даже почти черного цвета. Больше всего ценятся черные бобры. Цвет шерсти у них на всем теле одинаковый. У бобра крутая короткая голова с короткими ушами. Только на задних лапах

между пальцами есть плавательные перепонки, на передних же их нет. Особенно замечательны его сильные зубы. Он перегрызает с невообразимой силой довольно толстые деревья, так что можно подумать, что кто-нибудь спилил их острой пилой, разгрызает на мелкие куски для устройства пола в своем жилище, или размельчает их про запас на зиму. Все это он переносит в зубах на место, и если дерево настолько тяжело, что бобр один не может его перетащить, то он созывает других бобров, и они зубами берут его с разных концов и переносят.

Бобр действительно очень умное животное, но о нем рассказывают чересчур много самых неправдоподобных сказок. Это происходит отчасти оттого, что весьма немногие наблюдали его на свободе. Вот в общих чертах то, что может сказать о нем американец, много и долго изучавший это животное. В начале августа бобр прорывает на берегу речки или озера широкий ход снизу вверх; он выбирает для этого устья рек или ручьев. Землю из этого прохода он месит в тягучую массу, прибавляет куски дерева и небольшие камни, и строит из этой массы холм в четыре, а иногда в семь футов вышиною. Он придает ему конусообразную форму, от десяти до двенадцати футов в диаметре на земле, и от восьми до девяти футов на вершине.

Бобр ставит холм на землю таким образом, чтобы даже в самую высокую воду его не могло затопить. Внутренние стенки он сглаживает и законопачивает глиной, смешанной с нагрызенной травой, так что получается теплое зимнее жилище. Пол он устилает мелко изгрызенными кусочками дерева и содержит свое жилище в необыкновенной чистоте, потому что всю грязь выбрасывает в воду.

В свой холм он прорывает один, два, а иногда три входа, в виде трубок, которые не видны снаружи, потому что оканчиваются под водой, чтобы враги не видели, когда бобр входит и выходит из своего жилища. Внутри жилище бобра походит на высокую печь, сверху скругленную сводом. Кроме комнаты, где живет все семейство бобров, есть еще комната для зимних запасов. Туда бобр складывает корни, клубни водяных растений, которых особенно много в реках и озерах Америки, и разгрызенные на мелкие кусочки ветки ив, тополей, орешника, корой которых он питается. Нередко он накапливает такие

большие запасы, которых бывает совершенно достаточно на всю зиму.

Бобр строит, поправляет и улучшает свое жилище до тех пор, пока не установится лед. Крышу он покрывает толстым слоем глины, смешанной с травой и тростником. Передними лапами скатывает он эту массу в шары, катает их вперед собою и укладывает на крышу, где они сохнут до того времени, пока на первый ряд не будет положен новый. От этого крыша бобрового жилья бывает необыкновенно крепка и плотна.

Так как вода иногда поднимается в реке настолько высоко, что заливают входы в их жилища, то бобры заранее, пока вода мелка, строят плотины для того, чтобы предохранить свои жилища от наводнения. Получается крепкая, довольно высокая стена, выгнутая полукругом против течения. С удивительным терпением и прилежанием складывают бобры эти плотины из тростника, камней, земли, ила, а также коротких деревяшек равной длины, отгрызенных их крепкими зубами. Снизу плотина расширяется, а сверху немного суживается, но верхний край ее еще так широк, что можно безопасно по нему ходить. Эти плотины иногда целыми годами противостоят напору воды, и если хотя бы часть плотины разрушит лед, то бобры тотчас же с необыкновенной быстротой исправляют ее для того, чтобы она не обвалилась. Вода должна стоять на три или на четыре фута ниже входа в жилище, потому что иначе зимой его затрет льдом. Если же вода поднимется выше, и, таким образом, зальет внутренность жилища, комнату для жилья бобров или зимних запасов, то бобр проламывает крышу и убегает. Долго под водою он не может оставаться, и должен постоянно выскакивать, чтобы дышать воздухом, также как и выдра, смертельный враг бобра; она нападает на его детенышей и разбойником врывается в его жилище. Со стороны земли бобр не делает отверстия, потому что выходит на берег только в крайнем случае; он медленно бежит и потому легко попадает своим врагам. Бобр чрезвычайно любит свое жилище, и ни за что не оставит своего холма, однажды построенного с таким трудом и искусством. Если никто его не беспокоит, и вблизи нет его самого опасного врага — человека, то он живет три, четыре года и даже больше на одном месте. Случается иногда, что он строит новое жилище совсем близко около старого и соединяет оба жилья крытым ходом. Из этого составилось

мнение, будто бобры живут по нескольку вместе и составляют целые деревни.

Когда бобр ест, то он сидит на задних лапах, как белка, а передними держит пищу; в это время хвост его ровно и гладко лежит на земле.

Рассказывают совершенный вздор, будто бы бобр хвостом сглаживает внутренние стенки своего жилья или перетаскивает на нем различные вещи с одного места на другое. Хвост помогает бобру плавать, так как у него имеются плавательные перепонки только между пальцами задних лап.

Летом бобр часто выходит на землю, чтобы грызть кору деревьев, корни растений и различные луковицы, и часто спит на земле, под кустами. Он кормится только ночью. Когда на него нападают собаки, то он садится на задние лапы, защищается своими крепкими когтями и страшно кусается. Часто случается, что бобр одним ударом зубов откусывает ногу неосторожной и слишком смелой собаке. Если же бобр не может уйти от охотника и от собак, то он садится и жалобно кричит, точно ребенок.

Самая любимая пища для него березовая и осиновая кора, но не слишком измельченная; больше всего он любит стволы молодых деревьев. Суцья двух дюймов в диаметре перегрызает он с чрезвычайной легкостью. У бобров обыкновенно бывает от двух до пяти детенышей, которые остаются в семействе до трехлетнего возраста, и тогда только разделяются на пары и строят себе отдельное жилище. Если им никто не мешает, если нет вблизи человека, а лесов кругом достаточно, то случается, что два семейства живут у одной плотны. Но это совершенная сказка, будто бобры живут очень большими колониями, и что их холмы составляют большие правильные деревни.

Также неправда и то, что если между бобрами окажется ленивый, то они будто бы выгоняют его. Рассказывают также, будто когда бобры перетаскивают деревья, то один ложится на спину, а другие между его лапами, как в сани, наваливают деревья и прутья, и тащат его или за голову или за хвост к своим жилищам.

Вообще подобных сказок об уме и искусстве бобра ходит такое множество, что остается только удивляться. Теперь, после долгих наблюдений, большей части подобных сказок уже не верят, но и правды одной достаточно для того, чтобы считать бобра одним из умнейших жи-

вотных, и нам остается только жалеть, что в Америке его чересчур уж усердно преследуют, так что скоро там он будет так же истреблен, как и в Европе.

3

Прошло несколько месяцев. Охотники плавали вверх и вниз по течению, вынимали из капканов убитых бобров и вновь расставляли капканы. Потом сдирали кожи с бобров, сушили, чистили их и складывали в правильные кучи.

Жизнь и занятия охотников были чрезвычайно однообразны, но им этого и было нужно, и они были вполне счастливы. Множество плотно сложенных бобровых мехов составляло их богатство; охотники могли до цента высчитать все, что им принесет охота.

Настало лето. Надо было позаботиться теперь о том, как бы сберечь меха от насекомых. Джек Вильямс как опытный охотник на бобров умел отлично предохранять их шкуры от порчи. Меха, которые они теперь могли добыть, были не так хороши, как зимние черные, но зато их было несравненно больше.

Все сильнее и сильнее привязывались охотники один к другому. Джек Вильямс полюбил всей душой доброго, честного Рафа, которому казалось, что он в старом друге нашел своего покойного отца. Часто говорили они о том, что они будут делать после охоты. Джек Вильямс хотел оставить бобровый лов, так как нынешний год принесет им столько выгоды, что он сможет спокойно скоротать свою старость, ни о чем не заботясь, и отдохнуть от трудовой кочевой жизни охотника.

— Да и ты тоже должен оставить опасную жизнь,— говорил он Рафу,— ты должен помогать своей матери. Места, в которых мы охотимся, так опасны! Мне кажется, мы непременно встретим краснокожих, прежде чем вернемся домой.

— Отчего вам пришло это в голову? — спросил с удивлением Раф.

— Ты знаешь, Раф,— продолжал Джек Вильямс,— что мы расставили 33 капкана на левом берегу Арканзаса. Самые дальние находятся далеко один от другого, потому что саженная трава луговых степей местами близко подходит к берегу и мешает бобровым постройкам. Дней пять тому назад я поехал осматривать их и не на-

шел трех, самых отдаленных. Заметь, что я знал места, где они стояли, так же хорошо, как свои пять пальцев. Ни один бобр или другое животное не могли ни оборвать, ни перегрызть цепей, которыми были укреплены капканы.

Я осмотрел ружье и вышел на берег. Тотчас же мне пришло в голову, что капканы унесли хитрые и кровожадные индейцы из племени черноногих. Они постоянно приходят к кургану «Черного орла».

— Что это за курган? — перебил Раф.

— Видишь ли, у краснокожих был храбрый знаменитый вождь, по прозвищу «Черный орел». Он был предком Теа-ут-вэ, нынешнего вождя племени черноногих, кочующих в необозримых луговых степях. Так вот, этот «Черный орел» в битве с толпой охотников был смертельно ранен и умер во время бегства индейцев. Индейцы похоронили его верхом на убитой лошади и над его могилой насыпали курган из земли и камней, в виде сахарной головы. С тех пор этот холм стал священным местом для дикарей. Каждый раз, когда толпы их проходят в этой стороне степей, они идут к холму и поклоняются ему. От этого кургана они всегда начинают битвы, охоты и нападения на врагов. Я вытащил пирогу на берег и пошел к месту, где были наши капканы. Подле них вся трава была измята. Я увидел следы лошадиных ног и отпечатки легких мокасинов. Очевидно, индейцы нашли один капкан, может быть оттого, что в него попался бобр, пошли по берегу, вниз по течению, нашли два других капкана, и все унесли с собою.

— А вверх по течению? — спросил Раф с волнением, перебивая рассказчика.

— Вверх по течению все капканы остались целы, и в каждом было по бобру, — отвечал Джек Вильямс.

— Значит, они еще не были там! — вскрикнул радостно Раф.

— Не радуйся так, милый мой друг, — сказал Джек Вильямс. — Я знаю этих мошенников. Они, должно быть, были на буйволовой охоте в степях и хотели напоить лошадей в Арканзасе. Нечаянно увидели наш след, так как хорошо знают манеру белых ловить бобров; они не знают сколько нас, а то бы давно уже напали. Может быть, они торопились отвезти домой свою добычу. Их самих было не больше одиннадцати, и они боялись встретиться с большим числом охотников. Они нас ненавидят, Раф, за то, что мы в их степях охотимся на пушных зве-

рей, и, без сомнения, вернуться сюда, чтобы подстеречь и убить нас. Когда они вернуться, неизвестно, но они наверное придут и найдут нашу пещеру.

— Пусть приходят,— вскрикнул Раф.— У нас с собою верные двустволки, и тут, в пещере, есть еще две в запасе — я все недавно осмотрел. Нашу крепость они ни за что не возьмут! Она неприступна!

— Да, они не могут ворваться в наше скалистое жилище, тем более, что они никогда не плавают на пирогах. Это конное племя. Черноногие индейцы ловят степных лошадей с помощью лассо и постоянно ездят верхом. Лассо — это длинный крепкий ремень с петлей на конце. Индейцы ловко бросают петлю, которая обвивает шею лошади, затягивается, и лошадь падает на землю. Даже во время галопа дикарь не промахивается. Как же могут они ворваться в нашу пещеру, замкнутую со стороны земли высокими скалами? Но наши капканы расставлены вдоль по реке, и они наверное станут нас подстергать возле них.

— Что же вы думаете сделать? — спросил Раф.

— Скорее плыть вдоль по реке и спасти капканы, находящиеся выше украденных,— сказал старик.— Но может быть уже поздно? — прибавил он задумчиво.

Тотчас же они взяли ружья, положили пороху, пуль и съестных припасов в пирогу и спустили ее на реку. Раф взял рулевое весло и стал на носу; старик сел в пирогу и между колен поставил свое ружье. Он внимательно смотрел и слушал. От него не ускользал ни малейший шорох листьев. Кругом было необыкновенно тихо. Не слышно было ни одной птицы, не видно ни одного животного.

— Гребите осторожнее,— шепнул старик Рафу.— Это коварная тишина. Не слышно нигде ни звука, кроме плеска воды.

— Да, ни один лист не шелохнется,— отвечал Раф также тихо.

— Почему же нет ни бизонов, ни оленей, которых мы видели в лесах? — продолжал чуть слышно Вильямс.— Где же они? В это время дня я их всегда видел у водопоя! Это дурной знак!

Охотники подплыли к первым за их скалистым жилищем бобровым постройкам. Старик кивнул головой.

— Они не зашли еще так далеко,— сказал старик, и все его лицо засияло радостью.— Может быть, я и ошибся. Дай-то Бог!

Пирога держалась посреди потока. В этом месте он был довольно узок, так что стрела индейца легко могла перелететь с одного берега на другой. Охотники неслышно говорили между собой. Пирога летела по волнам, как птица по воздуху. Раф так тихо опускал весло, что даже Джек Вильямс не мог этого расслышать. Все бобровые клыки были на местах, с пойманными бобрами. Это успокоило старика.

Вдруг на левом берегу с тревожным криком поднялась стая попугаев. Она перелетела со степного берега на лесистый.

— Они близко! — промолвил тихо Джек Вильямс.— Поверни пирогу и гребь против течения.

В эту минуту раздался оглушительный крик, похожий на раскаты грома, и на левом берегу показалась целая толпа индейцев. Все готовы были стрелять из своих громадных луков.

— Вот они, злодеи! — вскрикнул Вильямс, но остался вполне спокоен. На выдающейся скале показался старый вождь и знаком приказал лодке остановиться.

— Это Теа-ут-вэ! — полушепотом сказал Вильямс.— Я его видел в Сент-Луи. Нам придется сдаться.

— Знаете ли вы язык черноногих? — спросил Раф.

— Знаю настолько, что они меня поймут,— отвечал Вильямс.

Раф повернул пирогу к берегу. В воздухе просвистела стрела, и Вильямс, даже не вскрикнув, упал мертвый в реку. Стрела попала ему прямо в сердце. Раф вскрикнул от ужаса и отчаяния. Он наклонился, чтобы поддержать падающего друга; лодка перевернулась, и Раф тоже упал в воду.

В это время Теа-ут-вэ кричал и бесновался: как смел его подданный поступить так противозаконно! Как он смел умертвить врага, который готов был сдаться! Убийца Вильямса был молодой человек, колдун племени или инан. С яростью замахнулся Теа-ут-вэ своим томагавком над головой преступника и готов был размозжить ее. Только просьбы всего племени остановили его. Вождь смиловался и приказал заковать его в цепи. Приказание было тотчас же исполнено.

Раф отлично плавал и нырял, поэтому ему легко было спастись. Он хотел вернуться назад и отыскать Вильямса — он думал, что старик не убит, а только ранен. Но прежде чем он успел исполнить свое намерение

и высунул голову, чтобы подышать воздухом, он увидел трех индейцев, которые гнались за ним. Он стал защищаться прикладом ружья и ножом, но трое были сильнее одного. Индейцы схватили его, вытащили на берег, и привели к Теа-ут-вэ. Тот еще не успокоился от гнева на преступника. Он сердито и пристально взглянул на Рафа; белый не опустил глаз, не дрогнул под яростным взглядом своего врага.

Так прошло несколько минут. Выражение лица вождя смягчилось, казалось, он готов был пощадить Рафа.

— Зачем ты бежал? — спросил он на ломаном английском языке.

— Вы убили моего отца, когда он уже готов был сдаться, — отвечал Раф твердым голосом.

Дикарь с яростью взглянул на колдуна.

— Видишь, что ты наделал! — вскрикнул он по-индейски. — Этот бледнолицый смеет упрекать меня за твои дела! Ты ответишь мне за это!

С этими словами Теа-ут-вэ вошел в свой вигвам; подчиненные ему вожди пошли за ним. Никто из дикарей, окружавших Рафа, не двинулся с места. Они со зверской радостью смотрели на него, не спуская глаз. Раф мысленно молнлся и вручал свою судьбу Богу. Он знал, что малейшее выражение горя или страха на его лице дикари сочтут за слабость и будут рады его страданию. Он собрал все свои силы, поднял голову и гордо посмотрел на толпу.

Индейцы привязали его к толстому клену за руки и за ноги, так что он не мог шевельнуться. Веревки впивались в его нежное тело, ноги и руки затекли; он страдал ужасно и физически и нравственно, но ни один мускул не дрогнул на лице, которое казалось не выражало никакого чувства.

Кругом стояло тридцать или сорок вигвамов из буйволовых кож. За ними пасся табун лошадей. У всех были связаны передние ноги. Индейцы сидели вокруг Рафа на корточках так неподвижно, что казалось, были выточены из дерева. У всех были красивые, подвижные, выразительные лица. На индейцах были надеты короткие юбки из оленьей кожи, и на плечах плащи из кожи бизона. Талии стягивали кожаные пояса, на которых висели скальпы, снятые с голов убитых врагов.

Скальпом называются волосы, снятые вместе с кожей с головы убитого врага, в знак победы над ним. Скальпи-

руют индейцы небольшим ножом и скальп привешивают к поясу. Чем больше у дикаря скальпов, тем с большим уважением смотрит на него все племя.

За спиной индейцы носили колчаны со стрелами. В левой руке они держали лук, в правой — длинное копье, на верхнем конце которого висел кошелек с «зельем». Кто подумает, что в кошельке хранились лекарства от болезней, тот очень ошибется. Словом «зелье» или «снадобье» индейцы называют амулетку или таинственное волшебное средство против всевозможных неудач и несчастий.

Он носит амулетку против всевозможных несчастий, болезней и думает, что маленький раскрашенный мешочек может его от всего этого предохранить. Это его главная драгоценность. Потерять ее — значит потерять все. Если в битве отнимут у него волшебный кошелек или «снадобье», то на нем до тех пор лежит проклятие, пока он не отнимет обратно в битве у врага «снадобье», или не снимет с него скальп. Получение «зелья» считается одним из важнейших событий в жизни дикаря и происходит, когда мальчику исполняется тринадцать лет. С этого возраста он считается взрослым и должен участвовать в битвах и походах. Перед этим он уходит в пустыню, ни с кем не входит в сношения, постится и молится Великому Духу. Он просит его, чтобы тот назначил ему духа-покровителя, то есть чтобы ему приснилось какое-нибудь животное. Все равно, что бы он ни увидел во сне: змею, рыбу, птиц или какое-нибудь четвероногое, с этой минуты животное делается его духом-покровителем. Индеец гоняется за этим животным до тех пор, пока не убьет его, и идет к колдуну. Тот из кожи или из внутренностей животного сшивает ему небольшой мешочек, вкладывает туда часть животного и ярко раскрашивает его различными таинственными знаками. Мальчик прикрепляет мешок к верхнему концу копья с убеждением, что теперь с ним ничего дурного не может случиться, и что во всех битвах он будет победителем.

У всех дикарей, окруживших Рафа, были на копьях такие мешки с талисманом; у некоторых даже имелось по два. Они молча с удивлением смотрели на мужество своего пленника. Ни одним движением губ или бровей не выказал Раф ни горя о потерянном друге, ни сожаления о собственной жизни. По выражению лиц дикарей было видно, что им это нравилось.

В это время вожди вошли в вигвам и сели в круг. Теа-

ут-вэ взял трубку, вылепленную из красной глины; мундштук ее был обвит цветным шелком, золотыми шнурками и разноцветными бусами.

Все свои трубки индейцы делают из глины, добываемой в области Ориноко. Это место для них священо; если они встречаются тут со своими смертельными врагами, то обращаются с ними, как с близкими друзьями до тех пор, пока они находятся в штате Ориноко.

Это была трубка мира. Ее обыкновенно зажигают при всевозможных совещаниях и переговорах. Теа-ут-вэ закурил ее, затянулся и с важностью выпустил дым; потом передал ее своему соседу, который сделал то же. Когда трубка обошла круг, совещание открылось. Теа-ут-вэ, великий вождь племени черноногих, стал говорить:

— Бледнолицые,— начал он,— вытесняют краснокожих из обильных степей Арканзаса. Они пришли с железными руками к Арканзасу и отнимают у нас самого благородного и дорогого пушного зверя, бобра, и с ним главное средство к жизни. Краснокожий преследует белого и ведет с ним постоянную войну. Но мы не поступаем так, как Хау-ку-то. Он предательски умертвил белого, когда тот просил пощады у великого племени черноногих. Молодой белый хотел бежать, потому что увидел нашу измену. Позор нам и стыд! Вождь должен оправдываться перед белым, а не Хау-ку-то! Что же мы теперь будем делать с белым? Если мы его убьем, то покроем себя новым позором, и Великий Дух нас проклянет за это! Теа-ут-вэ говорит: он должен жить! Если он понравится одной из наших девушек, то пусть он живет в нашем племени! Теа-ут-вэ защитит его!

Вожди несколько минут молчали. Казалось они ждали, чтобы Теа-ут-вэ сказал еще что-нибудь. Потом все в один голос отвечали: пусть он живет!

— А Хау-ку-то? Что мы сделаем с ним? — спросил Теа-ут-вэ.

— Его связанного отведут в деревню! — единодушно сказали вожди.

— А бледнолицый? — спросил Теа-ут-вэ.

— Он свободен! — отвечали вожди. Но если он вздумает бежать, то мы устроим охоту за ним, и кто его догонит и убьет томагавком, тому будет принадлежать его скальп.

— Пусть будет так! — подтвердил Теа-ут-вэ.

Он встал и надел парадное платье, принадлежавшее

ему, как главному вождю черноногих. Оно состояло из узкого и длинного, до колен, камзола из тончайшей оленьей кожи. Все швы были украшены золотыми шнурками и бахромой, соединенной с волосами скальпов. У вождя их было так много, что они все не умещались на поясе. На роскошных волосах, падающих по плечам Теа-ут-вэ, была надета горностаевая белоснежная шапка. На ней высоко торчали два бизоньих рога — это был знак его храбрости. На ногах были маленькие мокассы из хорошо выделанной оленьей кожи. На длинном копье висели три мешочка со «снадобьем». В левой руке он держал трубку мира и совещаний. За поясом торчал томагавк.

Величественный и грозный вышел он из вигвама; за ним медленно и угрюмо шли другие вожди.

Лишь только Теа-ут-вэ показался из вигвама, как все дикари повскакали с мест и окружили Рафа. Ледяной холод пробежал по его телу, когда он взглянул на суровое лицо старшины. Он знал свою участь. Дикари всегда самым ужасным образом мучают своих пленных врагов. Очень редко они приводят их в свои деревни для еще более страшных пыток. Или нет, его сейчас отвяжут, дядут отбежать на сто шагов и погонятся за ним, как за диким зверем, со своими страшными томагавками. Еще никому из пленных не удавалось убежать от быстрых индейцев. Но может быть его сперва покажут девушкам племени, и если одна из них выберет его себе в мужа, то он спасен от смерти.

Так думал Раф. Он хорошо знал нравы и обычаи краснокожих по рассказам Вильямса.

Раф собрал все свои силы для того, чтобы не выказывать ни одним жестом своего внутреннего волнения. Вождь стоял прямо против него. Он начал говорить. Его звонкий горловой голос разносился над толпой. Сперва он объявил участь Хау-ку-то. Толпа заволновалась от сдержанной ярости, но ни один звук не нарушил тишины. Потом Теа-ут-вэ обратился к Рафу.

Раф гордо выпрямился и спокойно принял весть о своем помиловании. Он знал, какое впечатление это произведет на дикарей.

— Великий вождь, — сказал он твердым голосом, обращаясь к Теа-ут-вэ, — разве черноногие так плохо бегают, что привязали меня за руки и за ноги к дереву? Неужели они так плохо стреляют, что думают, что я уйду от их быстрых и легких стрел?

Раф может быть слишком смело говорил, но он слышал, что Теа-ут-вэ был за него во время совещания. Все дикари повернулись в его сторону, пронзительно вскрикнули и схватились за оружие. Глаза их засверкали дикой злобой. Теа-ут-вэ взглянул на него своим пронзительным взглядом.

— Он прав,— сказал он наконец.— Для нас позор его связывать. Развяжите его!

Приказание было исполнено. Раф не только не мог идти, но едва стоял на ногах. Кровавые рубцы на руках и ногах причиняли ему ужасные страдания.

Вождь приказал готовиться к походу. Все племя зашумело и задвигалось. Дикари побежали к лошадям, развязали им ноги, стали укладывать убитых бизонов, снимали вигвамы. Жизнь закипела. Все бегало, суетилось, торопилось. Один вождь остался на том месте, с которого объявил приговор. Изредка он пристально взглядывал на Рафа, но во взгляде не было и признака неаппетитности к белому.

— Можешь ты идти? — спросил он по-английски.

— Если надо, то я пойду и буду идти до тех пор, пока не упаду мертвый,— отвечал Раф.— Ты видишь, великий вождь, мои ноги все в ранах!

Теа-ут-вэ взглянул на его ноги и приказал привести Рафу лошадь.

Не больше, как через час, все племя беспорядочной толпой ехало вдоль Арканзаса, направляясь в бесконечные луговые степи.

4

Сперва берега Арканзаса были покрыты лесом и кустарником; но скоро перед индейцами открылась луговая степь, или прерия, похожая на бесконечное волнующееся море. Иногда попадались цепи небольших холмов и опять тянулась однообразная, унылая степь. Ни одного дерева не попадалось им навстречу, где бы можно было отдохнуть в тени. Куда ни поглядишь, везде саженная луговая трава, такая высокая, что закрывает всадника с головой.

На безоблачном голубом небе высоко стояло солнце и жгло степь своими золотыми лучами. Черноногие возвращались тем же путем, по которому пришли к бобровым капканам. Трава была измята лошадьми и казалось широкой дорогой, по которой не раз скакали стада бизо-

нов с опущенными вниз головами и поднятыми вверх хвостами им ведь негде утолить жгучую жажду, кроме Арканзаса; в прериях нет говорливых ручьев. Солнце так спалило траву, что вся степь стала похожа на богатую наливающуюся жатву.

Индейцы быстро двигались вперед, нигде не останавливаясь для отдыха. Все ехали молча; только слышался топот лошадей, да изредка их громкое ржанье, когда вдали проносился дикий табун.

Раф ехал между двумя приставленными к нему сторожами-индейцами. С грустью вспоминал он о своей милой матери, о неожиданной перемене в своей судьбе, о крушении всех надежд на счастливое возвращение домой. Он вспоминал свою трудовую жизнь с Джеком Вильямсом, который стал для него настоящим другом и заменил потерянного отца. Сердце его сжималось при мысли, что бедная его мать должна за столь короткое время перенести столько горя — потерять и мужа и сына, последнего своего помощника. На одно мгновение у него мелькнула мысль о бегстве, но сейчас же исчезла. Он взглянул на дикарей; они свирепо смотрели на него и следили за каждым его движением. Все ужасы, рассказываемые про индейцев, пришли ему на ум, и мысли о бегстве также быстро исчезли, как быстро лопается мыльный пузырь, пущенный ребенком из соломинки.

Раф с истинным героизмом сохранял полное хладнокровие, хотя его сердце обливалось кровью от горя о милом старом друге и сжималось тоской при мысли о предстоящей мучительной смерти. Но он надеялся на Бога, и вера в Него подкрепляла его душевные силы; он не переставал молиться.

Ни разу не остановились индейцы в продолжение всего жаркого дня. Они о чем-то между собой шептались, но так как Раф не знал их языка, то и не мог понять, что они говорили. Но если бы он понимал их слова, то задрожал бы от ужаса и отчаяния. Они мчались прочь от самого страшного, смертельного врага, от степного пожара.

Степной пожар обыкновенно распространяется с ужасающей быстротой. При этом поднимается сильный вихрь, который еще больше раздувает огромные пламя; даже птица иногда не может улететь от него. Чаще всего эти пожары происходят от оставленных костров, разложенных или бродящими по степи индейцами, или белолицыми

охотниками, которые бывают так же неосторожны, как и дикари. Иногда люди нарочно зажигают степь для истребления своих врагов. При известии о подобном страшном бедствии индейцы обычно спасаются на возвышенностях, которые находятся на границах прерий. Черноногие индейцы бежали от губельного пожара в надежде спасти свою добычу — бизоньи шкуры и высушенное на солнце бизонье мясо. Кроме того, черноногие в это время вели войну с южным индейским племенем команчей. Если те как-нибудь проведали, что такая большая часть черноногих уехала на охоту за бизонами, то легко могло случиться, что они напали на деревню и зажгли степную траву.

Наступал вечер. Лошади с трудом двигались вперед, но дикари решили остановиться только тогда, когда найдут хоть какую-нибудь возвышенность и реку или ключ, чтоб утолить жажду всадников и коней. Солнце последними лучами скользнуло по прерии. Вдали показались волнистые холмы. Индейцы радостно вскрикнули и стали ободрять лошадей. Казалось и сами животные как бы почувствовали близость воды, подняли головы, раздули ноздри, весело заржали и понеслись вперед. Все ближе и ближе виднелись холмы; становилось все темнее и темнее. Через несколько минут они уже были возле холмов, покрытых еще невыгоревшей зеленою травой.

Толпа индейцев остановилась. Все соскочили на землю и побежали к воде. Потом сняли вьюки, напоили лошадей и разбили палатки. Костров не разложили и вокруг лагеря поставили часовых.

Раф должен был также, как индейцы, утолять свой голод вяленным на солнце мясом, хотя оно ему было противно. От страшной усталости он заснул тяжелым и тревожным сном. Теа-ут-вэ приказал его сторожить. Но это было совершенно излишне. Раф так устал от знойного тревожного дня, что ему и в голову не приходило бежать.

С зарею все индейцы были уже на ногах. Через несколько минут поймали лошадей, навьючили их и тронулись в путь. За холмами вновь потянулась однообразная, бесконечная степь. Только на востоке виднелись контуры далеких гор. С радостью смотрели индейцы на них — там была деревня черноногих. Сердце Рафа болезненно сжималось: он знал, что там окончательно решится его судьба.

Один холм обратил на себя внимание Рафа. Это была пирамидальная горка с почти остроконечной верхушкой. Если бы дикари ехали ровно, то к полудню они были бы подле него. Но их остановило одно неожиданное происшествие. Вдруг послышался шум как бы приближающейся бури. Между тем небо было совершенно ясно, ни одного облака не видно было даже на горизонте.

Индейцы остановились. Глаза их блестели радостью. «Бизоны! Бизоны!» — вскрикнула полусшепотом вся толпа. Один Теа-ут-вэ не разделял общей радости. Казалось, его тревожили недобрые предчувствия, но, несмотря на это, он приказал готовиться к охоте. Вдали показалось целое стадо бизонов. Они мчались по густой траве с глухим мычаньем. Около десяти или двенадцати индейцев остались с вьючными лошадьми и Рафом, остальные усакакали на охоту. Лишь только Раф с дикарями сделали несколько шагов, как мимо них пронеслось громадное стадо. Бизоны неслись мимо с опущенными вниз головами и поднятыми вверх хвостами, как будто бежали от чего-то к Арканзасу. Хотя они промчались чрезвычайно близко от Рафа и его спутников, но ни один из индейцев не погнался за ними; без приказа вождя они не смели пустить стрелу. Бизоны исчезли вдали. Индейцы двинулись вперед. Часа через три охотники вернулись с богатой добычей. Теа-ут-вэ торопил индейцев.

Раф не мог понять, зачем они так спешат. Ему казалось, что вождь боится неожиданного нападения врагов. Индейцы мчались все быстрее и быстрее. Несмотря на палящий зной, они только на мгновение остановились подле источника, чтобы напоить лошадей и самим освежить пересохшее горло. Хотя вода была горькая и соленая, но за неимением лучшей и эта была хороша. Но вот они переехали опять через холмы. Потянулась степь, и только на востоке виднелись острые холмы. Вдруг поднялся жгучий ветер. Воздух наполнился мелкой пылью, и громадный табун показался вдали. Лошади индейцев подняли уши и заржали. Толпа остановилась и ждала, по крайней мере, четверть часа, пока не пронесся табун. Вслед за этим, тоже в сторону Арканзаса, с пронзительным криком пронеслась стая коршунов. Стадо оленей, птицы всевозможных пород и дикие звери неслись от какой-то общей опасности и даже не обращали никакого внимания на дикарей. Лошади индейцев тоже беспокоились, поднимались на дыбы и пугливо взглядывали в

сторону, откуда дул жгучий ветер, и быстрее мчались вперед. Ветер с каждой минутой становился сильнее. Все чаще и чаще мимо проносились стада животных, которые бежали в сторону холмов, посреди которых возвышался пирамидальный курган. Теперь Раф понял, от какой беды они бежали. Это был ужасный степной пожар; ветер дул прямо на индейцев. Раф похолодел от ужаса; смерть его будет еще мучительнее той, какую бы могли придумать кровожадные индейцы. Огонь по сухой траве непременно догонит их и сожжет всю эту мчащуюся толпу.

Все скорее и скорее мчались они вперед. Несколько вьючных лошадей попадало, но никто и не подумал поднимать их или спасти вьюки; все спасали только собственную жизнь.

Наконец они прискакали к пирамидальному кургану «Черного орла». Тотчас же всю траву вокруг него подрезали и умяли, так что на четверть часа ходьбы кругом все место сделалось похоже на утрамбованный ток. По крутому откосу привели лошадей на гладкую вершину холма, тотчас же развьючили их, вбили в середине площадки толстый столб. Индейцы привязали лошадей головами к нему так, чтобы они не видели пожара, и стояли спокойно. Кругом разбили вигвамы. О кострах и о еде никто и не думал. Все собрались вокруг колдуна; веревки с него сняли.

— Великий Дух огнем спустился на землю, — сказал торжественно Теа-ут-вэ.

Голова его склонилась на грудь, и он угрюмо задумался.

Хау-ку-то поднял руки к небу и начал произносить заклинания против огня. При этом он безобразно кривлялся, извивался всем телом и дико, пронзительно вскрикивал. Но вот вддали показалось темное облако; с каждым мгновением оно увеличивалось. Заклинание не помогало. Тогда волшебник пришел в бешенство и дико закричал:

— Убейте белого, он мешает моим заклинаниям! Убейте его скорее, тогда остановится огонь!

Дикари рассвирепели и бросились к Рафу с поднятыми томагавками. К счастью, он стоял в это время возле Теа-ут-вэ.

Вождь грозно закричал на дикарей:

— Все несчастья произошли от необдуманного, зло-

го поступка Хау-ку-то! Великий дух наказывает нас за постыдное убийство белого!

Благодаря Теа-ут-вэ жизнь Рафа, висевшая на влодке, была спасена. Вождь усмирил разъяренную толпу дикарей и уверил всех, что дух героя, на могиле которого они остановились, защитит их от смерти и других несчастий.

Все с ужасом смотрели на степь. Ветер страшно выл и стонал, как во время самой сильной бури. По степи с ужасающей быстротой несло облако, и из-за него, как молнии, выскакивали по временам огненные языки. Воздух наполнился пеплом и раскаленными искрами. Небо сделалось свинцовым, солнце казалось красным тусклым шаром. Ночь настала скорее обыкновенного и сделала еще ужаснее всю картину. Теперь вся степь была покрыта страшным пламенем, поднимавшимся вверх громадными пирамидами. Ветер со свистом и стоном переносил пламя то в ту, то в другую сторону, подобно тому, как переносится блуждающий огонек на болотах. Ветер стоил и ревел, и так крутился, что почти нельзя было стоять на холме. Он то носился по степи, где ему не было никакого удержу, и обливал всю степь багровым пламенем, то приближался страшным потоком, то крутился и завывал в бесконечной дали. Везде, куда только можно было достать глазом, горели прерии. Дым темными тучами поднимался к небу; горящая трава высоко взлетала и кружилась в воздухе. Небо становилось все ярче и грознее и, казалось, было все в огне, как и земля. В одно мгновение весь холм, там, где не была вытоптана трава, был охвачен пламенем. Жар сделался невыносимым. Индейцы упали на землю лицом вниз, потому что нельзя было больше дышать. Раскаленный воздух и пепел захватывали дыхание. Только таким образом можно было кое-как дышать. Раф сделал то же. Лошади низко опустили головы, вздрагивали от ужаса; они все покрылись белой пеной.

Все сильнее и сильнее становилась буря. Огонь то разгорался, то исчезал в облаках черного дыма. Раф ничего подобного никогда не видел. Он часто слышал о степных пожарах, но то, что он видел теперь, не было похоже ни на какие рассказы. В эти несколько дней он пережил ужасно много; сперва ему грозила смерть от томагавка, а теперь казалось, что он умрет еще более мучительной смертью. Глаза у него горели, кровь удара-

ла в темя и, казалось, хотела разорвать череп. Дыхание становилось все короче и короче, пульс едва бился; страшная жажда мучила его, горло ссыхалось, все внутри горело и сжималось от боли.

Но вот море огня отхлынуло от кургана. Дикари поднялись и смогли свободнее вздохнуть. Вдали, быстро двигаясь в сторону Арканзаса, уносилось это море огня так же быстро, как перед тем неслось к кургану «Черного орла». Буря не унималась, но ветер переменялся и дул в другую сторону. На них повеяло свежестью. Это было еще заметнее оттого, что они были все в поту от ужаса. Около Арканзаса огонь разгорелся еще сильнее и все выше поднимался к небу. Там стоял красивый лес. Наконец, и тут огонь дальше идти не мог: широкая река, так же как высокий холм, остановила его. Но вдали небо горело еще красным заревом. Пламя повернуло в другую сторону, сжигая сухую степь, пока она, наконец, не превратилась в черную пустыню.

5

После такого страшного волнения и ужаса вся толпа заснула тяжелым тревожным сном, завернувшись в шкуры бизонов. С восходом солнца все уже были на ногах и двинулись дальше.

Но что за странную картину представляла теперь вся прерия! Еще вчера она волновалась желтой травой; теперь же все было черной, мертвой пустыней, покрытой густым слоем пепла. На дороге постоянно попадались обгорелые бизоны, волки, медведи и отвратительные змеи, которые не успели уйти от страшного огня. В воздухе пахло гарью. Люди и лошади чувствовали страшное утомление и медленно продвигались вперед. Однако, несмотря на это, дикари становились все веселее. К полудню вдали показались возвышенности, покрытые зеленым лиственным лесом. Они были гораздо выше холмов, попадающихся в степи. По соображениям Рафа, они подъезжали к реке Миссури. Они пересекли угол, образуемый впадением Арканзаса в Миссури, и приближались к границам степей. С этой стороны, вдоль Миссури, тянулись живописные холмы, покрытые роскошной зеленью.

Индейцы без компаса ехали к своей деревне, которая была разбросана в небольшой долине между холмами и окружена со всех сторон лесом. К вечеру индейцы были

уже у возвышенностей. Они остановились возле источника. Теа-ут-вэ собрал всех вождей на совещание. Он заметил, как были недовольны дикари наказанием заклинателя, и как неохотно исполняли его приказания, относившиеся к Рафу. Вождь спросил, не довольно ли наказан заклинатель. Все подтвердили, что совершенно достаточно. Тотчас же развязали и сняли веревки с Хауку-то — их снимали с него только во время заклинания на кургане «Черного орла». Это произвело чрезвычайно хорошее впечатление на толпу. Индейцы веселее и бодрее прежнего поднялись на холмы, среди которых стояла их деревня. Стемнело, вдали показались мерцающие огни, вырывающиеся из открытых вигвамов. Индейцы радостно вскрикнули. Из деревни отвечали дружным криком. В темноте показались колыхающиеся факелы. С песнями, плясками и радостными криками навстречу шла толпа индейцев. Тут были мужья, жены, дети. Все они с радостью встречали своих родных. Они знали о степном пожаре, и с ужасом думали, что все воины погибли.

Радость была дикая, необузданная. Но среди радостных криков слышались непримиримая вражда. Многие из женщин, особенно старых, со зверским выражением лица смотрели на белого. Ежели бы Теа-ут-вэ не взял под свое покровительство Рафа, то его бы тут же разорвали на части. Но вождь решил взять его к себе в вигвам, и сказал ему это по-английски. Раф был тронут великодушием вождя; он уже несколько раз был обязан ему своей жизнью и поклялся ему оставаться с племенем. Они вошли в вигвам.

В толпе, которая встречала индейцев, была одна удивительно красивая молодая девушка. Даже Раф обратил на нее внимание. Она подбежала к Теа-ут-вэ, сказала ему несколько слов и тотчас же скрылась в толпе.

Теперь, когда Раф и Теа-ут-вэ вошли в вигвам, та же самая девушка бросилась навстречу вождю; он крепко прижал ее к своей груди.

— Посмотри, Эймоа,— сказал он,— этот белый — мой пленник. Он страдает от ран — перевяжи ему их.

Хорошенькая дикарка взглянула своими большими красивыми глазами на Рафа. Она знаками показала, чтобы он сел на землю и осмотрела раны на руках и на ногах. Это причинило ему ужасные страдания, но он с удивительным мужеством переносил нестерпимую боль.

Он сам промывал себе раны во время остановок в степных источниках, но в последний день они воспалились сильнее.

Молодая Эймоа тотчас же принесла глиняную чашку с водой и хотела обмыть раны. Раф не позволил ей этого. Эймоа с удивлением взглянула на него. Он обратился к ее отцу и просил передать ей, что это не в обычаях белых, он сделает это сам, потому что у них это считается неприличным. Вождь перевел это своей дочерю. Она засмеялась и вышла из хижины. Раф промыл свои раны. Эймоа вернулась в вигвам с какими-то листьями. Она наклонилась к молодому человеку, положила листья на раны и обернула ему ноги и руки тонкой оленьей шкурой. Листья уняли жгучую боль, и Раф от души благодарил молодую девушку. Она не понимала слов, но поняла выражение глаз и лица.

Потом дикарка подошла к огню, нарезала кусочками бизоньего мяса и изжарила их на огне. Раф с удовольствием поел жареной говядины: все последние дни ему приходилось есть жесткое и черствое сушеное мясо. Потом Эймоа принесла различных ягод и плодов и ушла в свой вигвам, который стоял рядом с вигвамом ее отца. Раф и Теа-ут-вэ легли отдыхать на шкуры бизонов, которые еще раньше принесла Эймоа и положила одну на другую.

На другой день раны уже не были так ужасны. Они больше не горели, и вид их был гораздо лучше. Эймоа вновь перевязала их, и Раф опять благодарил ее от всего сердца. Потом он стал помогать ей в хозяйстве, разложил костер и убрал вигвам. Молодая девушка ласково смеялась, но часто с сожалением и участием смотрела на него. Раф видел, что ей жаль, что он должен погибнуть, как погибают все пленные у индейцев.

Он взял маленькую руку молодой девушки и крепко сжал ее. Она не отнимала руки и только с еще большим состраданием взглянула в его глаза.

Еще рано утром Теа-ут-вэ ушел в том же костюме, в котором он вышел из вигвама совещаний на Арканзасе. Также и теперь в левой руке он держал трубку мира, а в правой — длинное копьё.

Это совещание должно было решить участь Рафа. Все индейцы отличаются необыкновенной скрытностью. Высказать свои настоящие чувства считается у них слабостью, и они кажутся совершенно холодными и апатич-

нами, тогда как находятся в самом ужасном волнении. Эта особенность характера была и для Теа-ут-вэ. Но, несмотря на это Раф из его поступков мог заключить, что он относится к нему благосклоннее других дикарей. Спас ему жизнь тогда, когда он попал в руки дикарей, он заболелся о Рафе во время длинного перехода через степи, дал ему лошадь, а теперь взял его даже в свой вигвам и дал ему полную свободу. Раф надеялся, что Теа-ут-вэ, и в этот раз заступится за него.

Вот что привязывало вождя к Рафу. У Теа-ут-вэ был сын. Он любил его больше всего на свете. Своею храбростью на войне, ловкостью и силой на охоте за бизонами тот молодой человек отличался от других дикарей и обещал сделаться таким же знаменитым, как «Черный Орел». Тогда Эймоа была еще ребенком; мать умерла при ее рождении и Теа-ут-вэ не взял себе другой жены. Сестра вождя занялась воспитанием маленькой девочки, которая во всем была похожа на свою мать. Но его сын был убит в одной из кровавых битв с команчами. Это так поразило Теа-ут-вэ, что он долго горевал и сделался суровым и угрюмым. Его только и оживляла мысль о кровавой мести за своего любимого сына.

Сердце его сжалось, когда он увидел на Арканзасе Рафа. Белолицый напомнил ему убитого сына. Он был его роста, в глазах было то же выражение мужества, ума и твердости души, которыми отличался его сын. Это сходство спасло Рафа.

Теа-ут-вэ внимательно наблюдал за Рафом, но так, что тот этого не мог заметить. Он думал, что Джек Вильямс его отец; от него не ускользнула печаль Рафа об убитом, и он видел, с каким мужеством он скрывал это от всех. Это нравилось старику. Он находил что-то родственное себе в этом белом, и в его лице, и в его характере. С первой же минуты он решился его спасти, чего бы то ему ни стоило, и для этого пустил в ход все свое влияние.

Раф еще спал, когда вождь подошел к его постели, и долго с участием смотрел на него. Старые, наболевшие раны сердца снова раскрылись, когда он смотрел на крепкого красивого юношу, на его доброе и мужественное лицо.

Тихо вошла Эймоа и вывела отца из задумчивости. Она с любовью взглянула на старика; его лицо тотчас же сделалось строгим и сдержанным, как всегда.

— Не напоминает ли тебе этот белый моего милого сына? — спросил он, и отвернулся в другую сторону, чтобы скрыть свое волнение.

Эймоа положила руку на его плечо и сказала ласковым голосом:

— Неужели он должен умереть?

Вождь молчал. Ему сделалось еще тяжелее, потому что он видел, что и его дочери нравился юноша.

— Как бы мне хотелось спасти его, — сказал он вполголоса.

Голова Эймоа опустилась на грудь. Она тоже стояла молча. Долго смотрели они с любовью на спящего юношу. Его бледные щеки разгорелись. Одна мысль пришла на ум обоим; их глаза светились ярче, грудь высоко поднималась. Но что волновало обоих, того не высказал ни один из них.

Раф скоро проснулся. Он хотел быстро вскочить, но чуть не упал от боли. Вождь поддержал его. Ни одного стога не вырвалось из груди Рафа. Потом Теа-ут-вэ оделся в нарядный костюм, сказал, чтобы Раф не выходил из вигвама, и ушел. Он отправился на совет самых старых вождей племени.

Трубка мира обошла круг, и Теа-ут-вэ открыл совет. Он рассказал об охоте на бизонов и о том, что индейцы взяли в плен «белолицего». При этом зашла речь также и о Хау-ку-то. Все в один голос обвинили его в убийстве белого, в то время когда тот хотел добровольно сдаться.

Долго говорили о том, что делать с белым. Многие хотели, чтобы на него была устроена охота. Теа-ут-вэ, доказав, что это будет для них позором, тем более, что из белого пленника может выйти хороший черноногий. Это мнение поддержали другие вожди, которые были на совещании у реки Арканзаса. Один из них сказал:

— Покажем его нашим девушкам, когда его раны заживут. Если какая-нибудь выберет его себе в мужья, то пусть он живет между нами, если же нет, то пусть умрет!

Этим решением одного из известных, храбрых воинов окончилось совещание. Теа-ут-вэ был в восторге, но ни один мускул на его лице не дрогнул от радости, наполнявшей его душу. Он пожелал оставить белого до выздоровления в своем вигваме. Все единодушно согласились на это, и совет кончился.

В вигваме Теа-ут-вэ жизнь потекла мирно и спокойно. Раф не смел выходить из него, но он и не жаловался на

мо; раны его еще не зажили и причиняли ему ужасную боль при малейшем движении. Кроме того, ему нравилось постоянно быть с Эймоа. Дикарка привязалась к нему, она так горячо и с такой любовью ухаживала за ним, что он невольно ее полюбил. Когда он оставался один, то все прошлое представлялось ему с удивительной ясностью, и различные мысли теснились в его голове. Но что с ним будет потом? О бегстве и думать было нечего, да оно бы только ускорило его смерть. Куда и как бежать? Степь была вся сожжена, от дорог не осталось ни единого знака, а компаса не было, чтобы можно было бы узнать, где находится Арканзас. В сторону Миссури страна была гориста и покрыта лесами. В них постоянно охотились дикари — это ему сказал Теа-ут-вэ. Сама река была гораздо дальше, нежели он думал. Но если бы он даже добрался до Миссури, то в какой стороне жилища белых? А там, далеко на родине, горюет о нем милая мать! Такие мысли приходили ему на ум, и тяжело становилось у него на душе. Эймоа садилась возле него, с любовью смотрела ему в глаза, ласкала, как маленького ребенка, утешала его, приносила вкусные лакомства. Иногда ей удавалось развеселить его, и тогда она приходила в полный восторг. Особенно старалась она выучить Рафа по-индейски. В несколько дней он мог называть все вещи в вигваме. Эймоа прыгала, танцевала и хлопала в ладоши, как веселое шаловливое дитя, и с новой охотой принялась учить белого. Он в свою очередь учил ее говорить по-английски.

Вождь видел отношения молодых людей и с радостью думал о том, как бы хорошо было навсегда оставить белого в семействе.

Между тем над головой Рафа собралась грозная туча.

Хау-ку-то нравилась Эймоа, но она не видела этого злого, мстительного дикаря. Он проведал, что Раф и Эймоа полюбили друг друга, и злоба против них становилась все сильнее и сильнее. Он всеми силами старался восстановить против пленника все племя, и приписывал белолицему все несчастья.

— Вы не принесли его в жертву Великому Духу,— говорил он,— так вот теперь и кайтесь! Великий Дух отнимет у черноногих свое покровительство, свою помощь в нашей войне против команчей, и мы не сможем теперь отомстить нашим злым врагам за скальпы, снятые с наших братьев! Великий Дух посылает на нас всевозмож-

ные несчастья! Он показал команчам, где мы охотились, и помог им зажечь луговые степи!

Мстить своим врагам черноногие не могли, потому что Хау-ку-то предсказывал всевозможные несчастья, истребление всего племени. К тому же нельзя было незаметно подкрасться к врагам по траве, которая еще не успела вырасти после пожара.

Теа-ут-вэ должен был отложить поход против команчей, но он видел, что с минуты на минуту гроза могла разразиться над головой его любимца, и его необходимо было присоединить к племени. Прошло несколько недель с возвращения индейцев в деревню. Ноги и руки Рафа окрепли и совершенно выздоровели. Силы и здоровье вернулись вполне. Пришел, наконец, решительный день. Стояло чудное, светлое утро. В центре деревни, на площадке, собрались все индейцы. Они стояли большим кругом. На всех лицах выражались ненависть и злоба против белого. С одной стороны стояли мужчины, с другой женщины, в середине — девушки. Между ними скромно и застенчиво стояла Эймоа, любимица всего племени. Все молча ждали вождей, которые должны были привести Рафа из вигвама Теа-ут-вэ. Вот они медленно вышли оттуда. Между ними шел Раф со связанными руками. Он был бледнее обыкновенного, но гордо и высоко поднимал голову. В глазах нельзя было прочесть, что делалось в его душе, но сердце его болезненно сжималось.

Его поставили в середину, лицом к девушкам. Он взглянул на Эймоа, и их глаза встретились. Надежда на спасение блеснула в его душе.

Он знал, для чего его привели сюда.

Теа-ут-вэ подошел к нему, положил на его голову свою руку и начал говорить. Невольная дрожь пробежала по его телу, и он стал молиться и просить Бога о помиловании.

Долго говорил вождь и наконец замолк. Глухой ропот пробежал по толпе.

— Совет решил, — громко воскликнул Теа-ут-вэ, — показать его девушкам племени! Если какая-нибудь из них захочет сделать его женой, то пусть выйдет из толпы и развяжет веревки!

Вышла красавица Эймоа. Опустив глаза в землю, она застенчиво пошла к Рафу. Чем ближе подходила она, тем увереннее и смелее она становилась. Она взглянула с любовью на белого и быстро и ловко развязала ему связанные назад руки.

Девушки и женщины вскрикнули от удивления. Дикки уग्रюмо молчали, а Хау-ку-то с усилием сдерживал свой гнев.

Теа-ут-вэ положил руку своей милой дочери в руку Рафа и объявил, что с этой минуты они становятся мужем и женою.

Один из вождей подал Рафу лук и стрелы.

— Убивай диких зверей и врагов нашего племени! — сказал он.

Другой вручил ему копье.

— Отними у врага кошелек с «зельем».

Третий привесил к поясу ножик для скальпирования и сказал:

— Укрась свой пояс скальпами врагов!

Таким образом Раф сделался членом племени. Девушки окружили его с Эймоа и с танцами проводили нобрачных до их вигвама.

6

Степь опять покрылась высокой травой. Эта трава была еще сочнее и лучше прежней, и стада бизонов, табуны диких лошадей и других животных сбегались отовсюду.

Индейцы назначили охоту, прежде чем идти войною на команчей. По обыкновению, колдуна спросили об охоте, и Хау-ку-то предсказал, что несчастья и неудачу будут преследовать черноногих, потому что вместе с ними идет белый. Теа-ут-вэ должен был употреблять все свое влияние на индейцев для того, чтобы уговорить их взять с собою Рафа.

До этого времени Раф каждый день учился бросать лассо, стрелять из лука. Теа-ут-вэ дал ему свою лучшую лошадь, так что теперь Раф принадлежал к племени и должен был принимать участие в войне и в охоте. Хау-ку-то старался очернить его и всеми средствами расстроить его семейное счастье.

Но вот пришел день охоты. Эймоа, прощаясь, пришла к плечу Рафа и просила его беречь себя. Он приласкал ее, успокоил и отправился в дорогу, сопровождаемый ее благословениями.

Караван потянулся к кургану «Черного орла» и оттуда к местам, где охотился Раф с Джеком Вильямсом. Как забилося сердце Рафа, когда он увидел знакомые леса по берегам Арканзаса! Печальные воспоминания взволновали его душу. Он вспомнил свою бедную, горящую мать.

— О, если б я мог привести к тебе милую Эймоа как дочь! — вздыхал он, но лицо его оставалось совершенно спокойно, потому что индейцы не переставали следить за всеми его движениями.

В степях они встретили громадный табун диких лошадей. Он несся к Арканзасу.

— Раф, поймай себе вьючную лошадь! — сказал Теа-ут-вэ.

Раф помчался к табуну. Несколько минут он скакал рядом, выбрал себе лучшее животное и набросил на него лассо. Петля обвилась вокруг шеи, и лошадь упала на землю. Индейцы одобрительно вскрикнули. Он соскочил, подбежал к пойманной лошади, надел на нее лассо как узду, продел концы веревки ей в рот и вскочил на нее верхом. Испуганное животное понеслось к табуну. Оно становилось на дыбы, брыкалось и всеми силами старалось сбить ездока. Раф крепко обхватил ее ногами. Он несся долго вместе с диким табуну, потом сжал лошадь изо всех сил коленями, всадил ей в бок правую шпору, повернул и быстрее стрелы примчался назад к индейцам. Лошадь была вся в пене, ее ноздри широко раздувались.

Индейцы приветствовали Рафа громкими криками.

Эта первая удача высоко поставила Рафа в глазах всех индейцев, и в первый раз на лице Теа-ут-вэ он заметил одобрительную улыбку. Для него это было дороже всех похвал от прочих индейцев.

Раф выучился у индейцев усмирять лошадей, так что когда толпа двинулась вперед на охоту, то у него уже было четыре превосходных вьючных лошади.

Долго кружили индейцы по степи, пока не нашли, наконец, стада бизонов. Эта охота была довольно опасна. Дикари убивали бизонов стрелами, копьями или набрасывали им на рога лассо и валили на землю для того, чтобы легче было убивать их.

Раф стал веселее и смелее после того, как ему удалось поймать лошадей. Он быстро и ловко нападал на диких бизонов. Двух убил стрелами, одному с такой силой вонзил копьё в затылок, что тотчас же повалился мертвый на землю. Только один бизон, пойманный на лассо, чуть не убил его рогами. Теа-ут-вэ вовремя поспел к нему на помощь.

Это была одна из самых удачных охот для индейцев; все удивлялись ловкости и искусству Рафа.

На следующий день бизонов притащили к вигвамам, которые стояли возле источника, у подножия холмов. Тут, возвращаясь с Арканзаса, индейцы пойли своих лошадей. С бизонов сняли кожу, чистили и сушили ее и резали мясо тонкими ломтями. Мясом занялись несколько женщин, которые пошли вслед за охотниками. Окончив работу, индейцы отправились дальше. В следующие дни охота была также удачна, как и в первый. Раф выказал удивительную ловкость. Было убито столько бизонов, что лошади насилу двигались под своей ношей. Охотники отправились назад.

Хау-ку-то приходил в бешенство, потому что со всех сторон слышал похвалы Рафу. Все его предсказания о неудачной охоте не сбывались. Ему перестали верить и уважать его, как колдуна.

Эймоа была счастлива, что Раф благополучно вернулся и прославился своей ловкостью и силой, и гордилась им. Она подбежала к Рафу, развьючила лошадей и радовалась богатой добыче, которую он привез с собою.

Рафу предстояло перенести еще одно испытание. Черноногие получили известие, что их злейшие враги, команчи, пришли громадным войском в прерию на охоту за бизонами. Черноногие решили отомстить им за прошлое, отыскать их и всех перебить.

Такие походы требовали особенной таинственности. И теперь спросили Хау-ку-то о походе, но его предсказания не взволновали, как прежде, индейцев; им почти не верили. Все сильнее и сильнее ненавидел колдун Рафа и только ждал удобного случая, чтобы его погубить.

Поход начался различными суеверными обрядами, которые должны были склонить победу на сторону черноногих.

Эймоа боялась за Рафа, но она была дикарка и желала от всей души, чтобы он вернулся с талисманом на копье и скальпом на поясе. Индейцы подробно узнали, где охотятся команчи, и ночью вышли из деревни. Без шума подвигались они к тому месту, где надеялись найти своих врагов. После бесчисленных поворотов в разные стороны, дошли они до лагеря команчей, но не напали на них. Они ждали темной ночи, для того, чтобы перебить их всех в вигвамах.

Со страшным криком бросились они тогда на врагов. Команчи ничего и не подозревали. Они спокойно спали в вигвамах после удачной охоты, Они вскочили и стали

защищаться, но напрасно. Черноногих было больше, и все команчи погибли.

Рафу пришлось биться с их вождем. Страшным ударом томагавка он рассек ему голову, и несмотря на свое отвращение, снял скальп с его головы. Это он сделал для того, чтобы привлечь индейцев на свою сторону и доставить удовольствие Эймоа. Он снял мешочки с «зельем» с копья вождя и прикрепил их к своему копыю.

Победители захватили огромную добычу. Тут было бесчисленное множество съестных припасов, убитых бизонов, лошадей, оружия и скальпов. Индейцы торжествовали, но одно обстоятельство опечалили всех: Теа-ут-вэ был ранен в бок стрелой.

Вся деревня с криками радости приветствовала победителей, а больше всех радовалась Эймоа за своего мужа. Но горе взяло ее, когда она увидела раненого отца — его несли на наскоро сделанных носилках.

Все, что только могла и знала Эймоа, все сделала для больного отца, но ничто не помогало, ни ее забота, ни всевозможные заклинания. Со дня на день Теа-ут-вэ становился слабее, несмотря на то, что рана заживала. Хау-ку-то торжествовал: «Вот о каких несчастьях я предсказывал! — говорил он. — А все оттого, что между черноногими остался белый! И несчастье будет преследовать все наше племя до тех пор, пока он будет между нами». Это очень печалило старого вождя. Он чувствовал приближение своей смерти и боялся за будущность своей милой дочери и Рафа.

Среди вождей племени у него было два друга. Им он поручил защищать Рафа, когда сам умрет, и они поклялись исполнить его волю. Это его немного успокоило. Несколько месяцев ему становилось все хуже и хуже. К весне он умер.

Он был славный, хороший вождь, прославившийся бесчисленными военными подвигами, поэтому его хоронили торжественно. Лошадь, на которой он ехал в последней битве, убили, и к ней привязали его тело. В землю вбили колья, к ним привязали лошадь с человеком так, что он казался живым всадником. Все это делалось с различными обрядами, песнями, плясками в честь погибшего героя. Принесли камни, обложили ими его со всех сторон и насыпали над ним громадный курган, такой же как над «Черным орлом». На гладкой верхушке кургана вожди говорили надгробные речи, и все племя стояло кругом.

Больше всех горевала и плакала о своем отце бедная Эймоа. Раф уже хорошо знал язык черноногих и старался утешить ее словами из Евангелия, ведь о христианском учении он не раз уже толковал ей. С напряженным вниманием и волнением слушала она Евангелие и снытые слова глубоко проникали в душу Эймоа.

Сердце Рафа сжималось при мысли о будущем, потому что ему все опаснее становилось оставаться в племени. Вожди старались защищать его от толпы, но влияние колдуна было слишком сильно и все краснокожие, сколько их было, были за одно с Хау-ку-то.

Один Теа-ут-вэ стоял выше своего племени по понятиям. Он своим светлым умом видел всю ложь предсказаний и неосновательность их. Это знал Хау-ку-то и ненавидел его за это от всей души, так же, как и Рафа. Злой колдун обрадовался смерти вождя и теперь постоянно только и думал о том, как бы погубить Рафа и Эймоа.

Случай скоро представился. В продолжение нескольких месяцев не упало ни одной капли дождя. Солнце жгло твердую, сухую землю. Все овощи так высохли, что рассыпались в сухой порошок, степная трава также сгорела. Ключи стали пересыхать, плоды сделались так жестки и горьки, что их нельзя было есть. Племени угрожал голод, потому что бизоны и другие животные ушли в сторону степей, где не было засухи.

Народ стал требовать, чтобы колдун просил Великого Духа напоить жаждущую землю и послал бы им дождевые тучи, которых так давно не было видно на небе. Если что не поможет, то всему племени придется идти в горы, которые тянулись вдоль берега Миссиру, и там основать новую деревню. Но эта была нелегкая вещь, потому что там жили племена, с которыми им пришлось бы воевать. Кроме того, им пришлось бы навсегда проститься со страной охоты, потому что нигде не бывало так много бизонов, диких лошадей и оленей, как тут.

Хау-ку-то воспользовался этим. Он еще настойчивее стал твердить, что всему виною белый. Сперва никто не слушал его, но он не унывал. Чаше и чаще повторял он все то же, а с ним и другие колдуны.

В то время, когда Раф с Эймоа горевали об Теа-ут-вэ, против них составил заговор.

Над курганом Теа-ут-вэ должно было быть произнесено последнее заклинание. Все племя собралось к нему. Колдуны стали на верхушку холма и принялись творить

заклинания. Рафа и Эймоа не было, потому что они оба понимали всю пустоту заклинаний и презирали их. Именно этим воспользовался Хау-ку-то. Он сказал, что Раф отнимает всю силу заклинаний, и что он единственная причина того, что дождь не падает на пересохшую землю. Все прочие колдуны подтвердили его слова, и своим красноречием убедили все племя в том, что все несчастья произошли от белого.

— Если вы оставите жизнь белому,— вскрикнул Хау-ку-то с яростью,— то над нами разразится еще большее горе. Великий Дух сердится на нас! Он отнял у нас великого Теа-ут-вэ! Он посылает нам засуху и голод! Он требует жертвы! Только смерть Рафа прекратит наши несчастья!

— Пусть он умрет! — вскрикнуло все племя в один голос.

С криком, похожим на громовые раскаты, побежали индейцы к деревне. Вожди остановили их. Они хотели еще спасти Рафа.

— Устроим на него охоту,— сказали они,— по обычаю нашего народа. Мы всегда так делаем, когда враг попадает живым в наши руки!

— Охота! Охота! — заревела с яростью толпа.— Пусть он бежит до тех пор, пока не упадет под ударами томагавков!

Эта охота состояла в том, что человека раздевали донага и вымазывали ему все тело салом, так что его нельзя было схватить руками. Все молодые индейцы становились в линию, и ему позволялось отбежать на сто шагов. Один из вождей ударял три раза в ладоши, и начиналась погоня за несчастным. Кто догонял его и убивал, тот брал себе его скальп и носил на поясе, как от убитого на войне врага.

С радостными криками вернулись индейцы к вигвамам, надели самое легкое платье для бега, заткнули за пояса томагавки и с разъяренными криками пошли к вигвамам Рафа. Хау-ку-то с торжеством шел впереди.

Раф побледнел, когда услышал страшный шум. Эймоа с рыданием упала на его грудь — она знала, что и ее судьба решается в эту минуту. О бегстве теперь и думать было нечего. Раф стал на колени и долго молился за Эймоа и за себя.

Но вот с неистовым ревом подошла вся толпа к вигваму Рафа. Эймоа вырвалась из его объятий, выбежала

нон и хотела молить о пощаде разъяренную толпу, но она увидела тотчас же, что на спасение нет никакой надежды, и без чувств упала на землю. За нею вышел Раф, наклонился и поцеловал ее в бледные губы.

— Благодарю тебя, Господи, что ты окончил ее страдания! — сказал он и отдался в руки разъяренным индейцам.

Индейцы вывели его за деревню, сорвали с него всю одежду, кроме мокасин, колдуны намазали все его тело салом. Они отвели его на сто шагов вперед перед построившимися в отряды индейцами и сказали ему, что удары в ладоши означают начало бега.

— О Боже, помоги мне! — вздохнул Раф.

Вождь подал знак, и молодые воины с пронзительными криками бросились за Рафом. Но они не рассчитали его сил.

Джек Вильямс недаром говорил, что Раф бежит так, как летит стрела из натянутого лука, и хотя это было немножко преувеличенное сравнение, но показывало, как быстро и долго он мог бежать. Теперь, когда от этого зависела его жизнь, он напрягал все свои силы. Дикари предельно погони нарочно назначили широкий ров, в уверенности, что Раф не перепрыгнет через него, и поэтому скоро попадет в их руки. Черноногие ездили всегда верхом и были известны как конное племя, они редко бежали, и от непривычки скоро уставали. Для них бежать было гораздо труднее, чем для Рафа.

Как только был подан знак, Раф легче стрелы понесся вперед, перепрыгнул ров и с удивительной легкостью избежал на плоскую возвышенность гористой равнины, которая шла к реке Миссури. Несколько разъяренных индейцев упали в ров и должны были отказаться от дальнейшего преследования. Хау-ку-то с несколькими молодыми индейцами перепрыгнул ров, так же легко взбежал на плоскогорье, как и Раф, и не отставал от него.

Раф боялся оглянуться, чтобы не попасть в их руки, и только слышал, как они бежали за ним. С новой силой бросился он вперед, пока, наконец, сзади не затихло их прерывистое дыхание.

Тогда он побежал тише, но вот опять за спиной послышалось торопливое дыхание преследователей, и он снова побежал быстрее.

Индейцы начали охоту в то время, когда солнце уже стало садиться; они думали очень скоро догнать свою

жертву. Солнце все ниже и ниже спускалось к горизонту бесконечных степей. С гор повеяло свежестью, и Раф жадно вдохнул в себя воздух. Он давно уже не слышал за собою никакого шума, но и дальше бежать он уже не мог. Кровь била ему в голову так сильно, что у него потемнело в глазах, а дыхание сделалось быстрым и коротким.

Он взглянул назад. Только один индеец гнался еще за ним — это был Хау-ку-то, да и тот едва передвигал ноги. Но лишь только он увидел, что Раф остановился, то сделал последнее усилие, и с яростью бросился вперед. Однако он не заметил дерева, которое лежало на дороге, зацепился за него и грузно упал на землю. Ошеломленный падением, он лежал так несколько минут. Томагавк его отлетел далеко в сторону.

Раф подбежал, схватил томагавк и рассек череп тому, кто так жаждал его крови. Все это произошло в несколько мгновений.

Раф оглянулся вокруг. Других индейцев нигде не было видно. Он быстро снял одежду с Хау-ку-то и надел ее на себя. Ему это было необходимо, ночь становилась все сырее и холоднее, и горный ветер пронизывал его с головы до ног. Раф взял себе фляжку с водой с пояса колдуна, так же как и грозный томагавк. Он знал, что когда найдут убитого Хау-ку-то, то индейцы погонятся за ним на лошадях.

Но продолжать бег у Рафа уже не было сил. Томагавком и ножом колдуна он срезал себе палку и пошел дальше, опираясь на нее. Настала темная ночь. Вблизи виднелась опушка леса. Он собрал свои последние силы и перешел через высокую сухую траву, которая отделяла его от леса. Там, под развесистым кленом, он расчистил себе место, лег и заснул мертвым сном.

Оставим отдыхать несчастного и посмотрим, что в это время делалось с Эймоа, которая, казалось, умерла. Но это только казалось.

Женщинам племени стало жаль Эймоа, хотя и они со злобой смотрели на белого. Когда индейцы побежали в погоню за Рафом, то многие из женщин последовали за ними, чтобы видеть конец охоты за несчастным. Другие окружили Эймоа и старались привести ее в чувство. Все их усилия оставались безуспешными, и они одна за другой ушли из вигвама, в котором еще так недавно было полное семейное счастье. Только одна осталась подле, это была самая нежная подруга детства красавицы Эймоа.

Она до тех пор обливала водой и растирала бедную женщину, пока к той не вернулось сознание. Была уже глубокая ночь. В деревню один за другим вернулись индейцы, и принесли известие, что Раф убежал от них. Только один Хау-ку-то его преследует, но и тот, должно быть, скоро вернется.

Эймоа открыла глаза и безумно взглянула на молодую девушку, которая сидела подле нее.

— Где Раф? — вдруг вскрикнула она, как бы опомнившись. — Убили его?

— Нет, он спасся! — отвечала девушка.

— Он спасся! — вскрикнула радостно Эймоа, встала на колени и поблагодарила Бога за спасение Рафа теми же словами, которыми он учил ее молиться.

— Откуда ты это узнала? — спросила она потом девушку. Дикарка рассказала все, что слышала в деревне и объяснила, в какую сторону убежал Раф.

Для Эймоа жизнь без Рафа не имела никакой цены, и она была готова следовать за ним в могилу. Как только ушла от нее верная подруга, она несколько минут сидела в задумчивости. Потом быстро собрала платье Рафа, его лук и стрелы, взяла съестные припасы, и связала все это вместе. Двумя ремнями прикрепила свою ношу к спине, и как легкий олень, за которым гонится охотник, побежала из вигвама, никем не замеченная.

Индейцы по малейшим оттискам мокасинов узнают, кто пробежал, друг или враг, у них чрезвычайно тонко обоняние, слух и зрение. Они видят то, что мы не можем заметить, и слышат такие звуки, к которым не чувствителен наш слух. На это и надеялась Эймоа, стремясь отыскать своего мужа. Это было ей тем легче, что она знала, в какую сторону он побежал. Скоро она оказалась на широкой равнине. Взошел месяц и осветил окрестности. Эймоа наклонилась к земле, покрытой росой, и стала рассматривать следы Рафа и вернувшейся назад погони.

Но вот следы индейцев исчезли, только один еще оставался. Эймоа видела, как глубоко были вдавлены следы в землю, из чего она заключила, что индеец, которым не мог быть никто другой, как кровожадный Хау-ку-то, с трудом следовал за Рафом. Но вот и его следы вдруг исчезли. Сердце Эймоа сжалось, и она остановилась. Следы Рафа шли назад, навстречу ей. Что бы это значило?

Месяц зашел за облака, которые нагнал ночной ветер на небо, и она стояла в темноте, не зная куда идти. Но

это продолжалось недолго. Месяц снова осветил землю, и Эймоа пошла назад по следам Рафа. Вдруг она с ужасом вскрикнула. Перед нею лежал труп с разрубленным черепом!

С замирающим сердцем взглянула она на убитого. Он был краснокожий, значит, не Раф. Она пересилила свое отвращение, взглянула и увидела страшное и злое лицо Хау-ку-то. Все ей вдруг стало ясно. Раф убил Хау-ку-то его же томагавком, а потом надел его одежду. Она упала на колени и с жаром благодарила Бога за спасение Рафа от злого врага. С новой надеждой поднялась она с земли и стала с усиленным вниманием всматриваться в следы Рафа. Теперь она не могла их потерять, потому что здесь он опирался на свою палку, и ступал гораздо тяжелее.

Дальше она не в силах была идти и должна была сесть на землю. От волнения, от напряженного внимания она так устала, что не могла двигаться вперед. Но долго отдыхать было нельзя, она знала, так же, как и Раф, что когда индейцы найдут труп Хау-ку-то, то с новыми силами будут преследовать их обоих. А скоро начинало рассветать.

Она без затруднения шла теперь по следам Рафа. Когда она нашла место, где Раф вытоптал траву, то она чуть не вскрикнула от радости.

Через несколько минут она стояла уже на коленях возле него и молилась, и слезы радости текли по ее щекам. Долго стояла она так, и смотрела, как он спал. Видно было, что он и во сне убегает от индейцев, его грудь быстро поднималась и опускалась, и часто вырывались болезненные стоны. Потом он дышал легче, свободнее, и по бледным губам скользила улыбка. Она тихо наклонилась над ним, и слеза упала на его щеку. Он проснулся, взглянул на нее и рукою стал искать томагавк.

— Раф! — тихо шепнула женщина, — твоя Эймоа пошла искать тебя и нашла!

Томагавк выпал из его рук, он обнял Эймоа и крепко прижал ее к своей груди. Эймоа напомнила ему, что им надо скорее бежать отсюда.

Раф быстро встал. Оба молча утолили голод провизией, которую принесла с собой Эймоа. От счастья и радости забыли они всю усталость и бодро пошли вперед.

Они тотчас же сообразили, в какую сторону надо было идти.

По рассказам Джека Вильямса, прямо перед ними должна была находиться река Миссури. Если они доберутся до реки, то они спасены. Там, в поселениях белых, Раф рассчитывал найти себе работу, и, понемногу подвигаясь вперед, добраться, наконец, до родины. Теперь же им надо было как можно дальше уйти от области, населенной черноногими.

Долго они шли. Настала ночь. Они остановились в долине, под нависшей скалой. Там разложили огонь, и он всеело засверкал в ночной темноте. Это было тем более необходимо, что Раф нашел следы ягуара, который, как видно, жил в этой долине. Как только они пришли, то сейчас же искупались в ручье, протекавшем по долине, и усердно помолвившись, заснули крепким сном. Несмотря на беспокойство Эймоа, ночь прошла благополучно. Утром они увидели следы лап ягуара, который близко подходил к ним, но как видно испугался огня, который как бы стеною защитил их от страшного зверя.

Они были правы, что черноногие будут их преследовать. Когда, на следующее утро, индейцы собрались у вигвама старшины, то между ними не было Хау-ку-то. Все это тотчас же заметили.

— Искать нам его? — спросила толпа.

— Он был самый яростный преследователь белого. Он, должно быть, догнал Рафа, снял с него скальп, и вернется сегодня, — отвечали колдуны. — Несчастье не коснется его! Он любимец Великого Духа, а фляжка с водою предохраняет его от жажды!

Эти слова успокоили всех. Но прошел день, прошла ночь, а Хау-ку-то не возвращался. Колдуны стали беспокоиться. Толпа индейцев отправилась его искать к вечеру его тело было найдено.

Индейцы долго совещались, что делать, и наконец решили отнести тело в деревню. Солнце взошло, когда они вернулись в деревню с мертвецом. Там уже знали о бегстве Эймоа. Но прежде чем скакать на лошадях в погоню за беглецами, решено было с почестями похоронить Хау-ку-то. Этого требовали прочие колдуны. Они говорили, что Раф не уйдет от быстрых лошадей, тем более, что он устал и его ноги болят от усиленного бега. Основываясь на этом, они только на третье утро погнались за ним. Но Эймоа и Раф так быстро шли, что расстояние в эти два дня было пройдено ими громадное, и индейцы вернулись с пустыми руками.

Когда на четвертый день Раф увидел, что и признака погони за ним нет, то с радостью благодарил Бога за спасение. Они теперь могли спокойно останавливаться и отдыхать, а им это так было нужно. С новыми силами пошли они к Миссури. Но река была совсем не так близко, как думал Раф. Прежде, чем они спустились в долину, по которой протекала река, они несколько дней шли холмами, покрытыми густым лесом. Наконец они дошли до мирной фермы земледельца, который их с радостью принял к себе. Раф описал ему свои приключения. Несколько недель пробыли они у гостеприимного фермера и помогали ему в полевой работе. Когда они отправились через Сент-Луи в хижину бедной матери Рафа, то фермер дал им денег на дорогу и снабдил их письмами к своим друзьям, которые могли бы им помочь.

7

Сердце сжималось тоской у бедной матери Рафа, когда она провожала сына в прерии, тем более, что после смерти Тома Редстона, ее мужа, Раф остался ее единственным утешением. С самыми горячими благословениями проводила она его, и от души за него молилась. Она утешала себя мыслью, что ее милый сын не один, а с Вильямсом, она знала, что тот любит Рафа как своего собственного сына. По рассказам мужа знала она обо всех опасностях охоты в прериях. Прошел тревожный год, а они не возвращались к пушной ярмарке. Каково же было ее отчаяние!

Она обрабатывала поля, ходила за коровой. Соседи помогали ей и утешали, но истинное утешение она находила только в молитве. Чем ближе подходило время пушной ярмарки, тем радостнее становилось у нее на душе. Она надеялась, что ее сын вернется, женится, оставит опасную жизнь и сделается мирным фермером. Вокруг фермы было много еще необработанных мест, на которых стояли громадные деревья. Ферма прилегала к земле, принадлежавшей Конгрессу. Эта земля составляла запасный земельный фонд государства и очень дешево тогда продавалась. Старушка мечтала, что Раф вернется с богатой добычей, купит себе земли и займется сельским хозяйством, которое еще тем выгодно, что отсюда недалеко от Сент-Луи.

Такими надеждами жила бедная вдова Бетси. А в это

время Джек Вильямс был уже убит колдуном Хау-ку-то и зарыт волнами Арканзаса в речной песок, а ее милый сын попался в руки черноногих.

Меховая ярмарка приближалась, а ловцы бобров не возвращались. Ярмарка пришла и прошла, но от них не было никаких вестей. Сердце матери разрывалось на части. Все ужасы, про которые она только знала, приходили ей на ум. Она теперь была уверена, что у нее отнято ее последнее утешение. Она день и ночь оплакивала гибель своего сына. Весь мир сделался для нее пустыней, и единственное утешение находила она в молитве. Соседи удивлялись ее тихому горю, они часто приходили к ней, и говорили с нею о загробной жизни. Если кто-нибудь говорил ей в утешение, что ее сын, может быть, вернется, то она недоверчиво качала головой и говорила: «Нет, они оба там, на небе — мой Том отозвал к себе милого сына, которого он так любил». Соседи замолкали и переставали ее утешать надеждой на возвращение сына. Когда же прошла вторая пушная ярмарка, а вестей от Рафа все не было, то и последний луч надежды угас.

Прошло два года. Никаких перемен в хозяйстве Бетси не произошло, кроме того, что она взяла жить к себе старушку-родственницу. Все-таки она не оставалась одна, а в случае болезни или смерти было кому закрыть ей глаза.

Однажды вечером, устав от работы, она легла отдыхать раньше обыкновенного. Старушка Марта, так звали родственницу, еще не ложилась и занималась хозяйством. Вдруг старая дворовая собака заворчала, и бросилась к задней двери. Она стала рычать, царапать ее лапами и громко лаять. Но это не был сердитый лай, когда, случилось, к ферме подходил кто-нибудь чужой или дикий зверь. Так собака рычала и лаяла обыкновенно в то время, когда Раф или Том возвращались издалека. Сердце Бетси тревожно забилося, она не могла больше оставаться в постели, встала, оделась и позвала Марту.

— Я не понимаю, что делается с собакой, — сказала Марта. — С тех пор, как я здесь, она никогда так не лаяла.

Бетси так взволновалась, что долго не могла выговорить ни слова.

— Впусти ее в комнату, Марта, — сказала она наконец.

Старушка отворила дверь, взглянула на двор; там никого не было,

— Собака убежала в поле!.. Зачем же ты встала? — с удивлением сказала Марта.

— Ах,— отвечала вдова,— я чувствую такое беспокойство, что не могу лежать. Собака всегда так лаяла, когда Том или Раф возвращались домой.

Марта молча принялась за оставленную работу, а Бетси опустилась в широкое кресло около камина.

— Слышишь? — вдруг вскрикнула Марта.— Собака вернулась! Как она весело визжит и лает! Она как будто привела кого-то сюда.

— О, Боже, Боже! — вскрикнула Бетси,— что это такое? Возьми свечку, Марта, посмотри, кто там!

Марта побледнела.

— Бетси, не сердись на меня, я боюсь идти к двери! — сказала та дрожащим от страха голосом.

— Я пойду вместе с тобою,— сказала вдова, с трудом поднимаясь с кресла. Она подошла к дверям. Марта боязливо шла впереди. Кто-то постучал в дверь. Собака радостно визжала. Марта отворила дверь, и от ужаса свеча чуть не выпала из ее рук.

— Индейцы! — вскрикнула она.

У Бетси подкосились ноги. Она наслушалась постоянных рассказов о грабежах и разорениях индейцами селений бедных землепашцев, и ей показалось, что и до ее хижины добрались кровожадные дикари.

В это время в дверях показалось двое индейцев, мужчина и женщина. Молодой индеец протянул к ней руку и ласково смотрел на нее. Бетси показалось странным, что лицо у него не такое темное, как она видела у других индейцев: Она взглянула ему в лицо и бросилась к нему на шею:

— Мой милый сын! Мой Раф! — вскрикнула она. Долго она не могла выговорить ни слова и только горячо целовала своего сына. Рядом с ним стояла красивая дикарка.

По ее темным щекам катились слезы, и она должна была опереться на открытую дверь, чтобы не упасть. Марта так дрожала, что свечка чуть не выпала из ее рук.

Говорят, будто от радости умирают, но если это и случается, то очень редко.

Долго, долго обнимали друг друга мать и сын, долго смотрели они друг на друга, как будто хотели убедиться, что в самом деле они оба живы. Потом Бетси взяла за руку своего сына и хотела повести его в комнату, но Раф наклонился к ней и тихо сказал:

— Нет, матушка, я не могу один войти в родную

женщину. Тут, со мною, часть моей души, моя Эймоа! Она спасла жизнь твоему сыну! Она подарила мне свою любовь и связала навсегда свою жизнь с моею. Она моя жена перед Господом Богом. Молю тебя, матушка, прими ее как родную дочь! Она одна на всем свете заслуживает того, чтобы ты назвала ее своею дочерью!

— Где она? Где? — вскрикнула Бетси.

Раф взял за руку Эймоа и подвел ее к матери. Эймоа стала перед нею на колени и склонила голову перед митерью своего мужа.

Мать положила обе руки на голову Эймоа, взглянула ридостно на небо и торжественно сказала:

— Благослови ее, Господи, самыми лучшими благами жизни за то, что она спасла жизнь моего сына! Я буду любить и беречь ее, как свое собственное дитя! Благодаря Тебя, Боже, что Ты отдал мне сегодня двух детей!

Все были взволнованы и несколько минут молчали.

— Приди, дитя мое, ко мне! — сказала, наконец, счастливая мать.— Дай, я прижму тебя к своему сердцу!

С этими словами она подняла рыдающую Эймоа, прижала ее к своей груди и крепко поцеловала.

Эймоа положила свою голову на плечо матери. Через несколько минут она бросилась на шею Рафа.

— О, как счастлива теперь сирота Эймоа, она чувствует теперь, что значит нежное материнское сердце!

Лучи радости и счастья ярко засверкали в бедной ферме, в которой так много было пережито горьких дней.

Бетси несколько раз брала в руки голову Эймоа и с митеринскою любовью смотрела ей в лицо. Она находила, что у нее цвет кожи не такой темный, как у других индейцев, а выражение очень доброе и милое. Она часто ласкала и целовала молодую женщину и делала этим Эймоа еще счастливее. За эти два года молодая женщина настолько выучилась у Рафа по-английски, что могла уже довольно хорошо говорить на этом языке.

Разошлись в этот вечер поздно и легли спать.

На другое утро, когда Марта пошла в кухню, то нашла уже там красавицу Эймоа. Огонь уже пылал на очаге; вдвоем с Мартой, которой очень понравилась Эймоа, готовили они простой завтрак.

Раф, между тем, сидел у постели матери, которая от радости лишилась сил, и рассказывал ей все случившееся с ним в эти два года.

Рассказ был прерван вошедшей Эймоа, которая про-

бралась в комнату легкими неслышными шагами. Она принесла завтрак, поставила все на стол, подбежала к кровати и стала целовать руки матери.

— Доброе утро, милая, добрая матушка! — сказала Эймоа. Мать с восторгом взглянула на красивую дикарку и прижала ее к своему счастливому материнскому сердцу.

С какой искренностью и с каким жаром молился в это утро Раф в своем отцовском доме и благодарил Бога от всей души! Долго молился он, и вся последующая жизнь его была тихой благодарностью Богу за дарованную ему жизнь.

Эймоа стала учиться закону Божию у одного священника. Слова святого Евангелия глубоко запали ей в душу, и вскоре после своего возвращения на родину Рафа она приняла крещение и взяла себе имя Мария, а священник благословил их брачный союз. Со слезами радости на глазах Мария бросилась на шею Рафу:

— Только теперь я твоя, и ты вполне мой! — вскрикнула она радостно.

Чем больше узнавала Бетси Марию, тем больше привязывалась к ней и любила ее. На свете, кажется, не было более нежного и любящего существа, чем Мария.

Счастливый Раф часто называл ее Эймоа, но она каждый раз с любовью глядела на него и просила называть ее Марией.

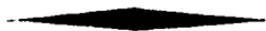
Ясная, тихая жизнь потекла на небольшой ферме. Мать и Марта жили вполне счастливо. Раф вспомнил завещание своего старого друга Джека Вильямса и пошел к тому месту, которое он указывал. Там нашел он вдвое больше денег, чем ожидал. Старик, ловец бобров, надеялся на старости жить вместе со своим другом Томом и собрал столько, что мог поделиться с ним своим богатством.

На полученное богатое наследство Раф купил себе участок земли из «земельного запаса», как в Америке называют земли, принадлежащие государству. Каждый год он вырубал часть леса и обрабатывал под поля и луга, а часть оставлял, чтобы в нем было можно охотиться, когда вздумается.

Часто в счастливом семейном кругу вспоминали они о прошедших днях, при этом никогда не забывали благодарить Бога за то, что Он дал им столько счастья и радости. Мария всегда с глубоким вздохом прибавляла:

— Бог вывел меня из тьмы и привел к свету!

Тропа войны

Роман

ИЗ СОБРАНИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА»

Иллюстрации П. Алякринского

Глава 1

ПОГРАНИЧНЫЙ ПОСТ

Мы стоим в мексиканской «пуэблите» *, на берегу реки Браво-дель-Норте, то есть в обыкновенной «ранчери» **. Единственные каменные постройки здесь — старая церковь в смешанном ромаио-мавританском стиле, с широким пестрым куполом, а также дома священника и алькада ***. Эти строения с трех сторон окаймляют довольно просторную квадратную деревенскую площадь. С четвертой стороны теснятся лавчонки и домишки убогого люда, сложенные из грубых, необожженных кирпичей, которые здесь называются «адабе» ****; некоторые лачуги обмазаны известью, другие пестро размалеваны, как театральные кулисы, но большинство заскорузлые, побуревшие от ветхости. У всех массивные двери, напоминающие тюрьму, и незастекленные окна без рам. Решетки служат оградой от воров, но ветру и непогоде доступ в дома открыт.

От площади расходятся узкие пропыленные переулочки. Кирпичные домики по ним разбросаны все реже и реже и, наконец, на окраине селения уступают место более хрупким, но зато и более живописным постройкам:

* *Пуэбло* (по-испански *rueblo*) — местечко, деревенская община. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

** *Ранчериа* — деревня, от слова «ранчо», *гапсчó* — отдельный дом, крестьянская усадьба.

*** *Алькад* — от арабского *alkadi* — судья. Алькадам подсудны мелкие гражданские дела; они же ведут следствие по уголовным.

**** *Адабе*, или *туба* — необожженный кирпич, высушенный на солнце.

коническим хижинам из срубленных стволов юкки*, ветви которой служат стропилами, а сплетенные листья — кровлей.

В этих «ранчито» живут бедные «пеоны»** и помки коренной расы.

У каменных строений, так же как и у кирпичных, плоские крыши с черепичным парапетом, на который можно опереться локтями.

Эта плоская крыша, так называемая «азотея», характерна для домашней мексиканской архитектуры.

По вечерам азотея — очень приятное место. Если хозяин дома любитель цветов — крыша эта превращается в цветочный сад со всеми чудесами мексиканской флоры.

Крыша-терраса дарит мексиканцам неисчерпаемые радости; здесь непринужденно болтают, наблюдая за всем, происходящим на улице.

Легкая балюстрада укрывает вас от прохожих; здесь, вверху — неподвижность и созерцание, а внизу сует озабоченный будничным люд.

Я стою на такой азотее. Она венчает дом алькада. Так как он самый высокий в ранчерии, другие крыши сбегают ступенями вниз.

Но кругозор мой простирается еще дальше, и я люблю окрестность.

Взор покоится на пышном ковре тропической зелени.

Деревню окружают поля, разбитые на обработанные участки. Шелковистые волокна манса, колеблемые ветром, составляют приятный контраст с темной зеленью индейского перца, бобов и агав.

Впрочем, поля резко ограничены колючими зарослями, буйным растительным хаосом, подступающим так близко, что я различаю среди кактусов, акаций и мимоз породы пальм и бромелий со странными пурпурными листьями, пылающими на расстоянии, как карбункулы.

* Юкка — древовидное засухоустойчивое растение из семейства лилейных, близкое к африканскому алоэ. У юкки невысокий толстый ствол, толстые, мясистые длинные листья, по форме напоминающие яшнур. Строение листьев приспособлено для сохранения влаги и малого испарения на случай засухи. Юкка встречается исключительно в Америке, преимущественно в Мексике.

** Пеоны — по-испански — пастухи и проводники. В Мексике был распространен обычай «пеонажа» — полурабства за неуплату долгов. Пеонами назывались сельские рабочие, задолжавшие землевладельцу и обрабатывающие свой долг.

Близость зарослей к маленькой пуэблите объясняется тем, что жители ее не земледельцы, а «вакеры», то есть пастухи.

На всех лугах и прогалинах пасутся дикие табуны и рогатый скот. Здесь встречаются испанские быки, низкорослые андалузские лошадки с острыми трубочками ушей, берберийские кони.

Жители пуэблиты предоставляют стадам пастись и жиреть на свободе. Они ведь не фермеры, а если и обрабатывают небольшие клочки земли, то лишь для того, чтобы добыть маис на лепешки, острый «чиле» к ним на приправу и черную фасоль.

Эти продукты и мясо полудиких быков с необъятных пастбищ кормят почти всю Мексику.

Что же касается напитков, то жители центральных плоскогорий предпочитают сок, добываемый из сердцевины агавы, а на менее высоких плато освежаются пальмовым вином.

На расстоянии мили к западу мерцает полоска воды.

Это — рукав реки, искрящийся на вечернем солнце. Он образует излучину, и белые стены гациенды* венчают приветливый холм, омываемый Рио-Браво.

Хотя гациенда — здание одноэтажное, но внушительные размеры и стиль архитектуры указывают на то, что в ней живет гидальго-землевладелец.

Крыша плоская, с резной балюстрадой; однообразие фасада нарушено орнаментальными башенками по углам и большим подъездом; одна из задних башенок выше: это колоколенка капеллы.

В этих местах капеллы можно встретить довольно часто.

Блеск зарешеченных окон оживляет постройку.

Но еще больше жизни придает ей яркая зелень: на азотее колышатся легкие кроны привозных пальм.

Я отмечаю это не из педантизма, а потому, что выбор растений для крыши определяет вкусы хозяев.

Только женщина могла так искусно подобрать декоративные растения.

Грудь сжимается предчувствием. Хочется подняться на холм, посетить гациенду. Я пристально гляжу на белые стены...

Звук военного рожка.

* В просторечьи *гациендой* называется поместье и усадьба при нем,

Это — сигнал кавалеристам к вечерней чистке коней. От ослепительной гацценды я перевожу взгляд на площадь пуэблиты.

Глава 2

ЗАВОЕВАТЕЛИ

Посреди площади — высокий колодец. Огромное колесо, круглый деревянный сруб и большие кожаные ведра у каменного желоба придают ему восточный характер. Точно таким колесом пользуются в Персии.

Робко озираясь по сторонам, проходят «поблано» — обитатели скромных домишек; они в просторных «кальцонеро»*, кутаются в темные «серапе»** и носят широконолые черные шляпы.

Поблано жмутся к стенам, избегая центра площади; они боязливо, но с ненавистью косятся на колодец.

Я слежу за одним из них...

Чья-то невидимая рука распахнула массивную дверь; поблано исчез...

Спустя мгновение я вижу его мрачное лицо, прильнувшее к решетке.

В отдалении — кучка людей того же разбора, в кальцонеро, полосатых плащах и шляпах из вошеной холстины.

Все они чем-то подавлены. Вопреки обыкновению не жестикулируют и говорят вполголоса.

Женщин почти не видно, только немногие сидят у колодца на площади. Это торговки — чистокровные индианки. Товары их разложены тут же на цыновках из пальмовых листьев, такие же плетеные навесы защищают торговок от солнца. На них — платья из крашеной шерсти, головы обнажены, а жесткие черные волосы, заплетенные красными лентами, придают им сходство с европейскими цыганками.

Они беззаботны, как настоящие гитаны, смеются, болтают и весь день скалят белые зубы, навязывая прохожим свои фрукты и овощи.

Их мелодические голоса ласкают слух.

* *Кальцонеро* — широкие панталоны.

** *Серапе* — плащи.

Вот девушка. Легкой походкой проходит она к колодцу с кувшином на голове.

Эта поблана — быть может, одна из деревенских красавиц — в яркой короткой юбке и рубашечке-безрукавке, обута в сатиновые туфли. На голову она накинула серо-голубой «ребозо»*, ниспадающий на грудь и плечи.

Девушки менее озабочены, чем мужчины; они даже улыбаются и отвечают довольно смело на грубые шутки, которыми их приветствуют чужеземные солдаты, толпящиеся у колодца.

Мексиканки отнюдь не застенчивы, но иностранцы внушают ужас коренным жителям.

Они — господа положения.

По самоуверенности и наглому тону в них сразу можно признать завоевателей.

Трудно встретить такой пестрый отряд. Если б не карабины, палаши и револьверы, было бы невозможно уловить малейшую общность между восемью десятками солдат.

Они одеты самым причудливым образом: кто в грубом мундирном сукне, кто в фуфайках, кто — в полосатых пледах, кто в куртках из лосиной кожи...

Шапки на них — меховые, на некоторых даже бобровые; кой у кого мягкие фетровые или кожаные шляпы. Все бряцают стальными шпорами с уцелевшим или стертým накладным серебром. У одних шпоры на ремешках, у других привинчены к каблукам, некоторые — легкие, с маленькими звездочками, другие — тяжелые, так называемые мексиканские, чуть не в полфунта весом, глубоко вонзающиеся в лошадиные бока.

Не будучи мексиканцами, эти люди облачены в бота и кальционеро, носят манти и серапе.

Большинство солдат крепыши, уроженцы маисовых плантаций Кентукки и Теннесси и тучных равнин Огайо, Индианы и Иллинойса. Это — скваттеры и лесные охотники, фермеры западных склонов Аллеганских гор, лодочники с Миссисипи, пионеры Арканзаса и Миссури, трапперы** прерий, бродяги из страны великих озер, французские креолы из Луизианы, техасские авантюристы и горожане из западных штатов.

* *Шарф-ребозо* — неотъемлемая принадлежность одежды мексиканки.

** *Трапперами* называются в Северной Америке охотники за пушниной.

Белокурые и голубоглазые выходцы из Германии, полнокровные англичане и медлительно-важные шотландцы рядом с подвижными и шумными сынами Ирландии...

Вот сухой и поджарый француз, смешливый и остроумный собеседник; вот широкоплечий швед с фельдфебельской выправкой; а вот польский эмигрант с длинными холеными усами, сосредоточенный и молчаливый...

Какой любопытный для наблюдателя подбор людей! Это эскадрон «рейнджеров» — «гверильясов» * американской армии.

Я — их капитан.

Несмотря на непритязательную внешность моих воюющих, я смею утверждать, что вся Америка и европейский континент не выставят отряда, способного при одинаковой численности потягаться с моим в силе, храбрости и военном искусстве.

Многие из моих подчиненных закалились в пограничных стычках с индейцами или мексиканцами, прошли прекрасную военную школу, остальные берут с них пример.

Под моим началом служит несколько «бывших» людей с подмоченной репутацией. Одни выброшены силой обстоятельств из «цивилизованного» общества, другие, быть может, объявлены вне закона; негодный материал для колонизации, но для войны подходящий.

Запущенные бороды и взлохмаченные волосы этих пропыленных, неумытых людей в широкополых шляпах и фантастических куртках, опоясанных ремнями и увешанных кинжалами, пистолетами и патронами, производит жуткое впечатление...

Однако нельзя судить по внешности.

Только немногих я решаюсь назвать авантюристами, для которых война — развлечение и грабеж. В большинстве мои люди — недурные ребята, способные на благородный порыв.

Некоторые из них — сторонники Соединенных Штатов, других вдохновляет жажда мести. Это главным образом техасцы, потерявшие близких в борьбе с Мексикой.

* *Гверильясы* — мексиканские партизаны, сыгравшие большую роль в борьбе за освобождение Мексики от испанского владычества (1813—1821 гг.), неизменно выступавшие во всех последующих внешних и междоусобных войнах как национальная оборона.

В их памяти еще свежо вероломное убийство Голиада, они еще помнят бойню в Аламо.

Я один, пожалуй, не сумею сказать, что привело меня в эту странную компанию. Личный мотив, с натяжкой, найдется, но незначительный и ничего общего с мстью не имеющий.

Жажда приключений и перемены мест, быть может, тайное честолюбие и вкус к власти — вот единственные оправдания моему участию в походе.

Я — бродяга без друзей и без родины, ибо страна моя с некоторых пор утратила самостоятельность.

Лично меня, повторяю, политические события не затронули, и я ввязался в борьбу без всякой корысти.

Лошади рейнджеров привязаны в церковном саду — к деревьям и решеткам ризницы. Кони, подобно всадникам, набраны отовсюду, разных мастей и кровей, и отличаются породой и сбруей.

Вот крепыш-жеребец из Кентукки или Теннесси, вот легкий луизианский иноходец, вот «дубль-понни», вот берберийский конь и его потомок — мустанг, всего несколько недель назад свободно резвившийся в прериях...

Кого только нет в нашем отряде: вплоть до мулов двух разновидностей: большого и тощего северо-американского мула и его менее крупного, но более подвижного мексиканского родича.

Черный скакун с тонкой шеей принадлежит мне. Лошадь моя стоит у колодца посреди площади. Я с нежностью гляжу на ее крутые бока.

Как гордо она вытягивает свою лебединую шею, с какой комической яростью фыркает, точно чувствуя, что я люблюсь ею!

Час с лишком мы стоим в ранчерии, куда до нас не проникала ни одна американская часть, хотя нижнее течение Рио-Браво уже несколько месяцев как вовлечено в сферу военных действий.

Нас выслали на разведку, приказав, не подвергаясь большому риску, как можно глубже врезаться в тыл неприятеля. Цель нашего похода — не столько предотвращение каких-либо неожиданностей со стороны мексиканцев, сколько защита самих мексиканцев от команчей — наших общих врагов.

After D. S. ...

Судя по последним донесениям, эти индейцы вступили на «тропу войны» и выставили настоящую армию.

Говорят, что они опустошают всю местность, орошаемую верхним течением Рио-Гранде-дель-Норте, и что в захваченном ими городке они перебили всех мужчин, убили детей и женщин и вывезли все ценное.

Мы здесь находимся для покорения мексиканцев, но по иронии судьбы обязаны их защищать, завоеывая их страну...

Глава 3

ПЛЕННИК

Мои размышления о своеобразном характере похода были внезапно прерваны стуком копыт. Топот слышался за пределами ранчери: это был кавалерийский галоп.

Перебежав на другую сторону азотеи, я нагнулся над балюстрадой в надежде заметить торопливого всадника. На дороге клубилась пыль, и вскоре показался ездок.

Это был еще молодой человек, безусый и безбородый, с замечательно правильными чертами лица, покрытого смугло-коричневым загаром.

Он был в малиновом плаще, ниспадающем на круп лошади, и в легком «сомбреро», с золотыми галунами.

Под ним горячился хорошо взнузданный низкорослый мустанг, пятнистый, как ягуар,— настоящий андалузец.

Всадник ехал крупной рысью, пренебрегая неровностями почвы. Случайно он вскинул глаза на азотею, на которой я стоял. Очевидно, блестящий офицерский мундир привлек его внимание.

Почти молниеносно и как бы бессознательно он осадил мустанга, взметнувшего хвостом дорожную пыль.

В это мгновение рейнджер, стоявший на посту на границе ранчери, выскочил из-за прикрытия и приказал всаднику остановиться, но тот, не обратив внимания на окрик, дернул поводья, повернул мустанга волчком, прищипорил и пустился вскачь.

На этот раз всадник уклонился от дороги почти под прямым углом.

Вдогонку ему должна была просвистеть пуля, и всадник или конь были бы ею подкошены, если бы я не крикнул часовому:

-- Не стрелять!

Мне почему-то пришло в голову, что незнакомец — слишком крупная и породистая дичь, чтобы прикончить его шальной пулей; малиновый ездок достоин был погони или облавы.

Мою нерасседланную лошадь прогуливали на площадке.

Утренняя разведка сильно ее разгорячила, и конюху-истру было приказано остудить коня, прежде чем вести его на водопой.

Минуя лестницу, я спрыгнул с крыши невысокого одноэтажного здания на мостовую.

Конюх понял без слов и подвел жеребца.

Я вскочил в стремя. Несколько рейнджеров вызвались мне сопутствовать. По звучному топоту я мог заключить, что за мной скачет человек шесть.

Но в помощниках я не нуждался. Состязание с юным всадником увлекало меня.

К тому же выигрыш времени был важнее численного перевеса; если пятнистый мустанг проявит такую же выносливость, как резвость, спутники все равно отстанут.

Ни одна лошадь в отряде не могла сравниться с моим скакуном, но, увидев аллюр мустанга, я сразу почувал серьезного соперника.

Минуты через две мелькнули последние хижинки ранчерии, и я поскакал полями, преследуя всадника в малиновом плаще.

Оставив позади ранчерию, он летел во весь опор.

Ареной погони было поле. Мой сравнительно грузный жеребец увязал в рыхлой земле, тогда как мустанг отталкивался от нее, как заяц; он уходил от меня, и я уже начинал отчаиваться, когда внезапно заметил, что перед мустангом выросла преграда из шеренгами расположенных растений с плотной листвой. То были агавы.

На первый взгляд преграда казалась неодолимой. Мексиканец хотел было ее объехать, но вовремя сообразил, что я могу кинуться наперерез. Тогда, рванув поводья, он пришпорил коня и быстро скрылся в зарослях.

Доскакав на взмыленной лошади до места исчезновения незнакомца, я услышал хруст листьев под копытами удалявшегося мустанга.

Размышлять было некогда: или туда, за ним, или отклянуться от погони. Преграда меня не смущала: на карте стояла моя честь, а жеребец храпел и рвался вперед.

Припав к седлу, я нырнул в заросли и прорвался через них, отделавшись царапинами.

Но дальше шел участок, засаженный фасолью, и я снова отстал, увязая в рыхлом грунте.

Впереди блестела вода: это была «цеклия» — оросительная канава, широкая, как крепостной ров. Препятствие не менее серьезное, чем агавы.

«Здесь всадник задержится, — подумал я. — Он возьмет вправо или влево, и тогда»...

Но внезапный вольт всадника обманул мои ожидания: вместо того, чтоб свернуть, мексиканец пустил коня прямо на «цеквию», и благородный скакун одним прыжком перемахнул через ров.

Я не мог уделить и секунды на восхищение этим подвигом; надо было повторить его самому, и я поскакал к широкой канаве. Жеребец не нуждался ни в хлысте, ни в шпорах; он видел соперника, перелетающего через ров, и знал, чего я требую. Такой же прыжок — и мы одолели цеквию. Затем мой скакун, точно решившись одним порывом завершить погоню, бросился за мексиканцем, вытянув голову и раскинув ноги — для галопа без поводьев.

Здесь начиналась обширная «саванна». Копыта отбивали гулкую дробь.

Мы шли по скаковой дорожке, и я поставил себе целью нагнать мустанга на равнине — до первой помехи.

По саванне паслись табуны мустангов и стада быков, лошади трясли головами и разбегались, быки вскакивали, прерывая жвачку.

Чтобы не сломать себе шею и не разбить хребта Моро, я объезжал быков, грузно залегших в траве.

В этой бешеной скачке сказалось превосходство мустанга, привыкшего, очевидно, к таким переделкам. Я отставал.

Район пастбищ подходил к концу. Перед нами высился «чапорраль»* с деревьями над низким кустарником, а еще дальше — белое строение на холме.

Это была уже упомянутая гациенда; мы неслись к ней напрямик. Я сомневался в благоприятном исходе погони: если малиновый всадник достигнет зарослей, он, вероятно, ускользнет.

* *Чапорралем* в Мексике называются обширные кустарниковые заросли, сменяющиеся степью.

Что скажут мои люди, если я вернусь ни с чем?

Запретив часовому стрелять, я упустил, быть может, неприятельского лазутчика или связного.

Судя по лихорадочному галопу мустанга, всадник, как и я, боится встречи с американцами.

Я приналег на взмыленную лошадь. Моро, как будто угадывая мои мысли, понесся вихрем.

Впереди не было ни стад, ни других препятствий и, благодаря великолепному ходу моего жеребца, расстояние между ним и мустангом начало таять. Еще десять секунд — и я у цели.

Через десять секунд, на расстоянии выстрела, я выхватил пистолет:

— Стой, или буду стрелять!

Ответа не последовало: мустанг скакал дальше.

— Стой! — крикнул я снова, чувствуя отвращение к бессмысленному убийству. — Стой, или буду стрелять!..

Опять молчание.

Футов шесть отделяли меня от мексиканца. Я скакал у него за плечами и мог пустить ему пулю в спину, но что-то меня останавливало. Полагаю, это было бессознательное восхищение, смутный восторг перед незнакомцем...

Держа палец на курке револьвера, я все-таки не стрелял.

Однако нельзя упустить беглеца: он приближается к чаше. Сейчас он скроется!.. Подстрелим, по крайней мере, лошадь!..

Куда же метить? Мустанг, раненый в круп, ускачет!..

Всадник круто повернул, рассчитывая ошеломить преследователя. Эта диверсия достигла цели, но мустанг подставил теперь мне бок.

Я выстрелил.

Лошадь с всадником рухнула на землю...

Юноша высвободился из-под павшей лошади и вскочил на ноги. Опасаясь, что он исчезнет в зарослях, я навел на него дуло пистолета.

Ни малейшей попытки к бегству или сопротивлению. Скрестив руки и глядя мне прямо в лицо, незнакомец произнес с величайшим хладнокровием:

— Не стреляйте! Я — женщина!..

Глава 4

УБИТЫЙ МУСТАНГ

Меня не слишком удивило это признание. Я был к нему наполовину подготовлен. Уже во время погони я подозревал в мексиканце женщину.

— Да, сеньор! Я — только женщина... Что вам угодно от меня?

С этими словами она безбоязненно на меня взглянула.

Вопрос был настолько неожиданный, что я не мог не улыбнуться.

— Вам весело, сеньор? А мне хочется плакать: вы убили мою любимицу!..

Никогда не забуду взгляда мексиканки: гнев, горе, презрение и досада сочтались в нем.

Улыбка сошла с моих губ: я был пристыжен.

— Сеньорита, — пролепетал я, — я глубоко сожалею, что вынужден был вас огорчить. Могло случиться худшее...

— Что же именно?.. Скажите, пожалуйста! — перебила меня амазонка.

— Я мог убить вас, но случайное подозрение...

— Каррамба! — воскликнула она, перебивая меня. — Худшего случиться не могло. Я так любила бедного мустанга... Лоллита была мне дороже жизни... Бедная Лолла!

Дав волю отчаянию, красавица обвила руками шею мустанга и поцеловала его в ноздри. Затем, бережно закрыв ему глаза, она выпрямилась и вперила взор в останки убитой лошади.

Я растерялся, не зная, как утешить пленницу. Даже ценой моего месячного жалованья нельзя было воскресить мустанга!..

Мексиканцы питают слабость к крупным американским лошадям. Нередко гидальго платят баснословные цены за удовольствие появиться на «пазео» на таком коне.

У нас в эскадроне было много хороших полукровок, и я подумал, что молодая женщина не откажется от подарка.

Предложение мое, сделанное с деликатными оговорками, было с презрением отвергнуто:

— Что вы сказали, синьор? — воскликнула женщина и топнула так, что зазвенела шпора. — Вы предлагаете лошадь... Мне! Взгляните! — Она указала на равнину. — Вот тысячи лошадей, синьор, и все они — мои. Судите сами, может ли меня соблазнить ваш подарок... На что мне ваша лошадь?

Надо было выпутаться:

— Но, синьорита... Ведь это туземные лошади, а я предлагал вам...

— Бросьте! — отрезала мексиканка, кивнув на мустанга. — Я не обменяю эту «туземную», как вы изволили выразиться, лошадь на всех «фризоне» вашего эскадрона: ни один из них ее не стоит...

Если бы дело касалось только меня, я, пожалуй, смолчал бы, но эта выходка синьориты затронула честь эскадрона: мексиканка уязвила мое кавалерийское самолюбие.

— Ни одна эскадронная лошадь не стоит вашего мустанга?.. Вы так полагаете, синьорита?

Я покосился на Моро. Женщина тоже взглянула на моего коня и уже не могла отвести от него глаз.

Амазонка любовалась благородными формами скакуна.

И в самом деле Моро был великолепен — весь трепещущий, взмыленный, с ключьями снежной пены на груди, оттенявшими его лоснящуюся черную масть. Бока его тяжело вздымались. Пар вырывался из розовых ноздрей. Глаза его метали искры, и шея вытягивалась, как будто лошадь-победительница чувствовала наше лестное внимание.

Амазонка прищурилась; она молчала. Но по всему было видно, что лошадь произвела на нее сильное впечатление.

— Вы правы, кабальеро! — задумчиво проговорила она. — Этот конь стоит моего...

Но я уже раскаивался в том, что заинтересовал собеседницу своей лошадью: ведь, предлагая ей любого из строевых коней, я ни за что на свете не променял бы Моро на все табуны ее мустангов.

Не знаю, как бы я вышел из щекотливого положения, если б не подоспели кавалеристы.

Мексиканка испугалась моих рейнджеров: с виду они были настоящие разбойники.

Я приказал им ехать обратно на квартиры. Люди поглядели на мустанга, на его богатую сбрую, запятнанную

кровью, покосились на амазонку и, обменявшись сдержанными замечаниями, усккали.

Я остался наедине с пленницей

Глава 5

ИЗОЛИНА ВАРГАС

Как только всадники отъехали, женщина спросила:

— Техасцы?

— Да, но не все...

— Вы их начальник?

— Да, синьора!

— Очевидно, капитан?

— Вы угадали.

— Итак, синьор капитан, я — ваша пленница?..

Вопрос меня ошарашил. Горячка погони, неожиданность встречи и ослепительная красота пленницы заслонили на время цель бешеной скачки, и я старался не думать о дальнейшем. Только сейчас я вспомнил свою прямую обязанность: надо выяснить, не шпионка ли эта женщина.

Ничего невероятного: сплошь и рядом красивым женщинам на войне поручают доставку секретных сведений. Если я отпущу мексиканку на все четыре стороны, могут возникнуть серьезные осложнения.

Так говорил голос долга, но арестовать беглянку было неловко... Я не провел и десяти минут в ее обществе, а уже находился под обаянием ее красоты...

Видя, что я колеблюсь, она повторила:

— Значит, я ваша пленница?

— Боюсь, синьорита, что я — ваш пленник...

Эта любезность отчасти была продиктована желанием уклониться от прямого ответа, отчасти вырвалась от избытка чувств. Во всяком случае, я был далек от галантной шутки. Неожиданные слова прозвучали серьезно, и я с трепетом ожидал, как они будут приняты.

Большие блестящие глаза незнакомки остановились на мне сначала с некоторым смущением, но тотчас же в них заискрилось отнюдь не враждебное любопытство. Подавив торжествующую улыбку, синьорита с прежним высокомерием произнесла:

— Ваш комплимент неуместен, кабальеро! Могу ли я итти?

Я разрывался между галантностью и чувством долга. С трудом нашел я среднюю линию.

— Синьорита,— сказал я, подходя к пленнице и глядя на нее с напускным равнодушием,— дайте мне слово, что вы,— простите за грубое выражение,— не шпионка, и вы вольны итти, куда вам вздумается. Все зависит от нашего слова...

Условие мое прозвучало скорее умоляюще, чем властно. Я корчил из себя суровую вояку, но мой заискивающий вид все портил.

Пленница расхохоталась.

— Шпионка?.. Это я-то шпионка?.. Вы шутите, синьор капитан!

— Надеюсь, синьорита, что вы, по крайней мере, не шутите... Итак, при вас нет никаких бумаг, никаких секретных пакетов?

— Ничего подобного, синьор капитан!

Она тряслась от смеха.

— Так почему же вы пытались скрыться?

— Ах, кабальеро! Разве вы не техасцы?.. Не сердитесь, если я скажу вам, что мы, мексиканцы, вас недолюбливаем...

— Однако ваш образ действий был безумно неосторожен: вы рисковали жизнью...

— Это верно, каррамба!.. Теперь я понимаю!..

Незнакомка многозначительно взглянула на мустанга, и рот ее горько скривился.

— Да, теперь я все понимаю,— повторила она,— но и так верила в непобедимость Лоллы... Отдаю вам должное...

Большие черные глаза вновь смерили меня от кэпи до шпор, и мне показалось, что взгляд незнакомки смягчился.

В смущении мы отвели друг от друга глаза; она потупилась.

Неизвестно, сколько времени продолжалась бы эта несловная пауза, если б я не спохватился: ведь я веду себя, как невежа.

Молодая женщина до сих пор находится на положении арестованной.

Я поспешно вернуть ей свободу:

— Шпионка вы, синьорита, или нет, но я вас больше не задерживаю. Вы свободны.

— Благодарю вас, синьор, но я хочу вас вознаградить за ваше рыцарское поведение. Вот, прочтите...

Она показала мне пропуск, подписанный главнокомандующим на имя доньи Изолины де-Варгас.

— Как видите, капитан, я ни минуты не была вашей пленницей.

— Надеюсь, синьорита, вы прощаете мне невольную грубость?..

— Охотно, капитан, охотно!..

— Но как опрометчиво вы поступили!.. Ведь мы обязаны были вас настигнуть живой или мертвой. Отчего вы бежали с пропуском?

— Именно из-за пропуска я обратилась в бегство.

— Из-за пропуска, синьорита?.. Разъясните, умоляю!..

— Могу ли я довериться вашей скромности, капитан?

— Обещаю быть немой, как рыба...

— Так знайте же: я была далека от уверенности, что вы — американцы. С тем же успехом могла я натолкнуться на гверилью моих соотечественников... А кто поручится за целостность моей головы, если эта бумага и еще кой-какие будут предъявлены Канальесу, предводителю гверильи? Как видите, капитан, «друзья» иногда опаснее «врагов»!..

Тут только я понял истинную причину ее бегства.

— У вас, капитан, отличное испанское произношение, — продолжала она, — но если б вы окликнули меня по-английски, я бы немедленно остановилась и, пожалуй, сохранила бы жизнь своей любимице. Бедная Лолла!

И мексиканка вновь склонилась к похолодевшему мустангу.

Спрятав лицо в густой волнистой гриве, она целовала ее и обливала слезами.

— Бедная Лоллита! Недаром я так оплакиваю ее! Было за что ее любить: сколько раз она меня спасала!.. Что теперь со мной станется?.. Я буду трепетать при каждом слухе о приближении индейцев и не посмею выезжать в прерию... Без тебя, моя ласточка, я поневоле стану домоседкой... С тобой я носилась, как ветер. Теперь крылья подрезаны...

Все это было сказано с самой глубокой горечью. Мне, прирожденному кавалеристу, влюбленному в своего Моро, были понятны чувства мексиканки.

Все еще надеясь утешить амазонку, я повторил свое предложение:

— Синьорита, у нас в эскадроне отличные породистые лошади...

— Они мне не нравятся.

— Откуда вы их знаете?

— Я видела, как ваш эскадрон выступал сегодня утром из городка...

— Неужели?

— Да, синьор капитан! Вы еще гарцевали во главе нашего странного отряда...

— Вы меня заметили, синьорита?.. Отчего же я вас не видел?

— Каррамба!.. Однако близоруким я вас не назову: каждый балкон, каждую решетку вы подарили своим вниманием... Каждой встречной девушке вы успели подмигнуть и улыбнуться... Подозреваю в вас северного доджуана, капитан!..

— Синьорита, я хотел бы...

— Бросьте! Вы ведь гордитесь легкими победами, как все мужчины. Но поговорим серьезно: ни одна лошадь в нашем эскадроне меня не соблазняет, за исключением... За исключением вот этой! — договорила она, указывая на Моро.

Я вздрогнул, услышав такой оборот.

Я не знал, что сказать.

Мексиканка заметила мою растерянность. Она ждала ответа.

Наконец я пробормотал:

— Синьорита, этот жеребец — мой испытанный друг... Но если Моро вам приглянулся, так и быть: он к вашим услугам.

Я сделал ударение на словечке «если», взывая к великодушию амазонки... Напрасная попытка!..

— Благодарю вас,— холодно поклонилась она.— За нашим Моро будет хороший уход. Он мне подходит... Надо будет заглянуть ему в зубы.

Во мне подымалось отвращение к красавице.

— Дайте-ка мне испытать Моро. Ах, у вас уздечки с мундштуком!.. Они не дурны, но наши все-таки лучше. Помогите же мне отвязать мое лассо.

Великолепное лассо, сплетенное из белого конского волоса, было прикручено к седлу ее мустанга.

Машинально я прикрепил его к луке моего седла и подтянул ремни повыше.

— Теперь, капитан,— воскликнула мексиканка, схватив поводья рукой в перчатке,— теперь попробуем вашего Моро!..

Она вспорхнула на коня, едва коснувшись стремени, и сбросила плащ.

Я вспомнил древних амазонок. С такими воительницами можно покорить мир.

Свирепый бык отделился от стада и направился к нам. Этого только и ждала прекрасная охотница.

Лошадь, почувствовав шпоры, поскакала галопом навстречу быку, который обратился в позорное бегство. Наездница продолжала его преследовать и вскоре очутилась от быка на расстоянии, удобном для метания лассо.

Мертвая петля, брошенная крепкой рукой, взвилась в воздух и захлестнула бычью шею. Мексиканка круто повернула и поскакала прочь от быка. Лассо медленно затянулось — и полузадушенный бык свалился на землю. Не давая ему опомниться, амазонка галопом повернулась к хрипевшему быку, нагнулась с седла, распутала мертвую петлю и также быстро удалилась, намотав лассо на руку.

— Великолепно, лучше не надо! — объявила она, спрыгивая с коня и восхищенно его оглядывая.— Ваш Моро — настоящее чудо. Ах, Лолла, бедная Лолла!.. Боюсь, что слишком скоро я тебя забуду...

Эти слова относились к убитому мустангу. Затем, обращаясь ко мне, мексиканка спросила:

— Значит, Моро теперь мой?

— Да, синьорита, если вам угодно,— ответил я, расставаясь без особого энтузиазма со своим сокровищем.

— Но я совсем этого не хочу! — воскликнула амазонка, приняв внезапное решение, и, смеясь, прибавила: — Ах, капитан, как вы во мне ошибаетесь! Я понимаю всю глубину ваших чувств... Оставьте себе своего любимца. Пусть только один из нас оплакивает сегодняшнюю встречу... На вашем месте я б ни за что не отдала такую лошадь...

— На разлуку с Моро я соглашусь лишь ради одной особы.

Мексиканка перестала хмуриться. Казалось, вот-вот она улыбнется.

— Эта особа, должно быть, дама вашего сердца? Ну, что ж, благородный капитан, если вы ей так же верны, как вашему скакуну, у нее нет оснований на вас жаловаться... Но мне пора. До свиданья!

— Разрешите вас проводить домой?

— Благодарю: я уже дома. Глядите: вот дом моего отца,— сказала она, указывая на гаудиенду.— А вот человек, который позаботится об останках бедной Лоллы,— прибавила мексиканка, подзывая проходившего мимо вальсера.— Помните, капитан, что вы — офицер вражеской армии... Я не вправе пользоваться вашей любезностью, и тем более предлагать вам гостеприимство... Ах, вы еще не знаете... Вы не знакомы с деспотизмом Санта-Анны*. В эту минуту, быть может, его шпионы...

Она подозрительно огляделась вокруг.

— Кто такой Ихурра?

— Санта Мария! Это — Ихурра...

— Кто такой — Ихурра?

— Он всего-навсего мой кузен, но...

Она замялась и, внезапно перейдя на умоляющий шепот, сказала:

— Уезжайте, синьор, уезжайте!.. Ради всего святого, скройтесь!.. До свиданья!

Хоть я и горел желанием познакомиться с Ихуррой, но поневоле уступил панической женской просьбе и укакал.

У самой опушки любопытство, а, быть может, и более сильное чувство возобладало над рыцарским послушанием, и, сделав вид, что поправляю стремя, я оглянулся.

Ихурра уже подошел к мексиканке.

Это был высокий человек в костюме мексиканского гидальго**: черная бархатная жакетта — короткая, открытая на груди курточка, темно-голубые кальционеры, пушковый пояс и широкополая шляпа с низкой тульей. Лет ему было около тридцати. Черные бакенбарды оттеняли бледность лица. По-своему он был красив, но не ипужность его заинтересовала меня, а его обращение с кузиной.

Мексиканка робела перед рослым широкоплечим кузенном. Он потрясал какой-то бумагой и горячо говорил.

* *Антонио Лопес де-Санта-Анна* (1797—1876 гг.) — мексиканский президент и диктатор.

** *Гидальго* — по-испански — «сын имущего», дворянин.

Хищный профиль придавал ему сходство с коршуном. Ихурра бранил Изолину или угрожал ей.

Велика, очевидно, его власть над молодой мексиканкой, если она так кротко его выслушивает.

Я чуть не пришпорил коня и не подъехал к бедняжке, но синьорита уже рассталась с кузеном и пошла к гаценде.

Сквозь чапорраль вилась дорога в ранчерию.

Отуманенный всем пережитым, я возвращался на стоянку. На границе ранчерии меня окликнул часовой.

Глава 6

ПЯТЬ ТЫСЯЧ БЫКОВ

Я видел во сне свое приключение и мрачного Ихурру — кузена мексиканки...

Как ужаленный вскочил я с постели: горнист трубил зорю.

Чем больше я думал, тем яснее для меня становилось, что молодая женщина, героиня приключения, внушила мне не шуточный интерес,— страсть, настоящую страсть, разыгравшуюся на протяжении часа и завладевшую всем моим существом. Это была не первая моя любовь: к тридцати годам я умел уже опыт, но именно потому и не обманывался в природе своего чувства.

Как описать Изолину де-Варгас? Волнистые пряди ее пышных волос, миндалевидный разрез глаз с длинными черными ресницами, жемчужный ряд зубов и нежный румянец бархатистых щек?.. Но истинный секрет ее очарования был в счастливом сочетании физических и нравственных достоинств.

Созерцая игру ее лица, эти летучие улыбки, этот блеск живых глаз под завесой ресниц, блеск, то исполненный нежности, то чудесной гордыни,— вы приобщались к гармоническому совершенству.

На будущее я взирал с надеждой, но не без тревоги.

Я не забыл, как резко оборвалось наше свиданье, я помнил, что красавица даже не намекнула на возможность новой встречи. Я не видел моста к продолжению нашего знакомства, разве что слепой случай сведет меня вновь с мексиканкой.

Но я решил не доверяться року, а повлиять на события, поскольку это было в моей власти.

В мозгу моем промелькнул десяток планов, и все они сложились к одному: к возобновлению знакомства с Изольдиной де-Варгас.

Стояло смутное, беспокойное время, и красавица, по всем вероятностям, редко выходила из дому; каждый день, каждый час мог быть получен приказ о выступлении, и тогда все пропало: я вряд ли вернусь на аванпосты, с которыми отныне связана моя судьба.

Округ был на военном положении; я считался его полновластным хозяином и мог проникать свободно, куда мне вздумается. На самом же деле было не так.

До одури созерцал я белые стены великолепной гашишницы, но никак не мог найти предлога, чтоб постучать в двери.

Надо было покончить с этим томлением, и, перебрав в уме тысячи комбинаций и тут же их забраковав, я остановился на самой бесхитростной: взгляд мой случайно упал на белое лассо отличной работы, висевшее на луке моего седла. Это лассо являлось якорем спасения: что, если вернуть его по принадлежности?

Вот к чему сведется мое вмешательство в естественный ход вещей, в остальном я доверюсь счастливой звезде.

Закурив сигару, я поднялся на азотею, чтобы обдумать в подробностях план маленькой кампании.

Не успел я и двух раз обойти плоскую крышу, как на площади застучали копыта. Всадник был в драгунском мундире, и я тотчас узнал в нем ординарца из штаба главнокомандующего.

Он спросил коменданта ранчери. Ему указали на меня, и нарочный рысью направился к дому алькада.

Представившись, он доложил, что имеет для меня пакет от главнокомандующего, и показал запечатанный конверт.

Я велел ему подать пакет на азотею на кончике сибли.

Ординарец, исполнив свое поручение и отдав мне честь, ускакал галопом, как и приехал.

Я вскрыл конверт и прочел:

«Штаб главнокомандующего.

5 июня 18...

Предлагаю вам, господин капитан, взять с собой не-

обходимое количество людей, отправиться в гациенду дона Рамона де-Варгаса, по соседству с занимаемой вами деревней. Там вы найдете пять тысяч голов рогатого скота, который вам предписывается пригнать в тыл армии, в распоряжение главного интенданта. Там же возьмите вакеро для сопровождения скота. Часть вашего отряда примкнет к проводникам. Характер этой операции выяснится для вас из прилагаемой записки.

Старший адъютант...»

«Какое удивительное совпадение! — подумал я. — Только что ломал я голову над тем, как проникнуть в дом Рамона де-Варгаса, и вот все устраивается как по мановению волшебного жезла. Видно, я родился в сорочке — счастье само плывет мне в руки».

Я позабыл о белом лассо. Радуюсь такому благовидному предлогу, как прямая служебная обязанность, я бодро и уверенно готовился к посещению гациенды с приятным сознанием гостя, которого ждет хороший прием.

Ах, вот еще: Ихурра... Совсем выскочило из головы! Столкнусь ли я с ним в гациенде?..

При одной мысли об этом человеке все мои радужные фантазии померкли.

Но приказ из штаба требует точного и быстрого исполнения, и необходимость действовать положила конец моему раздумью.

Не теряя ни минуты, я приказал седлать пятьдесят коней.

Я занялся более тщательным туалетом, когда внезапно вспомнил, что не мешает познакомиться с содержанием «записки», о которой говорилось в приказе. Развернув четвертушку бумаги, я, к удивлению своему, увидел испанский текст.

Вот что я прочел:

«Пять тысяч голов рогатого скота, заготовленные, согласен продажной квитанции, находятся в вашем распоряжении. Но убедительно прошу вас симулировать насильственный угон быков. Прибавлю, что посланный ваш поступит благоразумно, выполнив этот мнимонасильственный акт с подчеркнутой грубостью. Мои вакеро — к вашим услугам, но лично я лишен возможности отдать им необходимые распоряжения.

Рамон де-Варгас».

Записка эта была адресована главному интенданту американской армии. Смысл ее, темный для непосвященных, для меня был ясен, как день.

Однако несмотря на то, что записка дона Рамона де Вагаса была тонка и дипломатична, мне совсем не улыбалось вторжение в гациенду с взламыванием ворот и застрашиванием пеонов. Хорош я буду в роли наглого мародера, с ножом у горла требующего у хозяина выдачи быков.

— Воображаю,— вздохнул я,— что подумает Изолина...

Несомненно, она должна быть в курсе дела.

«Изолина,— успокоил я себя,— оправдает мое поведение, и я постараюсь выполнить инструкцию как можно мягче. Самую грязную часть программы свалю на лейтенантов».

Если красавица не будет отсиживаться в своей комнате, я хоть мельком увижусь с нею.

Прозвучал сигнальный рожок; пятьдесят рейнджеров с лейтенантами Холлингсвортом и Уитлеем вскочили на коней. Колонной по двое в ряд мы выехали из ранчери и через десять минут остановились у гациенды.

Массивные, как на тюремном дворе, ворота были заперты на засов с тяжелым висячим замком и припечатанными железными болтами. Неприветливо глядели окна с захлопнутыми ставнями.

Снаружи — ни души; даже встревоженные пеоны притаились.

Я уступил инициативу лейтенанту; он знал достаточно хорошо по-испански.

Спешившись, он подошел к воротам и крепко ударил в дубовую обшивку ручкой револьвера.

— Откройте! — крикнул он.

Ответа не последовало.

— Открывайте ворота! — повторил он настойчивее.

Снова молчание.

— Эй, вы там!.. Отворяйте! — кричал лейтенант, барабаня револьвером.

Изнутри отозвался чей-то дрожащий голос:

— Кто там?

— Это я! — взревел Уитлей.— Отворяйте!.. Что вы там, все умерли?..

— Сейчас!.. Погодите! — ответил тот же испуганный старческий голос.

— Да не мешкайте!.. Мы — не грабители!

Послышался грохот отодвигаемых засовов,— сложная железная музыка,— ворота распахнулись внутрь, и мы увидели насмерть перепуганного привратника, его сто-рожку и часть двора.

Уитлей первым делом надрал привратнику уши. Затем мой исполнительный лейтенант громовым голосом приказал вести нас к хозяину дома.

Станный образ действий начальства пришелся по вкусу рейнджерам: за нашей спиной слышались одобри-тельные смешки. Не без труда приучили мы своих гве-рильясов к известной корректности в отношениях с мир-ным населением, и вид офицера-бандита доставил им искреннее удовольствие.

Многие в армии роптали на то, что с мексиканцами церемонятся: перед ними расшаркиваются, в то время как мы изнываем под гнетом суровой дисциплины. Сво-им поведением Уитлей обнадежил скучающих солдат.

«Кампания,— думали они,— становится интересной».

— Сеньор,— пробормотал привратник,— хозяин сего-дня никого не принимает...

— Не принимает! — зарычал лейтенант Уитлей.— Скажи ему, что нас он обязан принять!

— Да, мой друг,— обратился я в примирительном тоне к привратнику, у которого так тряслись поджилки, что я начал сомневаться, дойдет ли он до внутренних покоев,— да, мой друг, пойдите и передайте вашему хо-зяину, что американские офицеры желают поговорить с ним по неотложному делу...

Привратник исчез, поощренный пинком лейтенанта.

Я не стал дожидаться его возвращения у заманчиво распахнутых ворот и с лейтенантом Уитлеем въехал во двор.

Глава 7

ДОН РАМОН

Нам представилась любопытная картина: двор мек-сиканского дома, или «патио», весьма живописен. Здесь уже не видно окон с тюремными решетками и мрачных дверей, но радуют глаз расписные фасады и галерея с пестрыми занавесями и витражами.

Патио в жилище дона Рамона был вымощен плитником; посредине журчал фонтан с каменным бассейном. Апельсиновые деревья колыхались над водоемом. Их золотые плоды наполняли ароматом воздух, непрерывно освежаемый током воды. Галерея с трех сторон облегалась обширный двор. Ее мозаичный пол лишь на несколько дюймов поднимался над плитняком двора. Небольшие колонки поддерживали потолок галерей, защищенной трельяжами и занавесями.

На всем протяжении веранды, кроме входа, драпировки были задернуты. Таким образом, внутренность ее была укрыта от наших взоров.

Ни души. Однако в следующем внутреннем дворе, так называемом «большом коррале», мы нашли оживление: множество смуглых пеонов, обуток в сандалии, вакеро, шеголявших в бархате с пуговицами-побрякушками, женщин и девушек в нагва и пестрых ребоно...

В большом коррале жизнь была ключом. Это был затон для крупного скота, ибо поместье дона Рамона де Вегаса являлось не чем иным, как образцовой фермой с питомником племенного скота.

Эти прозаические занятия отлично уживались с дворницкой спесью владельца: надо сказать, что мексиканские гидальго — ревностные скотоводы с большим хозяйственным размахом.

Проникнув в патио, я лишь заглянул во внутренний двор — корраль. Взоры мои были прикованы к пышным драпировкам галерей. Но, не видя той, кого я искал, я перевел взгляд на азотею.

Дом был одноэтажный, и с высоты седла я обозревал часть плоской крыши.

Висячий сад дона Рамона был святилищем редкостной флоры; широкие листья и блестящие соцветия экзотических растений свешивались через парапет.

Патио по-прежнему пустовал. Никто к нам не выходил. Только вакеро кричали в большом коррале, щебетали птицы в клетках на галерее патио и журчал фонтан.

Мы с Уитлеем не слезали с коней.

Вакеро, пеоны и девушки-скотницы столпились у внутренних ворот, недоуменно разглядывая незваных гостей.

После томительного ожидания в галерее послыша-

лись шаги, и привратник обрадовал нас известием, что хозяин сейчас выйдет.

Вскоре показался старый гидальго. Это был рослый и плотный, слегка согбенный старик. Осанка его говорила о кипучей энергии и непреклонной воле. Большие черные глаза глядели зорко и испытующе. Брови не поседел, но волосы уже серебрились. На нем была белоснежная рубашка тонкого полотна, широкий синий пояс и соломенная гваяквильская шляпа. Старик курил пахитосу.

Сквозь напускную суровость дон Рамона просвечивали добродушие и недюжинный ум.

— Вы дон Рамон де-Варгас?

— Да, синьор! — ответил старик, притворяясь рассерженным и удивленным.

Тогда я отчеканил по-испански, чтоб поняли пеоны и вакеро:

— Я — офицер американской армии и прислан заключить с вами сделку на поставку быков для нашего интендантства. Могу предъявить приказ главнокомандующего, который...

— Нет у меня продажных быков, — гневно прервал меня дон Рамон, — и вообще я не желаю иметь дела с американцами!..

— В таком случае, — возразил я, — мы вынуждены забрать быков без вашего согласия... Деньги вы в свое время получите, но скот я уведу немедленно: у меня есть на этот счет инструкция. Кроме того, вакеро ваши обязаны проводить гурт до лагерей...

По знаку моему рейнджеры с Холлингсвортом хлынули через внутренние ворота в большой корраль, оцепив насмерть перепуганных вакеро — наших помощников в предстоящей работе.

— Я протестую против разбойного вторжения в мой дом! — крикнул старик Рамон, потрянув серебряной гривой. — Это низость! Это вопиющее нарушение военных обычаев, недостойное цивилизованной армии!.. Я буду жаловаться моему и вашему правительству и добьюсь наказания виновных...

— Но вам заплатят, дон Рамон...

— Мне заплатят? Каррамба! Кто заплатит? Грабители?.. Флибустьеры?

— Эй вы, старый джентльмен, потише! — не вытерпел Уитлей, хоть и посвященный в наш сговор, но не на

шутку задетый вызывающим поведением старика.— Рекомендую вам взвешивать каждое слово, когда обращаетесь к представителям американской армии, иначе вы можете лишиться более ценного блага, чем ваш рогатый скот! Не забывайте, с кем вы говорите!..

С кем? С разбойниками! — рявкнул дон Рамон, и в словах его прозвучало такое искреннее убеждение, что горячий лейтенант схватился бы за револьвер, если б я не шепнул ему на ухо двух слов.

Ну его, старого мерзавца! — проворчал с отвращением лейтенант.— Я уж было решил, что он всерьез. Ничего, не смущайтесь, приятель! — обратился он к дону Рамону.— Главное, не беспокойтесь насчет долларов. Дядя Сэм — надежный и щедрый плательщик... На вашем месте я отдал бы всех быков на свете под расписку американского штаба. Итак, старина, хладнокровнее и бросьте ваши штучки...

Но Рамон де-Вагас яростно задернул занавески и скрылся.

В течение всей этой сцены я с трудом сохранял серьезное выражение на лице, и мексиканец, как мне казалось, тоже. В глазах его то и дело вспыхивал лукавый огонек, и он напрягал всю силу воли, чтоб не расхохотаться.

Сбившись с роли, я рисковал только выговором по службе, а Рамон де-Варгас — собственной шкурой. Вот почему он и провел комедию, как первоклассный актер.

Исчезая, старик бросил мне вполголоса: «До свидания, капитан!» — и слова эти, которых никто, кроме меня, не слышал, прозвучали музыкой надежды.

Я вскочил на коня и отдал приказ сгонять быков мексиканца.

Глава 8

ПАПЕЛЬЧИТО*

Уитлей примкнул к рейнджерам, ворвавшимся в корриль; вскоре подобралась группа проводников для пяти тысячного гурта, и оба лейтенанта с отрядом вакеро отпривились в саванну, где паслись стада дона Рамона.

* *Папельчито* — записка.

Судомойки жались в уголках патио, разглядывая американцев со страхом и любопытством.

Занавеси на галерее не шевелились.

«Отчего не выходит донья Варгас? — подумал я. — Может, она стесняется или не хочет меня видеть?»

Это не льстило моему самолюбию. Теперь, когда во дворе не осталось посторонних, дон Рамон мог бы все-таки меня пригласить. Впрочем, он боится болтливых метисок. Ну что же, ничего не поделаешь, догоним отряд.

В самом дурном расположении духа я выехал из ворот корраля.

За гациендой тянулась уже знакомая прерия. Откинувшись в седле, я любовался буйным оживлением великолепного степного пастбища.

Полудикие быки метались из стороны в сторону; вакеры вскакивали на быстроногих мустангов, шарфы их развевались по ветру, а гибкие лассо мелькали, как птицы.

Наши рейнджеры на своих менее проворных лошадях помогали им довольно неуклюже, уступая пастухам в сноровке. Уже уводили группами с трудом усмирённых и согнанных быков, степь оглашалась свирепым бычьим мычаньем вперемежку с гоготаньем солдат, которых забавляла своеобразная охота, и с пронзительными криками вакеры и пеонов.

При других обстоятельствах этот грандиозный «цирк» доставил бы мне еще большее наслаждение, но сейчас мне было не до зрелищ.

Неужели эта буйная, необычайная сцена, разыгравшаяся под самыми окнами сонной и чопорной гациенды, не привлечет внимания хозяйки?

Ведь Изолина сама подвижна, как ветер, и влюблена в движение.

Конечно, она украдкой за всем наблюдает...

Мне пришло в голову, что я недостаточно внимательно осмотрел фасад гациенды. Ставни открываются изнутри. Жилые комнаты в мексиканских домах выходят налицевую сторону.

— Глуп же я был, целый час проторчав в патио и не обследовав окон, — пробормотал я с досадой. — Что, если вернуться?.. Пожалуй, еще не поздно.

Загоревшись надеждой, я пересек опустевший корраль и вернулся в патио. Здесь по-прежнему стрекотали

интересные событиями коричневые метиски; занавеси на галерее не раздвигались.

Ворота сводчатого въезда с момента вторжения капитанов оставались распахнутыми. Привратника в сторожке не было: бедняга скрылся, боясь вторичного столкновения с лейтенантом.

Я решил проехать верхом вдоль фасада, когда внезапно нежный голосок окликнул меня:

Капитан!

Гляжу на окна — все ставни захлопнуты.

Не успел я откликнуться, как словечко: «Капитан!» повторилось, на этот раз настойчивей; голос звучал с ютэн.

В ту же минуту женская ручка просунулась в амбразуру, на траву полетела записка, а в ушах моих прошептало:

— Папельчито!

Подобрав записку, я отъехал подальше, чтобы разглядеть азотею.

Ожидания мои не обманулись: на крыше находилась Изолина.

Она прильнула к амбразуре; в ее больших черных глазах светилась та смесь лукавства и непроницаемой серьезности, которая сводила меня с ума.

Вдруг Изолина изменилась в лице и приложила палец к губам. Она исчезла за парапетом.

Остаться мне или ускакать? Изолина, очевидно, не покинула азотеи, но кто-то поднялся к ней на крышу. Там разговаривают: нежный женский голос и грубый, мужской.

Записка прольет свет на положение вещей. Я поступлю в зависимости от ее содержания.

Спрятав записку, я направил коня под ворота, чтобы прочесть послание без помехи.

Строки были нацарапаны наспех, карандашом, но достаточно разборчиво. С бьющимся сердцем я прочел:

«Капитан! Простите нас за дурной прием. Не забывайте моих вчерашних слов: «друзья» подчас опаснее «врагов». В доме нашем, к сожалению, гостит человек, внушающий отцу больший ужас, чем все ваши флибустьеры. Я прощаю вам гибель бедного мустанга, однако вы уезжали нечаянно мое лассо. Не слишком ли это жестоко, капитан?... До свиданья!

Изолина».

Одна из загадочных фраз легко расшифровывалась. «Друзья» подчас опаснее «врагов»...

Будучи в курсе дела, я знал, что дон Варгас принадлежит к числу так называемых «аянкьядо», то есть к партии, сочувствующей американцам. Мексиканские патриоты клеймили япкофилов именем предателей, но почтенный джентльмен был далек от наивного предательства. От души желая успеха американскому оружию, он соблюдал интересы своего кармана.

Дон Варгас и его единомышленники предпочитали протекторат могущественного соседа политической независимости, которая обходилась мексиканским землевладельцам очень дорого вследствие внутренних раздоров.

Больше того, этих либералов не смущало исчезновение самого названия «Мексика» с географической карты, лишь бы страна шла по пути хозяйственного прогресса.

В то время многие мексиканцы разделяли образ мыслей Рамона де-Варгаса, особенно принадлежащие к тому классу, типичным представителем которого был этот синьор, классу так называемых «рикос», или крупных землевладельцев.

Легко понять, почему аянкьядо вербовались из среды рикос.

Итак, симпатии дона Рамона к американскому оружию питались вполне прозаическими мотивами. Пять тысяч голов рогатого скота играли тут немалую роль...

Вот о чем я подумал, расшифровывая загадочную фразу, дважды повторенную дочкой мексиканца: наши «друзья» подчас опаснее «врагов».

Так или иначе, смысл этой фразы прозрачен.

Зато дальнейшее разъяснялось не так легко: «Гость, внушающий моему отцу ужас»... Здесь кроется тайна.

Ихурра — кузен Изолины: так она мне сказала. Чем же он может быть страшен? Или, кроме кузена, еще кто-нибудь гостит в доме? Это весьма вероятно. Просторная гациенда может вместить целую кучу гостей.

Но мысли мои неизвестно почему возвращались к Ихурре, и я не мог отогнать подозрений, что Изолина имеет в виду именно его, что он-то и является «опасным гостем»...

Его манеры, вызывающий тон, которым он говорил с Изолиной, его нескрываемый перед ним страх — все это складывалось не в его пользу, в полном согласии с моим

чувством. Под конец я пришел к убеждению, что Ихурра — злой гений дона Рамона и его дочери.

«Лишь бы она его не любила,— подумал я,— ибо страх не исключает любви».

Волнуемый этими мыслями, я перечел конец записки. Выражения крайне неопределенные. Только время прольет на них свет.

Быть может, я был пристрастен и толковал, как все влюбленные, каждую мелочь в свою пользу, но, дойдя до заключительной фразы, я просиял и с легким сердцем покинул патио.

Глава 9

СТАРАЯ ОБИДА

Я пустил Моро шагом и, немного отъехав, остановился. Хотя я чувствовал, что свидание с Изолиной, сегодня по крайней мере, невозможно, однако не поборол соблазна помедлить вблизи ее дома. А вдруг она мелькнет на дороге, чтобы махнуть мне рукой на прощанье или послать воздушный поцелуй...

Итак, отъехав немного, я придержал коня и, обернувшись, бросил взгляд на парапет азотеи. На месте Изолины теперь стоял Ихурра.

Но какой разительный контраст между ее гармоничным обликом и чертами этого человека! С женской точки зрения, он был, пожалуй, красавцем, но на меня произвел отталкивающее впечатление.

Мне не понравилось выражение его лица. Не спорю: тут было известное предубеждение, и при других обстоятельствах я оказался бы снисходительней... Далеко не все разделили бы мою антипатию к Рафаэлю Ихурре.

Взгляды наши встретились, и это мгновенно определило весь характер наших будущих отношений: война была объявлена. Не было сказано ни слова, однако мы поняли, что нам суждено стать врагами.

Я не буду разбираться в причинах этой внезапно вспыхнувшей неприязни: природа ее достаточно ясна.

Пожирая глазами человека, стоявшего на крыше, я чувствовал, как во мне закипает ненависть к нему.

Недаром я назвал эту минуту «объявлением войны». И с той и с другой стороны был сделан четкий и недвус-

мысленный вызов. Мы словом не перекинулись с Ихуррой — слова были излишни. Каждый угадывал в другом соперника, претендента на сердце очаровательной женщины, первой красавицы в Мексике.

Передо мной был недобрый и грубый человек. В его больших и красивых глазах светилось что-то звериное. Не скрою, глаза Ихурры блистали умом, но и это я воспринял, как недостаток: ум лишь подчеркивал вероломство.

Красота Ихурры была красотой ягуара. Это был законченный в своем роде тип мужчины-честолюбца, искателя легких побед, холодного и лживого...

Ихурра знал мою тайну — я прочел это в его глазах. Он понимал, отчего я медлю: об этом свидетельствовала его насмешливая улыбка. Наблюдая за моими неудачными маневрами, Ихурра, гордый положением родственника и «своего человека» в доме, явно издевался надо мной.

По мере развития этого безмолвного поединка, в котором каждый из нас не сводил с противника пристальных взоров, в высокомерном взгляде Ихурры появилось настолько оскорбительное для меня выражение, что я счел нужным заговорить.

На языке уже вертелась язвительная фраза, когда послышался конский топот: какой-то всадник прямо с пастбища поднимался на холм. Я узнал в нем лейтенанта Холлингворта.

Он осадил коня.

— Капитан Уорфильд, — доложил он, — быки согнаны. Как прикажете...

Лейтенант не договорил. Взгляд его случайно скользнул по азотее, и он заметил Ихурру. Холлингворта передернуло; глаза его налились кровью...

Казалось, еще мгновенье — и он задохнется от ярости. Я смотрел на его перекошенный рот, на конвульсивные движения шеи и подбородка, но всего замечательней было выражение глаз. В них светилось неистовое ликование, столь необычное для сдержанного и холодного лейтенанта.

Однако волнение моего подчиненного тотчас же разъяснилось: да, он был рад неожиданной встрече, он захлебывался, предвосхищая месть...

Из уст его вырвался дикий нечленораздельный крик, а за ним громовое восклицание:

— Это он! Это — Рафаэль Ихурра!..

Возглас лейтенанта, не заключавший в себе никакой угрозы, произвел, однако, магический эффект. Ихурра, очевидно, знал, с кем имеет дело. Смуглое лицо его побледнело и покрылось желтыми пятнами, глаза растерянно забегали.

Вместо отпора, с его помертвевших губ сорвалось жалобное:

— Демонио!

— Предатель!.. Убийца! — кричал лейтенант. — Наконец-то я до тебя добрался! Теперь мы сведем счеты!..

С этими словами он прицелился из карабина в голову Ихурры.

— Что вы делаете, лейтенант? Остановитесь! — воскликнул я и, пришпорив лошадь, бросился к Холлингсворту.

Хотя мой послушный Моро взвился птицей, и я успел толкнуть неистового лейтенанта под локоть, — он выстрелил. Во всяком случае, я отвел руку стрелка, и пуля, вместо того, чтобы разmozжить голову Рафаэлю Ихурре, как это случилось бы, наверняка, без моего вмешательства, — засела в парапете, обдав лицо синьора Рафаэля облаком известковой пыли.

Мексиканец даже не пытался уклониться от вражеской пули. Должно быть, он оцепенел от ужаса.

Только звук выстрела и едкая пыль с поврежденной биллюстрады, попавшая ему в глаза, отрезвили его. Он испрепенулся и бросился бежать.

Обернувшись к товарищу, я с раздражением произнес:

— Лейтенант Холлингсворт! Я вам приказываю...

— Капитан Уорфильд! — оборвал меня лейтенант. — Пока дело касается службы, я обязан вам слепо повиноваться, но это — мое частное дело, и сам главнокомандующий не мог бы... Впрочем, простите... я теряю время. Разбойник ускользнет...

Сумасшедший лейтенант пришпорил лошадь и скрылся в воротах гацпенды. Догнав Холлингсворта в патио, я схватил его за рукав, но он вырвался и соскочил с коня.

Сжимая в руке карабин, он бросился вверх по лестнице, загремев саблей по каменным ступенькам. Мгновение — и он скрылся за парапетом азотей.

Я ринулся за ним.

Поднимаясь по лестнице, я слышал сверху возбужденные голоса, грохот каких-то разбивающихся предметов и, наконец, два выстрела с небольшим интервалом.

Все завершилось пронзительным женским криком и стоном мужчины.

«Один из них убит или смертельно ранен!» — подумал я.

В несколько секунд я очутился на крыше. Все тихо. Терраса как будто пуста. Но я искал убитого в гуще цветов и экзотических растений, среди деревьев в громадных кадках.

Напрасно. На полу, усеянном черепками, — ни Ихурры, ни Холлингсворта.

А пронзительно крикующая женщина? Где она? Где Изолина?..

Заметавшись по крыше, я набрел на внутреннюю лестничку, соединявшую азотею с жилыми комнатами.

Все трое, очевидно, спустились по ней.

Я решил воспользоваться тем же ходом. Но под стенами гациенды снова раздались крики и выстрелы...

Два человека бежали по склону холма: Холлингсворт, размахивая саблей, проследовал Ихурру.

Рафаэль, оказавшийся хорошим бегуном, сильно опередил своего противника, стесненного воинским снаряжением.

Мексиканец надеялся укрыться в лесу, начинавшемся у подножия холма.

Это ему удалось.

Холлингсворт нырнул за ним в чащу, как гончая, не упускавшая дичь.

Чтобы помешать убийству, я сбегал вниз, вскочил на коня и поскакал через пастбище.

Достигнув заросли, в которой исчезли враги, я отыскал их следы, углубился по ним в чапорраль, но вскоре следы потерялись, и я был вынужден остановиться.

Насторожившись, я не услышал ни голосов, ни стрельбы. Только приглушенные крики вакеро доносились из-за холма.

Эти звуки напомнили мне о служебной обязанности, и я вернулся к гациенде.

Обитатели дома притаились в наглухо запертых и погруженных в абсолютный мрак помещениях. Очевидно, они опасались нападения, считая рейнджеров способными на грабеж, поджог и все смертные грехи.

Я не знал, на что решиться. Странное поведение Холлингворта перепутало все мои карты. Мне безусловно следовало вызвать Рамона де-Варгаса, но я не мог ему дать надлежащих объяснений, так как сам нуждался в ключе к таинственным происшествиям. Вот почему, крепя сердце, я принял решение удалиться.

Приказав пяти-шести рейнджерам дожидаться возвращения Холлингворта и нагнать нас в пути, я с Уитлеем, по главе огромного бычьего гурта, двинулся к лагерям.

Глава 10

РАФАЭЛЬ ИХУРРА

Жара и пыль, поднимаемая тысячами быков, отнюдь не восстанавливали душевного равновесия. Я был недонолен старшим лейтенантом и его раздражающе загадочным поведением.

Уитлей тоже терялся в догадках. Здесь, несомненно, какие-то старые счеты. Таково было наше общее мнение.

Холлингсворт — человек незаурядный. В характере его много чудачеств, зато Уитлей простой и добродушный парень, — в честь нашего похода он вырядился в фантастический «мексиканский» костюм, — достиг, подражая местному населению, великого искусства в верховой езде, а в метании лассо мог соперничать с классическим вакеро. В жилах Уитлея текла техасская кровь. Это никак нельзя было назвать новичком в нашем деле. Несмотря на свою молодость, он был, что называется, настоящим «техасским рейнджером».

Холлингсворт — уроженец штата Теннесси — только недавно переселился в Техас, но уже не впервые пересекал рубеж Рио-Гранде.

Участник злополучной мнерской экспедиции, он уцелел, но вместе с другими пленными был закован в цепи и отправлен в Мехико, где его заставляли работать на городской канализации, стоя по пояс в зловонной клоаке. Этим объяснялась его озлобленность: он почти никогда не улыбался, говорил мало и неохотно, и то большей частью на служебные темы. Но время от времени, когда ему казалось, что его никто не слышит, он бормотал какие-то невнятные угрозы, причем судорога сводила

его челюсти, а кулаки яростно сжимались, как бы в присутствии смертельного врага.

Сколько раз я наблюдал за этими странными приступами, не понимая их причины.

Гардинга Холлингворта — назовем его полным именем — нелегко было вызвать на откровенность, да никто и не пытался этого делать.

Мы с Уитлеем обсудили в пути странную выходку Холлингворта и пришли к заключению, что она вызвана старой враждой, так или иначе связанной с мнерской экспедицией.

В разговоре я, между прочим, произнес имя мексиканца. Лейтенант, весь день по горло занятый возней с быками, не видел Ихурры и вообще оставался в стороне от событий.

— Ихурра? — вздрогнул Уитлей и, придерживая коня, вопросительно на меня взглянул.

— Да, Ихурра.

— Рафаэль Ихурра?

— Да, Рафаэль, если не ошибаюсь.

— Широкоплечий, коричнево-смуглый, с усами и бакенбардами?.. Недурен собой?

— Он самый: все приметы сходятся.

— Рафаэль Ихурра из Сан-Антонио?.. Многие техасцы непрочь его скальпировать. Ну, конечно, тот самый!.. Двух людей с таким именем быть не может!

— Что же вы о нем знаете?

— Что я знаю о нем?.. Это — величайший негодяй во всем Техасе и в целой Мексике... А ввиду обилия у него конкурентов в этих двух странах, такая характеристика звучит сильно. Да, Рафаэль Ихурра... Кстати, Холлингсворт имеет все основания его помнить...

— В чем же дело? Расскажите подробнее...

Техасец помолчал и, собравшись с мыслями, сообщил мне историю Рафаэля Ихурры.

— Рафаэль Ихурра, уроженец Мексики, обжился в Техасе. В прошлом ему принадлежала гауциенда в окрестностях Сан-Антонио и другие крупные поместья, самым плачевным образом проигранные и промотанные, так что со ступеньки на ступеньку Рафаэль Ихурра скатился до незавидной профессии игрока. Вплоть до мнерской кампании он выдавал себя за техасского гражданина и всячески подчеркивал свою преданность молодой республике. Когда затевался авантюристами мнер-

ский поход, Рафаэль использовал остатки своих связей, чтоб проскочить в офицеры. Никто не сомневался в его честности. Он был одним из тех, кто на бивуаке в Ларедо поддерживал план злополучного похода на Миер, причем к советам его прислушивались все с особым вниманием, так как его особенно ценили за знание местности.

Только впоследствии выяснилось, что, навязывая экспедиционному корпусу свои великодушные советы, Ихурра имел в виду интересы неприятеля, с которым поддерживал тайный контакт. В ночь перед битвой Ихурра исчез. Небольшой корпус после отчаянного сопротивления был взят в плен. Говорят, что число неприятельских солдат, перебитых техасцами, превосходило их собственную численность. Пленных под сильным конвоем отправили в Мехико. Каково же было удивление пленных техасцев, когда на втором или третьем этапе объявился Ихурра в форме мексиканского офицера и примкнул к конвоирам. Если б руки у пленных не были скованы, они б разорвали на части предателя... Только случайно,— продолжал Уитлей,— я не ввязался в этот нелепый поход: если б не болезнь, я разделил бы судьбу товарищей. Но Холлингсворту,— вздохнул техасец, удрученный воспоминанием о миерской кампании,— Ихурра памятнее, чем другим.

Я обратился в слух.

— Среди участников миерской экспедиции у Холлингсворта был брат, подобно ему захваченный в плен неприятелем. Это был совсем еще молодой человек, очень хрупкий, мало приспособленный к тяготам войны, и еще менее — к варварскому обращению с военнопленными. Он исхудал, как скелет, и, что еще хуже, натрудил себе ноги и от жгучей боли не в состоянии был сделать шагу по сухой, раскаленной, усеянной колючками мексиканской почве. Брат Холлингсворта свалился полумертвый посреди дороги. Начальником конвоя был в тот день Ихурра. Молодой человек обратился к нему за разрешением сесть на мула. Холлингсворт-младший был знаком с Ихуррой еще по Сан-Антонио, где неоднократно ссужал его деньгами, разумеется, без отдачи. «Марш вперед!» — вот что ответил Ихурра на его просьбу. «Но и не могу ступить шагу!» — взмолился пленник. «Не можешь? А мы сейчас попробуем!.. Эй, Сабло! — подозвал Ихурра одного из конвоиров. — Угостите-ка штыком это-

го неженку: он раскапризничался!» Подошел солдат с примкнутым к ружью штыком. Холлингсворт с мучительным усилием поднялся и прошел, шатаясь, несколько шагов, но силы ему изменили, и он присел на камень. «Не могу! — простонал пленник. — Дальше идти не могу... Позвольте мне здесь умереть». — «Марш, или будешь убит!..» Ихурра выхватил из кобуры револьвер, приставил его к груди пленника: «Вставай!..» — «Сил нет!..» — пролепетал изнемогающий Холлингсворт. «Вперед, или буду стрелять!..» — «Лучше убейте меня!» — крикнул юноша, обнажая грудь. «Пули я на тебя, так и быть, не пожалею», — улыбнулся офицер-перебежчик, и спустил курок. Холлингсворт-младший был убит наповал. Крик ужаса пронесся по шеренгам пленных. Даже конвоиры, не склонные к сентиментальности, возмутились поступком негодяя-офицера... Брат убитого, в железных наручниках, стоял тут же, в пяти шагах... Не удивительно, — заключил техасец, — что Гардинг Холлингсворт не задумывается над тем, где и когда он прикончит Рафаэля Ихурру.

Надеясь получить сведения о хозяевах гациенды, я навел разговор на эту тему.

— Скажите, дон Рамон де-Варгас приходится Ихурре дядей?

— Да, он — племянник Рамона. Сегодня утром в патио я не узнал старика, потому что голова была затуманена проклятым пульке. Пожилой джентльмен каждый день наезжал в Сан-Антонио. Помню, однажды он привез дочку — хорошенькую, черт побери, девчонку!.. Клянись честью, по ней сходила с ума вся золотая молодежь Сан-Антонио, и дуэлей из-за красавицы было больше, чем католических праздников в мексиканском календаре. Она любила горячих мустангов, а лассо владела не хуже девушки команчей. Кому я об этом рассказываю?.. Видно, пары пульке еще не рассеялись!.. Держу пари, что сегодня вы охотились за нею!

— Возможно, — ответил я с притворным равнодушием.

Спутник мой даже не подозревал, с каким интересом ловлю я каждое его замечание и каких усилий мне стоит скрыть волнение.

Оставалось узнать самое главное, — то, о чем я не смел спросить прямо: не пользовался ли кто из ухаживателей благосклонностью мексиканки?

Мучительно хотелось задать этот вопрос, но удерживал страх перед возможным убийственным ответом.

В самую интересную минуту нас догнали рейнджеры, оставленные мною у гациенды; с ними вернулся Холлингсворт.

— Капитан Уорфильд,— обратился ко мне старший лейтенант,— поведение мое показалось вам странным... Как-нибудь на досуге я все объясню вам. Это длинная и слишком печальная история... Воздержитесь пока что от расспросов. Достаточно вам знать, что Рафаэль Ихурра — мой смертельный враг... В Мексику я приехал с единственной целью его убить, и если это мне не удастся, — я в грош не поставлю свою жизнь.

— Значит, вы его не...

— Сорвалось!.. Сорвалось! Негодяй ускользнул! — ответил захлебываясь Холлингсворт.

Успокоившись, он занял место во главе своих рейнджеров. За всю дорогу Холлингсворт не проронил ни слова, только глаза угрожающе вспыхивали.

Глава II

ЖЕЛТОЕ ДОМИНО

Два дня я провел, как в лихорадке. Выходка Холлингсворта разрушила все мои планы. Заключительную фразу записки Изолины я толковал как любезное приглашение, которое позволит мне в скором времени посетить гациенду уже не в качестве флибустьера, а в образе мирного светского человека.

После того, что случилось, я не смел даже под благовидным предлогом постучать в дверь гациенды. Безусловно, меня встретят холодно: ведь я — прямой начальник человека, покушавшегося на убийство племянника хозяина и кузена хозяйки. Правда, мы нагрубили дону Рамону с его ведома и, так сказать, согласия; продажей быков старик, должно быть, остался доволен: ведь он не только не прогадал на этой сделке, но получил даже лишнее, и все-таки мое посещение будет бестактным...

— Сенсационная новость из штаб-квартиры: в соседнем городке предполагается бал.

Толки, взбудоражившие весь офицерский мирок, оставили меня равнодушным, так как танцором я был ле-

нивым и к официальному веселью питал отвращение. В юности я еще тянулся за другими, но постепенно отяжелел.

Я пропустил бы это известие мимо ушей, но некоторые подробности заставили меня насторожиться.

Дело в том, что «бал» устраивало американское командование, имея в виду политическую цель: сближение побежденных с победителями. Надо было доказать богатым скотоводам и плантаторам, что офицеры, янки, отнюдь не такие варвары, какими их изображают.

Товарищ мой с тонкой улыбкой подчеркнул, что на балу будут семьи виднейших аянкиядо — наших «доброжелателей». Дабы избавить этих людей от необходимости лишний раз афишировать свои американские симпатии, бал решено было сделать маскированным.

«Ага! — подумал я. — Там будут аянкиядо, значит, и она...»

В моем тощем походном гардеробе отыскался потертый фрак, а больше ничего и не требовалось.

Я узнал о маскараде накануне: он был назначен на вечер следующего дня. Недолго мне предстояло ждать.

Вечером я отправился верхом в город в военном плаще поверх черной пары. Скачка заняла добрых два часа, и мексиканцы могли заподозрить в моем опоздании излишнюю светкость.

Приглашенные были в сборе. Среди танцующих выделялись тирольские крестьянки, айдалузские майи, баварские и эльзасские цветочницы, валашские девушки, турчанки и индеанки с стеклярусными украшениями. Но большинство женщин было в домино и в бальных платьях.

Почти все были в масках, некоторые закрывались испанскими шальями. Мелькали также и открытые лица. К концу маскарада их стало больше.

Мужчины тоже в масках, кой-кто — в костюмах. Но преобладали все же военные мундиры, выдавая прифронтовой характер бала.

Бросились в глаза мексиканские офицеры, свободно вращавшиеся в толпе. Это были наши пленники, отпущенные под честное слово. Их блестящая форма французского покроя составляла разительный контраст с скромными синими мундирами победителей.

Пленные офицеры, явившись на бал в форме, посту-

или по меньшей мере бестактно, но если вдуматься,— набора у них не было.

Как я найду Изолину де-Варгас в толпе?

Если она здесь, то в домино. Я стоял, пропуская поток костюмов и масок. Изолина не может меня не узнать, так как я без маски.

Прошло полчаса. Я ловил себя на желании, чтобы Изолины не оказалось на балу.

«Мексиканка,— думал я,— нарочно меня не замечает».

Опустившись в кресло, я с напускным равнодушием продолжал следить за мелькавшими домино. Только одна из масок напомнила мне Изолину.

Она вальсировала с молодым драгунским офицером, и, когда они поравнялись со мной, я встал и направился к кругу танцующих, чтобы не упустить заинтересовавшую меня пару.

Когда они промелькнули вторично, дама взглянула на меня в прорезь маски и вздрогнула.

«Конечно, это — Изолина!»

Во мне шевельнулась ревность. Партнер Изолины, известный в полку щеголь и сердцеед, несмотря на свою кажущуюся неповторимость, танцевал прекрасно; партнерша льнула к нему с нежностью и во время второго тура томно опустила голову на плечо противному фату.

Мне стоило большого труда сохранить самообладание, и я был рад, когда музыка оборвалась, и вальс кончился.

Я проводил глазами драгуна и его даму. Он отвел ее на место и сел возле нее. Они оживленно болтали.

Мучимый ревностью, я пересел поближе.

Они говорили вполголоса. Из обрывков разговора я понял, что драгун упраскивает свою даму снять маску. Голос Изолины я узнал вполне отчетливо.

В раздражении я готов был своей рукой сорвать шелковую тряпку, скрывающую милые черты, но, к счастью, до этой безумной выходки не дошло: женщина в домино уступила настоянним кавалера и сама сняла маску.

Она оказалась негрятянкой, но не с черной кожей, как большинство ее соплеменниц, а с кофейной,— негрятянкой с толстыми губами, выдающимися скулами и ливитками черных волос, ниспадавших на лоснящийся крутой лоб...

Разочаровакный драгуи, принадлежавший к так на-

зывается «южным колонистам», то есть к упорным ненавистникам черной расы, вскочил, как ужаленный, и, что-то пробормотав, бесцеремонно удрал, смешавшись с толпой.

Негритянка быстро надела маску, поднялась и отошла в противоположный угол бальной залы, подальше от того места, где ей пришлось испытать столь грубое унижение.

Я следил за ней с любопытством и состраданием; негритянка направилась к выходу одна, очевидно, покидая бал.

Желтое домино мне больше не попадалось, и я решил, что она уехала.

Глава 12

ГОЛУБОЕ ДОМИНО

Жестоко раздосадованный, я то и дело подходил к буфетной стойке, где вино струилось рекой. После двух-трех стаканов я почувствовал прилив общительности и решил развлекаться, как все. До сих пор я не танцевал, но вино придало мне бойкости, и я готов был пригласить любую даму.

Вскоре нашлась и партнерша в свободном голубом домино, которая шла мне навстречу, как бы ниспосланная судьбой.

Я поклонился, дама охотно согласилась.

Замечу, что она говорила по-французски. Я мог бы этому удивиться, если б не знал, как много французов живет в больших мексиканских городах. Обычно это ювелиры, дантисты, а также модные портные, хорошо зарабатывающие на пристрастии мексиканок к роскошным нарядам.

Много француженок порхало вокруг с изяществом и непринужденным весельем настоящих парижанок.

Итак, меня не поразила французская речь в устах незнакомки.

«Должно быть, приезжая модистка», — подумал я, перекинувшись двумя-тремя фразами.

Из первого тура я вынес два впечатления: во-первых, моя француженка прекрасно вальсировала, а во-вторых, была пленительно стройна. Но если модистка так же

хороша лицом, как фигурой, ей незачем было переплыть океан в погоне за счастьем.

Сказать по правде, я был в ударе. Все взоры вскоре обратились на нас.

Равнодушный, однако, к таким успехам, я отвел даму на место и вежливо поблагодарил.

Под нишей окна стоял диванчик, располагавший к отдыху и болтовне. Не хотелось разлучаться с отличной танцоркой, и я попросил разрешения присесть рядом с ней.

— Ну, конечно! — искренно ответила она.

— Итак, вы разрешаете поболтать с вами до следующего танца?

— Если вы не соскучитесь...

— А вы еще потанцуете со мной?

— С удовольствием... если вы не связаны.

— Уверю вас, я совершенно свободен. Танцевать мне хочется только с вами.

— Я польщена, — ответило мне голубое домино, — тем, что вы предпочли мое скромное общество стольким блестящим красавицам, но выбор ваш растрогал бы меня еще больше, если б вы знали, кто я...

Голос ее звучал серьезно. Она вздохнула.

Неужто она воображает, что я принял ее за важную леди? Наивная девушка! Я не ищу знакомства с знатными мексиканками — наследницами крупных поместий, не стремлюсь получить невесту с приданым в несколько тысяч быков. С модисткой мне веселей и беззаботней, чем с дочками плантаторов.

Немного подумав, я ответил:

— К сожалению, я не знаю, кто вы, и, весьма возможно, не узнаю никогда, если вы не снимете своей маски.

— Увы, это невысказано!..

— Невысказано? Но почему же?

— Потому что, открыв вам свое лицо, я потеряю партнера, и мне будет жаль... Говоря откровенно, вы откровенно вальсируете...

— Как мне понять вас? Это — колкость или любезность?.. Никогда не поверю, что ваше лицо может отпугнуть танцора. Снимите, прошу вас, эту докучную маску!.. Поболтаем свободно. Я, как видите, без маски.

— У вас, конечно, нет оснований стесняться своего лица, чего нельзя сказать о многих присутствующих...

— Очаровательная маска! — возразил я. — Вы мне льстите. Я смущен...

— Напрасно! Однако вы зарумянились. Это вам идет...

— Вот бесенок! — сорвалось у меня с языка.

— Кто вы? — спросила незнакомка, резко меняя тон. — Не мексиканец? Военный или штатский?..

— Посмотрим... за кого вы меня принимаете.

— Судя по вашей бледности и томным вздохам, вы, должно быть, романтик-поэт...

— Сейчас, кажется, я не вздыхаю...

— Но раньше...

— Когда? Во время вальса?

— Нет, еще раньше...

— Значит, вы за мной следили?

— Да. Ваш скромный черный костюм выделялся среди военных мундиров, наконец, ваша манера держаться...

— Моя манера держаться? — переспросил я с легкой тревогой. Уж не совершил ли я какой-нибудь неловкости в погоне за Изолиной?..

— Да, у вас был такой растерянный вид... Кстати, вы не питаете слабости к желтому домино?

— К желтому домино? — повторил я и потер рукою лоб, словно припоминая что-то. — Как вы сказали: к желтому домино?..

— Да, да! К желтому домино! — с лукавым вызовом воскликнула незнакомка. — Помните, с кем танцевал молодой драгун?..

— Да, как будто припоминаю...

— Я так и знала... Желтое домино вам запомнилось: вы так напряженно за ним следили...

— Видите ли, я, собственно... Как могли вы это подумать!..

— Однако она вняла мольбам своего кавалера и сняла под конец маску...

— Вы были при этом... Вот чёртова история!.. — воскликнул я, забыв о светских приличиях.

Француженка от души расхохоталась.

— Ну, конечно, я все видела... Забавно было, не правда ли?

— Очень забавно, — подтвердил я и принужденно рассмеялся.

— Какой дурацкий был вид у молодого драгуна!..

— Очень глупый вид...

— А у вас?

— Как вы сказали?..

— На вашем лице было написано глубокое разочарование...

— Это я-то был разочарован? С какой стати?..

— Ах, бросьте изворачиваться!..

— Я только жалел бедную «цветную»...

— Вот как? Вам было жалко ее?

В словах незнакомки послышалась серьезная нота, довольно неожиданная для легкомысленной беседы.

— Ну да, я пожалел ее... Бедняжка была совсем убита...

— Убита? Вы думаете?..

— Не сомневаюсь... Она тотчас покинула зал и больше не возвращалась. Очевидно, уехала домой. Наконец досада моя объясняется очень просто: я никогда не встречал такой танцовки, за исключением, пожалуй, вас, но...

— Что же из этого?

— Девушка, к сожалению, оказалась негритянкой...

— Боюсь, что вы, американцы, не слишком галантны с цветными леди... Но в Мексике, которую вы клеймите именем «деспотической страны», царят совсем другие нравы...

Я почувствовал упрек.

Француженка продолжала:

— Давайте переменим разговор. Вы не поэт?

— Не считаю себя достойным такого высокого звания, хотя и писал в молодости стихи...

— В этом я не сомневалась. У меня чутье, как видите... Не посвятите ли мне чего-нибудь?

— Не зная вашего имени и не видев лица!.. Мне кажется, я вправе познакомиться с чертами той, которую должен воспеть...

— Ах, сударь, вы сами не знаете, чего требуете: сняв маску, я потеряю все шансы получить от вас мадригал... Ваше вдохновение сразу иссякнет...

Я готов был поклясться, что передо мной не портниха, хотя приемы спорщицы были не менее заострены, чем игла. Это — светская женщина, и притом весьма находчивая.

Любопытство мое достигло апогея. Страстно хотелось увидеть лицо собеседницы.

Она очаровала меня своей болтовней. Я и в мыслях не допускал, что она дурнушка. Такому остроумию дол-

жно соответствовать прекрасное, тонкое лицо. Наконец стройность стана, маленькие руки и ноги, нежный, гармонический голос и лучные глаза, глядевшие в прорези маски,— все обещало красоту...

— Сударыня,— произнес я, отбросив шутки,— умоляю вас, снимите маску! Если б не бальный зал, я опустился бы на колени...

— А если я исполню вашу просьбу, вы холодно удалитесь. Вспомните желтое домино...

— Вам, кажется, приятно меня мучить? Неужто я способен на такую бестактность! Допустим, вы не красавица в общепринятом смысле слова, однако, сняв маску, вы сохраните искусство беседы, чудесные тембр голоса и грацию движений: все это от вас неотделимо... Разве может быть безобразной столь богато одаренная женщина? Пусть, наконец, лицо ваше черно, как у той незнакомки в желтом домино, я этого даже не замечу...

— Так ли, сударь? А не будете ли вы раскаиваться?..

— Клянусь!..

— Не клянитесь впустую... Уверяю, что при всех достоинствах, которыми вам угодно было меня наделить, я в своем роде пугало, и вы от меня отшатнетесь...

— Быть не может! А голос, а прелесть движений?.. Снимите маску! Заранее примиряюсь с тем, что увижу...

— Пусть будет по-вашему, но я хочу, чтобы вы назвали себя за любопытство своей же рукой.

— Благодарю вас!..

Дрожащими пальцами развязал я шнурок маски, и выронил ее, словно обжегся.

Не изумление, но ужас был мне наградой за мою настойчивость: опять негритянка с толстыми губами, выдающимися скулами и завитками курчавых волос...

Я растерялся. Галантность мне изменила. Рухнув на диван, я не мог вымолвить слова.

Собеседница, вполне подготовленная к тому, что произошло, была далека от смущения. Громко расхохотавшись, она съязвила:

— Ну, как, господин поэт? Вас вдохновляет мое лицо?.. Скоро ли будут готовы стихи?.. А, сударь! Подозреваю, что вы такой же невежа, как ваш драгунский офицер...

Негритянка смеялась.

Я сгорал от стыда за свое нелепое поведение, был уязвлен справедливыми упреками и ничего не нашелся

ответить. На звонкий смех лукавой негритянки пробормотал я что-то невнятное и, беспомощно жестикулируя, отошел в сторону...

Еще ни с кем в жизни я так неловко не прощался...

Я пошел, вернее, поплелся к выходу, намереваясь покинуть бал и ускакать домой.

Но на пороге залы любопытство одержало верх, и я решил в последний раз взглянуть на странную эфиопку.

Женщина в голубом домино по-прежнему сидела на диванчике в нише окна, но какая потрясающая неожиданность: вместо кофейной негритянки — Изолина!

Я глаз не мог отвести от милого лица... И она на меня смотрела, но с таким уничтожающим выражением... Никогда не забуду ее презрительно искривленных губ...

Вернуться? Объясниться?.. Нет, слишком поздно, поздно!.. Я погублю себя окончательно, покажусь вдвойне смешным...

Но раскаяние, которое она прочла на моем лице, оказалось красноречивей слов. Изолина как будто смягчилась. Уже не так суров был ее взгляд... А может, я ошибся?

В это мгновение кто-то подошел к ней и бесцеремонно уселся рядом. Это был Рафаэль Ихурра.

Они разговорились. Я наблюдал за ними. Я хотел, чтобы Ихурра допустил некорректность по отношению ко мне: какую-нибудь дерзкую улыбку, чтоб он указал на меня глазами Изолине, явно надо мной насмехаясь... Тогда я разрядил бы свою досаду, проучив наглеца...

Но Ихурра не улыбнулся. Изолина, должно быть, не посвятила его в случившееся. Этим она спасла Ихурру. Женский такт удержал ее от болтливости: она угадывала опасность.

Оба встали. Изолина надела маску. Ихурра повел ее к танцующим. Вот они закружились под звуки скрипок, исчезли в пестрой толпе.

— Буфетчик, вина!..

Выпиваю залпом бокал, проталкиваюсь к вестибюлю, надеваю плащ, пристегиваю шашку, разыскиваю коня...

Я скакал во весь опор. На душе скребли кошки. Голова пылала...

Однако прохладный ветер ночи, бодрящая скачка и неуловимые жизненные токи, пробежавшие между мной и любимой лошадей, доставили мне облегчение. Помногу я успокоился.

В ранчери я застал лейтенантов за ужином.

Походная кухня не отличалась изысканностью, но аппетит разыгрался в дороге, и я присел к столу.

За дружеской беседой я позабыл о пережитом афронте.

Глава 13

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Нет горшей пытки, чем муки ревности, уязвленного самолюбия и страсти, обманутой в лучших надеждах. Я испытал в свое время горечь стыда за некрасивый поступок по отношению к товарищу, прошел через все унижения, связанные с денежным крахом. Мне случалось глядеть в лицо смерти, но все эти переживания бледнеют перед ревностью, которая жалит, как змея, медленно растрavляя рану.

Я оглушил себя вином, покидая бал, и продолжал «алкогольное лечение» на квартире. Такой ценой я купил себе сон, непродолжительный, к сожалению.

Проснулся я задолго до рассвета и вновь очутился во власти ревности, к которой присоединились физические страдания: омерзительный напиток, продававшийся в нашей кантане, ударил мне в голову. Мозг горел, железный обруч сжимал виски. Даже большая доза опиума не могла бы меня усыпить, и я метался на постели, как тяжело больной, в бреду.

В сознании вспыхивало все пережитое за вечер. Напрасно отгонял я назойливые воспоминания, пытаюсь сосредоточиться на чем-нибудь постороннем: мысли вращались в заколдованном кругу, в центре которого стояла Изолина.

Я перебрал в уме все, что она мне говорила, вник в каждое слово. Как презрительно она рассмеялась, сняв первую маску, и уничтожающе на меня взглянула, освободившись от негритянской личины.

Сама красота ее была мне обидной.

До сих пор я надеялся, после маскарада — все рухнуло...

Все рухнуло. Кипела досада. Минутами я ненавидел Изолину, обдумывая месть.

Но успокаивалась желчь, и снова мелькал очаровательный образ, вновь восхищался я твердым и благо-

родным характером мексиканки — и страсть побеждала обиду.

Я спрашивал себя: за что ее люблю? Изолина, несомненно, была красавица, но корни очарования таились глубже.

Если бы не наш словесный поединок, познакомивший меня с умом и характером мексиканки, я мог бы пройти равнодушно мимо. Решающим моментом были внутренние достоинства... Та же самая жемчужина в другой оправе не привлекла бы моего внимания.

При этом чувство мое было бескорыстным.

Влюбился я беспричинно, а теперь любил безнадежно. До роковой ночи я еще строил воздушные замки: прощальный взгляд с башенки гациенды, записка, вскользь брошенное слово и другие мелочи позволяли ждать и надеяться... Случай на балу был катастрофой.

Над изголовьем моим с мрачной угрозой склонялся Ихурра. Даже во сне я видел его рядом с Изолиной.

Что общего между ними? Может, они помолвлены?.. Эта мысль сводила меня с ума.

Не выдержав, я вскочил с постели, поднялся на азотю и зашагал по ней. Мысли мои были сумбурны, движения — беспорядочны.

Ко всему этому прибавилось неприятное открытие: я обнаружил потерю. Потерял я не деньги или какую-нибудь свою вещь, но официальную бумагу, к которой была приложена секретная записка.

Тем хуже для меня! Пропал приказ из главной квартиры и записка дона Рамона. Скорей всего, я обронил их в день получения, во дворе гациенды, где бумаги не могли не подобрать. Если они попали в руки дона Рамона, все великолепно, но если их перехватит один из пистухов, с ног до головы одетых в кожу, — при враждебности этих людей к крутому хозяину дело может принять скверный оборот и для старика и для меня. В лучшем случае штаб посмотрит сквозь пальцы на мою оплошность.

Так или иначе, будут осложнения. Беда не приходит одна...

Но чем хуже, тем лучше! Пусть сгущается мрак. За ним нас ждет просветление. Нет такой дурной погоды, которая не сменилась бы хорошей, — таков закон физического и нравственного мира.

Просвет был близок.

Глава 14

СТРАННОЕ ПОСЛАНИЕ

Я едва прикоснулся к утреннему завтраку. По мексиканскому обычаю, он состоял из чашки шоколада и посыпанного сахаром хлебца. Рюмочка коньяку и сигара благотворно подействовали на разыгравшиеся нервы.

В это утро, к счастью, я был свободен от службы,— к счастью, говорю я, потому что, наверное, погрешил бы против устава.

Я поднялся на азотею, но меня не интересовало то, что происходило вблизи. Я не видел на площади ни ренджеров, которые чистили лошадей, ни пастухов в полосатых плащах с капюшонами, ни торговков-индейнок, сидевших на корточках вокруг колодца, ни девушек из ранчерии...

Я видел только гащиенду. До нее было недалеко, и человека на крыше я различил бы и без бинокля. Десятки раз впивался я глазами в зеленеющую крышу мексиканского дома и, махнув рукой, отворачивался.

К девяти часам дежурный сержант доложил, что меня спрашивает какой-то мексиканец. Машинально я приказал принять. Лишь увидев человека, я сообразил, что передо мной посторонний.

Мексиканец вывел меня из мрачного раздумья: я узнал в нем одного из вакеро дона Рамона де-Варгаса, того самого, который подошел к нам с Изолиной на пастбище, где мы познакомились.

Подозрительно оглядевшись, мексиканец распахнул свою куртку и вынул письмо.

Адреса не было. Дрожащей рукой я вскрыл конверт. Знакомый почерк сразу бросился в глаза. Я едва не задохнулся.

Чуть слышным голосом поблагодарив посланца, я отошел в самый дальний угол крыши, чтобы скрыть от вакеро свое возбуждение. Наконец я догадался отправить мексиканца вниз, велел ему дожидаться ответа.

Вот что я прочел:

«Июль 1846 г.

Любезный капитан! Разрешите пожелать вам доброго утра, так как я предполагаю, что после утомительной но-

чи день для вас еще не начался. Снились ли вам цветная леди? Как рыцарски вы вели себя с нею!..

Капитан! У меня был мустанг, чудесная лошадь. Как я любила ее! Вы поймете меня лучше, чем кто-либо, так как сами не меньше привязаны к своему Морю. В недобрый час вы отняли у меня мою любимицу, но, желая меня вознаградить за тяжкую утрату, тут же предложили ценный подарок — своего черного жеребца, а ведь я знаю, что черный цвет вы предпочитаете всему на свете. Будь я вашей избранницей, мне пришлось бы ревновать вас к цветным леди и к черным скакунам...

Итак, дорогой капитан, ценя ваше великодушие, я все же отказалась от подарка, но, я понимаю, вам не терпится рискнуть с долгом. Возможность представилась. (Слушайте: на всю нашу округу прославлен замечательный конь, известный под именем «белого мустанга». Разумеется, этот конь великолепной стати не объезжен; масть его ослепительной белизны, а быстрота сравнится разве с ласточкиной... Но стоит ли вам описывать «белого мустанга»? Вы, техасец, должно быть, слышали о нем...

Так вот, капитан, уже давно я лелею горячее, скажу более, страстное желание получить эту лошадь. Я предлагала крупные награды степным охотникам и нашим собственным вакеро за поимку этого коня. «Белый мустанг» изредка показывается на наших плоскогорьях... Все напрасно: никто не сумел его поймать...

Люди говорят, что завладеть «белым мустангом» вообще невозможно, — до того он быстроног. Завидев человека в прериях, он пускается в бешеный галоп. Мгновение, и он — только белое пятнышко на горизонте...

Некоторые считают его наваждением — демонио. Но такое прекрасное создание не может быть исчадием ада, не правда ли? К тому же мне с детства внушали, что черти черны, как сажа... Не так ли, капитан?..

Но перейдем к делу.

Скептики говорят, что «белый мустанг» — легенда, и отрицают его существование. Каррамба! Я-то знаю, что он существует в природе, и, что еще важнее для успеха моего замысла, я знаю, где он в данное время пасется.

Часа два назад он был на расстоянии мили от дома, где я пишу вам свою записку. Наш вакеро видел его на берегу ручья, куда он бегаёт, по моим сведениям, на водной. Суеверный вакеро не только не стал его пресле-

довать, но даже не спугнул. Сломая голову, он бросился ко мне с известием о демонио...

Только один человек на свете способен изловить знаменитую лошадь, и человек этот — вы.

Ах, капитан! Вам удалось покорить нечто другое, столь же свободное и необузданное до последних дней...

Поймайте мне «белого мустанга» — и я перестану оплакивать бедную Лоллу. Все будет прощено, вплоть до вашей грубости с двойной маской...

Приведите «белого мустанга», он должен быть моим.
Изолина.

Дочитав это странное послание, я вздрогнул от радости.

О «белом мустанге» я слышал. Кто только о нем не рассказывал: охотники и трапперы, бродячие торговцы и путешественники. Вдоль всей границы о нем идет молва. У бивуачного костра я наслушался истории в германском романтическом вкусе, и «белый мустанг» сплошь и рядом является их героем.

Больше ста лет он украшает легенды «пионеров» — так называемых «моряков прерий»; он — дополнение к «летучему голландцу», к блуждающему кораблю — миражу капитанов. Подобно «голландцу», «белый мустанг» наделен чудесной способностью возникать одновременно в разных местах.

В том, что белый конь с великолепным ходом и благородной статью существует среди бесчисленных табунов, блуждающих по необъятным прериям, в том, что таких лошадей наберется десяток или два, а пожалуй, и сотня, — в этом я не сомневался. Сам я ловил белых лошадей, не имевших соперниц в быстроте. Но так называемого «белого мустанга» отличали от всех черные уши.

Я должен был поймать белую лошадь с черными ушами.

Одно выражение в письме Изолины смущало меня: «...Вам уже удалось покорить нечто свободное и необузданное...»

Как это понять? Верить ли счастью?

Только теперь обратил я внимание на деловую приписку. В ней сообщалось подробно, где и когда вакеро заметил белого коня, а также говорилось, что податель записки, вакеро, послужит мне проводником,

Исполнив прихоть Изолины, я оправдаюсь в ее глазах.

Да, синьорита де-Варгас! Если это в человеческой истории, завтра вечером «белый мустанг» будет ваш...

Глава 15

МАНАДА *

Через полчаса мы с вакеро выехали из ранчерии в сопровождении дюжины рейнджеров. Реку перешли вброд и углубились в чапорраль.

Из рейнджеров я выбрал наиболее опытных охотников — искусных следопытов.

Полагаясь на их ловкость, я верил в успех.

Дело в том, что вакеро — наш проводник — застал «белого мустанга» с табунном кобылиц. Очевидно, он не пожелает с ними расстаться, а если даже «белый мустанг» покинул место, указанное вакеро, его будет легко выследить по следам многочисленных копыт.

Иначе мы бы век гонялись за «дикой уткой» **.

Сегодня скакун — у ручья, а завтра утром — в ста мильх... Манада его задержит.

Лишь бы выследить коня, а дальше поможет Моро и лиссо.

В дороге я объяснил рейнджерам нашу задачу. Все слышали о несравненном «белом мустанге», многие встречали его в прериях.

Люди были радостно возбуждены, точно им предстояла увлекательная стычка с гверильясами.

Мы ехали чапорралем, то есть густыми колючими зарослями, которыми славится эта часть Мексики.

По мере нашего продвижения картина менялась: колючий покров редел. Началось чередование лугов и кустарников, называемых «мезкитами» ***. Чем дальше, тем шире были прогалины, а площадь, занимаемая чапорра-

* Манада — табун кобылиц.

** Намек на английскую народную сказку о неуловимой дикой утке.

*** Мезкиты встречаются не только в виде кустарников в южном Техасе: они принимают форму деревца, а в Соноре, в Мексике, становятся настоящими деревьями, образуя местами тенистые рощи.

лем, суживалась. Под конец «лысины прерий» слились в сплошное пространство.

Мы покрыли без передышки миль десять, когда проводник напал на след манады. Старые следопыты, не слезая с коней, подтвердили, что почва истоптана дикими кобылицами, чьи следы резко отличаются от копыт жеребцов.

Они не ошиблись: на горизонте чернел табун, и вакеро авторитетно заявил, что это и есть манада, с которой он столкнулся.

До сих пор все шло великолепно. Но одно дело — обнаружить «кабальяду», а другое — полонить лучшего скакуна в табуне.

Со смешанным чувством тревоги и радости глядел я на кобылиц, не замечавших нашего приближения.

Прерия, в которой паслись кобылицы, тянулась на целую милю и, подобно уже пройденным, была окаймлена чапорралем и через прогалины сообщалась с другими.

Манада держалась в центре луга. Одни кобылицы щипали траву спокойно, другие резвились, разметав по ветру хвосты и гривы. Их шелковистые бока лоснились на солнце. Мелькала гнедая и черная масть, но белая преобладала. Были и серые кобылы с ржавым отливом, а также соловые, с белыми гривами и хвостами; несколько вороных и довольно много мексиканских «пинтаго», или пятнистых лошадей.

Пятнистые лошади — не редкость среди мустангов. У всех, разумеется, пышные хвосты и гривы, которых не касались ножницы.

С первого взгляда можно было сказать, что знаменитый «белый мустанг» отсутствует.

Мы переглянулись. Какая досада!

Великолепный табун без жеребца...

На что мне это стадо диких кобылиц? Изолина им не обрадуется: ей нужен «белый мустанг».

Но вакеро сказал, что «белый мустанг» где-нибудь недалеко, и я не мог не поверить человеку, всю жизнь наблюдавшему диких лошадей, знатоку их повадок. Скакун или отдыхает под тенью акаций, или пасется на соседнем лугу с частью своего «гарема» или с избранницей.

— В этом случае,— заверил меня проводник,— мы не замедлим его обнаружить, а легче всего будет вы-

минуть жеребца, спугнув кобылиц, которые потревожат его издали слышным звонким ржанием.

План казался легко исполнимым, но раньше нужно окружить кобыл, чтобы, завидев нас, они не разбежались.

Итак, решено было оцепить кабальяду.

Чапорраль нам благопритствовал, скрывая наши маневры от пугливого табуна. Через десять минут мы рассыпались в прерии.

Табун по-прежнему пасся и резвился. Беззаботные дикарки не подозревали, что охотники берут их в кольцо, иначе бы они давно рассеялись.

Можно подумать, что мустанг предвидит участь, ожидающую его в неволе. Как будто лошади-перебежчицы, испытавшие сладость служения цивилизации, внушили своим товаркам страх перед человеком...

Я отъехал в самый дальний угол прерии с сигнальным кавалерийским рожком. Рейнджеры оцепят кобылиц, и я взбудоражу их трубным звуком.

Спрятавшись за деревьями, я поднес рожок к губам, когда за спиной у меня раздалось пронзительное ржание степного жеребца.

Коридор соединял прерию с мезкитовым лугом, где топтал конь.

Я помчался туда. Лошадь путалась в низкорослом кустарнике. Косые лучи вечернего солнца ослепляли меня.

Заслонившись ладонью, я издали увидел жеребца, скакавшего сквозь чапорраль к манаде.

По аллюру я сразу узнал «белого мустанга».

Сомнений не было: белоснежная масть, черные уши, губы с синевой, розовые ноздри, широкие бока и стройные ноги... Короче — само совершенство.

Жеребец несся, как вихрь, к табуну.

Кобылы отозвались на его ржание. Вся манада встрепенулась и пришла в движение.

Через несколько секунд настороженные лошади выстроились правильной линией, точно кавалерийский эскадрон. Они поджидали жеребца.

Глядя на их приподнятые и в одном направлении повернутые головы, всякий сказал бы, что они взнузданы мундштуками. Путешественники в прериях часто обманываются такой картиной.

Дальше таиться и лукавить не имело смысла. Ловля

была в разгаре. Только быстрота наших коней и меткость лассо могли решить дело.

Пришпорив Моро, я ринулся открытым полем.

Ржание знаменитого жеребца послужило сигналом для ренджеров, которые выскочили одновременно из зарослей, и, пришпоривая своих лошадей, с громкими воплями понеслись к табуну.

Перед фронтом кобылиц жеребец остановился, дважды ударил копытами, как бы пробуя грунт, заржал и метнулся назад, к опушке. Инстинкт самосохранения увлекал его к выходу в соседнюю прерию.

Манада бросилась за ним. Вначале она сохраняла «кавалерийский порядок», но понемногу линия сбилась. Лучшие лошади, как на заезде на ипподроме, вырвались вперед, и вскоре вся кабальяда рассыпалась в прерию.

Началась погоня: шпоры безжалостно впивались в бока взмыленных лошадей, а бедные дикарки спасались от преследователей.

Глава 16

ОХОТА

Блестящие качества Моро не замедлили сказаться: одного за другим обогнал он всех рейнджеров, и когда миновал коридор, мы вырвались в мезкиты, лошадь моя смешалась с отставшими дикими кобылицами.

Среди них были чудесные создания, и при других обстоятельствах я не удержался бы от соблазна накинуть лассо на шею одной из беглянок, что не представляло особой трудности. Но я думал только о том, как пробиться сквозь табун.

На мезкитном лугу я обогнал скачущую манаду; кобылы, которых я опережал, шарахнулись в сторону.

Теперь вся кабальяда осталась позади, за исключением «белого мустанга»; он один уносился вперед и как будто дразнил меня ржанием. Расстояние между нами не таяло — скачка не утомляла белого жеребца.

Но Моро не нуждался в поводьях и шпорах. Он видел цель перед собой и угадывал волю всадника. Я чувствовал, как он подо мною трепещет. Копыта его почти не касались земли, а бока вздымались от избытка силы.

Моро подошел уже на близкое расстояние к белому

A. S. ...

жеребцу, но тот, к великому моему огорчению, шархнул в заросли.

Я нашел просвет в чаще и не подумал остановить погоню. Направление мне указывал слух. Ветки хрустели под копытами дикой лошади, и только изредка в зелени мелькала белая масть.

Я преследовал мустанга, не думая ни о чем: то нагибался под ветвями, то отпускал поводья, доверяясь чутью Моро, который чудом находил дорогу.

Мы с Моро не считались с такими пустяками, как иглы кактусов и колючки акаций, раившие тело, но поневоле задерживались перед раскидистыми мексиканскими соснами с горизонтальными лапчатыми ветвями. То и дело я припадал к седлу, чтобы не удариться о такую ветвь, и каждой помехой пользовался «белый мустанг».

Время, потерянное в лесу, я надеялся наверстать в открытом поле и облегченно вздохнул, когда началась равнина, там и сям усеянная зелеными островками. Лавируя среди них, спасался «белый мустанг».

В чапоррале он выиграл большую дистанцию, но тоже спешил на равнину, полагаясь только на свою резвость. Дикий конь ошибался: с таким соперником, как Моро, выгодней было держаться чапорраля.

Но и зеленые островки остались за плечами. Впереди — низкотравная прерия, безбрежная, как море.

С какой бы скоростью ни мчался всадник по саванне, он всегда будет в центре круга, под куполом голубого неба.

Рейнджеры, заблудившиеся в чапоррале, давно отстали. Мустанги тоже рассеялись. На всем протяжении обширной саванны двигались только два предмета: белый силуэт легконогого скакуна и черный — всадника-преследователя.

Скачка была серьезным испытанием даже для моего несравненного Моро. Мы сделали в прериях десять с лишним миль, и мне не пришлось прибегнуть ни к шпорам, ни к хлысту: умное животное разгорячилось, самолюбие его было задето. Меня же одушевляла простая женская улыбка...

Но в истории известны примеры, когда из-за улыбок менялись границы государств и рушились крепости...

— Вперед, Моро, вперед! Нужно догнать — или умереть...

Помех больше не предвидится. Белой лошади некуда скрыться. Сплошная зеленая степь раскинулась ровно, как ковер; она напоминает море, скованное штилем. Ничто не рассеивает взгляда. Некуда, повторяю, укрыться белому скакуну. Времени у нас хватит: стемнеет не раньше, чем через час. Дикий жеребец не успеет воспользоваться мраком: он будет пойман до наступления ночи.

— Вперед, Моро, вперед!..

Мы скользили молча, почти бесшумно.

Ржание беглеца оборвалось. Очевидно, он сомневался в победе. В его аллюре чувствовался страх: никогда и никто до сих пор не настигал его так близко. Он все еще летел как птица. Мы неслись вперед, степь безмолвствовала. Только храп лошадей и топот копыт...

Двести шагов нас разделяют. Кружится голова... Я убежден в победе! Надо пришпорить Моро, прибавить ему ходу. Пора положить конец отчаянной погоне...

— Вперед, Моро! Последнее усилие — и ты отдохнешь!

Я бросил взгляд на лассо. Оно лежит, скатанное на луке, пропущенное через кольцо и пристегнутое пряжкой к шишке седла. Мертвая петля свободна, моток прилажен, — все в порядке.

Скатанную часть лассо я перекидываю на левую руку, которая держит поводья: выпрастываю петлю и зажимаю ее правой рукой. Все готово...

— О, ужас! Куда девался «белый мустанг»?

Приспособляя лассо, я потерял его из виду. Когда я поднял глаза, его не было.

Я с такой силой рванул поводья, что мундштук мог ранить Моро, но жеребец мой и сам бы остановился.

Моро застонал, ошеломленный...

Я озирался во все стороны, тщательно исследуя равнину, но даже беглого осмотра было достаточно: «белый мустанг» исчез... Ровная, плоская прерия, замкнутая горизонтом... Ни деревца, ни бугра, даже кустарники и кактусы отсутствуют, даже высокая серебристая трава... Зеленый покров едва достигает двух дюймов: змее нелегко спрятаться, а тем более лошади.

Я чувствовал, как дрожит взмыленный Моро...

На лбу моем проступил холодный пот...

Глава 17

ЛОШАДЬ-ПРИЗРАК

Немало пережил я опасностей, но все они не выходили из ряда обычных испытаний, и мне и в голову не приходит гордиться своим прошлым. Одна нога у меня сломана, другая прострелена. Я спасся от кораблекрушения, и остался раненый на поле битвы... Была минута, когда сотни мушкетных дул на расстоянии тридцати шагов целились мне в грудь, и смерть казалась неизбежной. Грянул залп — и все-таки я жив.

Но прошу читателя не считать меня записным героем. Я не хочу хвалиться: никогда я не рвался навстречу смерти. В бурные приключения я был втянут помимо своей воли. Скажу только, что не однажды, столкнувшись с опасностью, я глядел ей прямо в глаза.

Случалось мне также трусить, но если слить воедино все ощущения страха, пережитые при различных обстоятельствах, — это чувство не сравнится по силе и глубине с тем, что я испытал, осадив коня, в прериях...

Я не суеверен, но в эту минуту я готов был поверить в сверхъестественное. Больше того, я вынужден был допустить нарушение законов природы...

Ведь беглец исчез необъяснимо. Сколько раз я подсмеивался над рассказами о «летучем голландце», и вот наяву столкнулся с «лошадью-призраком»...

Охотники и трапперы создали белому скакуну таинственный ореол, все эти басни теперь припомнились. Обычно я издевался над наивностью рассказчиков, а теперь сам готов был поверить.

Не сон ли все это? Нет. Я сижу в седле, и подо мной лошадь — тяжело дышащая, с дымящимися боками...

Все это явь, конечно. До мелочей мне памятна погоня...

Но, с другой стороны, «белый мустанг» был только что у меня перед глазами, а теперь его больше нет! Значит, трапперы говорят правду... Значит, в прериях водится «лошадь-призрак».

Подавленный этой нелепой мыслью, почти убежденный в ее справедливости, я сгорбился и поник. Лассо выскользнуло из рук, и отпущенные поводья трепались на луке, обвиваясь вокруг шеи коня.

Однако я не застыл в преклонении перед чудесным...

Когда я опомнился, взгляд мой упал на следы копыт удивительного мустанга. Призрак, конечно, не мог их оставить...

«Там, где они обрываются,— подумал я,— скакун «пошнесся на воздух» и растворился в апофеозе своей славы...»

Прибегнем к искусству следопытов.

Следы вели по прямой. Шагов через двести Моро почему-то остановился.

Я взглянул — и все понял. Суеверие было посрамлено.

Шагах в тридцати по прерии тянулась темная полоса, пересекая мой путь. Как будто почва разверзлась после землетрясения. К низу «баранкос»* почти не суживалась, и дно ее было усеяно щебнем. Стены обрыва были строго отвесны. По разрезу можно было проследить чередование пластов, которое в точности повторялось с той и другой стороны. Но издали провал был незаметен. Вправо глубина убывала и постепенно сходила на нет. Зато влево лощина росла и вглубь и вширь. Там, где я стоял, глубина ее достигала двадцати футов.

Вот как объяснялось исчезновение «белого мустанга»: он отважился на дерзкий прыжок с двадцатифутовой высоты. Под копытами его осыпался край обрыва, а там, куда он спрыгнул, камни были разворочены. Дикая лошадь умчалась по руслу баранкоса влево: копыта ее отпечатались в мелкой гальке.

Немного дальше баранкос заворачивал. Ищи теперь «белого мустанга»!..

Досада улеглась, суеверный трепет рассеялся, но положение все-таки было не из приятных.

Тридцать миль от ранчрии и неизвестно в каком направлении...

Несомненно одно: до утра пускаться в путь нельзя. Всего полчаса до захода солнца, а ночью легко сбиться со следов. Выбора нет: останусь на месте.

Я проголодался и, что еще хуже, хотел пить. Кругом — ни капли воды.

Длительная скачка под палящим солнцем прерий измучила лошадь. Моро страдал от жажды подобно мне, но, в отличие от Моро, я сознавал, что воды нет и долго

* Баранкосами называются разветвленные, извилистые глубокие ущелья в горах, которыми изборожжены склоны гор вулканического происхождения. По дну баранкосов стекают обычно с гор потоки.

не будет, и мне было трудней, чем ему, переносить лишения.

Дно баранкоса сухо, как поверхность прерии, хотя, очевидно, дождевые потоки неоднократно по нему бурлили...

Все же я проехал вдоль баранкоса, надеясь открыть воду, застоявшуюся в колдобинах.

С каждым шагом трещина расширялась.

Солнце зашло. Наступали короткие субтропические сумерки. Путешествовать ночью в прерии, изрезанной баранкосами, опасно. Моро мог каждую минуту оступить. Щели зияли во всех направлениях.

Ночь заволакивала прерию. Страшно было плутать среди многочисленных расселин, и я отказался от мысли найти воду.

Ночь пройдет под знаком нестерпимой жажды. Ничего не поделаешь...

Однако Моро лениво брел вперед, и я направлял его по чутью.

Внезапно что-то засеребрилось в темноте.

Я вскрикнул от радости и приподнялся в стременах. Впереди блеснула вода.

То было озеро. Странно, что вода оказалась не на дне баранкоса, а посреди прерии. Берега водоема были совершенно обнажены — ни дерева, ни камышинки. Вода стояла вровень со степью.

Я поскакал к водоему. К торжеству моему примешивалось сомнение, а вдруг — мираж?

Мираж был весьма вероятен. Сколько раз меня уже обманывали эти странные оптические явления в прериях.

Нет... Вода настоящая. Я не вижу дрожащей дымки, всегда обволакивающей мираж: бассейн резко очерчен, и вода заманчиво сверкает.

Моро приободрился.

Мы были уже в двухстах шагах от озера, и я не сводил глаз с зеркально чистой влаги, когда лошадь моя вздрогнула и отпрянула.

В чем дело? Чего испугался Моро?

Опять зияет глубокая щель: неожиданный поворот баранкоса...

Судите о моем отчаянии.

Расщелина недалеко круто сворачивала, и озеро сверкало на том берегу...

Глава 18

ЗАКОЛДОВАННАЯ ПРЕРИЯ

Прыжок в темноте через ров неизвестной ширины — безумие. Баранкос здесь глубже, чем где-либо, и галька смутно мерцает на дне. Днем я что-нибудь придумаю, но разве это утешение?

Спешившись, я отвел коня шагов на сто от провала, расседлал его и оставил пастись.

Хлопот у меня было немного. Готовить ужин, увы, не приходилось. Но вопрос о еде был второстепенным: и отдал бы все на свете за кружку воды.

Все снаряжение, которым я располагал на этом случайном бивуаке, сводилось к карабину, охотничьему ножу, пороховой сумке и пустой фляге. К счастью, со мной был плащ.

Я подложил под голову седло и закутался.

Долго не удавалось мне уснуть. Я беспокойно ворочался, тараща глаза на луну. Она то и дело ныряла за черные тучи, но каждый раз, когда она показывалась, черкальце воды вспыхивало стальным блеском. Эта сверкающая вода как будто издевалась надо мной.

Я понял муки Тантала*: боги греческого Олимпа не могли придумать худшей пытки для несчастного фригийского царя.

Жажда притупилась. Это было действие усталости и ночного воздуха, насыщенного влагой.

Сон вступил в свои права.

Великая степь безмолвствовала. Даже волчьего воя, неизбежного в прериях, не было слышно. Местность, отнергнутая зверьем и человеком, не привлекала хищников ночи. Недаром славится волчье чутье.

Только Моро переступал по твердой земле, фыркал и шумно жевал траву. Привычные уютные звуки.

По моим наблюдениям, события, в которых мы участвуем во сне, влекут за собой физическую разбитость в той же степени, как и реальные усилия. Нередко после

* По древнегреческому мифу, фригийский царь Тантал, сын Зевса, подал олимпийским богам в виде угощения мясо своего сына Пеллона. В наказание он был низвергнут в Аид и осужден томиться голодом и жаждой. Стоя по пояс в воде под плодовыми деревьями, он не мог сорвать плода и напиться воды, так как ветви и струи убегали от него.

фантастических сновидений я просыпался утомленным, точно совершил тяжелую работу.

Мне снилось все пережитое за день в прериях, размееется, в сгущенном виде. Сон перекликался с действительностью.

Но разбудил меня приятнейший сюрприз: прохладный душ. Это был дождь, настоящий мексиканский ливень.

Редко кто радуется дождю на бивуаке, но я ликовал.

Гром рокотал непрерывно. Молнии раздирали небо, и вскоре послышался рев потока, бежавшего по дну баранкоса.

Первой моей мыслью было утолить жажду, и с этой целью я лег навзничь и широко раскрыл рот. Само небо меня поило.

Хотя капли падали крупные, но дело подвигалось слишком медленно. Тогда я вспомнил о непромокаемом плаще и разостлал его на земле, вдавив в углубление почвы.

Минут через пять жажды не было и в помине, и я удивился, как могло столь пустычное лишение причинить мне такие муки. Моро напился из того же «водоема» и вновь отошел пастись.

Изнанка моего плаща, а также кусок земли, им прикрытой, не вымокли. Растянувшись на сухом островке земли, я укрылся серапе и уснул под раскаты грома, как под колыбельную песню.

Глава 19

Я ЗАБЛУДИЛСЯ В ПРЕРИЯХ

На этот раз я уснул легким, безмятежным сном, видений, кажется, не было, или столь мимолетные, что я позабыл их проснувшись.

Когда я раскрыл глаза, солнце уже сверкало на безоблачном небе.

Первым ощущением был голод: я ничего не ел со вчерашнего утра.

Взглядом охотника окинул я прерию. Ни птица, ни зверь не нарушали ее величавого однообразия.

Только Моро на длинной привязи спокойно щипал траву.

Как ему не позавидовать?..

Я свесился над баранкосом: какая жуткая глубина! Однако спуск в этом месте был возможен.

В результате выветривания горной породы здесь обривались «ступеньки». Пеший путник их одолеет, но копь — никогда.

Над крутыми склонами балконами нависли каменные уступы, а в щелях гнездились колючие кустарники и кипарисовые кедры.

Каменистое ложе еще хранило следы влаги. По руслу баранкоса промчалось огромное количество воды, а теперь нельзя было зачерпнуть и чашки. Последние струйки просачивались в песок, и лужицы испарялись.

Вскинув на плечи карабин, я долго бродил над обрывом и, не высмотрев дичи, вернулся к месту ночлега.

Ворвать колышек, к которому был привязан Моро, и оседлать коня было делом минуты.

Но как вернуться в ранчерию? В каком направлении ее искать?

От вчерашнего плана вернуться по своим собственным следам надо было отказаться: их смыло ливнем.

Помнится, я пересек большие пространства, покрытые тонким слоем пыли, на которой копыта лошади оставляли чуть заметные отпечатки.

Ливень был страшный — настоящий библейский потоп, с полновесными крупными каплями. С такого грунта, разумеется, им были начисто стерты наши неглубокие следы.

Итак, по следам вернуться нельзя.

До сих пор я не думал об этой трудности, но теперь, когда она предстала передо мной, я не на шутку оробел.

Я заблудился в прерии, вернее, прерия поглотила меня.

В таких случаях гибли всадники, снаряженные лучше, чем я. Чтобы выбраться из прерии радиусом в пятьдесят миль, требуется иногда несколько дней, а это равносильно смерти. Голод и жажда подрывают физические силы путешественника, моральное угнетение ускоряет его гибель.

В мертвенном покое прерий есть нечто устрашающее. Сильные крепкие нервы с трудом его переносят. Одни только старые трапперы и охотники, сроднившиеся с прериями, составляют исключение. Нервы, как я уже

сказал, взвинчиваются, а затем наступает расслабленность и полное безволие. На каждом шагу путник спрашивает себя, не ошибочное ли он избрал направление. Он движется зигзагами, постепенно им овладевает безумие...

Страшная вещь — одиночество в прериях.

Я испытывал его в самой острой форме.

По великой равнине я впервые блуждал наугад, мучимый голодом и жаждой.

Но воля к жизни одержала верх.

День еще впереди. Поеду по солнцу. В полдень придется сделать передышку. В этих широтах полдненное солнце стоит почти в зените, и самый опытный астроном не сумеет по нему определить, где юг, где север.

К середине дня я надеялся добраться до чапоррала, и это меня успокаивало, хотя заросли, окаймляющие прерию, не менее опасны, чем она сама.

В чапоррале можно плутать целыми днями, почти не удаляясь от исходной точки, и чаще всего он безводен, как раскаленная степь.

Оседлав и ввезав коня, я окнул взглядом прерию, намечая маршрут.

Глава 20

ЗАВТРАК В ПРЕРИИ

Перспектива в прериях обманчива. Благодаря особым свойствам воздуха предметы на расстоянии кажутся иногда больше, чем на самом деле. Волк вырастает в лошадь, ворона на бугре превращается чуть не в буйвола. Неискушенный глазомер не исправляет этих оптических ошибок.

Только опытный глаз траппера, вводя нужные поправки, схватывает настоящую величину предмета.

В двух добрых милях за озерцом на горизонте появилось пять фантастических силуэтов больших зверей.

Уже не помню, что отвлекло от них мое внимание, но даль через минуту опустела.

Зато у водоема стояли стройные антилопы. Вода отражала их фигурки. Вытянув головы, они делали стойку после бега. Антилоп было пять. Значит, успели переместиться звери, замеченные мною на горизонте.

Антилопы раздражили мой аппетит: хорошо бы поштрафовать жареной дичью!

Скорей любопытство, чем жажда, привело пугливых животных к озерцу: они давно присматривались к всаднику и, не выдержав, пустились бешеным галопом, чтобы разглядеть меня и Моро.

Чуткие звери, застывшие у воды, дичились и вздрагивали, и по всему было видно, что ближе они не пойдут.

Нас разделял баранкос. Приманив антилоп к обрыву, и подстрелю любую.

Тут я вспомнил о пестром полосатом серапе; при известной ловкости «игра с серапе» может привести к желанным результатам.

Я подполз к баранкосу, поближе к антилопам. Поверьте, я крался бесшумно: от успеха зависел завтрак, от завтрака — энергия в борьбе за жизнь.

Дичь пошла на приманку. Антилопы — самые пугливые животные в мире перед лицом врага, но когда они сталкиваются с новым предметом, любопытство заглушает в них чувство страха.

Уступая соблазну, антилопы вплотную подходят к интригующей их приманке и разглядывают ее в упор.

Кусок цветной материи произвел сильное впечатление. Пять любопытных созданий обежали озерцо, вскинули головы на мое цветное знамя и тотчас отпрянули.

Но вскоре они вернулись. До меня доносилось их возбужденное блеяние. Они принюхивались и трясли острыми мордочками. К счастью, ветер благоприятствовал: он дул от антилоп ко мне, иначе дикарки почуяли бы человека и разгадали бы ловушку. Запах человека и дым охотничьего костра знакомы антилопам.

Выводок состоял из молодого самца и четырех самок, отбившихся, очевидно, от большого стада. Самца я узнал по росту и вилкообразным рогам, отсутствующим у самок. Он как будто предводительствовал подругами, которые жались позади, подражая ему во всех движениях.

После вторичной перебежки антилопы приблизились шагов на сто. Это как раз отвечало дальнобойности моего карабина, и я приготовился стрелять. Вожак стоял ко мне всего ближе, и я избрал его мишенью.

Прицелился и спустил курок.

Когда рассеялся дым, самец лежал на траве и хрипел в предсмертных судорогах.

Антилопы не смутились. Не понимая связи между падением самца и выстрелом, они с изумлением следили за корчами вожака.

Войдя в охотничий азарт, я вскочил на ноги, вторично заряжая карабин. Непростительная оплошность: антилопы меня заметили. Дикарки, равнодушные к ружейному огню и к агонии самца, шарахнулись и ускакали при виде человека.

Но подстреленная дичь лежала по ту сторону баранкоса. Как ее достать?

Читатель уже знает про уступы в стенах баранкоса.

Привязав Моро к колышку, я захватил охотничий нож и стал спускаться. Тяжелый карабин я оставил наверху, так как надеялся через десять минут вернуться.

Противоположный откос был круче. Я цеплялся за ветви ползучих кедров, гнездившихся между камнями.

Удивительная вещь: кто-то здесь уже поднимался. Человек или зверь? Тонкий слой почвы на уступах хранил отпечатки следов, а камень кой-где был расцарапан.

Лишь бы насытиться,— ни о чем другом я не хотел думать.

Выбравшись на равнину, я приступил к свежеванию антилопы. Дело спорилось у меня, как у мясника.

С голоду я набросился на сырое мясо, но, попробовав языка антилопы и «кровоного филе», стал разборчивее: жареная дичь несравненно вкуснее...

Я направился к баранкосу наломать кедровых ветвей для костра.

Здесь меня ждал неприятный сюрприз.

Глава 21

ГРИЗЛИ

Гризли — серый медведь — наводит ужас на всех обитателей прерии. Не впервые я встречался с гризли и узнал его сразу.

Густая шерсть, узкий лоб и широкая морда, желтоватые глаза, огромные клыки, наполовину прикрытые губой, и, наконец, крючковатые когти.

Медведь вылезал из расселины. «Лестница», по которой я только что поднялся, была ему привычна. Следы на уступах оставил гризли.

Взобравшись на равнину, медведь встал, потягиваясь, на задние лапы. Ворчание его напоминало мне хрюканье кибана, потревоженного в логове. Он почесал за ухом и начал перебирать длинными передними лапами, как это делают, играя, обезьяны.

И в самом деле, гризли был похож на гигантскую обезьяну, а мех его с рыжеватым оттенком увеличивал сходство с орангутангом.

Будь я на коне, медведь испугал бы меня не больше, чем гусеница. Всадника гризли догнать не способен, но даже отличного бегуна он поймает.

«А вдруг гризли мною пренебрежет!» — шевельнулась у меня робкая надежда.

Не похоже на это. В девяти случаях из десяти гризли нападает первым. Ни один из зверей Америки не вступит с ним добровольно в борьбу. Сам африканский лев вряд ли сохранил бы свой ореол после столкновения с гризли.

А человек, лишенный своего союзника — коня, перед ним совершенно беспомощен.

Опытные трапперы за много миль объезжают берлогу «старого Ефраима».

— Лучше встретиться одному с двумя индейцами, — говорят они, — чем с гризли...

А индейцы устраивают празднества в честь убийства каждого медведя.

У краснокожих ожерелье из медвежьих когтей считается самым почетным украшением. Носить его вправе только смельчак, собственноручно добывший эти трофеи.

Гризли же не знает равных себе противников. Кости и хрящи самых крупных зверей трещат под его могучей ланой, как под топором мясника. Ему ничего не стоит протащить по земле взрослого буйвола, напасть на пешего или конного охотника, обратить в бегство дюжину трапперов... Только пуля в лоб или в сердце, убивающая наповал, применима в борьбе с гризли.

Кровожадный и живучий зверь недаром слывет «грохой прерий». Если бы гризли обладал пружинной гибкостью и стремительностью льва или тигра, то был бы ужасней, чем все хищники кошачьей породы.

Но гризли медлительней лошади и, на счастье путников, пересекающих его владения, не лазит на деревья.

Надо сказать, что американский медведь — не любитель лесов, он предпочитает равнину, по которой разбросаны редкие рощицы. Многие от него спаслись на верхушке дерева...

Легко представить, что я почувствовал, столкнувшись с крупнейшим экземпляром гризли в голой прерии, пеший и почти безоружный.

Негде укрыться, не на что вскарабкаться. Защищаться немислимо... Со мной был только нож. Карабин остался по ту сторону баранкоса, и достать его бесконечно сложно. Если даже решиться на спуск по каменистой тропе на дно расселины, безумная попытка кончится плачевно: гризли давно освоился с этой тропой, а когти у него великолепные...

Но хуже всего было то, что медведь стоял на пути к ружью.

Сердце упало. Неужели идти на медведя с ножом?

Охотники, вооруженные одним ножом, иногда одолевают серого медведя, но борьба для них кончается тяжкими увечьями.

Я читал, будто у гризли можно вызвать дыхательную судорогу, надавив пальцами на горловой хрящ. Даже небольшой нажим в этом месте влечет спазму и обессиливает медведя.

Гризли опустил на все четыре лапы, зарычал и оскалился.

Я хотел было ждать нападения на месте, но когда на меня надвинулась косматая туша, и в нескольких шагах сверкнули желтые клыки, когда по мне скользнули глаза зверя, налитые кровью, — я переменял тактику и побежал.

Расчет мой основывался на том, что медведь, почуя запах убитой антилопы, соблазнится свежим мясом. Если задержка будет продолжительной, я успею спастись, если же нет...

Увы! Зверь пренебрег свежинкой.

Оглянувшись на бегу, я увидел, что гризли и не думает обнюхивать антилопу, а равнодушно шествует мимо.

Дальше бежать было опасно: я только раздражаю медведя. Будь что будет, попробую пересечь баранкос и добраться до ружья.

Не разбирая направления, я бросился к обрыву.

Вдруг ослепительный блеск ударил мне в глаза: на солнце искрился водоем. Сам того не заметив, я очутился на берегу озера.

Какой-то тайный инстинкт подсказывал мне, что это к лучшему.

Борьба еще не начиналась.

«Спасение мое в воде»,— подумал я. Правда, гризли — хороший пловец, и ему нипочем быстрходные реки и глубокие озера, но я умею нырять, а это большое преимущество.

У берега было мелко, до колен. Дальше — глубже. Вот уже по пояс.

Я боязливо оглянулся: медведь стоит на берегу.

Ему ничего не стоило догнать меня вплавь, но почему-то он мешкал. Пользуясь этим, я отходил к середине бассейна по медленно опускавшемуся дну.

Еще доставая ногами до дна и прежде, чем пуститься вплавь, я в последний раз оглянулся на медведя.

Он все еще балансировал на задних лапах.

Вдруг гризли принял нормальное положение и, как часовой, начал ходить взад и вперед по берегу, изредка уклоняясь в прерию.

Похоже было, что он меня стережет.

Озеро имело шагов четыреста в диаметре. Между мной и медведем было неполных двести.

Гризли топтался между озером и расселиной, отделявшей меня от лошади и карабина, а я стоял по горло в воде, не зная, куда плыть.

Если бы медведь отошел на противоположный берег водоема, я успел бы, пожалуй, выбраться на берег и добежать до баранкоса. Но косматый часовой не покидал поста...

Осада длилась добрых полчаса.

Я начинал отчаиваться. Водоем, очевидно, питался подземным ключом, ибо вода в нем была ледяная. Я зачоченел, но не смел шелохнуться. Малейший плеск воды мог подействовать раздражающе на свирепого зверя и побудить его к наступлению. Стуча зубами от холода, я неподвижно стоял в воде.

Наконец терпение мое вознаградилось. В одну из своих коротких экскурсий в прерию медведь заметил антилопу. Я видел, по крайней мере, что он над чем-то скло-

няется. Над чем, я не мог определить, так как прерия лежала выше поля моего зрения.

Вдруг медведь поднял морду, и в пасти его я различил кусок мяса. Гризли потащил добычу в баранкос и некоторое время не показывался.

Глава 22

ОТЧАЯННАЯ СХВАТКА

Переплыв самое глубокое место, я нащупал ногами дно и выбрался на противоположный песчаный берег.

Теперь между мной и медведем лежало все озеро.

Каждую минуту мог появиться гризли, спрятав в логове остатки антилопы.

В пять минут гризли сожрет маленькую антилопу и еще больше расщиплет, опьяненный вкусом и запахом крови.

Я не знал, на что решиться. Чтобы удрать от медведя в прерию, надо вернуться назад — за лошадью и карабином, а пускаться в прерию пешком без лошади и ружья то же самое, что уплыть в открытое море без весел и без паруса.

Допустим, что я доберусь до ближайшего селенья. Разве я способен подло бросить привязанную лошадь в соседстве медведя? Я слишком любил Моро и не мог его предать.

Единственный переход через баранкос был занят медведем. Гризли засел где-то в глубине. Я не полезу в пасть медведю.

Благоразумнее поискать другой дороги.

Но гризли появился на этот раз по ту сторону баранкоса, там, где остался Моро. Цепляясь лапами за откос, он медленно и грузно выполз наверх.

Сердце заныло: медведь растерзает Моро!

Конь отдавал себе полный отчет в опасности. Он был привязан к врытому в землю колу футам в четырехстах от баранкоса; привязью послужило лассо двадцатиярдовой длины.

Увидев медведя, Моро закружился на корде, пытаясь освободиться.

Начавшаяся драма пригвоздила меня к месту. Я был

не в силах помочь бедной лошади,— так, по крайней мере, мне казалось.

Зверь грузными шагами надвигался на Моро. Но конь отскочил в сторону и вновь закружил по небольшому радиусу, который представляло собой лассо.

Глядя на туго натянутое лассо, я понадеялся, что оно порвется, и Моро, волоча его за собой, ускачет в прерию. Но лассо было сплетено из прочных кожаных ремней, а кол глубоко врыт в землю.

Я отдал бы все на свете за то, чтобы разрубить ножом проклятую ременную привязь.

Скачущая по кругу лошадь ловко увертывалась от медведя, а гризли ловил ее, перебегая по хордам окружности или описывая концентрические круги меньших радиусов.

Все это похоже было на цирковой номер. Моро избражал дрессированного скакуна, медведь — наездника.

Раза два или три медведь запутывался лапами в туго натянутой и быстро вращавшейся ременной привязи. Увлекаемый ее движением, он кувыркался и барахтался. Эти злоключения, казалось, приводили его в неистовство. После каждой неудачи энергия медведя удваивалась.

Зрелище было довольно забавное...

Так продолжалось несколько минут без существенных перемен. Медведю не могла не надоест эта бесконечная карусель. Неуклюжий зверь должен был отступить, побежденный ловкостью жеребца. К тому же Моро лягал медведя так метко и сильно, что всякий другой на месте гризли упал бы замертво.

Вскоре борьба приняла новый оборот. Запахло развязкой.

Кружащаяся привязь вновь захлестнула гризли, но на этот раз медведь не стал из нее выпутываться, а крепко вцепился в ремень когтями и клыками. Вначале я думал, что зверь перегрызет лассо, и обрадовался. Но медведь, не отпуская натянутого ремня, закружился вместе с ним, тормозя движение коня. Медленно, но верно, скользя по ремню, гризли подбирался к своей жертве. Моро заметался. Звонкое ржание его не умолкало.

К этому времени я уже переплыл озеро.

Карабин, как вы знаете, остался почти на краю баранкоса, недалеко от привязанной лошади. Убив антилопу, я успел его зарядить.

Я подбегаю к обрыву, соскальзываю на дно, подни-

маюсь на противоположный откос, схватываю карабин и кидаюсь к «карусели».

Еще не поздно. Медведь, кружащийся вместе с Мором на корде, не успел подобраться к коню: между ними пять-шесть ярдов.

Я стреляю с десяти шагов. Пуля, очевидно, подрезает ремень. Освобожденная лошадь шарахается, исчезая в прериях...

Только позже выяснилось, что я неопасно ранил медведя, подпалив ему шкуру. Пуля моя и не думала подрезать лассо, а гризли причинила не больше вреда, чем удар хлыстом. Моро освобожденный последним отчаянным усилием, от которого лопнуло лассо.

Теперь наступила моя очередь.

Гризли, упустив лошадь, обернулся ко мне с гневным рычанием.

Уклониться от борьбы было немыслимо, а зарядить исторично карабина я не успел. Вначале я защищался упористым, как хорошая дубина, прикладом. Потом, отпросив ружье, схватился за нож и всадил его в бок зверю...

Одна лапа налегла на бедро, другая — на плечо. Длинные желтые медвежьи клыки сверкнули у меня перед глазами.

Но я не растерялся, облапленный медведем. Со всей силой отчаяния я снова пырнул его ножом, метя в сердце.

Мы покатались по земле. Надо мной зияла пасть чудовищного зверя. Я ничего не сознавал, но кипел дикой злобой, подобно охотнику каменного века...

Уже не помню, как терзал меня медведь и сколько раз погружался мой нож в его мясо... Скажу только, что грива кругом покраснела...

Я больше не могу... я умираю...

Глава 23

СТАРЫЕ ТОВАРИЩИ

Я потерял сознание. Наконец я открыл глаза: неужели я еще жив?

Да, я не умер... Кто-то обмывает мои раны. Жгучая боль...

У склонившегося надо мной человека — рука грубая, но выражение лица сочувственное, нежное, говорящее о добром сердце.

Я все еще лежу в прерии, под открытым небом, вспоминаю подробности схватки с медведем. Не верится: ведь я умер...

Нет, я только лишился чувств! И вот я дышу и вижу небо.

Надо мной ослепительная мексиканская лазурь, кругом зеленеющие прерии; шевелятся какие-то люди, пасутся лошади.

Где я? Куда я попал?

Кто бы ни были эти люди, они друзья. Им я обязан своим спасением от медвежьих лап.

Хочу расспросить, как все случилось, но слабость мешает.

Вот ко мне нагнулись двое — один чернобородый, с густыми бакенбардами, другой — старик с обветренным лицом, загорелым, точно его вылудил медник. Я перевожу взгляд с одного на другого, и в сознании всплывают образы прошлого. Я узнаю эти черты...

Но все заволакивает туман, я больше ничего не вижу, голова кружится...

Я вновь теряю сознание.

Очнулся я бодрей. Солнце садилось. Кожа буйвола, протянутая на двух жердях, защищала меня от косых вечерних лучей. Я лежал на разостланном серапе, а под голову мне положили мое седло, обернутое в звериную шкуру. Лежа на боку, я видел: костер, двое людей. Один сидит у огня, другой стоит. Тот, что помоложе, оперся на карабин и устремил глаза на костер. Он — типичный траппер мексиканских плоскогорий: футов шести ростом, в мокасилах*, цветущий, плотный — настоящий англосакс. Сухие нервные пальцы переплелись над стальным дулом. Румяные полные щеки, пышущие здоровьем, длинные баки, сходящиеся, по тогдашней моде, почти у подбородка, большая темно-каштановая борода... Маленькие карие глаза траппера говорили о твердом волевом характере. Судя по цвету волос, у незнакомца должна была быть нежная белая кожа, но он загорел в мексиканских степях и стал похож на мулата — таково мо-

* *Мокасины* — индейские башмаки без каблуков из свежесудобленной кожи, нередко отделанные бахромой.

гуще действие здешнего солнца. Этот стареющий человек с открытым, умным лицом был, конечно, красавец в молодости. Черты его дышат смелостью и добротой. На нем охотничья куртка из оленьей замши, прокопченной дымом костров и тонкой, как перчаточная. Наколенники и мокасины настоящей индийской работы, с подошвами из кожи буйвола. Расстегнутый ворот открывает шею и грудь и тельную рубашку из кожи антилопы.

Все, как видите, кожаное: человек был буквально зашит в кожу. Бахромчатый воротник куртки живописно ниспадал на плечи траппера. Полы куртки тоже были отделаны бахромой. Шапка на нем была из цельного енота, с мордочкой на месте козырька, а полосатый хвост «ракуна» * свисал на левое плечо.

Патронташ из дубленой рысьей кожи, украшенный головкой утки одной из красивейших пород, так называемой «летней утки», висел на ремне рядом с большим охотничьим рогом, испещренным различными узорами и надписями.

Траппер был неплохо вооружен: нож и револьвер за поясом и длиннейший карабин за плечами, настолько прямой, что дуло с прикладом сливались в одну линию.

Бросилось в глаза какое-то щегольство в вооружении и в одежде траппера. По всему было видно, что он нервнодушен к своей внешности.

Упомяну еще про сумочку на его груди, очевидно, подарок какой-нибудь черноглазой мексиканки.

Товарищ траппера отличался от него во всех отношениях. Все в нем поражало дикостью и несуразностью. Он сидел у костра в полоборота ко мне, выставив толстые колени; не человек, а деревянное пугало, обтянутое грязно-коричневой оленьей кожей. Челюсти этой куклы энергично работали: он ел бифшекс, зажаренный на костре.

Лет ему было шестьдесят. Черты довольно суровы, нос орлиный, глаза черные, буравящие, волосы жесткие и короткие, цвет лица смуглый от природы. В этом лице было нечто от француза, испанца и англичанина. В Мексике встречаются самые сложные помеси рас.

* *Ракуна* — енот — один из самых распространенных мехов в Америке.

Присмотревшись к человеку, сидевшему у костра, я заметил, что у него не было ушей.

Есть нечто отталкивающее в этом уродстве. Оно наводит на мысль о варварской мести. Воображение невольно рисует кровавую сцену. Любопытно, какое преступление искупил этот человек ценой потери своих ушей.

Но случайно я знал, при каких обстоятельствах был обезображен траппер. Я что-то вспомнил. Да, я знал этого человека!

Много лет назад я с ним встретился почти в такой же обстановке, и тогда он сидел у костра, поджаривая мясо. Тот же костюм, та же поза. Узнаю епотовую шапку, узкие наколенники из оленьей кожи, тощие, словно деревянные ноги. Траппер как будто не переодевался с момента нашей первой встречи: все так же засалено.

Забить такого человека невысказано. Это был Рубен Раулинг, или «старый Рубби», как его звали обычно, — знаменитость среди трапперов.

С ним его неизменный товарищ — Билли Гаррей, неразлучный спутник «старого Рубби».

Со мной друзья!

Я хотел было их окликнуть, но взгляд мой упал на лошадей, щипавших траву в отдалении. То, что я увидел, было настолько неожиданным, что, несмотря на боль, я приподнялся на локте.

На привязи разгуливала старая слепая кобыла с потертыми боками, торчащими ребрами и длинными ушами. По худобе ее, по серой масти, по жидкому хвосту и общему сходству с мулом я узнал старую приятельницу — лошадь Рубби. Рядом с нею находился рослый и статный конь Гаррея и, наконец, тут же, на привязи — мой бесценный Моро!..

Вот сюрприз! Моро умчался от медведя в прерию. А я-то считал его погибшим!

Но если читатель думает, что причиной моего волнения была встреча с Моро, он ошибается. Тут была еще одна лошадь. Я тоже ее узнал!

Благородная стать, крутые бока, белая с серебристым отливом масть, пышный хвост и черные торчащие уши — все это было мне знакомо...

Здесь был «белый мустанг прерии»!

НОЧНАЯ БЕСЕДА

От нервного потрясения и физической боли я потерял сознание. Обморок был коротким. Ухаживавшие за мной трипперы положили мне мокрую тряпку на лоб. Я очнулся, но еще не мог говорить. Они беседовали. Вот что я услышал:

— Черт бы побрал этих женщин! — говорил знакомый голос Рубби. — Как издеваются над нашим братом!.. Погляди-ка на молодца, в каком он состоянии... А все из-за девчонки. К черту женщин!..

— Ну, чего там! — с расстановкой ответил Гаррей. — Он ее любит... Девушка, я слышал, недурна собой. Любовь, Рубби, не шутка...

Протянутая на жердях буйволовая кожа скрывала от меня Рубби, но по долетевшему до меня бульканью я заключил, что Рубби приложился к бутылке — так на него подействовали слова Гаррея.

— У тебя, как вижу, — продолжал, откашлявшись, Рубби, — в голове гуляет ветер, как у злополучного капитана... Любовь, говоришь, не шутка!.. Э-хе-хе! Зрелых, разумных людей она превращает в мальчишек... Приятеля нашего любовь совсем окрутила.

— Помалкивай, Рубби! Опыт в любви у тебя небольшой...

— Ты попал в самую точку, Билли: и со мной — кхе-кхе! — однажды приключилось... и я когда-то был влюблен! Влюблен — от головы до пят. Но девушка, видишь ли, была красива, как картинка...

Это признание сопровождалось вздохом, напоминавшим фырканье бизона.

— Кто же она? — спросил, помолчав, Гаррей. — Белая или краснокожая?

— Краснокожая? — презрительно воскликнул Рубби. — Ну, нет, дорогой, это не мой вкус!.. Впрочем, я не хочу сказать, что индейки хуже белых! По-своему, они хороши... С ними легче развязаться!.. У меня в разное время было с полдюжины краснокожих приятельниц. И можешь мне верить, приятель, я ни разу никому не уступал этих «скау» на одну булавку или щепотку табаку дешевле, чем они мне обошлись. Большею частью я брал даже лишнее. Но вернемся к той, о которой ты

спрашиваешь: эта девушка была подругой моего детства.

— Значит, белая?

— Еще спрашивает!.. Как лепесток маргаритки. Как череп бизона, выбеленный солнцем прерии. А волосы... Ого! Золотисто-рыжие, как хвост лисицы, и шальные глаза... Ах, Билли! Такие глаза, старина, хоть кому вскружат голову. Большие и нежные, как у оленьей самки. Только раз в жизни встречал я такие глаза.

— А как же ее звали?

— Звали ее Шаритэ. А фамилия,— выскочила из памяти,— фамилия ее Холмс! Да, да, вспоминаю: Шаритэ Холмс! Не забыл все-таки! Она родилась в округе Большой Утки, в глубине штата Теннесси. Погоди немного: дело происходило лет сорок назад!.. Встретились мы детьми у кондитера. Помню, мы с нею грызли с двух концов один и тот же паточный леденец, так называемую «палочку». Грызли-грызли — «палочка» все уменьшалась, и наконец нам пришлось поцеловаться. Губки Шаритэ показались мне слаще леденца. В другой раз мы встретились, если память мне не изменяет, в мелочной лавчонке, а потом на деревенской таицульке. Тут, собственно, и заварилось дело. Бедняга Рубен Раулингс влюбился по уши! «Мисс Шаритэ! — сказал я. — Вы мне нравитесь не на шутку!..» А девушка ответила: «Ничего против вас не имею, мистер Рубен!..» Сломя голову бегу к старику Холмсу. Прошу руки его дочери — Шаритэ. Но старый Холмс был тугой человек: он отказал мне. А тут кстати подвернулся странствующий торговец из Коннектикута, воспылавший страстью к Шаритэ. Повертелся, поухаживал и женился на ней... Так-то, Билли! К черту женщин! Все они одинаковы! Вскоре после того встречаю наглеца-коробейника и задаю ему такой хороший урок, что он месяц валяется в постели... В связи с этой историей пришлось покинуть родные места и перебраться в прерию. Никогда больше не видел Шаритэ, но мне рассказывал приезжий из Миссури, что из нее вышла примерная жена. Если она до сих пор здравствует, то народила кучу детей... Да, на женщин, видишь ли, нельзя полагаться, Билли!.. Посмотри, до чего они довели этого джентльмена! — патетически воскликнул Рубби Раулингс, указывая на меня. — Брось, Билли! Ты меня не переспорнишь!..

Я не вмешивался в разговор трапперов и не показы-

нил вида, что прислушиваюсь к нему. Все окружающее было окутано тайной. Как попал сюда «белый мустанг»? Как свела меня судьба с Рубби и Гарреем — старинными моими приятелями? Головоломка!

Еще загадочней было то, что Рубби и Гаррею известна романтическая подоплека моего пребывания в прерии. Ни в эскадроне разведчиков, ни в ранчери на аванпостах, ни в другой американской части они не служили. Будь они в армии, я бы о них услышал, да и сами они не поленились бы меня разыскать при нашей тесной дружбе.

Только Раулинг и Гаррей могли удовлетворить мое любопытство.

— Эй, Рубби, Гаррей! — пролепетал я, поднимаясь.

— Он очнулся! — послышалось в ответ. — Ему лучше! Лежите смирно, приятель! Вам вредно шевелиться. Поисмугу окрепнете! — сказал Гаррей.

— Глотните-ка этого животворящего напитка!

И Раулинг, нагнувшись, поднес флягу к моим губам. Крепкий виски огнем разлился по жилам.

— Вам, кажется, лучше, капитан? — повторил Гаррей, видимо, довольный тем, что я их узнал.

— Да, старики, мне лучше!

— И мы вас не забыли... Сколько раз толковали мы с Рубби о вашей судьбе. Мы, разумеется, слышали, что вы вернулись в Штаты, где-то осели в качестве фермера и даже переменили фамилию из-за...

— У черту фамилию! — перебил его Рубби. — Я десять раз готов переменить фамилию за клочок земли на берегу реки Джемса...

— Во всяком случае, капитан, — вмешался Гаррей, — имняя бестактность Рубби, — мы вас помним!

— В жизни вас не забуду, — искренно подтвердил Рубби. — Можно ли забыть человека, который издала принял старого Рубби Раулинга в его меховом одеянии — медведя — гризли?.. Здорово потешался Билли, когда к нему рассказывал случай в пещере... По-моему, Билли, ты никогда так не смеялся! Подумать только: старого Рубби он принял за американского медведя!..

Почтенный траппер хохотал не менее двух минут. Успокоившись, он сказал:

— А забавны все-таки наши встречи, дружище!.. Вы когда-то спасли мою старую шкуру, и я обязан вам до могилы.

— Но теперь, кажется, мы квиты: вы меня тоже спасли?

— Не стану спорить: от второго медведя мы вас избавили, но с первым гризли вы разделались самостоятельно. Надо думать, порядочно с ним повозились. Вы мастерски всадили в гризли нож! Отдаю вам должное!

— Значит, было два медведя?

— Взгляните-ка, вот она — парочка! — и траппер указал в направлении костра.

Я увидел две искромсанных медвежьих шкуры.

— Но я как будто имел дело с одним медведем?

— Хватит и одного! — глубокомысленно заметил Раулингс.

— Неужто убил его я?

— Да, дружище! Когда мы с Билли подошли к месту борьбы, медведь был мертв и безобиден, как копченый поросенок, но ваше состояние немногим отличалось от медвежьего: вы лежали в обнимку с гризли, тесно к нему прижавшись, как будто мирно уснули со «старым Ефραίмом», а крови в вас не оставалось даже на завтрак неприятельской пивявке...

— Откуда же взялся второй медведь?

— Второй, спрашиваете вы? Он вылез из расселины. Билли гонялся за «белым мустангом», а я сидел возле вас, там, где мы сейчас находимся, когда показалась медвежья голова. Я тотчас сообразил: это медведица пришла проведать супруга. Не растерявшись, я всадил ей пулю в глаз из своего доброго карабина, и она отправилась к косматым праотцам... А теперь послушайте, молодой человек: мы с Билли не дипломированные врачи, но все же достаточно понимаем в ранах, чтобы запретить вам движение и болтовню. Будьте благоразумны: лежите спокойно... Вы сильно расцарапаны, но раны не опасны. Главное потеря крови. В лице у вас ни кровинки. Организм возместит потерянное... Еще глоток из фляжки!.. Вот так, хорошо! А теперь, Билли, оставим его в покое и пойдем отдохнуть и закусить медвежатиной!

С этими словами Раулингс направился к костру в сопровождении товарища.

Хоть мне и не терпелось получить разъяснение по другим волновавшим меня вопросам, я понял, что бесполезно обращаться к упрямцу Рубби после того, что он сказал, и, поневоле последовав его совету, забылся сном.

РУББИ НЕ ПОЙДЕТ В РЕЙНДЖЕРЫ!

Спал я долго и крепко. Проснулся около полуночи. Было довольно холодно, но, закутанный в серапе, я не чувствовал сырости.

Силы мои восстанавливались. Я поискал глазами товарищей. Костер потух. Очевидно, его погасили, чтоб он не привлек внимания бродячих индейцев. Ночь была ясная, хотя безлунная. Тысячи звезд усеивали небо, и в их тусклом мерцании я различал фигуры трапперов и пасущихся лошадей. Один из охотников спал, другой охранял бивуак. Он сидел неподвижный, как изваяние, и только огонек, попыхивающий в трубке, свидетельствовал о том, что он бодрствует. Даже при слабом свете звезд в чутком страже нашей безопасности я узнал Рубби.

Я был слегка раздосадован тем, что дежурит Раулингс, а не Гаррей. От молодого траппера можно было добиться больше толка. Во всех отношениях я предпочитал расспросить Гаррея.

Однако, снedaемый любопытством, я обратился к Рубби, сидевшему в двух шагах от меня. Чтобы не разбудить спящего Гаррея, я говорил шопотом.

— Как набрели вы на меня?

— По следам.

— Значит, вы меня выслеживали от самой реки?

— Ну, зачем же! Мы с Билли стояли в чапоррале и оттуда заметили вашу погоню за «белым мустангом». Я узнал вас с первого взгляда, Билли — тоже. Тут я ему говорю: «Слушай, Билли, это тот самый молодчик, который принял меня за американского медведя». А нужно сказать, что, вспоминая эту забавную историю, я всегда смеюсь до упаду... «Ты прав, это он!» — отвечает мне Билли. В эту минуту нам попался проводник-мексиканец: обеспокоенный вашим исчезновением, вакеро кружил по степи. Он рассказал нам историю о какой-то избалмошной синьорите, которая послала вас ловить «белого мустанга». «К черту женщин!» — сказал я тогда же Биллю. Не правда ли, Билли?

На этот вполне уместный вопрос Гаррей ответил утвердительным мычаньем.

— Итак, — продолжал Рубби, — видя, что все дело в

женщине, я говорю Билли: «Молодчик не успокоится, пока не поймает лошадь или не собьется с ее следов!» Под вами, как я заметил, был недурной коны, но, с другой стороны, вы гнались за лучшим скакуном прерии. Вот я и говорю Билли: «Скачка-то будет бешеная!» А Билли отвечает: «Ну, конечно!..» Но когда мы с Билли увидели, что белый жеребец метнулся в широкую прерию, нам стало ясно, что вы заблудились. Здешние прерии — не величайшие в Мексике, но потеряться в них ничего не стоит. Ваши молокососы рейнджеры вернулись домой, а нам с Билли ничего не осталось, как седлать коней и пуститься за вами.

Единственным указанием для нас могли послужить ваши следы, но на полпути нас захватили сумерки, и мы вынуждены были сделать привал до утра. Ночью прошел сильный дождь, и мы потратили уйму времени, чтобы добраться до расселины. «Погляди-ка,— говорит мне Билли.— Белая лошадь прыгнула в баранкос, а вот и следы капитана, тоже уводящие на дно расселины». Так! Собрались спускаться, да вдруг заметили поодаль вашу лошадь, расседланную и без поводьев. Помчались к ней напрямик. Видим какую-то темную массу около лошади. Что такое? Оказалось: вы с гризли. Лежите спокойненько, обнявшись, как парочка опоссумов или сони-белки. Ваша лошадь ржала и заливалась, как плененная рысь. Вначале мы с Билли подумали, что вы покончили счеты с жизнью, но, приглядевшись, видим: вы только в глубоком обмороке, а «старый Ефраим» действительно мертв. Ну, разумеется, мы сделали все, что от нас зависело, чтобы поставить вас на ноги.

— «А белый мустанг»?

— Билли поймал его немного дальше, на дне баранкоса. Скакуна остановили каменные глыбы, завалившие русло. Мы это предвидели, потому что местность нам знакома. Зная, что лошадь не сумеет подняться по круче, Билли бросился за ней, и обнаружил на выступе, куда она забралась, ища спасения от потока. Накинув ласо на шею беглянке, он привел ее сюда. Довольно вам? Кажется, все узнали?..

— Имейте в виду, капитан,— вмешался Гаррей, приподнимаясь на локте,— что мустанг в вашем распоряжении.

— Благодарю вас, друзья, и не только за подарок, а за то, что вернули меня к жизни. Если б не вы, приклю-

чение закончилось бы печально... Не знаю, как вас благодарить!

Все теперь разъяснилось, но несколько слов, незначительных оброненных Гарреем, побудили меня к дальнейшим расспросам.

Вот что я узнал: трапперы спешили присоединиться к действующей американской армии.

Раньше я не знал за ними этой вражды к мексиканцам и, немного удивившись, попросил рассказать подробней, в чем именно состояли мексиканские «зверства», которые их так глубоко потрясли. Мне ответили обстоятельным рассказом. Случай произошел в одном из пограничных мексиканских городов, где трапперов арестовали по какому-то вздорному поводу и жестоко избili плетью по приказу начальника поста.

— Да,—гневно проворчал Рубби,—нас отстегали плетью, свободных тexasских горцев отстегали плетью проклятые мексиканцы!.. Не стоит об этом говорить!.. Клянусь, я не покину Мексики, пока не убью двадцать мексиканцев: по счету полученных мною плетей.

— Старина! — воскликнул Гаррей.— Присоединяюсь к твоей клятве.

— Да, Билли! — подхватил Раулингс.— Мы с тобой выравниваем счет... Лично мне осталось только восемнадцать.

Рубби показал мне две свежих зарубки на прикладе карабина. Я понял: они соответствовали двум убитым мексиканцам.

Впрочем, это были не единственные жертвы траппера; на двух частях приклада длинными столбиками располагались замысловатые зарубки. Этими условными знаками изображалось бурное прошлое моего приятеля, богатое убийствами и жестокими эпизодами.

Я молча отвернулся.

— Не смущайтесь, молодой человек! — заметил Рубби, видя, что летопись его подвигов не доставляет мне особого удовольствия.— Мы с Билли Гарреем не какие-нибудь кровожадные изверги... Нам пришлось побывать и ужасных переделках, и все-таки мы не вымещаем обид на женщинах и детях. Мирных людей мы вообще не трогаем, предпочитаем военных... Чем виноваты рабы, стоящие под мексиканским игом? От них мы не видели зла. Но мы участвовали с индейцами племени юбава в иибсге на форты Дель-Норте; здесь были сделаны две

последних зарубки. Но можете мне поверить, мы пальцем не тронули женщин и детей; индейцы держатся в этом отношении иных взглядов, и нам пришлось с ними расстаться. Мы хотим драться с врагами, как равные с равными. Вот что нам нужно, приятель!

Рубби оправдывался. Совесть его была, должно быть, не чиста. Забавно было слушать, как он отмежевывается от индейцев, обвиняя их во всех смертных грехах. Об одичавших трапперах в то время говорили, что они «индианизированы», то есть переняли у краснокожих самые отчаянные приемы борьбы. Но как бы ни был «индианизирован» старый траппер, сквозь его наружную свирепость просвечивала доброта. В самом деле, я не раз наблюдал у Рубби вполне человеческие порывы. Но жизнь поставила его в исключительные условия, и старого траппера нельзя было судить по законам нормального общежития.

— Итак,— спросил я, немного помолчав,— вы собираетесь примкнуть к корпусу рейнджеров?

— Да,— подтвердил Гаррей,— и притом к вашему эскадрону, капитан! Таково, по крайней мере, мое желание. За Рубби я не отвечаю...

— Ни за что на свете,— с горячностью воскликнул Рубби,— я не поступлю в регулярную часть! Черныш сражается только за себя. Я вырос в горах, на свободе, и ничего не смыслю в ремесле солдата. Военная дисциплина мне не по вкусу. Каждый воюет по-своему. Мы с Билли прирожденные партизаны. Не так ли, Билли?..

— Пожалуй, ты прав,— коротко ответил Гаррей,— и все-таки, Рубби, по-моему, лучше поступить в регулярные войска, особенно под начальство такого капитана, как наш приятель. Он облегчит нам строевую службу. Не так ли, капитан?..

— Дисциплина в моем эскадроне не слишком суровая... Наша служба — служба разведчиков — в известном смысле отличается от...

— Ерунда! — перебил меня Рубби.— Я хочу драться без всякой указки. Чтоб я мог придти и уйти свободно, когда мне вздумается... К черту регламент! Это не для меня... Все равно я дезертирую...

— Но, записавшись волонтером, вы будете получать жалованье и солдатский паек,— заметил я, полагая, что этот довод должен подействовать на Рубби.

— К черту пайки и солдатское жалованье! — крикнул

старый траппер, ударив прикладом по земле.— Я мститель, а не наемник!..

Это было сказано таким решительным тоном, что я не стал навязывать Рубби своих советов.

— А все-таки, капитан,— проговорил, немного смягчившись, Рубби,— хоть я и не поступаю под ваше начальство, но попросил бы вас разрешить мне и Билли повсюду следовать за вашим отрядом. Солдатских пайков нам не нужно: мексиканская прерия богата дичью, и мы — хорошие стрелки.

Гаррей скромно улыбнулся.

— Итак,— продолжал Рубби,— с голоду мы не умрем. Соглашайтесь, два надежных карабина не дрогнут под неприятельским огнем.

— Согласен... Можете следовать за отрядом как свободные стрелки, ничем не связанные и никому не подчиненные. Ваша близость мне только приятна.

— В добрый час! — воскликнул Гаррей.— Выпьем, Билли!.. Да здравствует Техас!

Глава 26

ПОЖАР В ПРЕРИЯХ

Я быстро выздоравливал. Раны оказались несерьезными; содранная кожа постепенно обновлялась. Рубцевание не оставляло желать лучшего. Несмотря на первобытную медицину лечивших меня «хирургов», все шло так хорошо, точно я попал в руки патентованных врачей. У трапперов большой опыт в уходе за такими ранениями. Особенно отличался старый Рубби, для которого прерия была огромной аптекой, поставлявшей лечебные травы. Он врачевал меня примочками из вареного сока так называемой «питты», разновидность агавы, встречающейся не только в прериях, но и по каменистым нагорьям; из волокон питты вяют веревки и сучат нитки, напоминающие хлопковые, а стебель употребляется в пищу.

На положении выздоравливающего я совершал уже небольшие прогулки вокруг бивуака.

Гаррей между тем заботился о нашем пропитании. Его карабин творил чудеса: к «столу» у нас ежедневно

была превосходная дичь — легкая пища, вполне пригодная для больного.

Через три дня я настолько окреп, что мог сесть на коня. Прихватив с собой великолепного пленника, — дикого жеребца белой масти, с черными ушами, — мы с Рубби и Гарреем двинулись в путь. Дикая лошадь была все так же норовиста, но мы приняли меры, чтоб она не отбилась. Трапперы ее конвоировали с боков, опутав лассо и привязав к своим седлам.

Пренебрегая старыми следами, спутники мои выбрали кратчайший путь к воде, что бесконечно важно для путешественника в прериях. Мы держали на запад. Таким образом, двигаясь по прямой, мы не могли не столкнуться с течением Рио-Гранде, несколько севернее ранчерии.

Над прерией нависло свинцовое серое небо. Нельзя было определить направления — ни днем, по солнцу, ни ночью, по звездам, и нам грозила опасность сбиться с прямого пути. Но спутники мои вышли с честью из этого затруднения, придумав весьма своеобразный «компас».

Покидая стоянку, они водрузили в землю большую жердь, прикрепив к ней кусок медвежьей шкуры. мех на зеленом фоне прерии бросался в глаза на расстоянии мили. Чтобы наметить направление, мы соорудили в нескольких сотнях шагов от первой вехи вторую, с таким же точно меховым штандартом.

Затем мы спокойно тронулись в путь, то и дело оборачиваясь и выверяя свое движение по «сигнальным шестам».

Покуда жерди были у нас в виду, мы спокойно ехали вперед, следя за тем, чтобы наш путь составлял продолжение отрезка прямой, соединявшей вехи. Это было весьма остроумно придумано; но я уже не впервые сталкивался с изобретательностью моих друзей-трапперов, а потому не слишком удивлялся.

Прежде чем меховые значки скрылись в зеленом просторе, мы водрузили, с тем же расчетом, две новых жерди, и эти новые вехи обеспечили нам правильный маршрут еще на одну милю. Шесть раз повторили мы этот маневр и проехали целых шесть миль, то есть большую часть равнины.

Впереди чернела лесистая полоса. До нее было миль пять. К ней мы направились.

Лесистой равнины достигли к полудню. Это не был

лес в точном смысле слова: группы деревьев, разбросанные островками, отделялись друг от друга большими лужайками.

Местность располагала к отдыху. Утомленный продолжительной скачкой, я мечтал о бивуаке в тени, но вода вокруг не оказалось, а без воды остановка не имела смысла.

Немного дальше нам встретился один из незначительных притоков Рио-Гранде.

Расчеты спутников оправдались, настроение наше поднялось, и мы продолжали путь, отказавшись от отдыха.

Сделав еще одну милю «лесистой прерией», мы выбрались на открытое место. Эта луговина имела три мили в диаметре и резко отличалась от той, которую мы покинули утром. Охотники и ботаники называют такие прерии «саванными».

Перед нами была одна из таких прерий, но цветение закончилось. Чашечки раскрытых цветов увяли и осыпались, не порадовав человеческого глаза. Почерневшие, спаленные солнцем стебли...

Мы не стали пересекать эту прерию, но объехали ее и вскоре очутились на берегу арройо.

Весь переход был, в сущности, невелик, но спутники, считаясь с моими неокрепшими силами и опасаясь возврата лихорадки, предложили сделать привал. Хотя я чувствовал себя неплохо, но возражать не стал. Лошадей расседлали и привязали на берегу речонки.

В зеленой ложине, по которой бежал ручей, мы вбили колышки и привязали коней, а для ночлега избрали более удобное место на возвышенности. Здесь мы расположились под сенью большого курбарилля, на границе высокотравной прерии. К месту ночлега перенесли седла, плащи и сбрую и натаскали хворосту для костра.

Напились из ручья и свели на водопой коней. Хотя мы сильно проголодались, ужин из копченой медвежатины нам не улыбался. К счастью, ручей изобиловал рыбой. В дорожном мешке у Гаррея были крючки и складная удочка, и он предложил нам поудить.

Мы уселись на берегу арройо в ожидании, чтобы клюнула рыба.

Рубби скучал. Равнодушно следил он за поплавком, но по всему было видно, что ужение его не интересует.

— К черту рыбу! — вскричал он наконец. — Свежую оленину я предпочитаю всем рыбам Техаса. Попроую подстрелить для вас дичь...

С этими словами старый траппер вскинул на плечи карабин и своим журавлиным шагом направился вверх по ручью.

Нам не везло.

Рыба не клевала.

Послышались выстрелы: Рубби охотился в прерии, в полумиле от нашей стоянки. Голова его то появлялась, то исчезала в высокой траве; очевидно, он нагибался к убитой дичи, снимал с нее шкуру или разрезал мясо. Мы еще не знали, чем нас порадует Рубби: его заслоняли травы.

— Должно быть, олень, — заметил Гаррей. — Бизоны с некоторых пор ушли отсюда к югу. Правда, я убивал их на Рио-Гранде, но ближе к воде.

Не доходя двухсот шагов до Рубби, мы вернулись к ручью удить. Нам и в голову не приходило, что Рубби нуждается в помощи. Если бы он испытывал затруднение, то подозвал бы товарищей. Подождем. Он должен вернуться с трофеем.

Мелководный ручей кишел серебрянками, и мы были взволнованы этим открытием. Страстно хотелось выудить несколько серебрянок на ужин: мы знали, что у них удивительно нежный вкус.

Вместо приманок мы насадили на крючки по кусочку золотых галунов от моего мундира, и нам удалось выловить несколько речных красавиц. Мы развеселились, как дети. Вдруг со стороны прерии послышалось какое-то странное потрескивание. Мы невольно оглянулись.

Страшная картина представилась нашим взорам. Лошади становились на дыбы и шарахались на привязи с пронзительным ржанием. Особенно дико ржала старая кобыла Рубби. Причина испуга лошадей была ясна: искру от нашего костра занесло ветром в иссохшие травы прерии!

«Высокие травы» пылали.

Пожар в прериях — жуткое зрелище, но мы боялись не за себя. Холмик, на котором мы расположились, был почти обнажен, и вряд ли пламя могло найти на нем пищу. Если, против ожидания, огонь поползет на холм, мы всегда сумеем спастись.

Пожары в прериях не слишком опасны, когда травы

редки и не высоки. В таких случаях можно прорваться через линию огня, рискуя лишь подпалить себе волосы и ингаляторы дыму. Другое дело — на равнине с пышным растительным покровом. Итак, за себя мы не боялись, но судьба Рубби внушала нам самые серьезные опасения.

Когда мы оставили его одного, Рубби был в полумиле, среди саванны. Читатель помнит, что на охоту он отправился пешком. Он не так глуп, чтоб искать спасения в другом конце прерии, имевшей три мили в ширину. Пламя могло настигнуть даже всадника: не только пешеходу, но и лошади трудно пробиться сквозь чашу высоких стеблей, окутанных вьюнками и ползучими растениями с цепкими корнями.

Верившись кратчайшей дорогой к нам, Рубби мог еще спастись, если огонь не отрежет ему пути. Все сводилось к тому, когда спохватился наш товарищ: горе ему, если, увлекшись свеживанием дичи, он не заметил, как разбушевался пожар!

Стебли, как и следовало ожидать, были отличным горючим материалом. Пламя, подгоняемое ветром, вырывалось из зарослей багровыми длинными языками: пожар вылизывал прерию. Багровые змейки обвили стебли и пожирала их.

Предчувствуя ужасное, мы побежали к Рубби.

С перевала, в двухстах приблизительно метрах от курбарилля, мы обнаружили, что пожар прошел довольно большое расстояние и подбирается к холму.

Не успели мы окинуть взглядом прерию, как скатерть огня с шипением и треском подползла нам под ноги, и багровая завеса пожара скрыла от нас даль.

Но и беглый взгляд сказал нам достаточно: мы поняли, что старому трапперу грозит верная смерть.

Рубби стоял еще там, где мы незадолго его видели, и даже не пытался бежать. Беднягу сковало безмолвие: он не знал, что хуже: дожидаться гибели на месте, или бежать ей навстречу?

Страшно было глядеть на старика в кольце пламени. Что пронеслось в его мозгу? Вспоминал ли он свои жестокие подвиги или близких людей, которых давно растерял?.. Еще минута — и багровая волна скроет от нас Рубби: он стоял по самые плечи в травах. Ни крика, ни движения... Только безумное отчаяние во взгляде.

Старый траппер погибнет...

Глава 27.

РУББИ

Мы с Гарреем оцепенели, не зная, что сказать друг другу. Каждый слышал, как колотится сердце товарища. Я был подавлен, спутник мой страдал не меньше моего. Взор Гаррея со стеклянной неподвижностью устремился в одну точку, как будто хотел проникнуть через завесу огня, неуклонно приближавшегося к роковому месту. Никогда не забуду выражения лица Гаррея. Скупая слезинка ползла по загорелой щеке. Закаленный, презирающий чувствительность траппер не умел плакать, но дышал тяжело. Гаррей не сводил испуганного взгляда с места предполагаемой гибели Рубби. Он прислушивался к треску и шипению пламени, ожидая, не долетит ли предсмертный крик старого друга?

Недолго мучила нас неизвестность. Мы так и не услышали вопля, извещавшего о трагическом конце Рубби. Голос старого траппера был заглушен свистом пожара и сухим шелканьем загоравшихся полых стеблей, напоминавшим треск ружейной перестрелки. Но и без этого душераздирающего крика мы поняли, что развязка драмы наступила: старый траппер сгорел живьем!

Пламя уже захлестнуло место, где мы в последний раз видели Рубби, и ушло далеко вперед, оставляя позади обугленную, почерневшую землю. Рубби сгорел; нам остается искать его скелет в горячей дымящейся золе.

Гаррей с первой минуты считал гибель Рубби неминуемой. На него нашел столбняк.

Когда погиб друг, лицо Гаррея сморщилось, руки беспомощно повисли, и слезы, на этот раз обильные, покатались по загорелым щекам. Он опустил голову и глухо воскликнул:

— Кончено!.. Старого Рубби нет уже больше в живых!..

Горе мое, не столь острое, как у моего товарища, было все же велико. Зная давно старика-траппера, я делил с ним опасности, а это сближает верней, чем красивые фразы и сердечные излияния. Сколько раз наблюдал я Рубби в тяжелых переделках, и всегда убеждался, что, несмотря на свой необузданный характер, этот чудак, порвавший с жизнью цивилизованного общества и поставивший себя вне закона, добр и наивен, как мало

дети. Рубби всегда тянуло к темной и буйной компании. Он шел странные, опасные знакомства, книг не читал, ничьих поучений не слушал и жил первобытным умом и инстинктом. Только теперь я почувствовал, как дорог мне этот несуразный человек. Таких чудаков нельзя не любить, им многое прощаешь!

Но Гаррея с Рубби соединяли еще более крепкие узы. Неразлучные давнишние спутники, они вместе боролись с прагами и стихиями. Их связывала общность мыслей и привычек, и, несмотря на разницу в возрасте и расхождении во вкусах, трапперы были дружны, как братья.

Неудивительно, что молодой траппер с такой тоской глядел на роковую дымящуюся прерию.

Что мог я ему сказать? Всякие утешения прозвучали бы фальшиво. Сам я глубоко страдал и только сочувственным молчанием поддержал Гаррея.

Выждав немного, Гаррей с дрожью в голосе произнес:

— Пойдемте, капитан! Нам не пристало плакать, как старым индеанкам!..

Смахнув широкой ладонью слезы, Гаррей отвернулся и покраснел.

— Кончено! — продолжал он. — Разыщем кости друзей и предадим их земле... Идемте, капитан!

Мы сели на коней и поехали по выгоревшей прерии. Бодные лошади, наступая на тлеющие головни, болезненно вздрагивали. Копыта их ворошили пепел, под которым тлел еще огонь.

Дым разъедал нам глаза, но мы упорно пробирались к месту исчезновения Рубби.

Вот оно! Издали мы заметили какую-то черную, обугленную массу. Подъехали ближе: предмет был крупной человеческой трупы. Мы остановились в двух шагах перед тушей буйвола, подстреленного траппером. Буйвол лежал, припав на передние ноги и вздыбив хребет.

Злополучный охотник почти закончил свежевание туши. Надрезанная вдоль спинного хребта шкура была содрана с боков; обнаженное мясо на спине буйвола обуглилось, а половинки шкуры свисали до земли, закрывая брюхо.

Вокруг — ничего, похожего на останки Рубби. Когда дым немного рассеялся, мы внимательно осмотрели поверхность прерии.

Какой-то бугорок рядом с тушей привлек было наше

внимание, но, нагнувшись с седла, мы обнаружили обгорелый желудок и кишки буйвола...

Линия огня удалялась. Пожар свирепствовал в глубине прерии.

Рубби не мог выскочить из огненного кольца, да ведь он и не пытался бежать: мы это сами видели.

В лучшем случае бедняга пробежал сотню шагов и задохнулся, настигнутый огненным валом.

Костяк Рубби, прокаленный высокой температурой степного пожара, должно быть, обызвестился и рассыпался в порошок. Оставалось этому верить: ничего другого мы придумать не могли.

Мы покачивались в седлах, и на душе у нас было смутно и странно. Дым поредел, и можно было свободно разглядеть прерию.

Этот вид мексиканских степей свободен от дернового покрова; длинные, сухие стебли воспламеняются и без остатка перегорают, подобно льну. Таким образом на пожарище нечему больше дымиться; все вспыхивает разом и так же быстро успокаивается. Кругом было мертвое сожженное поле... Ничего похожего на обугленное тело Рубби...

— Наш бедный Рубби,— вздохнул Гаррей,— смешался с пеплом проклятых трав... От него не осталось и щепотки, чтобы набить трубку...

— Врете вы!— раздался голос, заставивший вздрогнуть лошадей.— Врете вы, олухи!— повторил тот же голос, исходивший как будто из-под земли.— От старого Рубби осталось еще достаточно, чтобы наполнить утробу этого буйвола. Мне тесно в буйволовом чреве... Уф-ф!.. Уф-ф!.. Задыхаюсь!.. Дай руку, Билли! Помоги мне выбраться из этой библейской могилы...

К несказанному нашему удивлению, буйволова шкура, свисавшая тяжелым пологом, зашевелилась, приподнятая невидимой рукой, и мы увидели физиономию, которую немислимо спутать с другой.

Внезапное появление Рубби было так нелепо, и трагедия так бурно разрешилась фарсом, что мы с Гарреем расхохотались, как безумные...

Молодой траппер чуть не свалился с седла. Наши лошади, ошеломленные его шумной веселостью и дикими восклицаниями, били копытами землю и фыркали, точно перед нападением краснокожих.

Вначале Рубби отвечал нам тонкой понимающей

улыбкой, но, раздраженный смешливостью Гаррея, прикусил губу. Видя, что припадок веселья затягивается, Рубби крикнул:

— Нечего ржать по-пустому!.. Протяни мне руку, дружище Билли, и помоги отсюда выбраться, или я свернусь, как улитка... Проклятый мешок ссохся и сузился от жара... Да торопитесь, вы, растяпы!.. Я тут поджарился, как в духовке!..

Гаррей мгновенно спешился и, схватив приятеля за руки, вытянул его из страшного убежища.

Старый траппер, раскрасневшийся, дымящийся, как жаркое, весь перемазанный жиром, был так отчаянно смущен, что мною и Билли овладел новый приступ веселости, продолжавшийся несколько минут.

Освобожденный Рубби не обращал уже никакого внимания на бессмысленный и обидный смех друзей, но сразу повел себя деловито. Подобрал с земли карабин; спрятавшийся под импровизированной палаткой из буйволово́й кожи, Рубби внимательно его осмотрел и, убедившись, что драгоценное ружье в полном порядке, бережно положил его на рога буйволу. Затем, вытащив из-за пояса нож, он, как ни в чем не бывало, принялся за свежевание туши.

Когда улеглось наше стихийное веселье, нам захотелось узнать подробности приключения Рубби. Но первое время Рубби был глух к нашему законному любопытству, притворяясь обиженным на непочтительных друзей.

Гаррей догадался, что Рубби вымогает у нас водку. Угостив приятеля флягой, на дне которой оставался еще добрый глоток жгучего «агвардиенте», Гаррей смягчил старика-траппера. Немного поломавшись, Рубби снизошел к нашим мольбам и рассказал свою причудливую историю:

— Давным-давно, — начал он, — когда вы еще бегали под столом, не помышляя о борьбе с гризли и краснокожими, лет сорок назад, я, как сегодня, чуть не изжарился в прерии. Не удивляюсь, — кивнул в мою сторону Рубби, — что молокосос, однажды принявший траппера за медведя, считает меня дураком. С капитана спрашивать нечего: где ему было угадать, на что способен старый Рубби. Но ты, дружище Гаррей, меня, признаться, удивил! Ведь с тобой мы знакомы не со вчерашнего дня...

Дело было дрянь! — продолжал Рубби, отпив глоток из фляги.— Спohватившись немного раньше, я еще мог бы сломя голову убежать, но я был занят свежеванием туши, стоял, низко нагнувшись, и только по треску загоравшихся стеблей узнал о начале пожара. Момент был упущен. Удрать из пекла не представлялось возможным. Это я понял сразу. Не стану вас уверять, что я не испугался: старый Рубби порядком струхнул. Была минута, когда я не сомневался, что отправлюсь к праотцам, но в это самое мгновение взгляд мой упал на буйвола. Я, как видите, уже ободрал наполовину бедную скотину, и тут-то пришло мне в голову, что можно залезть под буйволову шкуру и просидеть, сколько потребуется, в огне упорной палатке. Пробую залезть — но шкура не прикрывает меня достаточно плотно! От первой идеи отказываюсь. Придумываю нечто получше: выпотрошить буйвола и улечься в его утробе, освобожденной от кишок и прочей дряни. Задумано — сделано!.. Вспарываю боки животному, выматываю кишки и залезаю, как в распоротый мешок, ногами вперед. Хорошо, что я поторопился: пожар в прериях шутить не любит! Смерть прошла от меня на волосок! Не успел я укрыться в «спальном мешке», как со свистом нахлынуло пламя и чуть не подпалило мне ушей!..

Намек на отсутствующие уши был одной из любимых шуток Рубби, и мы с Гарреем наградили его незатейливое остроумие снисходительным смехом.

Однако самодовольное квохтанье Рубби, изображающее, надо думать, смех, настолько затянулось, что терпение наше лопнуло.

— Не томи нас, старик! — прервал его Гаррей.— Что было с тобой дальше?

— Ого-го! — отозвался старый траппер.— Пожар на чисто вылизал прерию. Там, где он прошел, не осталось ни одной змеи... Это был рев, свист, шип... Стебли щелкали, как тысяча бичей... Я чуть не задохся в дыму, но успел занавеситься шкурой буйвола... Руки дрожали от слабости, когда я ее подтыкал. А потом... потом... я сидел ни жив, ни мертв в нутре буйвола, куда все не кончилось и не подоспели вы, друзья!

Рубби, как печатью, скрепил свой рассказ проклятием и вновь принялся за свежевание туши, продымленной и прожаренной на степном огне.

Мы помогли Рубби и вернулись втроем на стоянку в

фильными и другими не менее аппетитными частями буйвола. На ужин у нас было разнообразное меню: жареная рыба, бифштексы, язык и мозги.

Нельзя было пожаловаться на гостеприимство прерии.

Глава 28

МЕЗА*

Мы позавтракали бизоньим жарким, приправой к которому послужил наш великолепный аппетит, и выпили по кружке свежей воды из ручья. Сели на лошадей и направились к возвышенности в глубине равнины.

Этот холм был для спутников моих как бы вехой на ярко-красно знакомом пути. Дорога вела прямо к нему, и через десять миль тяжелое путешествие должно было кончиться.

Холм, лежавший к северо-востоку от ранчерии, был на нее виден только в ясную погоду.

Я был поражен своеобразием возвышенности среди ровной прерии. Уже давно горел я желанием ее исследовать, но мешали обстоятельства.

По очертаниям своим гора напоминала огромный сундук, брошенный среди прерии. Склоны ее казались издали отвесными, а вершина — плоской. Темная полоса, похожая на парапет, тянулась вдоль гребня, покрытого кустарником. Ее нетрудно было заметить вследствие резкого контраста с отвесными, почти белоснежными склонами.

Такие горные образования называются по-испански *меза* (стол), так как их плоские вершины похожи на доску стола.

По мере приближения к своеобразному холму любопытство мое возрастало. Мне уже приходилось видеть подобные возвышенности в так называемых «худых землях»** по течению Миссури и в стране навахов*** к за-

* *Меза* (*mesa* — стол) — так называют испанцы песчанниковые скалы, одиноко стоящие среди песчаной пустыни или в прерии, с почти отвесными стенами и плоской вершиной.

** *Худые земли* — *Bad Lands* — совершенно бесплодные, изрытые оврагами плато в Скалистых горах, представляющие, очевидно, высохших озер или залитые застывшей лавой пространства.

*** *Навахи* — индейское племя, расселившееся на восточных склонах Скалистых гор и в Новой Мексике.

паду от Скалистых гор: плоскогорье Льяно-Эстакадо также напоминает огромный стол.

Но этот холм отличался правильностью формы и гладкой, блестящей поверхностью склонов. Впечатление усиливалось тем, что он стоял одиноко, вокруг него не было ни одной вершины. Едва маячили вдали горы, окаймляющие Рио-Гранде.

Мы подъехали ближе. Вид мезы изменился: она потеряла свою геометрическую строгость. Неглубокие борозды покрыли склоны. Ребра были зазубрены.

Природа не заботится о правильности линий в явлениях большого масштаба, только ничтожные маленькие кристаллы совершенны по форме.

Холм вблизи сильно проигрывал, но все же был очень живописен. Какая недоступная вершина! Кручи! Отвесная стена в пятьдесят метров. По словам моих спутников, превосходно знавших местность, никто до сих пор на нее не взбирался.

До подножия горы оставалось не больше одной мили.

Вершину холма одевала пышная разнообразная растительность. Но спутники не проявили никакого внимания к окружающему.

Они оживленно болтали. Беседа их не имела никакого отношения к тому, что меня занимало. И я не вмешивался в их разговор.

Громкий возглас Гаррея вывел меня из созерцательного состояния. Нас ожидало новое приключение.

— Черт возьми, индейцы!

В том направлении, куда смотрел Гаррей, появился отряд всадников. Они только что показались из-за холма и мчались по равнине.

Мои спутники остановили коней. Я последовал их примеру.

Мы замерли в ожидании. Насчитали двенадцать человек, мчавшихся прямо на нас.

На расстоянии целой мили трудно было сказать, белые это или краснокожие: одежда у тех и других почти одинакова, а лица покрыты слоем пыли и загаром. Гаррей крикнул: «Индейцы!» — но это было лишь предположением. И мы замерли в нерешительности.

— Если это краснокожие, — промолвил Гаррей, — то, несомненно, команчи...

— А если команчи, — прибавил Рубби зловещим то-

ном,— то будет схватка... Команчи вступили на «тропу войны» и нападут на нас... Ладно... Прежде всего проверим оружие...

Последовали совету Рубби. Каждый из нас превосходно знал, что, если всадники окажутся команчами, сражения не миновать.

Воинственное племя команчей населяло всю западную область Техаса и кочевало от Рио-Гранде на юго-запад Арканзаса на севере. Команчи считали себя повелителями всей прерии. На севере с ними соперничали апачи, навахо и другие воинственные племена.

Ежегодно в течение полувека команчи совершали набеги на северо-западные области. Возвращаясь, они гнали перед собой стада рогатого скота, табуны лошадей, мулов и толпы пленниц.

Краснокожие поддерживали мирные отношения с английскими переселенцами в Техасе, пока пионеры не повели ожесточенной борьбы с индейцами. Под конец отношения до того обострились, что индейцы и белые при встречах убивали друг друга.

Не так давно произошел случай, углубивший вражду двух рас.

Отряд команчей предложил свои услуги главнокомандующему американской армией.

— Позвольте нам сражаться бок о бок с вами,— сказали они.— Нам надоело враждовать. Вы — настоящие воины, мы это знаем и уважаем вас... Войну мы ведем с трусами-мексиканцами, захватчиками наших земель. Мы сражаемся именем Монтесумы*.

Всем и каждому вдоль всей северной границы Мексики известны эти слова. Смысл их неясен. Триста лет прошло с тех пор, как Монтесума потерял власть и жизнь.

Американский генерал отказался от союза с команчами. В результате вспыхнула война. Мы принимали в ней участие.

Итак, если скачущие всадники команчи,— предстоит бой.

Проворно спешившись и спрятавшись за лошадьми, мы хладнокровно дожидались подозрительного отряда.

* Монтесума — предпоследний властитель Мексики (1480—1520 гг.), покорившийся из суеверия испанцам, которые в 1519 году под предводительством Эриана Кортеса высадились в Вера-Круц. Во время народного восстания против испанцев Монтесума был убит.

Глава 29

ГВЕРИЛЬЯСЫ

Приготовления наши заняли несколько секунд. Всадники были еще далеко. Они двигались по два в ряд. Нас удивила эта тактика, не похожая на индейскую.

Всадники — не краснокожие! Мелькнула мысль, что это соотечественники, отправившиеся на мои розыски. Так ездят обычно наши кавалеристы. Однако надежда погасла при виде длинных копий: в американской армии их нет. Это не мог быть отряд регулярных войск.

— Пусть меня повесят, — воскликнул Рубби, — внимательно разглядывая всадников, — если это индейцы! Разве что они обзавелись бородами и сомбреро!.. Узнаю мексиканских прохвостов! Вернее всего!..

И в самом деле, всадники оказались мексиканцами.

Нечему было радоваться: это было несколько не лучше.

Война с ними велась уже несколько месяцев с невероятным напряжением. Нейтральная зона стала и театром военных действий.

Как же попали в эту пустынную равнину всадники, вооруженные копьями? Здесь не могли найти добычи ни гверильясы, ни грабители. Не с кем сражаться, некого обирать. Мой отряд стоял в самом отдаленном от штаба пункте. Ранчерия в десяти милях отсюда. В окрестностях мезы мы рассчитывали встретить разве что отряд команчей. Слишком хорошо зная мексиканцев, были вполне уверены, что они здесь не бродят, опасаясь встречи с индейцами.

Всадники между тем двигались развернутой цепью, уже на полпути между нами и мезой.

На расстоянии мили от нас они свернули под прямым углом к востоку, намереваясь, по-видимому, напасть на нас с тыла.

Теперь мы могли разглядеть их в профиль. Силуэты всадников четко вырисовывались на горизонте.

Почти на всех были сомбреро с широкими полями, куртки, пояса и кальционеро. Вооружены они были копьями, лассо и карабинами, а также пистолетами и «мачете» — наиболее распространенным среди мексиканцев оружием. По одежде и общему виду они не могли быть регулярными солдатами; копьа держали как попало: од-

ни — на весу, другие — примкнув к стременам согласно кавалерийскому уставу, некоторые — закинув на плечо, как ружья. То были гверильясы!

Описав полукруг, они внезапно обернулись и остановились.

Мы растерялись, не понимая цели их маневра. Они ведь не собирались отрезать нам отступление: лес остался далеко позади, а будь он ближе, мы все равно не успели бы в нем укрыться.

Врагам на отличных лошадях ничего не стоило настигнуть старую клячу Рубби. Вот почему мы отказались от всякой попытки к бегству, хотя маневр противника открывал нам путь к мезе. Какой нам смысл скакать к холму, когда на склонах его нет ни единого дерева? Отвесная каменная стена отнюдь не служила прикрытием. Враги хорошо понимали это. Иначе они не предприняли бы обхода, открыв нам доступ к холму.

Мы не сразу проникли в уловку противника, заставившего нас повернуться. Теперь, когда всадники остановились, подъехав с запада, солнце било нам прямо в глаза!

По этому ухищрению, вполне достойному индейских воинов, мы поняли, что имеем дело не с обычным врагом. Противник получил решительное преимущество: вечернее солнце нас ослепляло, мешая прицелу.

Спутники пришли в ярость от хитрой штуки, которую с нами сыграли. Впрочем, мы все равно были бессильны.

Времени на размышление не оставалось. Всадники готовились стрелять.

Один из них, видимо, предводитель, сидевший на статном коне, обратился к отряду с какой-то речью. Он объезжал фронт, громко крича и отчаянно жестикулируя.

Ему отвечали возгласами «виват». С минуты на минуту мы ожидали атаки.

Что делать? Принять бой или сдаться? Хотя мундир мой был весь в лохмотьях, но неприятель мог еще во мне узнать офицера американской армии. Если я попаду в плен, меня немедленно повесят, или, за неимением подходящего дерева, расстреляют. Та же участь ожидала моих товарищей.

— Нет! — решительно воскликнул Рубби. — Не сдадимся! Нам возьмут только мертвыми. Сны чертовски

неравны: дюжина против троих...— прибавил он, разглядывая всадников.— Шансов на успех маловато, но мне приходилось спасать свою шкуру от худших головорезов!.. Да и тебе тоже, Билли! Не правда ли, малыш? Нас немного, но пусть они попробуют подойти!..

— Да! — хладнокровно подтвердил Гаррей.— Пусть только сунутся к нам! Мы с ними поговорим по-хорошему. Я уж наметил лошадь, с которой скину всадника.

И Гаррей указал на группу мелких деревьев между нами и неприятелем.

Я собрал все свое мужество, слушая беззаботную болтовню старого траппера. Меня восхищала выдержка его молодого спутника, но трудно было заглушить чувство страха. Слишком неравны силы.

К счастью, у меня имелся некоторый опыт в стычках с подавляющей численностью врагов.

Наше положение не безнадежно! Мы сумеем дать отпор, если не погибнем при первом натиске. Я был уверен в меткости своего ружья. Товарищи тоже стреляли без промаха. Мы сразу выбьем из строя троих. Останется девять. Разрядив ружья, они подойдут ближе, стреляя из пистолетов. Мы трое примем бой в упор. В кобуре у меня — шестизарядный револьвер, у Гаррея — такой же, подаренный ему мною много лет назад. Наконец, Рубби вооружен парой тяжелых метких пистолетов.

— Семнадцать зарядов и, кроме того, охотничьи ножи! — торжествующе воскликнул Гаррей, когда мы закончили осмотр оружия.

Враги не двигались с места. Несмотря на возгласы «виват» и громкие вопли, они не решались открыть огонь. Командир с адъютантом все еще скакали вдоль фронта гверильясов, увещевая их и раззадоривая.

Чтобы отбить с трех сторон возможное нападение, мы укрылись за лошадьми; их было четыре, включая мустанга. Гаррей, ездивший верхом, как настоящий команч, укротил белого жеребца на последней стоянке. Теперь он повиновался, как ягненок, каждому движению лассо.

Лошади были связаны — голова к голове и круп к крупу. Каждая представляла одну из сторон каре.

Залп неприятеля не мог его опрокинуть: только развязав или перерезав поводья и лассо, можно было разрушить живой бруствер.

Мы спрятались за лошадьми, лицом к врагу. С этой

стороны прикрытием служила высокая кобыла Гаррея, и неприятель видел только головы наши и ноги.
Готово! Пусть нападают!

Глава 30

ПЕРЕГОВОРЫ

Новые «виват!» возвестили о том, что предводитель кончил речь, и сейчас начнется атака. Командир выехал в сопровождении трех солдат, очевидно, с намерением завязать перестрелку.

— Теперь внимание, дети! — прошептал Рубби. — Не трагьте зря ни одной пули. Свинец сейчас дороже золота... Клянусь жизнью, они на нас обрушатся! Подпустим их ближе, и кое-кто из банды ляжет на месте. Чертово солнце!.. Ты, Билли, — обратился он к Гаррею, — стреляй, если хочешь, первым! Ружье у тебя дальнобойное! Сними-ка молодца с пегой лошади!.. Я займусь номером игорым — на сером мустанге, а вы, малыш, — это относилось ко мне, — сведите счеты с чернявым парнем на гнедом коне. Я знаю, что вы не трусы! Цельтесь внимательно и спокойно... Поняли?

— Постараюсь, — ответил я.

В то же мгновение раздалась команда: «Вперед!», и одновременно с сигналом трубы мы услышали крик: «Бог и Гваделупа!..»

Отряд развернутой цепью мчался прямо на нас.

Но противники не проехали и двадцати шагов, как линия их фронта сбилась: более дерзкие всадники бросились вперед на горячих конях.

— Целься в трех передовых! — крикнул Рубби. — Бей по передним, пока они не повернули. Ну, дети, слушайте команду...

Но вместо того, чтобы скомандовать, Рубби протяжно свистнул.

Гверильясы приблизились на триста шагов; их галоп постепенно замедлялся. Скачка с отпущенными поводьями перешла в умеренную рысь перед сверкнувшими дулами наших карабинов.

Гаррей решил ждать, пока передовой всадник достиг заросли, отстоявшей от нас на расстоянии меткого выстрела. Еще секунда — и выстрел бы грянул. Но всад-

ник чутьем отгадал опасность. Возле рощицы он остановился.

Остальные последовали его примеру. Весь отряд застыл в трехстах шагах перед дулами наших ружей.

— Труссы! — воскликнул Рубби, презрительно расхохотавшись. — Эй, вы, вперед! — обратился он к врагам. — Какого черта вы ждете?..

Неизвестно, был ли услышан насмешливый окрик Рубби, но со стороны гверильясов донеслось:

— Мы — друзья.

— Друзья?.. Чтоб вас чума забрала — воскликнул траппер, немного понимавший по-испански. — Хорошенькие друзья, черт возьми! Нашли подходящий момент, чтобы издеваться над нами...

Он не опускал карабина. Всадники зашевелились.

— Рассыпьясь!.. Ближко не подступай! Тысяча проклятий!.. Первого, кто подъедет на выстрел, я сниму с седла! Подозрительные друзья...

Командир о чем-то совещался со своим адъютантом. Так, по крайней мере, казалось нам издали. Они обсуждали новую тактику.

Прошла еще минута, командир обратился к нам по-испански.

— Мы — друзья, — сказал он, — и не хотим вам зла... Я прикажу своим людям отойти назад. Пусть мой помощник встретится поодаль с кем-нибудь из вас! Вы, конечно, не возражаете?

— К чему это? — спросил Гаррей, бегло говоривший по-испански. — Чего вы хотите?

— Вы нужны мне по делу, — ответил мексиканец, — и притом лично вы... Нам необходимо кой о чем переговорить с глазу на глаз.

С этими словами он повернулся и выразительно кивнул своим спутникам. Неожиданное предложение нас глубоко изумило.

Гаррей никогда не упоминал о знакомстве с этим доблестным всадником. И сейчас клялся, что видит его впервые. Впрочем, Гаррей мог ошибаться. Солнце било ему прямо в глаза. Лицо испанца было скрыто широкими полями сомбреро. Может, Гаррей с ним и встречался, но позабыл.

После короткого совещания мы решили, чтобы Гаррей принял предложение. Большой беды от этого слу-

© 1915 THE NATIONAL ASSOCIATION OF PUBLISHERS

читься не могло. Гаррей успеет вернуться прежде, чем на него нападут. Мы с Рубби держали карабины наготове. Может быть, мексиканцы замышляют предательство, но трудно понять, в чем оно заключается.

Итак, мы согласились вступить в переговоры и выработали условия с обычными предостережениями.

За исключением командира и адъютанта, всадники должны были отъехать на полмили. Командир останется на месте. Билли с адъютантом должны встретиться на полпути между командиром и нами, спешившись и без оружия.

По приказанию командира, гверильясы отъехали. Адъютант соскочил с лошади, вонзил копые в землю, отстегнул саблю, снял с себя пистолеты и пояс, сложил все это около копыя и направился к месту переговоров.

Билли, передав нам свое оружие, пошел навстречу мексиканцу.

Переговоры длились недолго. Мексиканец говорил вполголоса. То и дело он указывал в нашу сторону пальцем, как будто речь шла о нас. Внезапно Гаррей оборвал парламентаря и, обращаясь к нам, крикнул по-английски:

— Догадайся, Рубби, чего от нас требует этот мерзавец?..

— Откуда мне знать, чего ему надобно? — ответил Рубби.

— Так знай же, — голос Гаррея осекся от негодования, — он требует выдачи капитана рейнджеров!.. Что за комедия!..

Молодой траппер презрительно пожал плечами.

Покуда Билли смеялся в лицо парламентаря, Рубби задумчиво посвистывал.

— Так вот оно что! — бормотал он. — Понимаю теперь, откуда дует ветер... Что же ты ответил, Билли, чернявому парню? — крикнул он наконец в рупор ладоней.

— Ничего еще не ответил, — отозвался наш посланец, — вот, гляди, мой ответ!

Гаррей размахнулся, и кулак его, как молот на наковальню, обрушился на лицо мексиканца, тяжело рухнувшего на землю.

Глава 31

РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ

Неожиданный срыв переговоров вызвал бурю негодования у мексиканцев. Они помчались к командиру, не ожидая команды.

С почтительного расстояния они открыли огонь из карабинов и пистолетов. Пули бороздили землю, не долетая. Две-три дали перелет, не причинив нам вреда.

Адъютант, оглушенный ударом Гаррея, с трудом поднялся на ноги. Он чувствовал себя опозоренным. Душивший его гнев был сильнее благоразумия: вместо того, чтобы опрометью броситься к товарищам, он повернулся к нам, грозя кулаками.

Из всего потока ругани мы слышали только заключительное проклятие, процеженное сквозь зубы.

Оно сорвалось у мексиканца вместе с последним вздохом. Смерть наступила мгновенно.

Почти одновременно с злобным «каррамба!» рядом со мной прогремел выстрел. Легкое облачко поднялось над землей.

Мексиканец схватился за простреленную грудь и упал ничком.

Убит наповал!..

— Больше ты от меня ничего не потребуешь, мерзавец!.. Ты получил по заслугам! — раздался голос за моим плечом.

Нужно ли добавлять, что это был Рубби. Карабин еще дымился: он снова его заряжал.

Старый траппер испустил тогда свирепый боевой клич.

— Вот с кого мы начали счет убитых врагов! Еще одна зарубка на ложе моего карабина... Замечательное ружье!.. Уф! Далекая мишень для такой развалины... К тому же солнце било мне прямо в глаза... Чернявый мексиканец меня взбесил, иначе я не рискнул бы... Следите за лошадьми, дети!.. Голос Рубби прозвучал серьезно.— Не стреляйте, пока я не заряджу карабина... Ради спасения вашей жизни, не стреляйте!..

— Превосходно, Рубби! — успокоил его Гаррей и, подлезая под брюхо лошади, занял свое прежнее место, сжимая карабин.— Превосходно, старик!.. Не бойся, мы подождем!.. Делай свое дело!

Нас немного удивило, что Рубби не успел зарядить ружья: времени у него было достаточно. Дула трех карабинов снова легли на крупе лошади Гаррея.

Кони стояли спокойно. Трое давно привыкли к таким переделкам, а четвертый, «белый мустанг», был крепко привязан.

Нас приятно удивило, что враг дал нам возможность занять прежнее выгодное положение. По нашим ожиданиям, гверильясы должны были немедленно перейти в наступление.

Гибель товарища,— думалось нам,— вдохнет в них мужество, но мы ошиблись.

Они ограничились воплями ярости, угрожающими жестами и проклятиями.

Мексиканцы беспорядочно толпились вокруг командира. Одни от него требовали, чтобы он вел их в бой, другие самовольно выезжали вперед, стреляя и размахивая копьями. Однако враги не переступали черты, за которой их удерживали наши карабины. Было похоже, что они отказались от прямого наступления.

Почти посредине между нами лежало распростертое тело убитого. Его одежда выделялась на зелени причудливо ярким пятном.

Смерть адъютанта значительно ослабила гверильясов.

Они потеряли в нем не только одного из командиров, но также лучшего солдата.

Никто из мексиканцев не решался подойти к убитому. Револьверы, которыми мы были вооружены, внушали им большое почтение. Это грозное оружие стало известным только недавно. Но они уже успели познакомиться с ним.

Три века назад предки мексиканцев на берегах Рио-Гранде бросились бы, не колеблясь, на обидчиков!

— О, Эрнан Кортес, и все вы, древние конквистадоры! Встаньте из гроба и взгляните на своих вырождающихся потомков!

Однако не все гверильясы оказались трусами: среди них были храбрецы, рвавшиеся в бой. К счастью, они между собой не сговорились: им не доставало вождя. Уцелевший командир был скорее рассудителем, чем отважен.

Мы следили внимательно за каждым движением противников, прислушиваясь к долетавшим возгласам и со-

храня величайшее хладнокровие. Хотя вопрос шел о жизни и смерти, товарищи были спокойны, как будто высматривали стадо бизонов. Лица их ничего не выражали, кроме увлечения борьбой. Гверильясы переговаривались вполголоса, кратко отмечая малейшую перемену у нас. По этому я заключил, как серьезно они считаются с опасностью.

Лично я не вполне сохранил присутствие духа, но, подражая моим спутникам даже в эту роковую минуту старался хладнокровно наблюдать за происходящим. Обладая таким быстроногим скакуном, как верный Морро, я мог не опасаться за свою жизнь.

Но гнусная мысль о бегстве не приходила мне в голову. Лучше умереть, чем изменить храбрым товарищам. Им я обязан был жизнью. Из-за меня они сейчас подвергаются смертельной опасности! Я твердо решил остаться с ними до конца и продать свою жизнь как можно дороже. О бегстве я успею подумать тогда, когда все до одного друзья погибнут!..

Почему начальник гверильясов потребовал моей выдачи? Все мы, американцы или техасцы, в равной степени для них враги, поскольку находимся на мексиканской территории, вооруженные и готовые к борьбе. Почему же они прельстились моей жизнью? Откуда известно им, что я капитан рейнджеров? Они это знали еще до встречи с нами. Они преследовали меня и с этой целью сюда явились.

Внезапная догадка блеснула в уме. Смутное подозрение перешло в уверенность. Впрочем, не будь солнца, слепившего глаза, я бы давно прозрел...

Спустив козырек кепи, я прикрыл глаза ладонями и внимательно присмотрелся к командиру отряда. Голос его, когда он говорил с Гарреем, показался мне знакомым. Я слышал его как будто впервые, и все-таки узнал. Наконец командир обернулся в мою сторону. Поля его сомбреро были опущены, но я безошибочно узнал Рафаэля Ихурру и сразу оценил создавшееся положение. Вот почему им понадобилась жизнь капитана рейнджеров.

Как только я сделал это открытие, сердце мое забилось в тысячу раз болезненней.

Но гверильясы пришли в движение. Час борьбы наступил.

Глава 32

СТРЕЛЬБА НА СКАКУ

Среди врагов началось оживление, но мы уже не боялись внезапной атаки: судьба убитого охладила пыл мексиканцев. Их ярость пока что выливалась в крики.

Но, судя по маневрам всадников, они выработали новый план нападения.

— Мерзкие трусы! — ругался Рубби. — У них не хватает мужества напасть на нас открыто. Черт бы побрал их! Они готовят нам очередной сюрприз, — прибавил серьезнее старый траппер. — Что скажешь об этом, Билли?..

— По-моему, — ответил Билли Гаррей, внимательно наблюдавший за движением врагов, — по-моему, начнут круговой галоп и попробуют захватить нас врасплох по способу «индейской карусели».

— Правильно! — кивнул Рубби. — Я того же мнения. Пусть меня скальпируют, если это не так!.. Смотрите, они уже начинают!..

Часть всадников рассыпалась по прерии, другие остались на местах. И не успел Рубби договорить, как один из них пустился вскачь.

Казалось, он хочет приблизиться к нам на расстояние выстрела, но через мгновение он круто повернул коня с явным намерением нас объехать.

Когда он отделился на двадцать метров от цепи, за ним поскакал второй, затем третий, и наконец пятеро всадников помчались, объезжая нас, как по цирковой арене. Остальные шестеро не трогались с места.

Кружившиеся всадники вооружены были только карабинами. Это нас не удивило. Замысел врагов был совершенно ясен.

Положение было бы серьезнее, если бы на месте гвельясов оказались краснокожие. Карабин в таких случаях безвреднее лука, из которого можно непрерывно метать стрелы. Однако сам факт знакомства с военным приемом «карусели» доказывал, что нападавшие знали этот способ индейцев. Мы поняли, что для успешной защиты нам придется призвать на помощь все свое мужество и хладнокровие.

Отделившейся пятерке было приказано скакать во-

круг, не приближаясь к нам, время от времени стрелять по лошадям, всячески отвлекая наше внимание.

Остальные шесть гверильясов держались за пределами досягаемости. Они должны были ударить с противоположной стороны, осыпать нас градом пуль и, действуя уже наверняка, пустить в ход лассо.

Спутники мои справедливо боялись лассо: разрядив карабины, мы окажемся совершенно беззащитными. Пистолет рейнджеров не спасет нас от ременного аркана, которыми мексиканцы владеют лучше, чем огнестрельным оружием.

Недолго пришлось нам размышлять и делиться своими опасениями: мексиканцы мчались мимо нас по кругу с быстротой молнии. Опытные, великолепные наездники!

Наше и без того трудное положение осложнялось, но мы и не думали сдаваться. Стоя друг к другу спиной, мы наблюдали по сектору круга, приходившемуся на каждого из нас.

Пятеро всадников между тем маневрировали. Они описывали широкие концентрические круги.

Приближаясь к нам на выстрел, каждый разряжал карабин, затем, вернувшись к группе неподвижных товарищей, быстро обменивал его на заряженный и опять устремлялся к нам галопом.

При первом нападении почти все пули пронеслись у нас над головой. Мы слышали их свист. Одна задела лошадь Рубби, и бедное животное начало ржать и бешено биться. Это не представляло особой беды. Могло быть и хуже. Мы с тревогой глядели на возвращающихся всадников.

Пять гверильясов, носившихся кругом, были лучшими в мире ездоками. Более умелых или даже равных им нельзя было найти ни в Аравии, ни на ипподромах Лондона или Парижа. Эти люди проводят в седле буквально всю свою жизнь! Стреляя, они свисали с седла, прячась за телом лошади, так что виднелась ботфорта и шнора над деревянной лукой и пальцы, вцепившиеся в гриву над холкой коня. На мгновение показывалась голова и тотчас же исчезала в дыму. Только ружейное дуло сверкало. Линия полета пули показывала, что враг целится поверх шеи скачущей лошади.

Трапперы были превосходными стрелками. И у меня была меткая рука. Но легче попасть в птицу на лету. Лошади мексиканцев были сравнительно доступной ми-

шенью, но ради них не стоило тратить заряда. Трудно стоять под выстрелами, не отвечая на пули. Спутники мои скрежетали зубами от гнева.

Гверильясы сделали еще один круг. На этот раз им повезло.

Гаррей получил рану в плечо. Другая пуля задела руку старого Рубби.

— Браво! — воскликнул траппер, щупая рану. — Превосходно! Они недурные стрелки. Хорошо, что уши уцелели!.. — И безухий охотник разразился беззаботным смехом.

Однако он помрачнел, заметив кровь, струившуюся по плечу Билли.

— Тысяча молний!.. Ты ранен, Билли?

— Пустяки, — поспешно ответил Билли, — ничтожная царапина.

— Правда?

— Честное слово...

— Клянусь хвостом Вельзевула, — глухо проговорил Рубби, — мы долго не продержимся... Что делать? Посоветуй, Билли!..

— Надо прорываться! — ответил Гаррей. — В этом единственное спасение!..

— Не так-то это легко! — процедил Рубби, недоверчиво покачивая головой. — Капитан, пожалуй, вырвется на своем великолепном жеребце, но нам с тобой надеяться не на что...

— А я все же надеюсь, — нетерпеливо возразил Гаррей. — Ты сядешь на «белого мустанга». Он достаточно быстроходен! Свою кобылу брось! А еще лучше возьми мою лошадь. Я немного выжду — и за тобой. Вместе труднее спастись. Но попробуем вовлечь мексиканцев в погоню, раздробить их силы и справиться с гверильясами поодиночке. Это умнее, чем торчать здесь и ждать, чтоб на тебя набросили петлю, как на бизона в овечьем загоне. Что вы скажете на это, капитан? — обратился Гаррей ко мне.

У меня мелькнул новый проект.

— Отчего не доскакать до холма? — спросил я, указывая на мезу. — Окружить нас они не могут. Под прикрытием скал и держась за лошадей, мы отобьемся от гверильясов. Нет ничего легче, как во весь опор доскакать до мезы и...

— Он прав! Пусть меня скальпируют, если этот юно-

ни ошибается,— прервал меня на полуслове Рубби.—
Великолепная мысль!..

— Нельзя терять ни одной минуты,— согласился Гаррей.— Сейчас возобновится проклятая скачка!..

В это время враги ускакали к своим обменять ружья.

Не успели они вернуться в третий раз для обстрела, как мы окончательно решились на вылазку.

Благодаря нашей осторожности гверильясы ничего не заметили. Путь к мезе пока свободен. Но не пройдет и минуты, как его перережут. Надо торопиться.

— Эй, Рубби! — крикнул Гаррей.— Вперед, мой милый!.. Вперед!..

— Побольше выдержки! — ответил Рубби, поправлявший поводья коню Гаррея.— Времени у нас хватит. Гверильясы еще не готовы. Ах ты, старуха,— обратился он к своей кляче,— побудь в арьергарде: уверен, ты еще пернешься в стойло! Гверильясы тебя, во всяком случае, не съедят... Не тревожься, развалина! Ну, Билли! За мной дело не станет!

И как раз во-время! Гверильясы горячили лошадей новым оборотом «карусели».

Мы вскочили на коней и помчались по прямой линии к мезе.

Я оглянулся. Все гверильясы скачут за нами с неистовыми воплями.

Мы значительно их опередили. От неожиданности они растерялись. Конечно, мы достигнем мезы прежде, чем они нас нагонят!

Мой Моро и «белый мустанг» под Гарреем шли превосходно. Отступление затрудняла лошадь Рубби. Лошадь Гаррея была очень выносливая, но неповоротливая. Она досталась старику Рубби. К счастью для нас, скачка была непродолжительной, иначе мексиканцы достигли бы нас.

Мы с Гарреем старались не опережать Рубби, все время отстававшего.

— Не бойся, старик,— ободрял его Гаррей,— мы тебя не покинем!..

— Еще бы! — подтвердил я, возбужденный опасностью.— Спасемся вместе или умрем!..

— Bravo, малыш! — воскликнул Рубби.— Я знал, что ни другое вы не способны, хотя когда-то и приняли меня за гризли. Тогда я испортил вам охоту. Но и сейчас я вам в тягость!.. Мексиканцы нас настигают,

Мы мчались к мезе. Кручи ее возвышались над равниной, как огромные стены. Словно ожидая, что камни внезапно расступятся и дадут нам убежище, мы скакали к горе напрямик.

Ветер доносил изумленные восклицания преследователей:

— Куда они мчатся?

— Уж не рассчитывают ли они подняться верхом на мезу?

— Прекрасно! Они бросаются волку в пасть!..

Вслед за тем раздались радостные возгласы.

Гверильясам показалось, что мы добровольно себя губим.

Вначале они подумали, будто мы бежим, рассчитывая на быстроту коней. Но, выяснив свою ошибку, враги разразились криками ликования. Мы приближались к мезе. Преследователи рассыпались широким полукругом, чтобы охватить нас со всех сторон.

Этого надо было ждать.

Доскакав до горы, мы немедленно спешили и направили карабины на врагов. Мы стояли под надежным прикрытием между скалистой стеной и лошадьми.

Смерть грозила каждому, кто осмелится к нам подойти на выстрел.

Глава 33

ЛОШАДЬ РУББИ

Враги сразу оценили занятую нами позицию и остановились на полном скаку. Некоторые повернули лошадей и галопом помчались назад.

— Уф! — отдувался Рубби.— Поглядите-ка на них! Они предпочитают, чтоб между ними и дулами наших ружей оставался порядочный кусок прерии.

Позиция была действительно неуязвимой. Все трое мы стояли лицом к врагу. Тактика окружения была не страшна: нас защищала с тыла неприступная меза.

Торжествующие крики неприятеля сменились возгласами разочарования. Но почти тотчас по всей линии пронесся громовой крик.

Не сразу поняли мы, что случилось. Оказалось, что к мексиканцам со стороны ранчереии шло подкрепление.

Из-за мезы выехало пять всадников, отставших, очевидно, от гверильи.

Мексиканцы подготовились к атаке.

Весь отряд выстроился в две цепи и развернулся перед нами широким фронтом. Трое, в том числе Ихурра, остались на прежнем месте.

Лицо одного из вновь прибывших было мне знакомо. Я встречал его в ранчерии. Долговязый, рыжий парень, слишком высокого для мексиканцев роста, наверное, был родом с Бискайского залива, где рыжие не редкость. Ему дали кличку Эль-Зорро — лисица, вероятно, из-за цвета его волос. Я готов был присягнуть перед алькадом, что это грабитель с большой дороги. Надо отдать справедливость Эль-Зорро: он не скрывал своей профессии. Разбойники в Мексике не таятся от земляков. В промежутках между подвигами они навещают родные селения, открыто ходят по улицам, и народ не гнушается ими.

Таков был Эль-Зорро — правая рука Ихурры.

Мы разгадали замысел врагов. Они надеются взять нас измором. Шансы на это были большие.

Рубби чувствовал себя не в своей тарелке и не одобрял уже новой позиции.

— Увязли! — угрюмо говорил он. — Как мы отсюда выберемся?.. Пусть меня скальпируют, Билли, если нам не следовало принять бой в прерии, пока мы не ослабели от голода. Я съел бы...

— Эй, вы там, бросьте курить! — крикнул старый граппер, обращаясь к гверильясам. — Бросьте ваши сигары, черномазые черти!.. Завтра вы у меня покурите, не будь я Рубби Раулингс! Билли, дай-ка мне щепотку табаку: больно урчит у меня в животе от голода. Я отошел, как моя старая кляча... Старуха, кстати легка на помине...

Последние слова Рубби произнес так энергично, что мы невольно оглянулись. Несмотря на глубокую нашу подавленность, мы расхохотались, как дети: какое умерительное зрелище!

Дохлая скотинка Рубби была достойна своего чудак-хозяина: костлявая и длинноухая, со впалыми боками, с облезлой шерстью, кляча Рубби была прямым потомком знаменитого Россинанта. Длинные уши придавали ей сходство с мулом. Но наружность обманчива. Несмотря на свой жалкий вид, кляча была настоящим мустангом чистой андалузской крови. В отдаленном

прошлом масть ее была золотистой. Все почти мексиканские лошади такой масти. С годами она вылиняла. Серые волосы преобладали на шее и на голове. Дыхание у престарелого коня было необычайно короткое. Через равномерные промежутки времени он поднимал зад, как бы собираясь кого-то лягнуть. Страшно худая и нескладная кобыла стояла понурив голову. Но единственный ее глаз лихорадочно светился, как бы говоря, что она не намерена расставаться с жизнью.

Такова была старая кляча Рубби!

Мы покинули ее в прерии, в горячке бегства. Нам и в голову не приходило о ней тревожиться.

Но Рубби был равнодушен к судьбе своей любимицы. По его словам, он предпочел бы лишиться «лапы», чем этой верной спутницы.

Мы с Билли пришли к заключению, что лошадь Рубби или убита, или взята на лассо кем-либо из гверильясов.

Ни того, ни другого не случилось.

Бедная кляча, не пожелав расстаться с хозяином, понеслась за нами галопом. Сильно отстав, она смешалась с конями наших врагов. Гверильясы ее заметили, но пренебрегли жалкой добычей.

Одно время кляча держалась в арьергарде неприятельского отряда. Как только Рубби закричал, она прорвала цепь мексиканских всадников и устремилась к хозяину. До сих пор она еще фыркала и принюхивалась видно, ее привело к нам чутье.

Кто-то из гверильясов прельстился старым седлом и привязанными к нему силками Рубби.

Лошадь, седло и все остальное не представляли никакой ценности, а потому не стоило труда закидывать лассо, и гверильяс решил просто перехватить поводья вражеской лошади.

Но когда мексиканец нагнулся, старая кляча дико заржала и с силой лягнула его в бок.

Всадник не удержался в седле и свалился на землю. По всем признакам, он был тяжело ушиблен.

Вслед за ржанием кобылы послышался громовой хохот ее хозяина. Рубби ликовал, и голос его отдавался в скалах. Кляча неслась к нему рысью...

— Вот ты где, старуха! — воскликнул траппер. — Ну, и угостила ты мексиканца! Привет тебе, бабушка! Хорошо сделала, что вернулась!.. И седло на тебе!.. Bravo!

Не находишь ли ты, Билли, что она красавица?.. Я не дуром ценю ее. А ну, сюда становись!..

Добродушно болтая, развеселившийся траппер поставил перед собой клячу, сделав из нее прикрыттие от вражеских пуль.

Но радость нашу омрачило тревожное событие.

Глава 34

ЭЛЬ-ЗОРРО

Причиной нашей тревоги был штуцер большого калибра в руках одного из вновь прибывших. Длинноствольный штуцер, распространенный среди охотников Южной Америки.

Ружье было вдвое или втрое дальнобойнее наших карабинов. Мы предвидели, что еще до захода солнца Эль-Зорро покончит с нашими лошадьми, а потом, быть может, одного за другим перестреляет и нас.

Оставалось еще полчаса до наступления спасительной темноты. Гверильяс уже приступил к делу. Раздался первый выстрел. Пуля ударила в утес, чуть не задев мою руку. Посыпались осколки. Расплющенный свинец унап к моим ногам.

Большое ружье мексиканца стреляло громче карабина. Рубби протяжно свистнул, что означало у него: «дела плохи». Старый траппер отнесся весьма серьезно к этому штуцеру, производившему почти артиллерийский эффект. Гаррей разделял его опасения. Положение ухудшилось. Эль-Зорро имел возможность целить в любого из нас. Карабины с коротким боем не могли ответить на его огонь и принудить врага к молчанию. Надвигалась гибель. Но гверильяс для начала выстрелил, не целясь. Это была лишь отсрочка. Затем Ихурра воткнул в землю два копья, скрестив их на такой высоте, чтобы можно было целиться, держа ружье на подставке. В лучшем типе нельзя было стрелять с большим удобством.

Зарядив снова штуцер, Эль-Зорро припал на одно колено, тщательно приладив ружье, и начал целиться.

Пусть в меня. Только бы не в Моро! Дуло штуцера направилось в мою сторону. Ихурра помог мексиканцу взять верный прицел.

Я дрожал не за себя, но за верного своего скакуна, служившего мне живым щитом.

Сердце билось в трепетном ожидании. Вспыхнул пистон, язычок пламени вырвался из дула, и меткая пуля поразила как будто моего коня.

Пуля ударила в деревянную луку седла, и мелкие щепки полетели мне в лицо. Но благородное животное осталось невредимым. Нечего было радоваться промаху Эль-Зорро. Предстояли еще выстрелы.

Я начал серьезно тревожиться, когда внезапный крик отвлек мое внимание от штуцера Эль-Зорро.

Рубби, стоящий справа, указывал на что-то у подошвы мезы. Издали я не мог понять, в чем дело. Минуту спустя Рубби погнал коней к мезе, знаком пригласив меня и Билли Гаррея следовать за собой.

Пройдя несколько шагов, мы сообразили, куда направляется Рубби.

Метрах в двадцати от нас у подъема мезы лежал огромный камень. Видимо, он откололся от массива скалы. За этой глыбой легко было спрятаться с лошадьми.

Мы поспешили использовать выгоды новой позиции.

В ответ на радостные наши возгласы со стороны гверильясов донеслись крики ярости и разочарования. Длинный мушкет обречен на бездействие. Ихурра со своим стрелком, словно одержимые, заметались по равнине.

Трудно было бы найти во всей прерии лучшее убежище: мы засели в настоящей маленькой крепости, в которой могли обороняться от вдвое большего числа нападающих. Врагам оставалось рассчитывать лишь на успех внезапной атаки.

Наше исчезновение ошарашило их. Издали казалось, что нас поглотила расступившаяся скала.

Ведь мы не сразу заметили ее, а противник и подавно, иначе он постарался бы отрезать путь к мезе.

Неосведомленность гверильясов была тем более непонятна, что местность эта часто посещалась команчами. Они разбивали здесь лагерь во время набегов, привлекаяемые свежей водой источника. Индейцы считали мезу чудом природы.

В старое время мексиканцы наведывались в окрестности мезы, но набеги индейцев сделали эти прогулки для них небезопасными.

Гверильясы, вероятно, уже много лет не бывали в этой пустыне.

Глава 35

ПЛАН СПАСЕНИЯ

Итак, неприятеля почти напугало наше таинственное исчезновение. Но вскоре оно для него разъяснилось. Дула карабинов, сверкнувшие из-за выступа, показали врагу, что не случилось никакого чуда. Хотя атака вряд ли предвиделась, мы заняли оборонительную позицию.

Ни одно движение врага от нас не ускользало. Первое время Эль-Зорро еще стрелял из своего огромного пистолета. Пули расплющивались в камне, не причиняя нам никакого вреда.

Наконец гверильяс прекратил пальбу и куда-то утикал с двумя-тремя своими товарищами. Очевидно, Шхурра послал его в лагерь.

Теперь все свелось к наблюдению за осаждающими, которое мы и поручили Гаррею, чтобы обсудить с Рубби план спасения.

Что делать: оставаться на месте, пока жажда не принудит нас к сдаче, или рискнуть на вылазку и прорвать неприятельский фронт?

Нет врага страшнее жажды. Голода бояться нечего: чем плоха конина? Бифштексами на худой конец мы обеспечены. Зато не было воды. Фляжки опустели уже несколько часов назад. В момент встречи с врагами мы направлялись по кратчайшему пути к источнику у мезы. Уже тогда нам хотелось пить. Теперь страдание обострилось, и мы боялись жажды больше, чем гверильясов.

Только отчаяние могло нас толкнуть на вылазку: в непрерывном возрастании численности неприятеля было нечто фатальное. В случае прорыва нас ожидает схватка со всей бандой, и мы невольно пожалели, что не приняли боя, имея перед собой всего одиннадцать человек.

Поразмыслив, мы пришли, однако, к выводу, что терпение все же выгоднее.

Если удастся прорвать цепь гверильясов, скроемся под покровом ночи, пользуясь замешательством врагов.

Все говорило за этот план. Самое дерзкое решение было — увы! — единственно разумным. Пусть кто-нибудь один и погибнет, — другого выхода нет. Сдавшись, мы обречем себя на расстрел, а быть может, и на пытку.

Надежды на подмогу с каждой минутой таяли. В начале я еще предполагал, что друзья мои, рейнджеры, от-

правятся на розыски. Неужто Уитлей и Холлингсворт бросят меня на произвол судьбы?

Но прошло уже слишком много времени. Обсудив кое-какие детали вылазки, мы с Рубби умолкли и задумались. Должен признаться, что мною овладели более мрачные мысли, чем перед лицом непосредственной опасности.

Узнав Ихурру в вожде гверильясов, я не сразу дал волю подозрениям. Все внимание наше было поглощено, и мы не углублялись в догадки.

Теперь, когда наступила передышка, тревога и горечь заклокотали в сердце.

Доводы разума не успокаивали меня.

Что, если Изолина де-Варгас участвует в заговоре?

А вдруг у нее личные, неизвестные мне мотивы? Например, привязанность к Ихурре?

Только железный мексиканец мог подчинить ее своей воле...

Ихурра, конечно, заинтересован в моей гибели. При первой встрече я его тяжело оскорбил. Далее, он знает, что я люблю Изолину. Наконец, я для него враг, вторгшийся с завоевателями.

Мотивы достаточно веские: первые два важнее последнего. Для Рафаэля Ихурры месть и ревность важнее политики.

Постепенно я успокоился. Мысли сосредоточились на том, как был выслежен и пойман мустанг.

Великолепный конь стоял перед глазами. Тут, по крайней мере, не было подвоха. Поимка мустанга не может иметь дурных последствий.

Ихурра узнал о моем путешествии. Независимо от охоты на мустанга, вероятно, вакеро (пастухи) сообщили ему, вернувшись, о результате облавы в прериях. Он собрал всю банду и бросился за мной в погоню. Изолина и не догадывается, что он — вождь гверильясов. Я наслушался о таинственных похождениях этого авантюриста, но Изолина, должно быть, не посвящена в изнанку жизни своего кузена.

Перечтя записку Изолины и взвесив каждое слово, я не нашел между строк ни намека на предательство.

Изолина верна и правдива!

Глава 36

ЭЛИЯ КВАКЕНБОСС

В задумчивости я прислонился спиной к каменной глыбе, глядя на отвесную стену мезы. На поверхности ее проходила легкая борозда, превращаясь выше в глубокую щель. Очевидно, породу скалы размыли дождевые воды.

Склоны мезы были, как вы знаете, отвесны, но вышина шла под довольно большим уклоном. Отчего не воспользоваться ею для подъема на гору?

Чем внимательнее изучал я мезу, тем крепче становилось мое убеждение, что, проявив энергию, мы достигнем горного плато. Выступы в стене послужат ступенями, а кой-где из расщелины растут небольшие кедры, за которые можно уцепиться.

Далее, меня заинтересовали какие-то еще свежие следы, уводившие наверх.

Короткое исследование показало, что это отпечатки грубых сапог.

Значит, люди уже взбирались на вершину мезы.

Первым моим движением было поделиться открытием с товарищами, но я решил сначала его проверить.

Напрягши в сумерках зрение, я убедился, что следы ведут до самого плато.

Во мне пробудились какие-то смутные воспоминания. Минуту спустя они стали отчетливей.

Я знаю человека, совершившего это трудное восхождение! Странно, что я подумал о нем так поздно!

В отряде, командиром которого я имел честь состоять, было немало чудаков, но Элия Квакенбосс занимал среди них не последнее место.

Полуянки, полунемец, уроженец пенсильванских гор, Квакенбосс, будучи по профессии школьным учителем, обладал некоторыми познаниями. Между прочим, он усердно занимался ботаникой. Оставаясь, в сущности, дилетантом, он был все же недурно знаком с растительностью лесов и прерий. В этой области он проявлял великое рвение, не уступая в педантизме самому Линнею*, — вкус тем более похвальный, что американцы

* *Линней Карл* (1707—1778) — знаменитый шведский ботаник, установивший классификацию растений.

редко интересуются составлением гербария. Вероятно, тут сказалась германская кровь Квакенбосса.

Не только умственный склад, но и наружность Квакенбосса отличались своеобразием. Высокий, худощавый, он немного сутулился. Вся фигура его была несуразна: одна рука длиннее другой, а ноги точно созданы по разным образцам. Получалось впечатление, что конечности Квакенбосса подобраны случайно и плохо пригнаны одна к другой. Глаза ученого ренджера упорно косили, но это не мешало Элии Квакенбоссу попадать из карабина в гвоздь на расстоянии ста шагов. Рейнджеры считали его немного тронувшимся, главным образом из-за пристрастия к ботаническим изысканиям. Но этот «тупоголовый», как его прозвали товарищи, стрелял не хуже Вильгельма Телля. Квакенбосс неоднократно доказывал свое мужество, благодаря чему его щадили насмешники.

Я никогда не встречал такого горячего любителя ботаники. Ни усталость после военных упражнений, ни тяжелая работа не останавливали его. Улучив свободный час, он немедленно отправлялся на поиски редких растений. Экскурсии эти уводили его далеко за пределы лагерной зоны, и Квакенбоссу не раз случалось попадать в опасные переделки.

Всего несколько дней назад он сообщал мне о какой-то редкой находке на мезе, в прерии, куда случайно забрел.

Это была наша меза. Следы принадлежали Элии Квакенбоссу!

Если этот неуклюжий человек сумел вскарабкаться так высоко, что помешает нам последовать его примеру?

Гаррей с живостью выслушал мое сообщение. Рубби самоуверенно заявил, что ноги у него еще не одеревенели, и не далее, как месяц назад, он взбирался на несравненно более крутую скалу.

Я задался вопросом, чего мы достигнем, вскарабкавшись наверх. Ведь подъем еще не спасение, поскольку нельзя было спуститься на равнину с противоположной стороны, по совершенно отвесной круче.

Будучи в полной безопасности от гверильясов, мы не достанем на гребне мезы воды.

Положение даже ухудшится.

Этого мнения держался и Гаррей.

У подножия горы мы сохраняли, по крайней мере, лошадей; одна из них предназначалась на убой, в слу-

че голода, остальные три облегчат наше бегство. Поднившись на плато, мы потеряем коней. С высоты пятидесяти футов можно, конечно, ружейным огнем удерживать гверильясов, не подпуская их к лошадям, но к чему это приведет? Лошади, подобно нам, обречены на гибель от голода и жажды.

Надежды погасли так же быстро, как вспыхнули.

Рубби молчал, опершись на ствол длинного карабина. Он слегка наклонился, как бы заглядывая в дуло ружья,— такова была его обычная поза, когда он решал минутные вопросы. Мы с Билли затаили дыхание, чтобы не помешать раздумью старого траппера.

Глава 37

ПЛАН РУББИ

Прошло довольно много времени. Рубби хранил задумчивую позу, не произнося ни слова. Наконец он глухо, но радостно свистнул и выпрямился.

— Ну что же, старик? — спросил его Гаррей, поняв, что свист означает какое-то прозрение.

Рубби ответил вопросом:

— Какова длина ремней твоего лассо, Билли?

— Добрых тридцать футов, — ответил Гаррей.

— А вашего, молодой человек?

— Почти столько же; может, на фут или на два больше.

— Прекрасно! — заявил Рубби. — Ручаюсь, что мы перехитрим гверильясов!

— Bravo, старина!.. Ты, кажется, придумал нечто подходящее...

— Да, конечно...

— Поделись же с нами, товарищ! — попросил Гаррей, видя, что Рубби вновь погружается в созерцание. — Лишнего времени у нас нет...

— Эх, Билли!.. Побольше терпения! Над нами не кипит... Я привяжу свою старую клячу к черному коню капитана. До зари лошади будут спасены... Воображаю, как будут беситься мексиканцы, когда расщелина окажется пустой.

Старый траппер хохотал так беззаботно и весело, словно враг был от нас за сто миль.

Мы с Гарреем кусали губы от нетерпения. Когда припадок веселости овладевал нашим старым приятелем, добиться толку от него было невозможно.

Успокоившись, Рубби забормотал:

— Двадцать футов ремень Билля и еще двадцать — лассо желторотого птенца. Итого сорок. С моими двадцатью — шестьдесят футов... На худой конец положим пятьдесят шесть футов... Да, да, пятьдесят шесть — ни больше, ни меньше... хотя прибавятся поводья, чтобы повесить дюжину мексиканцев...

Теперь Рубби уже не глядел в дуло карабина, измеряя взглядом кручу.

Из деликатности мы притворялись непонимающими, хотя догадывались, куда клонит старик. Предвосхитить планы старого траппера — значит нанести ему смертельную обиду.

Мы терпеливо ждали, чтобы он заговорил.

— Теперь слушайте, дети: вот мы каким образом поступим. Чуть стемнеет, поднимемся на мезу, захватим с собой лассо. Свяжем их вместе, а если они окажутся короткими, прибавим поводья. Конец ремня привяжем к дереву на вершине мезы и спустимся затем прямым маршем в прерию с противоположной кручи, прямо направимся в ранчерию, поднимем на ноги дюжину ваших ренджеров, капитан, как птицы полетим обратно к мезе и зададим гверильясам трепку, какой они отроду не видели. А пока что...

Мы с Билли уже заранее согласились с Рубби и шумно выразили свой восторг.

План блестящий. Если нам удастся его осуществить, не привлекая внимания врагов, то через несколько часов мы будем в ранчереи, в полной безопасности, и кристальный источник утолит нашу жажду.

Близкое избавление вдохнуло в нас новую энергию, и мы с горячностью принялись за работу.

Рубби стоял на страже, а мы двое лихорадочно скрепляли лассо и стреножили лошадей, привязав их, кроме того, достаточно крепко, чтобы найти по возвращении.

Почти стемнело. Погода благоприятствовала нашим замыслам. Свинцовые тучи заволокли небо. Луна должна была показаться не раньше полуночи.

Рубби, хвалившийся своим умением предсказывать погоду не хуже морских волков, начал исследовать небо,

— Ну что, старина? — спросил Гаррей. — Как по-твоему, достаточно ли будет темно?

— Как в дымовой трубе! — отшутился Рубби и, не довольствуясь этим ответом, прибавил: — Как в желудке бизона во время пожара в прерии...

И старый траппер расхохотался во все горло. Мы с Гарреем вторили ему. Гверильясам могло показаться, что мы сошли с ума.

Рубби не ошибся: ночь выдалась темная. Надвигалась гроза. Послышался шум тяжелых дождевых капель. В углубления седел набралась вода, и нам удалось напиться. Первая молния озарила прерию ярче тысячи факелов. Молния в прерии не похожа на нашу северную, — вспышки ее охватывают полнеба. Но эта яркость грозила сорвать наши планы.

— К черту грозу! — злобно ворчал Рубби. — Проклятие! Это в десять раз хуже луны...

Едва он замолк, вся прерия вновь осветилась, как сцена театра. Мы увидели гверильясов — верхом, на страже, их оружие и одежду, вплоть до таких мелочей, как пуговицы. Фигуры всадников в фосфорическом свете грозы выросли до гигантских размеров.

Гром утих. Наступила глубокая, зловещая тишина.

— Великолепно! — пробормотал Рубби, убедившись, что осаждающие не меняют позиции. — Будем карабкаться в промежутках между вспышками. Лишь бы гверильясы не заметили нашего маневра...

Дождавшись следующей молнии, мы демонстративно высунулись из-за уступа и выставили карабины.

Врагам, конечно, это бросилось в глаза.

Согласно принятому плану, вперед должен был поехать Гаррей. Ему вручался ремень.

Дождавшись темноты, он намотал вокруг себя лассо, оставив конец свободным.

Переждав молнию, он подкрался к мезе и начал восхождение.

Глава 38

ТРУДНЫЙ ПОДЪЕМ

Рубби, то и дело высовываясь, наблюдал за гверильясами, а я всматривался в мезу, тщетно надеясь увидеть в глубоком мраке нашего друга или услышать какой-

нибудь звук с плато. Наконец я уловил сверху легкий шорох, с каждым мгновением становившийся глуше. Это были шаги Гаррея, обутого в мокасины, еле слышные шаги, не достигавшие слуха противника.

Ожидание молнии показалось нам вечностью, хотя на деле прошло не более пяти минут. Время тянулось томительно.

Фосфорический блеск, пролившийся на мезу, на середине подъема осветил Билли. Он стоял в русле потока, раскинув руки, похожий на дерево, растущее из скалы.

Гаррей сохранял эту позу, пока не погасла молния.

Я обернулся в сторону гверильясов: ни звука, ни движения. Мексиканцы, к счастью, не заметили Гаррея: мелкие густолиственные кедры, гнездившиеся в расщелине, затеняли и взбиравшегося на нее человека.

Следующая вспышка уже не озарила человеческой фигуры на склоне мезы, но какая-то темная полоска спустилась с плато. Это свисал ремень, захваченный Гарреем. Сам он стоял на горной площадке, живой и невредимый. Пришла моя очередь подниматься. Рубби оставался последним внизу на страже. Перекинув карабин на спину, я сказал Моро: «До свидания, дружище!» и с последней молнией прильнул щекой к его бархатистым ноздрям. Я подхватил конец лассо, опущенного Билли, и начал трудный подъем.

Прочный ремень облегчал мою задачу. Карабкаясь с уступа на уступ, я достиг вершины прежде, чем сверкнула новая молния.

Мы с Гарреем залегли в кустах.

Вскоре ремень, привязанный к стволу горной сосны, натянулся, как тетива, и мы поняли, что старый траппер начал восхождение.

Еще минута — и длинная, тощая фигура Рубби показалась над краем обрыва.

Измученный, задыхающийся, он, не произнося ни слова, спрятался рядом с нами в кусты.

Несмотря на темноту, я заметил какую-то перемену в его наружности. Что за чудеса: голова траппера как будто уменьшилась в объеме. Вскоре я понял, в чем дело. Чтобы провести гверильясов, Рубби положил на камень свою знаменитую енотовую шапку, в которой я привык видеть его. Надо сказать, что без шапки его эффектная внешность сильно проигрывала. Зато хитрость его удалась. Гверильясы оставались на своих постах, даже не

подозревая о нашем исчезновении: шапка словно представительствовала за троих янки, улизнувших из капкана.

Наконец Рубби отдышался. Свернув ремень, мы ползли по краю плато в поисках подходящего места для спуска.

Достигнув противоположной стороны, мы сразу нашли то, что требовалось. На самом краю обрыва росли сосенки. Мы выбрали одну из них и закрепили ремень.

Но оставалось еще многое сделать для подготовки спуска. Мы знали, что от вершины до подошвы не менее ста футов, и спуститься с этой высоты на ремне было подвигом, достойным старого морского волка. Никто из нас не отваживался в одиночку на такое опасное предприятие. Втроем, конечно, легче: первый спустится без особых затруднений, с помощью товарищей. Так же легко будет и второму.

Но последний? Кто поможет ему?

К счастью, спутники мои были изобретательны. Они вышли с честью из затруднения.

В мгновение ока они достали ножи, срезали сосенку и разрубили ее на части.

Сделав на каждом обрубке гнездо для ремня, мы привязали деревяшку к лассо: висячая лестница была готова.

Оставалось проверить, достанет ли ремень до низу, так как он сократился благодаря узлам.

К концу ремня мы привязали камень и спустили его со скалы.

Камень глухо ударился. Ремень доставал до земли.

Втащив ремень, мы отвязали подвесок и обкрутили Рубби под мышками крепким лассо. Худощавому старику пришлось первому проверить крепость ремня. Во время подъема на скалу мы висли на ремне не полной своей тяжестью, цепляясь за выступы. Только благополучный спуск Рубби подтвердит прочность трапеции и тогда мы последуем за ним. Больше всех рисковал Гаррей — самый рослый и тяжелый среди нас.

Старый траппер приступил к спуску. Гаррей медленно и осторожно отпускал ремень.

Ярд за ярдом разматывался ремень. Старик исчез с наших глаз за краем утеса, повиснув над прерией.

У нас оставался в руках небольшой кусок ремня. С минуты на минуту Рубби должен был встать на твер-

дую почву. Вдруг, к нашему ужасу, ремень стал очень легким. Раздался треск лопнувшего ремня и пронзительный, едва доносившийся крик. Тяжесть ускользнула из наших рук, и, потеряв равновесие, мы оба опрокинулись на спины. Но тотчас мы вскочили и машинально потянули ремень к себе. Никакого сопротивления: он легок, как бечевка!

Мы молча переглянулись: дело ясное, Рубби сорвался!

Движимые одним и тем же чувством, мы подползли к самому краю обрыва. Внизу зияла чернота.

Ни стопа, ни крика. Вдали выл волк.

Неужели Рубби разбился? Хоть бы он застонал: мы бы знали, что он жив.

Прошло довольно много времени. Наконец мы услышали голоса. Они доносились от подошвы скалы, на которой мы стояли. То были гверильясы.

Молния осветила двух всадников. Они объезжали мезу. Но ни мертвого, ни живого Рубби мы не увидели.

Гверильясы были вооружены копьями. Пленника с ними не было. К тому же, если только он не ранен насмерть, Рубби не сдался бы без отчаянного сопротивления, а мы не слышали стрельбы.

Легкий ветерок донес до нас разговор мексиканцев.

— А все-таки,— воскликнул один из них,— вы ошибаетесь!

— Капитан, я твердо уверен, что то был человеческий крик...

— В таком случае это кричал кто-нибудь из негодяев-янки. Здесь никого нет. Довольно! Объедем мезу... Скорей!

Я узнал голос Ихурры.

Какое счастье, что Рубби не попал в плен к гверильясам! Но куда он скрылся?

Мы втянули наверх весь ремень. Он оборвался приблизительно на половине. К сожалению, мы забыли измерить длину ремня перед спуском траппера и теперь не могли установить высоту спуска.

Хотя Рубби не подавал признаков жизни, мы надеялись, что он не разбился насмерть. Опасность, однако, еще не миновала: если траппер после падения отполз на несколько шагов в сторону от прерии, гверильясы найдут его.

Мы решили проследить за действиями всадников,

Прислушавшись к их голосам, мы поползли на коленях по краю обрыва. Всадники остановились в ожидании молнии.

— Посмотрим, нет ли следов? — сказал один из них...

Они находились на расстоянии выстрела от нас.

— Пристрелим их! — шепнул мне на ухо Билль.

Я колебался.

Горизонт снова озарился. В пятидесяти ярдах от нас горели фигуры всадников. На такую дистанцию наши карабины бьют без промаха. Соблазна был велик.

Но в это мгновение мы заметили в прерии Рубби. Он упал ничком, раскинув руки и уткнувшись носом в землю. С высоты он был похож на шкуру бизона, растянутую на колышках.

Пятьсот ярдов отделяло его от мезы. Гверильясы не заметили Рубби, потому что его скрывали высокие травы.

Как только воцарился мрак, мы с облегчением вздохнули, услышав, что гверильясы двинулись дальше. Ихурри укорял спутников за ложную тревогу.

Для гверильясов было большой удачей, что они не заметили человека, притаившегося в траве. Это было удачей и для Рубби и для нас всех.

Мы с Билли остались на месте, ожидая новой молнии.

Когда прерия осветилась, мы не нашли на прежнем месте своего приятеля, но гораздо дальше, приблизительно в миле от нас, мелькнула как будто черная фигура. Был ли то Рубби, мы наверное не знали. Одно ясно: траппер спасся.

Глава 39

ПОДКРЕПЛЕНИЕ

Впервые с момента встречи с гверильясами появилась надежда на спасение. Нужно ли добавлять, что мы вернулись на старое место успокоенные и развеселившиеся.

Обрывок ремня был слишком короток для спуска, и поневоле мы приняли выжидательную тактику. Пока жизнь наша висела на волоске, я не думал о конях, но, почувствовав себя в безопасности, я вспомнил о Моро и «белом мустанге» — первопричине всех осложнений.

Как бы спасти его? Ведь в ранчерию меня ждет награда за белого красавца.

Через несколько часов мы будем освобождены. Рубби доберется до поста и вернется с подкреплением.

А что будет, если он не застанет рейнджеров в ранчерию? Быть может, армия двинулась в поход, или аванпост получил приказание сняться. Наконец, Рубби мог быть схвачен по пути... Убит...

Нет, траппер, благодаря своей ловкости, несомненно доберется до лагеря и, в случае необходимости, даже до штаб-квартиры. Он только что показал свою находчивость. Добыв по дороге лошадь, он к утру будет в штабе, хотя бы армия уже выступила в поход. Он постарается, конечно, найти рейнджеров, а Холлингсворт, не дожидаясь официального приказа, предоставит в его распоряжение несколько солдат. Шести человек достаточно, чтобы справиться с мексиканцами. Всегда найдутся охотники на такую экспедицию.

Возможно, что Рубби задержится до завтрашнего дня, но это нас не пугало, на мезе мы могли продержаться неделю, месяц, словом — сколько угодно времени.

Приступом нас не возьмут. Неприятель не посмеет приблизиться к «крепости», в которой мы засели. Мексиканцы трусы. Двух карабинов вполне достаточно для защиты единственного подступа к нашему убежищу.

Ни жажда, ни голод нам не угрожали: на мезе в изобилии росли кактусы.

Гаррей достал нож, очистил самый крупный кактус от колючей оболочки, выдолбил нечто вроде чаши, и мы выдавили в нее сочную сердцевину растения.

Так утолили мы жажду, а щедрая природа снабдила нас и продовольствием. Еще будучи в прерии, мы заметили на склонах мезы светло-зеленую хвою сосны — аманды. В крупных шишках заключаются вкусные питательные зерна — орешки. Несколько пригоршней было достаточно, чтобы насытиться. Каленые орешки, конечно, вкуснее, но нам пришлось удовольствоваться сырыми.

С такими запасами провианта и с светлыми надеждами на будущее мы только посмеивались над бессильной яростью врагов.

Лежа на краю обрыва, мы наблюдали за гверильясами, чтобы обстреливать их в случае покушения на наших лошадей.

Гверильясы не покидали своих постов.

Диспозиция не изменилась. На одинаковом расстоянии друг от друга стояли всадники, а между ними непрерывно сновали пешие. Сторожили нас основательно. Даже под покровом темноты нам не удалось бы ускользнуть из их рук.

Гроза утихала. Молнии сверкали все реже. Внезапно раздался отдаленный топот. По сухому грунту прерий мчалось множество коней. Трапперы умеют различать стук копыт оседланной и не оседланной лошади. Гаррей заявил, что едут всадники. Гверильясы, стоявшие на страже, услышали топот одновременно с нами. Двое из них поскакали галопом на разведку. Все это мы улавливали только слухом, с трудом различая в непроглядном мраке предметы на расстоянии шести шагов.

Звуки доносились все более отчетливо со стороны ранчерии.

Каково же было наше разочарование, когда мы сообщили, что Рубби не мог еще добраться до ранчерии, и подъехал Эль-Зорро со спутниками.

Всадники обменялись приветствиями с осаждающими. Лошади ржали, узнавая друг друга.

Вспышка молнии осветила Эль-Зорро и тридцать гверильясов, приведенных им в подмогу.

Значительное подкрепление, полученное неприятелем, вселило в нас тревогу. Враг мог теперь, не колеблясь, напасть на наше прежнее убежище и захватить лошадей.

Вскоре мы убедились, что наши опасения неосновательны. Враг не пытался перейти в наступление. Он усилил сторожевую цепь и принял ряд других мер для продолжения блокады.

Видно, гверильясы избегали открытой стычки. Нас брали измором.

Глава 40

РАЗВЕДЧИК

Наступила полночь. Молнии вспыхивали все реже, и наконец гроза прошла. Взошла луна. Свинцовые тучи медленно уплывали. Диск луны казался ярче по контрасту с темными тучами. Серебристые снопы лучей обливали прерию молочным светом. Туман рассеялся.

Гроза очистила воздух. Он стал ясным и прозрачным.

Хотя луна шла на ущерб, было настолько светло, что прерия была открыта нашим взорам до самого горизонта. От тяжелых облаков ложились длинные тени. По временам тучи закрывали луну, и прерия погружалась в темноту.

Лунный свет падал на нас сзади. Гверильясы расположились у западного склона мезы. Тень от холма падала на равнину, а на ее ярко очерченной границе стояла частая цепь часовых. Они нас не видели, так как мы прятались в густом кустарнике. До нас доносились болтовня и песни гверильясов.

Билли сначала наблюдал за ними, затем он отправился на противоположную сторону мезы, чтобы посмотреть, не видно ли чего на востоке. В этом направлении находилась ранчерия, оттуда мы ждали подмоги. Рейджер не приходилось тянуть за уши, чтобы заставить исполнить свой долг. Если их не перевели из ранчерии, они не замедлят явиться на выручку.

Не прошло и минуты после ухода Гаррея, как мое внимание привлек темный предмет на равнине. Как будто человек? Он лежал на животе в такой же позе, как Рубби, когда он спасался от гверильясов.

Мне не удалось рассмотреть таинственного пришельца, потому что он находился в шестистах шагах от мезы, непосредственно за цепью гверильясов.

Облако закрыло луну. Человек исчез во мраке.

Луна выплыла из-за облаков. Там, где только что чернела человеческая фигура, сейчас ничего не было. Приглядевшись, я обнаружил ее ближе к всадникам в той же самой позе.

Я смотрю сверху, и потому высокая трава не заслоняла от меня ползущего человека. Он попал в полосу света, и тут-то я заметил, что он по пояс обнажен. До этого момента я беспокоился, что незнакомец в прерии — Рубби. Мне совсем не хотелось, чтобы траппер вернулся таким образом.

Он должен был притти не один. К тому же он был знаком с расположением вражеского отряда, и ему незачем было предпринимать разведку.

Теперь я окончательно убедился, что это не Рубби. Кожа неизвестного была смуглой. У Рубби она была такой же. Он родился белым, но с течением времени цвет его кожи настолько изменился под влиянием солнца, пыли, грязи и, откровенно говоря, нечистоплотности, что

приобрела оттенок меди. Сюда надо прибавить дым степных пожаров. Цветом кожи Рубби не отличался от чистокровного индейца. Но старый траппер не стал бы разгуливать голым: он никогда не снимал своей оленьей куртки. Маслянистый блеск кожи также доказывая, что в траве лежит не Рубби. Бронзовое тело охотника не могло так блестеть при луне.

На прерию набежала тень облака, и я потерял из виду таинственного человека.

Когда луна показалась, его уже не было на прежнем месте, но вдали кто-то полз на четвереньках и вскоре растаял в тумане.

Вдруг на горизонте смутно вырисовались силуэты всадников.

«Неужели это Рубби и рейнджеры?»

Я напряг зрение. Несомненно всадники. Они ехали гуськом.

Но рейнджеры никогда не ездят так, разве что в узком ущелье или лесной тропинкой.

В жизни моей, богатой приключениями, не раз повторялась подобная картина. Это были индейцы на «тропе войны».

Я понял: шпиона подослали краснокожие. Они хотят подойти к мезе, чтобы расположиться лагерем у ее подошвы. Разведчику поручили исследовать местность.

Всадники остановились. Они не могли увидеть мексиканцев. Минуту спустя прерия погрузилась в глубокий мрак.

Я решил дождаться появления луны.

Глава 41

КАБАЛЬЯДА

Прошло почти четверть часа. Выплыла из-за облаков луна. В полумиле от мезы вырисовались силуэты лошадей без всадников. Они стояли неподвижно. Уж не дикая ли манада?

Нигде не было видно краснокожих наездников прерий. Я уже собирался пойти за товарищем, чтобы сообщить ему результат своих наблюдений, но Гаррей вернулся без моего зова. На восточной стороне он ничего не

обнаружил и пришел посмотреть, на месте ли гверильясы.

— Алло! — воскликнул он, увидав кабальяду. — Что это за чертовщина там, внизу?.. Табун диких мустангов?.. Клянусь хвостом Вельзевула...

Не знаю, что еще хотел сказать Билли. Голос его был заглушен диким воем, донесшимся снизу. Гверильясы всполошились и вскочили в седла. Отряд пришел в движение.

Неужели они испугались кабальяды?

К изумлению нашему, выяснилось, что причиной их волнения были мы с Гарреем. С яростным криком подскاکав к подошве горы, гверильясы открыли по нам огонь.

Пули со свистом проносились над нашими головами.

Каким образом открыли они наше убежище?

Заглядевшись на кабальяду, мы выпрямились во весь рост. Фигуры наши отбрасывали огромные тени на равнину. Это нас и выдало.

Мы опустили на колени, судорожно сжимая карабины.

Гверильясы потеряли обычную осторожность. Многие приблизились к нам на выстрел. То были вновь бывшие.

Белая лошадь под одним мексиканцем послужила мишенью для траппера. Он прицелился. Грянул выстрел. Глухой стон. Белая лошадь умчалась вскачь без седока.

Облако закрыло луну. Все погрузилось в темноту.

Билли начал заряжать карабин. Внезапно из ночного мрака раздался крик. Гаррей насторожился. Он узнал боевой клич индейцев.

— Это клич команчей! — воскликнул он. — Клянусь, это они! Теперь гверильясам придется туго!

Одновременно с боевым кличем мы услышали топот коней. Земля задрожала. С каждым мгновением звуки приближались. Индейцы напали на гверильясов.

Снова засияла луна, и мы увидали, что на лошадях, которых мы приняли за дикий табун, сидят индейцы. Обнаженные торсы всадников были размалеваны красной краской.

Мексиканцы вскочили на лошадей. Нападение застало их врасплох. В их движениях сквозила нерешительность.

— Они уклонятся от сражения,— сказал Гаррей.— Ни за что...

Он был прав.

Индейцы, приблизившись на сто шагов к линии гверильясов, остановились, чтобы ознакомиться с боевым расположением неприятеля.

Зажужжали стрелы, и краснокожие ринулись вперед, потрясая томагавками * и копьями и оглашая воздух боевым кличем.

Гверильясы выстрелили по одному разу — кто из пистолета, кто из карабина, но вторично зарядить их даже не попытались. Многие в панике побросали ружья. Полное смятение царило в рядах гверильясов. Внезапно они повернулись спиной к индейцам и врассыпную поскакали на восток.

Индейцы бросились вдогонку. Они боялись упустить своих злейших врагов. На свое счастье мексиканцы не расседлали лошадей. Будь они спешены, индейцы перебили бы их.

Мы с Гарреем побежали на другую сторону плато, чтобы полюбоваться эффектным бегством гверильясов.

Стоя над пропастью, мы видели, как оба отряда пронеслись у подножия холма.

Преследователей отделяло от беглецов не больше двухсот ярдов.

Индейцы мчались с боевым кличем, мексиканцы удирали молча.

Внезапно гверильясы с криком остановились на всем скаку.

Мы сразу поняли, в чем дело.

Прямо на мексиканцев карьером неся отряд всадников.

Сверкало оружие. Топот лошадей гулко отдавался в прерии. Лошади были подкованы, следовательно, всадники были янки.

— Рейнджеры! — закричал во всю глотку Гаррей.

Мексиканцы остолбенели, вообразив, очевидно, что это второй отряд индейцев.

Не успели рейнджеры открыть огонь, как гверильясы повернули влево и помчались по прерии.

Увидев маневр врага, индейцы поскакали по диагонали, чтобы отрезать беглецам отступление. Рейнджеры

* *Томагавк* — каменный боевой топор индейцев

бросились в ту же сторону. Сейчас янки столкнутся с войнами прерий...

Луна скрылась за большим облаком.

Мы не видели поля сражения, но слышали военный клич индейцев, возгласы рейнджеров, ружейные выстрелы, частый треск револьверных разрядов, удары сабель по копьям, звук ломающейся стали, ржание лошадей, торжествующие возгласы победителей и глухие стоны раненых.

Кто побеждает? Мы опасались за судьбу товарищей. Томительное ожидание длилось недолго.

Когда луна появилась из-за туч, битва была уже окончена. В прерии валялись трупы воинов и лошадей.

Гверильясы уже почти исчезли из виду. Они удирали в южном направлении, индейцы — в западном. Торжествующие возгласы неслись с поля сражения. Победа осталась за рейнджерами.

— Билли, где ты? — раздался голос, который мы тотчас узнали.

— Здесь! Здесь! — ответил Гаррей.

— Задали мы им перцу! Черт бы побрал этих гверильясов!..

Глава 42

ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ

Схватка продолжалась минут десять. Все вместе производило впечатление батальной феерии. Сцену заливал лунный свет. Мгновениями полной темноты отмечались антракты. Для полной иллюзии не хватало только перестрелки, но события развернулись так стремительно, что гверильясы после первого залпа уже не пытались отстреливаться.

Устрашенные боевым индейским кличем, они побросали оружие, и там, где ряды их дрогнули под вражеским натиском, земля была усеяна ружьями и копьями.

Внушительный штуцер Эль-Зорро валялся в общей груди.

Несмотря на молниеносность схватки, стороны понесли больше потери: было убито пять гверильясов и десять индейцев.

Выступая в поход, индейцы, по обычаю, размалева-

нали себе лица и грудь красным соком растения уруку, и трупы их казались залитыми кровью.

Что же касается убитых мексиканцев, то тела их найдены были невдалеке от мезы, куда горсточка разбитых гверильясов успела доскакать, спасаясь от преследования краснокожих.

Индейцев мои товарищи убили на равнине, открыв по ним револьверный огонь. Дело было горячее: команчи держались стойко.

Огнестрельная новинка — револьвер — была им, очевидно, знакома по столкновению с трапперами или путешественниками. Но впервые команчи встретили целый отряд, вооруженный этим убийственным оружием. В экспедиционном корпусе американской армии только рейнджеры были снабжены усовершенствованным пистолетом Кольта.

Рейнджеры также не вышли невредимыми из этой схватки. Двое были заколоты длинными копьями противника, а десять или двенадцать — ранены стрелами команчей.

Мы с Билли, стоя на вершине, нетерпеливо поджидали Квакенбосса, взбравшегося с рейнджерами на крутой откос. Солдаты, крича наперебой, сообщали нам новости, но и без них мы были в курсе дел.

Судя по боевому кличу, индейцы принадлежали к племени команчей.

Их появление в этой местности было случайным. Команчи, вступая на «тропу войны», имели в виду не мексиканцев и не гверильясов. Целью их похода было ограбление богатого мексиканского городка, расположенного на другом берегу Рио-Гранде, в двадцати милях от рачерии.

Индейский лазутчик обнаружил кавалерийский разъезд у подошвы мезы. Он узнал гверильясов. Лошади, сбруя и мундиры мексиканцев всегда составляют приманку для команчей. Им нравятся их седла, затканые серебром. Соблазненные этими сокровищами, краснокожие обрушились на гверильясов.

В этом духе дал нам разъяснения один из воинов-команчей, тяжело раненный и оставшийся на поле битвы. То был, кстати сказать, мексиканец, захваченный некогда в плен команчами, но от долгой жизни в индейской среде усвоивший все их обычаи. Даже наружностью он мало отличался от природных команчей.

Мексиканскому городку повезло: разбитые нами индейцы приуныли и отказались от первоначального замысла. В смущении и растерянности они отступили в горы.

Остальное для нас с Гарреем было ясно.

Рубби, целый и невредимый, добрался до ранчери и сообщил обо всем лейтенантам. Минут через десять полсотни рейнджеров во главе с Холлингсвортом уже скакало по направлению к мезе. Рубби отправился с ними в качестве проводника.

Придерживаясь индейской тактики, рейнджеры передвигались только в минуты полной темноты. Так как ранчери находилась по другую сторону мезы, они весь путь проделали под прикрытием холма. Воспользовавшись этим преимуществом, они надеялись застать гверильясов врасплох.

Рейнджеры были уже на расстоянии выстрела, когда до них донесся боевой клич индейцев, а гверильясы, теснимые команчами, в беспорядке поспешно отступали к мезе.

Не зная точно, с кем они имеют дело,— с индейцами или мексиканцами,— рейнджеры все же открыли огонь, так как и те и другие были врагами. Но мексиканцы уклонились в сторону, и наша часть столкнулась с воинами прерий.

Неожиданная встреча краснокожих с янки оказалась счастливой для гверильясов. Оба отряда, преследовавшие их, в замешательстве остановились, и между ними завязалась схватка. Тем временем мексиканцы благополучно скрылись.

Любопытно, какой оборот приняли бы события, если б на поле битвы не появились рейнджеры.

Нам с Билли непосредственная опасность не угрожала, так как мы были спрятаны, но по дороге в ранчерию гверильясы заметили бы наших скакунов и угнали бы их.

Все тяжелое оставалось позади, и вскоре, позабыв об опасности, мы весело возвращались во главе отряда в ранчерию.

Унтлей ехал рядом со мной, а Холлингсворт с несколькими рейнджерами остался, чтобы похоронить товарищей.

Я в последний раз обернулся на поле битвы.

Холлингсворт бродил между убитыми гверильясами. Он переворачивал трупы на спину и склонялся над ними, когда луна озаряла их бледные лица. Поводки его были дики, но он был так серьезен и озабочен, словно искал

среди убитых друга, павшего в сражении. Можно было принять его также за мародера.

Но Холлингсворт искал не друга, а врага.

Рассмотрев пятерых гвернльясов, он отошел в сторону, и по равнодушию его мы поняли, что в числе убитых врага не оказалось.

— Не случилось ли чего нового за мое отсутствие? — спросил я Уитлея.

— У нас много новостей, капитан! Кажется, все наши труды пропали даром... Я слышал, будто этим путем не пробраться в глубь Мексики. Словом, нас собираются перебросить на новую линию... Мы ждем перевода в какой-нибудь южный порт Мексиканского залива, быть может, в Вера-Круц...

— Известие действительно первостепенной важности.

— А мне все эти новости не нравятся,— проворчал Уитлей.

Я догадывался, отчего Уитлей огорчен слухами о переброске на новое место. Жизнерадостный лейтенант не скучал в ранчери. С приятностью коротал он дни в обществе Кончитты, черноглазой дочери алькада. Не раз своим появлением я вспугивал воркующую пару. Грязная ранчерия с убогими землянками и пыльными просеками превратилась для влюбленного техасца в дивный парк с роскошными дворцами и улицами, вымощенными золотыми плитами. Он блаженствовал в мексиканском раю, где обитал бескрылый ангел — Кончитта.

Хотя в первые дни ранчерия показалась нам отвратительной, сейчас оба мы не желали никакой перемены.

До сих пор отряд не получал приказа сворачиваться, но, по мнению лейтенанта, мы со дня на день могли ожидать переброски.

— А что говорят обо мне? — спросил я Уитлея.

— Про вас, капитан?.. Ровно ничего. Что могут про нас говорить?..

— Объясняли же как-нибудь мою отлучку?..

— Вот вы о чем!.. Нет, она прошла незамеченной, по крайней мере, в штабе. Объясняется это просто: вы не внесены в рапорт как отсутствующий.

— В самом деле? Очень приятно!.. А как это случилось?

— Мы с Холлингсвортом думали, что в ваших интересах замять эту историю. Вот мы и решили молчать, пока не выяснится, что вы исчезли навсегда или погиб-

ли... По правде сказать, мы уже не надеялись увидеть вас. Вакеро, служивший вам проводником, вернулся в лагерь. Он сообщил нам, что двое трапперов отправились на поиски за вами. По его описанию мы узнали старого Рубби. Это меня успокоило: ведь живым или мертвым они нашли бы вас...

— Большое вам спасибо, Уитлей! Вы поступили благородно. Ваша сдержанность избавит меня от целого потока клеветы... Больше никаких новостей? — прибавил я после короткой паузы.

— Кажется, все, — ответил Уитлей. — Во всяком случае, ничего, достойного внимания. Впрочем, я позабыл, — спохватился лейтенант. — Помните этих бездельников вакеро, которые в первые дни после нашего прибытия шатались вокруг ранчери? Так вот: все эти оборванцы скрылись, не оставив никаких следов... Гуляйте хоть целый день по ранчери, и вы не встретите никого, кроме женщин и стариков... Я спрашивал у алькада, куда ушли пастухи. Но старый крючковорец только покачал головой и ответил очень коротко, своим обычным: «А кто их знает!..» Сомнений нет, они соединились с гверильясами... Черт возьми! Я не удивился бы, услышав, что именно они привели сюда шайку, которую мы сегодня разогнали. Ну, конечно!.. Это верно, как то, что меня зовут Уитлей. Помните, в момент нашего отъезда Холлингсворт разглядывал трупы: он, наверно, найдет среди них наших старых знакомцев...

Я был осведомлен лучше Уитлея и сообщил ему все, что знал относительно гверильясов и их начальника.

— Я так и думал. Рафаэль Ихурра?.. Вот чем объясняется прыть Холлингсворта. Он так спешил к мезе, что не успел сообщить мне, за кем мы гонимся. А мы-то, глупые головы!.. Как могли мы упустить этих проклятых вакеро! Надо было перевешать их всех до одного в первый же день нашего приезда...

Несколько минут мы ехали молча.

Давно уже вертелся у меня на языке вопрос, но я его не задавал, надеясь, что Уитлей сам затронет интересующую меня тему.

Наконец, не выдержав, я с напускной небрежностью упомянул тему.

Наконец, не выдержав, я с напускной небрежностью спросил:

— Не посещал ли кто лагеря? Не было ли гостей?

— Даже крыса не забегала,— процедил Уитлей и вновь погрузился в задумчивость.

— Как? Неужто никто обо мне не справлялся?

— Как будто нет,— покачал головой лейтенант.— А впрочем, я и забыл,— ответил он каким-то неестественным тоном.— Вас действительно спрашивали...

— Кто же?

Я старался скрыть волнение.

— Вот этого уже сказать не могу,— ответил Уитлей, ивно подсмеиваясь.— Кто-то сильно обеспокоен вашей участью... В лагерь к нам забегал мальчишка-мексиканец. Не сомневаюсь, он выполнял чье-то поручение. Смешливый и ловкий юнец! Так и не удалось нам выяснить, кто его подсылал. Он все спрашивал, не вернулись ли вы, и, получая отрицательный ответ, корчил жалобную рожицу. Появился мальчуган со стороны гацпенды.

Уитлей сделал ударение на последних словах.

— Следовало, конечно, задержать мальчишку во подозрению в шпионаже,— полушутливо прибавил лейтенант,— но мы были уверены, что он подослан кем-нибудь из ваших друзей...

Приятель мой умолк, и при свете луны я заметил, что он лукаво улыбается.

Каюсь, я часто дразнил Уитлея хорошенькой Кончиттой; сейчас настал его черед потешиться надо мной. Я не способен был отшутиться. Товарищ мог позволить себе любую вольность, а я бы кротко выслушал его. Слова его прозвучали для меня сладкой музыкой.

Я поехал дальше в радостном сознании, что я не забыт. Изолина не подсмеялась надо мной!

Вдали блеснул золоченый флюгер часовенки...

Скоро увижу я белые стены гацпенды, залитые неярным светом луны.

С волнением смотрел я на хорошо знакомый мне дом, думая о прекрасной жемчужине, заключенной в этот скромный ларец...

Глава 43

ЭЛИЯ КВАКЕНБОСС ГАРЦУЕТ НА КОНЕ

Уже заалел восток, когда мы въехали в ранчерню. Дорогой я успел утолить голод. Кое-кто из рейндже-

ров предусмотрительно набил ранцы провизией; узнав, что я с утра ничего не ел, солдаты наперебой угощали меня. Я напился воды из солдатской фляжки, а Унтлей, по обыкновению, предоставил свою флягу в общее пользование.

Уже улеглось возбуждение, которое поддерживало силы в минуту опасности, и я почувствовал себя усталым и разбитым. Едва успел я лечь, как крепко уснул.

Несколько часов отдыха подкрепили меня и физически, и нравственно. Проснулся я бодрый и исполненный радужных надежд.

В это утро я посвятил немало времени своему туалету. Затем, наскоро позавтракав и закурив сигару, вышел на азотею.

Народ на площади окружал «белого мустанга». Конь надменно изгибал шею и раздувал точеные ноздри, словно чувствуя, что красота его вызывает общий восторг.

Рейнджеры, поблано, уличные торговки — все с изумлением разглядывали дикого мустанга.

«Чудесный подарок!» — подумал я. — Достойный первой красавицы в мире...»

Сначала я собирался лично отвести Изолине коня: вот почему я потратил целый час на одеванье. Но, поразмыслив, я отказался от первоначального плана.

Целый ряд соображений удерживал меня от визита в гациенду, а главное — я боялся своим посещением скомпрометировать дона Варгаса и его дочь.

Принятие подарка от техасского офицера могло навлечь беду на мексиканку. Но «белый мустанг» подносился как бы в возмещение за подстреленную мной кобылу. Изолина легко могла оправдаться перед своими соотечественниками и отвести обвинение в дружбе с американцами.

Итак, я останусь дома, а мустанга отправлю с грумом.

Лассо уже наброшено на трепещущего коня, негр ждет моих распоряжений.

Но рейнджеры мои — большие балагуры и насмешники. По доносившимся до меня обрывкам разговоров я понял, что они избрали меня мишенью своих шуток. Момент для увода коня не подходящий. Надо повременить. Не разумнее ли дожждаться ночи?

Хорошо бы, накрывшись шапкой-невидимкой, проскользнуть в толпе и ускакать в гациенду!..

К счастью, неожиданное происшествие отвлекло внимание рейнджеров от моего мустаंगा.

Героем дня был Элия Квакенбосс.

Надо сказать, что во всем отряде Квадратный Череп был самым оборванным. Одежда нескладно сидела на его неуклюжей фигуре. Он был неряшлив и во время своих ботанических экскурсий немилосердно рвал одежду, цепляясь о колючие кусты. В одну неделю он приводил в негодность даже грубое солдатское сукно и вечно ходил в живописных лохмотьях.

Квакенбосс отличился в ночной схватке, пристрелив одного из пяти гверильясов. Солдаты не поверили ему и говорили, будто Квакенбосс попросту хвастает. Обиженный увалень вытащил пулю из раны мексиканца и представил ее на рассмотрение товарищей.

Карабин Квакенбосса был особого калибра, а пуля подходила только к нему. Пришлось признать правоту нашего стрелка

По обычаю рейнджеров, одежда убитого переходит в полную собственность победителя. Торжествующий Квакенбосс сбросил свои бесформенные лохмотья и появился утром на площади в пышном мексиканском одеянии.

Никогда плотный мексиканский бархат не облегал подобных ляжек!.. Никогда такие грубые лапищи не вылезали из рукавов вышитой жакеты! Неуклюжий рейнджер, переряженный мексиканцем, был так смешон, что товарищи и местные жители, толпившиеся на площади, встретили его дружным хохотом.

Даже суровые потомки индейцев присоединились к общему веселью.

Но это еще не все.

Среди прочей военной добычи Квакенбоссу достался мустаг одного из команчей. Собственная его боевая лошадь давно хромала на все четыре ноги, и приобретение нового мустага осчастливило незадачливого Квакенбосса.

То был сильный и горячий конь, хороших статей. Многие рейнджеры, наверное, втайне завидовали Квадратному Черепу, который с торжеством вывел мустага на площадь.

Когда умолкли взрывы хохота, был отдан приказ са-

даться на лошадей, и Квакенбосс наравне с прочими вскочил в седло.

Не успел он утвердиться, как лошадь злобно заржала. Она лягнула сначала задними копытами, затем передними, и наконец в воздухе блеснули все четыре подковы. Частое цоканье копыт терзало слух испуганного Элии. Конь, оскалив длинные зубы, угрожающе косился на беспомощного всадника. Вот-вот он сбросит Квакенбосса!..

Сомbrero слетело с головы кавалериста, и карабин выскользнул из его рук. Болтались широкие кальционеры, и в воздухе развевался яркий серапе.

В растерянности Квакенбосс размахивал рукой. Волосы его растрепались, а в глазах застыл дикий испуг...

Солдаты надрывались от смеха. Вся площадь гудела разноязычным говором.

Самое странное, что Квакенбосс не упал. Он считался худшим наездником во всем отряде, но, несмотря на бешеные курбеты мустанга, по-прежнему красовался в седле.

Рейнджеры не знали, чему приписать такое чудо.

Загадка, однако, вскоре разъяснилась.

Один из зрителей, самый наблюдательный среди рейнджеров, взглянул случайно на брюхо лошади и закричал во все горло:

— Смотрите!.. Как ловко пришпорил он мустанга!..

Все оглянулись. Новый взрыв хохота: товарищи открыли причину ловкости Квакенбосса.

Элия, не доверяя мустангу, в первую же минуту инстинктивно сжал ноги. Они были настолько длинны, что пятки Квакенбосса прились под животом лошади. Но бедняга забыл о своих новых мексиканских шпорах, с колесиками в два дюйма в диаметре. Зубья вонзились в брюхо горячего мустанга. Больше того: обе шпоры сцепились, и Квакенбосс оказался, так сказать, «привязанным к седлу» собственными ногами.

Вот почему он не падал. Обезумев от боли, мустанг метался по площади, пытаясь сбросить «жесточкого» всадника.

Нашелся однако жалостливый человек, который положил конец комической сцене, накинув лассо на несчастного мустанга,

Глава 44

ПО СЛЕДАМ АМАЗОНКИ

Пользуясь сумятицей, царившей на площади, я отправил негра в гациенду и с тревогой ждал его возвращения.

С азотеи я видел, как посланец мой взобрался на холм, ведя под уздцы степного жеребца, и скрылся за широкими воротами гациенды.

Через мгновение грум вышел без лошади: мой подарок принят!

В нетерпении я отсчитывал секунды, пока по лестнице не раздались тяжелые шаги негра. Вскоре в дверях террасы показалась его лоснящаяся добродушная физиономия.

К огорчению моему, с ним не передали ни записочки, ни приглашения, а только на словах приказали поблагодарить меня. Негр весело улыбался: на буро-красной ладони сверкнула золотая монета.

— Кто дал ее тебе? — спросил я.

— Кто дал? Прелестная синьорита... Самая красивая из всех квартеронок*, которых я когда-либо встречал...

Это Изолина вручила ему золотую монету.

Минуту назад я готов был растерзать ни в чем не повинного негра, но, узнав о щедрости Изолины, немного успокоился.

Из рассказа негра явствовало, что дар мой принят благосклонно.

Все еще не терял я надежды, что услышу благодарность из уст мексиканки.

В ожидании я бродил по азотее.

День был праздничный.

Уже зазвонили колокола и весело шумел народ. Поблано высыпали на улицу в самых нарядных своих платьях. Индеанки надели яркие нагасы, а в косы вплели красные ленты и низки гранатов.

Жители ранчит, соседних поселков, толпами собирались на площади и строились около церкви в процессии. Музыканты наспех чинили тимпан из своего оркестра. На улицах узких деревенских улиц заготавливали фейер-

* *Квартероны* — помесь белой расы с мулатами.

верк. Замаскированные люди взвалили на плечи статуи в мишурных одеяниях, осыпанных блестками.

Уже проплыл Понтий Пилат и центурион; за ними последовал Христос.

То было нелепое, варварское зрелище, но в каждой мексиканской деревне по воскресеньям можно увидеть подобную процессию, ритуал который остается неизменным в течение трех веков.

Чувствуя отвращение к смехотворным обрядам, утомленный бессмысленной шумихой, я приказал седлать своего коня с одной мыслью — ускакать подальше и, отдохнув на тихой лужайке, привести в порядок свои мысли и чувства...

Пока седлали Моро, я оставался на азотее. Взгляд мой был устремлен на гациенду дона Рамона де-Варгаса.

Внезапно ворота распахнулись, и из гациенды выехала всадница на белом коне.

То была Изолина.

Я не мог не узнать ее малинового манжо, который врезался в мою память с первой знаменательной встречи.

Мексиканка спустилась по отлогому склону к реке и, промелькнув, как метеор, скрылась в платановой роще.

Раздраженно торопил я слугу, седлавшего Моро. Первым моим инстинктивным движением было помчаться вдогонку за амазонкой в малиновом плаще.

Вскочив в седло, я торопливо выехал из ранчерии и, миновав заросли юкки, очутился в прерии. Здесь пустил я коня галопом.

Дорога шла вдоль реки по лужайке, поросшей высоким кустарником. Кое-где попадались рощицы, обвитые серебристыми лианами. Здесь царил полумрак.

Проезжая по тенистой роще, я встретил, или, вернее, проскакал мимо какого-то ребенка.

То был мальчик-мексиканец. Второпях я не обратил на него внимания. Он кричал мне что-то вслед, но топот копыт заглушил его слова. Думая, что он дурачится, я не остановился, но звук его голоса показался мне знакомым.

Только отъехав на порядочное расстояние, я сообразил, что мой встречный — мальчишка на побегушках с гациенды. Я не раз видал его в ранчерии.

Сопоставив это происшествие с рассказом Уитлея, и хотел было повернуть обратно и спросить мальчугана, зачем он звал меня. Но он сильно отстал, и после минутного раздумья я решил не возвращаться.

Вскоре я очутился у подножия холма, на котором была расположена гациенда. Вот и место, где исчезла из виду амазонка.

Следы копыт указывали мне дорогу, и, придерживаясь их, я въехал в лес по узкой тропинке. Вскоре она оборвалась, и следы увели меня в чащу.

Чем дальше углублялся я в лес, тем труднее была дорога. На протяжении по крайней мере полумили я лавировал между исполинскими стволами и объезжал непроходимые заросли бамбука, увитого лианами.

Местность постепенно возвышалась, и по аллюру Мора я понял, что он взбирается на пологий холм.

Наконец лес поредел, и самый характер растительности изменился: деревья были не такие раскидистые и с менее пышной листвой.

Я почти достиг вершины холма. Свежие следы копыт отчетливо выделялись на земле. Еще дрожали ветви, раздвинутые на ходу мустангом. Изолина не намного опередила меня.

Вскоре я услышал стук копыт.

Я продолжал подъем, с минуты на минуту ожидая, что передо мной мелькнет малиновый плащ или белая лошадь.

Еще несколько шагов — и сквозь перистую листву мимоз я увидел на прогалине амазонку.

Лужайка на вершине холма была окаймлена со всех сторон кудрявым лесом: безлюдный очаровательный уголок, созданный для отдыха и забвения.

Здесь Изолина остановилась. Верно, она наслаждается природой, слушает щебет птиц, вдыхает аромат цветов!..

Я колебался, не зная, что предпринять. Ускакать обратно или подъехать к Изолине? По меньшей мере бестактно нарушать ее покой. Я уже стыдился своего необдуманного поступка: кто дал мне право выслеживать амазонку? Но в эту минуту Изолина вынула из-за корсажа часы и с тревогой взглянула на циферблат. В беспокоействе она бросила взгляд на равнину, расстилающуюся у подножия храма.

Во мне шевельнулись подозрения. Она кого-то ждет!..

Проклятое имя Рафаэля Ихурры всплыло в моем сознании. Я вздрогнул, словно мне прижгли сердце каленым железом.

Сначала слабость овладела мной. Поводья выпали из рук, и закружилась голова. Но при мысли о счастливом сопернике я встrepенулся, как тигр, почувавший кровь.

Ненависть, ревность и жажда мести заглушили смущение...

Без борьбы не уступлю Изолину!.. Я, правда, безоружен, но голыми руками одолею врага...

Раздражение мое, очевидно, передалось коню: опустив голову, он злобно заржал.

Тотчас с прогалины послышалось ответное ржание и испуганный девичий голос:

— Кто здесь?

Дальше скрываться нельзя! Присутствие мое обнаружено!

Вонзив шпоры в крутые бока Моро, я стрелой вылетел на прогалину и очутился перед Изолиной...

Глава 45

ПРИЗНАНИЕ

Мое появление удивило Изолину. Я покраснел под ее взглядом, так как поведение мое было далеко не безупречным.

Как оправдаться? Как объяснить нашу встречу?.. Сослаться на случайность? Притвориться, что и для меня она неожиданна?.. Это слишком неправдоподобно! Мне все равно не обмануть проницательную девушку.

«Не стану таиться,— решил я,— выложу всю правду...»

— Где же ваш проводник? — внезапно спросила Изолина, прервав мои размышления.— Неужели вы сами нашли дорогу?

— Это было не трудно, синьорита: я придерживался ваших следов...

— Неужели? Я не ждала вас так скоро!..

— Но вы ждали кого-то другого?..

— Разумеется!.. Я думала, что Чипрео опередит вас,

— Чипрео?

— Ну да, Чипрео...

— Синьорита, если этим новым именем вы называете своего кузена, то, предупреждаю, что ему лучше не показываться здесь...

— Моего кузена?.. Ему лучше не показываться здесь?.. Я вас не понимаю, синьор!

Изолина вопросительно взглянула на меня. Легкая краска залила ее щеки.

Я смутился не меньше Изолины, но, приступив к объяснению, я решил довести его до конца.

— В таком случае, синьорита Варгас, я выражусь яснее. Если Рафаэль Ихурра придет сюда, то один из нас не вернется в долину... Ваш кузен покушался на мою жизнь, и я поклялся убить его, где бы я его не встретил...

— Искренно желаю вам успеха, синьор!

— Как! Что вы говорите?.. Ведь он — ваш кузен!

— Рафаэль Ихурра — мой злейший враг... и не только мой, но и моего отца.

— Неужели? Значит, вы его не ждали?..

— Конечно, нет! Я, правда, не труслива, но все же не хотела бы очутиться с глазу на глаз с Рафаэлем Ихуррой...

— Синьорита, прошу вас, скажите...

— Любезный капитан... Вы задали мне такую загадку... Не вам следует спрашивать, а мне, вы же должны смиренно отвечать... Я устроила это свиданье, чтобы лично поблагодарить вас за чудесного мустанга... А вы раздражены; глаза ваши искрятся гневом... вы осыпаете меня горькими упреками...

— Вы устроили это свиданье? Я не ослышался, синьорита?..

— По известным вам соображениям, я не могла пригласить вас к себе в гаудиенду. Вот почему я избрала для встречи эту уединенную лужайку... Не находите ли, капитан, что она прелестна?..

— В вашем обществе, синьорита, самое неприветливое и пустынное место покажется мне раем...

— Опять!.. Вы, верно, позабыли голубое домино... Умоляю вас, довольно лести. Мы не на маскированном балу, синьор!.. Будем же откровенны и просты.

— От всего сердца принимаю ваше предложение. Я приехал сюда, чтобы исповедаться перед вами...

— Вот как! В каких же грехах?

— Позвольте только раньше задать вам один вопрос, синьорита...

— Час от часу не легче! Вы метите в мои духовники?..

— Да, синьорита...

— Bravo, капитан! Продолжайте!.. Я отвечу вам с подобающей серьезностью.

— Прежде всего я хочу вас спросить: кто такой этот Чипрео, о котором вы упомянули?

— Чипрео? Да разве вы не знаете? Мальчик, которого я за вами послала. Что за странный вопрос?

— Вы посылали за мной?

— А вот и сам гонец... Сюда, Чипрео! Можешь возвращаться домой. Капитан, вы оказались удивительно проворным... Я ждала вас не раньше, как через полчаса. Но военные люди легки на подъем... Одно мгновение — и солдат в седле.. Тем лучше, потому что уже поздно, а я должна рассказать вам столько вещей...

Внезапно я все понял. Мексиканский мальчик, которого я встретил в темной роще, был послан за мной. Вот почему он окликнул меня.

Тревога моя улеглась, и сердце исполнилось радостью.

Еще не обнаружилось, что я явился самовольно. Чипрео убежал, не сказав ей ни слова, а неожиданно быстрый мой приезд вменялся в заслугу Моро.

Я собирался уж все объяснить, как Изолина внезапно напомнила мне про обещанную исповедь.

Признание мое было несложным. Оно требовало только трех коротеньких слов на одном из двух языков, наиболее распространенных в Америке.

Я избрал тот, который словно создан для влюбленных. Нагнувшись к красавице и заглянув в ее широко раскрытые глаза, я прошептал слова, не утратившие своей прелести, несмотря на то, что их повторяют на все лады:

— Jo te amo! (Я тебя люблю!).

Улыбка, освещавшая обычно лицо Изолины, исчезла. Нежным румянцем вспыхнули ее щеки. Стрельчатые ресницы опустились, и я не мог прочесть ее взгляда. Лицо ее омрачилось: шаловливый ребенок внезапно превратился в женщину.

Сначала выражение ее лица испугало меня, но смущение, краска стыда на щеках и высоко вздымавшаяся грудь — все это было добрым знаком...

Минута молчания показалась мне вечностью.

— Сеньор,—промолвила наконец Изолина, и впервые со времени нашего знакомства голос ее дрогнул,— сеньор, вы обещали мне быть откровенным. Но могу ли и верить в вашу искренность?

— Я говорю от всего сердца...

Она подняла глаза; в них светилась любовь. Взгляд ее наполнил мою душу блаженством. Даже солнечный луч не обладает такой живительной силой!..

На подвижном, выразительном лице снова заиграла улыбка, но я приписал ее равнодушию и снова встревожился.

— Скажите, сеньор,— продолжала Изолина,— чего ждете вы от меня?..

Я опешил.

— Быть может, вы ждете ответного признания?..

— Увы! разве я смею надеяться!.. Вы не можете...

— Вы ни о чем не спрашиваете меня?

— Нет, сеньорита! Мне страшен ваш ответ...

— С каких пор вы стали таким робким?.. Как обидно, что на мне нет маски. Не опустить ли вуаль, чтобы придать вам смелости?..

Мне было больно и грустно. Я опустил глаза, как подсудимый, ожидающий тяжкого приговора.

Изолина рассмеялась, и в ее голосе мне послышались насмешливые нотки.

Внезапно услышал я топот и, подняв глаза, увидел, что Изолина удаляется.

Она направилась к центру лужайки. На самой вершине холма она остановилась.

— Сюда, капитан! — крикнула Изолина, махнув рукой.

Машинально я последовал за девушкой.

— Итак, капитан, вы без боязни бросаетесь в бой, но робеете перед женщиной, не решаясь спросить, любит ли она вас...

Печальная усмешка была единственным ответом на ее шутивную болтовню.

— Bravo, капитан!.. Вы меня удивляете. Не раз, наверное, задавали вы другим женщинам этот вопрос...

Боюсь, что часто, слишком часто повторялись на вашем веку подобные сцены...

Она произнесла эти слова с нескрываемой горечью. Улыбка снова исчезла. Взгляд был устремлен вдаль...

— Не стоит заглядывать в прошлое,— продолжала Изолина.— Будем жить настоящим. Повторите, капитан... да, да, скажите мне еще раз, что вы меня любите...

— Я люблю вас... люблю, синьорита!

— Меня одну? Только меня?..

— Я никогда не взгляну ни на одну женщину...

— Спасибо, спасибо!

— Неужели у вас не найдется для меня ничего, кроме холодной благодарности?..

Молча отвернулась она, словно переживая какую-то внутреннюю борьбу.

— Я сумею доказать вам свою признательность,— сказала наконец Изолина.— Сами судите, оценила ли я вашу любовь... Три вещи могу я подарить вам...

— Не томите, Изолина...

— Я обещала ничего не скрывать от вас. Слушайте же... Я тоже пришла сюда, чтобы открыть вам свою душу. Видите, вдали белеет дом. В нем родилась я. Если вы захотите, вы войдете в него хозяином...

— Изолина!..

— Еще я могу предложить вам свою руку...

Она протянула мне свою руку, которую я крепко сжал.

— А третий дар, Изолина?..

— Третьего я не в состоянии вам отдать, потому что оно уже принадлежит вам. Вы похитили его...

— Что же это?

— Мое сердце...

Наши кони, чуткие, умные животные, внимали, казалось, разговору. Они медленно приближались друг к другу, и в то мгновение, когда я услышал последние слова Изолины, морды их соприкоснулись, и зазвенели стальные уздечки...

Они стояли бок о бок, словно впряженные в одну упряжь. Видно, они понимали, чего хотят прелестная всадница и счастливый спутник. В безмолвном порыве мы с Изолиной нагнулись друг к другу — и первый поцелуй скрепил нашу любовь...

Глава 46

В ЛЕСУ.

Мы расстались, так как неблагоприятно было показываться вместе. Изолина ускакала первая, оставив меня на лужайке. Прощаясь, мы сговорились встретиться на следующий день.

Я медлил, не желая покидать холма, отныне священного для нас с Изолиной.

Буйная радость победы сменилась глубоким покоем и беспредельным лучезарным счастьем. Заветная мечта исполнилась.

В жизни нет блаженства, равного разделенной любви. Только счастливый влюбленный без страха глядит в лицо будущему.

Внешний мир гармонировал с моим душевным состоянием. Никогда цветы не благоухали так сладко, как в этот день. Они сверкали ослепительными красками, а хлопотливое жужжание пчел и птичий гомон сливались в дивную мелодию.

Я охотно задержался бы на лужайке, но служебные обязанности призывали меня в ранчерию.

Солнце уже склонилось к закату, когда я въехал под сень шелковистых мимоз.

Поглощенный своим счастьем, я ни на что не обращал внимания.

Мне следовало отпустить поводья, предоставив коня самому себе. Моро инстинктивно вывез бы меня в ранчерию. Но, в рассеянности дергая поводья, я заставил его свернуть с прямого пути.

Что бы там ни было, но я очутился в густом лесу, без малейшего признака тропы; не знаю даже, верное ли я взял направление. Вскоре я убедился, что еду не в ту сторону, так как иначе уже выбрался бы на дорогу.

Не тратя времени на размышления, я повернул коня. Разведка моя не увенчалась успехом: я покрыл около мили, но тропы не обнаружил. Вторично предпринял поиски в новом направлении, но вторая разведка кончилась так же неудачно, как и первая.

Местность была лесистой и плоской; кругозор со всех сторон ограничен деревьями. Ориентироваться было нечем.

Я безнадежно заблудился.

Приятно днем блуждать по лесу, но час был поздний: солнце уже село, и мрак быстро сгущался.

Через несколько минут наступит полная темнота. Очевидно, мне придется заночевать в лесу.

Казалось, можно приятно провести время, вспоминая радостные события сегодняшнего дня. Отчего бы не по мечтать об Изолине?

Увы! Тело сильнее духа, и любые грезы, даже любовные, блекнут, когда человек голоден, как волк.

Ночь будет отвратительная: холод и голод помешают уснуть. Надвигается гроза, и уже накрапывает дождь: я промокну до костей.

После третьей неудачной попытки я остановил коня и прислушался. На этот раз мне повезло: в лесу, шагах, приблизительно, в ста, раздался выстрел.

Находясь во вражеской стране, я мог испугаться стрельбы, но по сухому короткому разряду я узнал, что стреляют из охотничьего карабина, не употребительного в Мексике. Больше того: вслед за выстрелом послышался глухой шум, словно что-то с высоты упало на землю... Любитель охоты, я не мог ошибиться в характере этого звука: подбитая птица свалилась с ветки на землю.

Стрелок, несомненно, янки. Двое или трое среди ренджеров вместо ружей военного образца получили в интендантстве охотничьи карабины. То были профессиональные охотники, которым сделали эту поблажку.

Итак, мне предстоит встреча с одним из моих солдат. Без колебаний я поехал в сторону выстрела.

Прошло несколько минут. Место, откуда стреляли, осталось, должно быть, позади, но я никого не встретил. Я хотел уже повернуть обратно, но за моей спиной раздался знакомый голос:

— Черт возьми! Да ведь это же наш приятель — капитан!..

Я обернулся. Двое трапперов вылезли из-за кустов. Услышав топот, они благоразумно спрятались в засаду.

Рубби держал крупного индюка, а Гаррей тащил на спине отборные куски оленины.

— Удачная, видно, была охота, — заметил я, когда они приблизились.

— Вы правы, капитан! — кивнул Гаррей. — Мы обеспечены теперь продовольствием... Я не хочу сказать, что ренджеры отказываются кормить нас, но мы обязались самостоятельно добывать себе пропитание...

— Да, да! — подхватил Рубби. — Мы — вольные горцы, и не желаем никого обременять...

— К тому же, капитан, — подхватил Гаррей, — я не в восторге от вашего стола. Кормят вас, надо сказать, скудно... Примите от нас в подарок индюка и олений окорок... О нас не беспокойтесь: мы обойдемся... Не правда ли, Рубби?

— Верно! — лаконически подтвердил старый траппер.

Я не стал церемониться, тем более, что деревенский трактир не отличался изысканной кухней.

Итак, я охотно принял подарок, и мы втроем двинулись в путь.

С такими проводниками, как трапперы, я ничего не боялся.

Приятели мои тоже возвращались в лагерь. В лесу они бродили с полудня, а лошадей оставили в раичерии.

Сделав около полумили, мы выбрались на узкую тропу.

Здесь приятели мои, мало знакомые с местностью, в недоумении остановились, не зная, куда идти.

Стояла крошечная тьма. Как и вчера, изредка сверкали молнии. Эта ночь отличалась от прошлой только тем, что шел проливной дождь. Мы совершенно вымокли и дрожали от холода.

Свинцовые тучи заволакивали небо.

Когда блеснула молния, Рубби склонился к земле. Мне показалось, будто он изучает следы. То была глубокая колея, пробитая тяжелыми колесами «каррети».

Опытный следопыт быстро справился со своей задачей. Ему понадобилось не больше времени, чем на прочтение надписи на дорожном столбе.

— В ту сторону! — закричал Рубби, выпрямляясь и указывая рукой направление.

Мы двинулись в путь.

Любопытствуя, каким образом он разобрался в следах, я пристал к нему с расспросами.

— Видите ли, друг мой, — ответил Рубби, — колея оставлена мексиканской бричкой. Всем известно, что они двухколесные, однако, я подметил следы четырех колес. Одна и та же повозка дважды проехала по дороге, так как обе колени одинаковы. Нетрудно сообразить, что обрванная колея ведет в деревню.

— Но как же вы узнали, которая из них обратная?

— Это проще, чем выпить стакан вина,— усмехнулся Рубби.— Обратная колея свежей первой, так как пробита на несколько часов позже...

Мне осталось только преклониться перед чутьем траппера.

Через некоторое время снова раздался голос Рубби, опередившего нас на несколько шагов.

— Мы на правильном пути,— сказал он.— У меня есть приметы почище направления колен...

— Какие же? Что вы еще нашли? — спросил я.

— Воду! — откликнулся Рубби.— Вы усомнились в моей догадливости, но я оказался прав. Прислушайтесь как следует...

Журчал ручеек на твердом грунте.

— Слышу плеск,— сказал я.— Но какие вы делаете из этого выводы?

— Это потоки дождевой воды,— пояснил траппер.— Мы идем по течению, спускаясь в долину. Там легко найти дорогу. Проклятый ливень! Я промок до нитки... В этом потоке захлебнется и водяная крыса.

Мы пошли дальше. Через десяток ярдов быстрый ручеек перерезал тропу и затем уклонился в сторону. Образовался он в течение нескольких часов и вился в одном направлении с тропой.

Еще полмили — и мы выбрались из лесу на дорогу, которая вела в ранчерию.

Напрасно радовались мы, надеясь отогреться под кровом: у самой ранчери нас остановил властный окрик часового:

— Кто идет?

— Друзья! — ответил я.— Это вы, Квакенбосс?

Я узнал голос солдата-ботаника и в блеске молнии увидел под деревом его нескладную фигуру.

— Стойте! Пароль!

Таков был решительный ответ Квакенбосса.

Пароля я не знал...

Выезжая днем из лагеря, я совершенно позабыл справиться про пароль. Теперь я поплатился за свою оплошность.

— Мы не знаем пароля, но это я, Квакенбосс... Вы разве не узнали...

И я назвал свое имя и звание.

— Что мне до этого? — угрюмо проворчал увалень.— Без пароля никого не пропущу.

— Ах ты, дурень! — в раздражении закричал Рубби. — Ведь перед тобой капитан!

— Возможно, — отозвался несговорчивый солдат. — Но все же я не пропущу его.

Тут только я понял всю трудность положения.

— Пошлите за начальником караула или за кем-нибудь из лейтенантов, — сказал я упряму.

— Нет у меня рассыльных, — раздался из темноты голос Квакенбосса.

— Я сам пойду, — вызвался Билли Гаррей.

В наивности своей траппер полагал, что его беспрепятственно пропустят в лагерь, и смело двинулся к часовому.

Но тотчас последовал громовой возглас Квакенбосса:

— Стой! Стой! Еще шаг — и я стреляю!

— Это еще что? — вспыхнул Рубби, бросаясь вперед. — Ты собираешься стрелять в моего товарища? Проклятая ослиная башка! Если ты спустишь курок, прощайся с жизнью! Видишь эту игрушку?

И Рубби поднял карабин.

Зная меткость его стрельбы, я испугался и закричал во все горло:

— Остановитесь, Квакенбосс! Не стреляйте! Мы подождем...

В то же время я схватил своих спутников за руки и оттащил их в сторону.

Повелительная интонация моего голоса смутила Квакенбосса, а может при свете внезапной молнии он узнал меня и трапперов. Прежде чем воцарилась темнота, я заметил, что он опустил ружье. Обрадованный его миролюбием, я облегченно вздохнул.

Однако пропустить нас он по-прежнему отказывался.

Продолжать переговоры было бесполезно, так как в лучшем случае они привели бы к словесной перепалке между Квакенбоссом и трапперами. С трудом восстановив мир, я решил безропотно ждать, пока случайно не явится на помощь кто-нибудь из караульных.

К счастью, на площади показался один из ренджеров.

Квакенбосс соблаговолит позвать, а я, пустив в ход все свое красноречие, уговорил солдата сбегать за начальником караула.

Появление капрала положило конец этому нелепому спору, и мы беспрепятственно миновали караульный пост.

Проходя мимо рьяного часового, старик Рубби шепнул ему:

— Черт, поberi твою ослиную башку! Плохо тебе придется, если мы встретимся когда-нибудь в прериях!

Глава 47

ПРОЩАНИЕ

В течение двух недель мы с Изолиной упивались счастьем. Лишь изредка мимолетная печаль омрачала нас: то было предчувствие разлуки. Но тучи рассеивались при мысли о новом свидании. Никогда не расставались мы, не условившись о следующей встрече. Утром мы говорили друг другу «до вечера», а вечером «до завтра».

Я не тяготился однообразием своей жизни. Дни я проводил в сладком опьянении. Но — увы! — всему бывает конец.

Наступил горестный час, когда мы простились на неопределенное время, быть может, до конца войны...

Изолина умоляла меня остаться, но я был тверд. Нелегко мне было оторваться от милой моей невесты... На лужайке обменялись мы последними клятвами. Не в первый раз повторяли мы священные для влюбленных слова, но в первый раз в слезах и горе.

Когда Изолина скрылась за густой листвой, мне показалось, что померкло солнце.

Недолго оставался я после нее на лужайке. Долг призывал меня к моим рейнджерам. Уже смеркалось, а наутро мы выступали в поход.

Я собирался уже спуститься по хорошо знакомой тропинке. Изолина ускакала в другую сторону, напрямик к гациенде. Из предосторожности мы всегда возвращались разными дорогами. Но местность была пустынной. Даже вакеро редко забредали в эту сторону, и никто не знал про наши встречи, — так, по крайней мере, думали мы с Изолиной. Вот почему в последнее время мы осмелели и не так тщательно скрывали свои свидания.

Лишь несколько часов назад я узнал, что жители ранчерики проникли в наш секрет. Сообщил мне об этом Уитлей со слов Кончитты. Лейтенант, между прочим, посоветовал мне не удаляться от стоянки без провожатых.

Я принял бы к сведению его слова, если бы мы не получили уже приказа о выступлении

Поглощенный мыслью о предстоящей разлуке и не ожидая ни с чьей стороны нападения, я отправился к Шулине.

К тому же Ихурра — мой злейший враг — давно исчез из окрестностей гацпенды. После стычки у мезы его отряд соединился, как мы узнали, из достоверных источников, с гверильей знаменитого Каналеса, который орудовал между Комарго и Монтерей. Если б Ихурра появился около ранчерии, ему не удалось бы ускользнуть от бдительного ока Холлингсворта и рейнджеров.

Итак, я собирался уже свернуть на обычную тропинку, но внезапно мне захотелось еще раз взглянуть на Изолину.

Она, наверное, уже в гацпенде. Я проеду мимо белого дома, и, быть может, она помашет рукой с азотеи и крикнет: «Прощай!»

Моро, словно проникнув в мои мысли, свернул на тропинку, по которой уехала Изолина. Но не успели мы проехать и несколько шагов, как я услышал голоса. Я узнал их тотчас же. Сердце мое дрогнуло: Изолина поворила с Ихуррой...

Глава 48

УГРОЗЫ

Голос Ихурры был мне прекрасно знаком. Он вошел в мою память с того знаменательного дня, когда я услышал его с мезы.

Казалось бы, Изолина, была вне подозрения, но к стыду своему должен признаться, что я испытывал чувство, похожее на ревность.

Несмотря на вздохи, слезы и клятвы, я ревновал к Ихурре! Могу сказать в свое оправдание, что отвратительное чувство овладело мной лишь на одно мгновение.

Осторожно соскочив с седла, я направился к прогалине, откуда доносились голоса. Моро стоял, как вкопанный, хотя я не привязал его.

Я шел крадучись, с величайшей осторожностью раздвигая ветки. Собеседники не замечали моего приближения.

H. W. Adams

Притаившись за карликовыми пальмами, я увидел свою невесту и ее двоюродного брата.

Изолина сидела верхом. Ихурра стоял у стремена, одну руку положив на седло, а в другой сжимая поводья.

Тут только я понял, что то была случайная и нежелательная встреча, по крайней мере, для Изолины. Ихурра, завладев поводьями, силой удерживал Изолину.

— О, я не жду от вас ничего приятного... Но делать нечего... Говорите... Я слушаю.

— Хорошо. Для начала вот несколько документов, компрометирующих вас и вашего отца...

Он вытащил из кармана какие-то бумаги, развернул и показал Изолине.

— Вот пропуск, выданный главнокомандующим американской армией на имя донны Изолины де-Варгас. Вероятно, вы его знаете... А вот письмо дона Рамона де-Варгаса генеральному секретарю той же армии. Оно лежит в одном конверте с письмом того же комиссара к вашему флибустьеру... Как видите, доказательство измены налицо.

— Хорошо, сньюор! Дальше!

— Хорошо?... Совсем не так хорошо, как вы полагаете. Президент не оставит безнаказанной эту предательскую переписку. Достаточно показать Санта-Анне эти документы, и я немедленно получу приказ задержать вас и, разумеется, использовать его. Больше того, арест помечет за собой конфискацию вашего имущества, которое перейдет в мои руки. Да, именно в мои...

Ихурра усмехнулся.

Изолина молчала.

Я не видел ее лица, но чувствовал, что угрозы испугали ее.

Ихурра продолжал:

— Вы поняли теперь свое положение. Выходите за меня замуж, и я немедленно уничтожу документы...

— Никогда!

Решительный отпор обрадовал меня.

— Никогда?... — повторил Ихурра. — Берегитесь! Как только страна будет очищена от проклятых янки, я замладею вашим поместьем.

— Ошибаетесь, Рафаэль Ихурра! — ответила Изолина с презрительной улыбкой. — Вы не так дальновидны, как воображаете... Земли моего отца расположены на

техасском берегу Рио-Гранде, и прежде, чем страна будет очищена от янки, они проведут границу по этой реке. Кто конфискует наши земли?.. Во всяком случае, не вы и не ваш трусливый диктатор...

Ответ Изолины разъярил Ихурру.

— Даже в этом случае,— кричал он,— вы никогда не будете наследницей Варгаса!.. Послушайте, Изолина, я ва моткрою еще одну тайну... Знайте, синьорита, что вы,— незаконная дочь дона Рамона...

Изолина вздрогнула.

— У меня есть доказательства,— продолжал Ихурра.— Если Соединенные Штаты восторжествуют над Мексикой, вы уже наверное не будете узаконены. Но быть вам наследницей де-Варгаса!..

Изолина молчала.

— Теперь, синьорита, вы понимаете, что я ни в чем не заинтересован, предлагая вам свою руку. Больше того: я вас никогда не любил... Я лгал и лицемерил, объясняясь вам в любви...

Но лгал Ихурра, не признаваясь в любви, а сейчас, отрекаясь от нее. На издевательства его подстрекала ревность. Как бы ни была груба его страсть, он любил Изолину.

— Как мог я полюбить вас... дочь жалкой индейки... метиску...

Чаша переполнилась. Белые в Америке гордятся своим европейским происхождением. Хуже заразы боятся примеси «цветной» крови. Даже в Мексике, несмотря на множество смешанных браков и на фактическое преобладание метисов, две расы не могут примириться друг с другом.

— Посторонитесь! — крикнула Изолина.— Отпустите поводыя!

— Подождите! — ответил Ихурра.— Я имею кое-что вам сообщить.

— Негодяй! Оставьте меня!..

— Не отпускаю, пока вы не обещаете, пока вы не поклянетесь...

— Назад, иначе я стреляю!

Я бросился на помощь Изолине. В руке ее сверкнул пистолет.

Она нацелилась в голову Ихурре.

Зная решительный характер своей кузины, Ихурра не на шутку струсил. Он отскочил в сторону. Поводья

и скользнули из его рук. Изолина прищипнула мустанга. Горячий конь понесся стрелой. Одно мгновение — и всадница скрылась из виду.

Я опоздал, синьорита не нуждалась уже в моей помощи. На поляне я застал одного Ихурру.

Глава 49

ЛОВУШКА

Ихурра, стоя ко мне спиной, глядел с бессильной яростью вслед Изолине.

Голоса моего он не слышал и не заметил, как я пошел.

Саблю я держал наготове. Ихурра теперь в моей власти. Еще минута — и он валялся бы у моих ног, но мексиканец родился под счастливой звездой.

Посудите сами: я встретился с негодяем, покушавшимся на мою жизнь, со смертельным врагом моей возлюбленной, с презренным убийцей, в отношении которого закон чести не писан... Велик был соблазн поступить с ним по заслугам; однако я не поддался искушению и ограничился тем, что хлопнул Ихурру по плечу.

Он вздрогнул, словно подстреленный, и резко обернулся. Краска бешенства на щеках его сменилась бледностью. В глазах засветился страх. Ихурра растерялся. Обнаженная сабля грозила ему смертью.

Мы столкнулись лицом к лицу впервые. Ихурра был выше и сильнее, но лицо его нервно подергивалось, и губы дрожали.

Хозяином положения был я.

— Вы Рафаэль Ихурра?

— Да, синьор,—ответил он после некоторого колебания,— что вам угодно?

— Вы завладели принадлежащими мне документами,— произнес я, указывая на письма, судорожно зажатые в его руке.— Потрудитесь вернуть их!

— Вы — капитан Уорфильд? — спросил он, выдержав паузу и делая вид, что внимательно изучает подпись на письме комиссара.

— Да, я — капитан Уорфильд! Странно, что вы этого не знаете!

Ихурра оставил мою колкость без ответа.

— Вот адресованный вам пакет,— сказал он.— Я подобрал его на дороге... Рад с вами встретиться.

С этими словами он протянул мне приказ комиссара.

— Здесь должно быть письмо,— заметил я.— Благоволите передать его мне!

— Письмо за подписью Рамона де-Варгаса? Разве оно было вложено в этот конверт?

— Конечно!

— Ах, да, совершенно верно!.. Вот оно, синьор!

— В ваших руках остается пропуск, выданный американским командованием одной леди. Прошу вас, синьор Ихурра, не отказать в любезности передать его мне. Я отошлю его по принадлежности!

Ихурра украдкой оглянулся. Я зорко за ним следил. Каждую минуту он мог меня ударить.

— Правильно! — ответил он, помолчав.— Пропуск мне не нужен. Он к вашим услугам, капитан!

Принужденно улыбаясь, Ихурра протянул мне пропуск.

Я спрятал на груди драгоценные документы, взмахнул саблей и предложил Ихурре защищаться.

Хотя сабля рослого мексиканца была тяжелее моей, я не страшился поединка с презренным противником.

Но Ихурра колебался и не вытаскивал сабли.

— Вы должны драться! — повелительно крикнул я.— Я зарублю вас, если вы не будете защищаться! Низкий трус! Защищайся, если не хочешь быть убитым!

Губы Ихурры дрожали, глаза беспокойно блуждали по сторонам. Он был рад провалиться сквозь землю.

И вдруг — представьте мое изумление — малодушный авантюрист расхрабрился и быстро выхватил саблю из ножен: Ихурра принимал вызов. Растерянности его как не бывало. В глазах сверкнуло бешенство. Он сделал первый выпад.

Клинки скрестились; посыпались искры.

Я едва успел отскочить, но, случайно оглянувшись, увидел в пятнадцати шагах бегущих к нам двух гверильясов с саблями наголо. Вот объяснение храбрости Ихурры! Он удачно выбрал момент для начала поединка!

— Эй вы, там! — закричал он, поймав мой взгляд.— Эль-Зорро, Хозе! Ко мне! Смерть янки! Смерть негодяю!

Три сабли против одной! Неравные шансы! Подо-

спевшие были серьезными противниками — не чета трусу, с которым я сражался!

Отступать поздно. Лошадь — далеко, и путь к ней отрезан!

Гверильясы в беге равны индейцам. На бегство надежды никакой. Они уже близко! Сейчас на меня набросятся и зарубят на месте.

Не размышляя, я отступил на несколько шагов и дал отпор всем трем. Клинки зазвенели с еще большим ожесточением.

Не помню, как протекал неравный бой. Выпады следовали беспорядочно один за другим. Удары сыпались со всех сторон. Кровь залила мне лицо. С каждой секундой силы таяли, и ловкость меня покидала.

Вот Эль-Зорро заносит клинок, обогранный моей же кровью... Роковой удар! Я не в силах его отпарировать! Крик отчаяния вырывается из моей груди. Я погибаю!

Но что же случилось? На лицах противников — ужас; сабли их дрогнули... Неужто гверильясов устрошил мой крик?

Треск ружейного выстрела. Рука Эль-Зорро повисла...

Я как бы очнулся от тяжелого сна: гверильясы спасались кто куда и через несколько минут исчезли в чаще.

Какой-то человек с ружьем пересекал поляну. Это стрелял он. Бегущий был в одежде мексиканца, — конечно, гверильяс. Стреляя в меня, он случайно ранил товарища. Не сомневаясь в правильности своей догадки, я приготовился к защите и вытер кровь, струившуюся по глазам.

Длинные обезьяньи руки и кривые ноги Эли Квакенбосса я узнал лишь в последнюю секунду, уже напав на него острее сабли.

Квакенбосс, разрядив ружье, бросился мне на помощь, чтобы разогнать противника ударами приклада, но гверильясы исчезли, как дым, вообразив, что на них напали многочисленные враги.

Любовь Квакенбосса к ботанике спасла мне жизнь. Он собирал растения в лесу и подошел на шум.

— Спасибо, Квакенбосс, спасибо, храбрый друг! Вы появились вовремя...

— Сожалею о промахе, капитан! Так хотелось раздробить череп рыжему дьяволу, или всадить ему пулю в брюхо! Он дешево отделался!

— Гверильяс все-таки наказан: вы прострелили ему руку!

— Увы, я промахнулся... Но, я вижу, вы ранены, капитан? Вам дурно?

— Пустяки! Не опасно,— пролепетал я, шатаюсь.— Чутьочку ослабел от потери крови!.. Умоляю вас, позаботьтесь о моем коне: он там... там... Приведите Моро! — И я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, Моро стоял возле. Раны мои были перевязаны. Любитель ботаники изорвал на бинты свою рубашку. Квакенбосс приводил меня в чувство, усердно поливая водой из ботфорта.

Кой-как с помощью Квакенбосса я взобрался на лошадь и с трудом удержался в седле. Мы поехали в ранчерию. Лошадь вел мой спутник.

Тропинка пролегалла вблизи гациенды. Ночь укрывала меня.

Так лучше. Мой жалкий вид мог вызвать бесполезную тревогу. В пути мы не встретили ни души, и через полчаса я был в безопасности в доме алькада.

Глава 50

ОБРЕЧЕННЫЕ

Невеста верна мне. Как я мог на минуту в ней усомниться? Впредь обуздаю свои подозрения.

Сейчас я тревожился за безопасность Изолины.

Перед самым выступлением американцев из ранчери в окрестностях гациенды появился Ихурра со своей шайкой. Стратегический план нашего штаба был, очевидно, ему известен. Слухн, переданные Уитлеем, оправдались.

На фронт прибыл новый главнокомандующий. Три четверти оккупационной армии вошли в состав экспедиционного корпуса, который направился в Вера-Круц. Честолюбивый начальник подбирал лучшие полки и включил ренджеров в списки своего корпуса. Однако большинство солдат предпочитало остаться с храбрым ветераном, столько раз водившим нас к победе. Так думал Холлингсворт, так рассуждал и я. То же можно сказать и о Уитлее, хотя у него были особые основания задер-

жаться на берегах Рио-Гранде: красотка Кончитта удерживала его!

Американский корпус уже выступил. Пехота и кавалерия двинулись к Рио-Бразос, Сант-Яго и Тампико, где они должны были погрузиться на барки, чтоб плыть на юг. Все участники экспедиции получили соответствующие приказания.

Окончательно покидать Рио-Гранде мы не собирались, но нам было предписано в целях сокращения фронта эвакуировать не только ранчерию, но и соседний городок, где стояла целая дивизия; теперь на пятьдесят миль в окружности от ранчерии не останется ни одной нашей части. Возможно, что в это глухое селенье уже никогда не заглянет американский солдат.

Одна мысль об этом приводила меня в глубокое уныние.

Я не сомневался, что противник в курсе наших передвижений. Окрестное население, например, знало о завтрашнем выступлении и с каждым часом глядело неприступней. Открытая враждебность жителей уже вызвала несколько конфликтов.

Наши друзья — аянкядо — получили анонимные письма с угрозами всякого рода, вплоть до конфискации имущества. Даже алькад не был застрахован от подобных посланий.

Все это меня волновало. По слухам, повсюду, где мы останавливались, уже циркулировали «черные списки» с именами наших доброжелателей. Тщетно ломал я голову, как обеспечить безопасность Изолины на время моего отсутствия.

Может, Холлингсворту удастся арестовать Ихурру? Я послал его в погоню за ним с небольшим отрядом и с нетерпением ждал теперь возвращения товарища.

Из раздумья меня вывел голос Уитлея.

— В чем дело, лейтенант?

— Вас спрашивает какой-то симпатичный мальчуган!..

Он ввел Чипрею.

Мальчик протянул мне конверт. Я его вскрыл: в нем оказалась веточка можжевельника, на коре которого было нацарапано: «Тиуа!»

Я понял.

Туземцы называют можжевельник «Тиуа». В устах

женщины это словечко звучит по-испански, как «ваша!», «твоя!» или «с тобой!»

— Все? — спросил я. — Больше тебе ничего не передавали?

— Нет, синьор капитан, мне приказано только узнать, благополучно ли вы доехали?

Я разломал веточку, кусочек с начертанием «Тиуа» спрятал на груди, а на другом нацарапал «твой» и, прижав к губам, передал Чипрео.

В полночь вернулся с разведки Холлингсворт с ренджерами. Они никого не встретили.

Глава 51

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПОХОД

Лунная ночь сменилась робким мерцанием зари. Звуки труб разбудили ренджеров.

В бледных лучах рассвета сновали люди, выводившие лошадей. Горнист скомандовал: «В седло!» Рейнджеры выстраивались на площади, готовясь к выступлению.

В центре — наш единственный фургон, запряженный цугом мулами. В нем багаж и раненые.

Барабанщик скрестил палочки над барабаном.

В последний раз поднялся я на азотею и окинул взглядом площадь. Кони фыркали и прядали ушами, всадники свертывали плащи. Часть рейнджеров уже села на лошадей, другие только седлали коней, некоторые подкреплялись вином на пороге кабака. Звенели прощальные кружки.

Но в ранчрии мы оставляли не только друзей: за решетками окон и на порогах притаились злорадные туземцы, кутаясь в серапе, бродили угрюмые леперо, прячась по углам и бросая свирепые взгляды из-под широкополых шляп. Большинство леперо примкнуло к гверилье, но и оставшихся было достаточно, чтобы омрачить картину выступления. Девушки глядели испуганно.

Под влиянием личных неприятностей все казалось мне еще мрачнее, чем было на самом деле. Всю ночь я терзался опасностью, грозившей моей будущей жене. Опасностью надвигавшейся, неуловимой как призрак. Зловещие предчувствия одолевали меня. Воля расшата-

лась. Несмотря на свойственный мне скептицизм, я был глубоко убежден, что Изолине грозит серьезная беда со стороны Рафаэля Ихурры.

Кроме того, в стране было неспокойно.

Несколько лет междоусобия, набеги индейцев и бурные смены мексиканских правительств разоряли пограничную область.

Изолина — этот прекрасный цветок — выросла в самый разгар борьбы. Удивительно, что до сих пор цветок не распустился.

Синьорита де-Варгас, при всей ее храбрости, лишь ничтожная былинка в вихре событий.

Ихурра способен на вероломство. Холлингсворт дал ему самую нелестную характеристику.

Неужели отказаться от командования рейнджерами? Невозможно. К тому же, затерявшись среди враждебного населения, я сам не могу считать себя в безопасности.

Наконец я решил повидать Изолину и дону Рамона и убедить их ехать с нами.

Досадно, что эта мысль так поздно пришла мне в голову. Дон Рамон, по всей вероятности, будет возражать. Как уломать упрямого старика? Он знал о моей любви к Изолине и не препятствовал нам. Удастся ли мне доказать гидальго, что жизнь его самого и дочери в опасности.

Что делать? Приказано выступить на заре. Я еще успел бы съездить к синьорите Варгас: до гацienды недалеко.

Ради таких исключительных обстоятельств можно, пожалуй, нарушить приличия и ворваться в дом на рассвете.

Эскадрон уже выстроился в походном порядке. В последнюю минуту ко мне подошел Холлингсворт и посоветовал оставить Изолине письмо.

Я последовал совету боевого товарища, отправил синьорите записку, полную тревоги и сомнений, и подал знак к выступлению.

Далеко разнеслись пронзительные звуки кавалерийского рожка. Я вскочил в седло. Музыка боевой тревоги и радостное ржание коня вернули мне самообладание.

Глава 52

С ДРУЗЬЯМИ

Но очень скоро мной вновь овладела тоска.

Тщетно пытался я вдохнуть полной грудью. Холодные доводы разума не убеждали меня...

Не только разлука была повинна в дурных предчувствиях и угнетенном состоянии. Война вступила в свои права: я могу пасть на поле битвы. Могу погибнуть от эпидемии. Будущее мрачно и неопределенно.

Нет, я останусь жив. Мучителен страх не встретить больше Изолины.

Не раз я готов был повернуть коня, но, стиснув зубы, продолжал путь. Возвращаться одному в ранчерию было к тому же небезопасно.

Крики: «Смерть техасцам!» — неслись нам вслед, когда мы покидали площадь. Стоило большого труда сдерживать возмущенных рейнджеров.

Гверилья время от времени подавала признаки жизни.

С холмов по отступающим стреляли, но разведчики наши возвращались, никого не обнаружив. Лишь однажды заметили двух всадников, скакавших во весь опор. Они принадлежали, вероятно, к банде Ихурры.

Поблизости бродил также Каналес. Встреча с его значительным и великолепно вымуштрованным отрядом сулила худшие последствия, чем перестрелка с гверильясами, но мысль о нем вызвала в наших рядах подъем настроения. Захват Каналеса, этой «лисицы чапорраля», рисовался блестящей победой, уступавшей по заманчивости только пленению самого Санта-Анны.

Надежда на столкновение с Каналесом на время отвлекла меня от мрачных предчувствий.

Города мы достигли благополучно. Каналес уклонялся от встречи. Его соблазняла не боевая слава, но обоз с ценным добром, а рейнджеры располагали лишь американскими вшивыми одеялами. Даже гверильясы гнушались подобной добычей.

В городе мы с удивлением узнали, что дивизия еще не выступила: приказом из штаба поход отсрочивался на неделю.

Новость эта меня чрезвычайно обрадовала. А вдруг

нас отошлют обратно в ранчерию? Вскоре, однако, выяснилось, что нам предписано остаться при дивизии.

Во всех сколько-нибудь пригодных помещениях были уже расквартированы войска. Рейнджеры считались нерегулярной частью, и нам пришлось расположиться под открытым небом, в полумиле от городка. Здесь, на берегу ручья, разбили палатки и, привязав лошадей, умыли запыленные лица.

Чтобы узнать о дальнейших намерениях штаба и немного развлечься, я отправился в город.

Почти в каждом полку я насчитывал старых друзей. Отчего не возобновить знакомство?

В штаб-квартире я получил подтверждение тому, что раньше мы не выступим.

Просняв, я побрел в гостиницу — обычное место свидания армейских кутил — и в беседе с друзьями на время забылся.

Тут меня посветили в очередные сплетни и злободневные истории, и я хохотал с приятелями до упаду.

Жители города относились к нам дружелюбно, так как американцы вели себя прилично.

За время нашей стоянки в ранчери в городе было одержано немало любовных побед. Один из офицеров обручился с богатой синьоритой. Свадьбу отпраздновали пышно, и у счастливца нашлось немало подражателей.

Глава 53

РАЗРУШЕННОЕ РАНЧО

В лагере я сразу помрачнел, долго бродил, скучая, вокруг своей палатки и свалился на койку, обуреваемый прежними страхами. Наконец я решил: с двадцатью отборными рейнджерами нагряну на гацциенду и заставлю Изолину покинуть опасные места. Возможно, хозяева гацциенды уже вняли моим советам, и дом опустел. Тем лучше, но скорее всего дон Рамон заупрямился.

Отобрав рейнджеров, я приказал им готовиться к вечернему выступлению. По двум причинам удобнее было действовать ночью. Во-первых, экспедиция предпринималась на мой собственный риск, в штаб-квартире не должны были о ней подозревать, хотя рейнджеры пользовались большей свободой, чем регулярные части, и боль-

шую часть времени проводили в рекогносцировках. Вторых, этого требовало благоразумие. Ночью мы никого не встретим, и весть о нашем прибытии не опередит нас.

Когда сгустились сумерки, мы сели на лошадей и молча выехали из чапорраля, окаймлявшего лагерь. Тропинка вывела нас на широкую дорогу, тянущуюся до самой ранчерии.

На разведку пустили вперед Рубби и Гаррея. Они вышли пешком, оставив своих лошадей в лагере. Мы ехали шагом, принаравливаясь к пешеходам.

Рубби с Гарреем ползли на четвереньках, то и дело припадая к земле и внимательно изучая следы.

В лунном свете мы четко различали опередивших нас разведчиков.

Местность была глухая, только одно ранчо лежало на полпути — деревянный домишка с небольшим участком возделанной земли, где когда-то росла кукуруза. Хозяева ранчо давно бежали. Грабители не раз сюда наведывались, и осколки статуэток домашнего алтаря валялись вперемежку с обрывками олеографий.

Еще накануне это ранчо произвело на меня тяжелое впечатление.

Но теперь, подъезжая, мы издали уловили смешанный гул женских и мужских голосов и сделали остановку, чутко прислушиваясь.

Шум усилился. Ветер донес к нам чьи-то вопли.

— Это женщины плачут, — сказал один из рейнджеров.

Пришпорили коней и тронулись рысью, но Гаррей, возвращавшийся с разведки, вторично остановил нас.

В сумерках мне удалось заметить тревожное выражение лица Гаррея.

— Скверные вести, капитан! — сказал он вполголоса. Я вздрогнул.

— Говори, Гаррей! Что случилось?

— Все пошло к черту! Ранчерия погибла! Убедитесь сами, капитан! Рубби успокаивает женщин возле ранчо.

Предчувствия меня не обманули.

Я помчался во весь опор.

В две минуты я у ранчо. Взорам открылось жуткое зрелище.

Глава 54

ЗВЕРСТВО

Пять-шесть молодых женщин и несколько мексиканцев обступили Рубби, изъяснявшегося на ломаном испанском языке.

Женщины были полураздеты, в грязи и в пыли, как будто их только что протащили по земле. Пышные черные волосы в беспорядке падали на плечи и на лица. На руках и груди чернела запекшаяся кровь.

Я подъехал к одной из несчастных. Лоб ее был свежее заклеен раскаленным железом, кожа вздулась и побуровела. Всмотревшись, я различил буквы «USA» — те же, что на пуговицах моего мундира. Всех женщин заклеили знаками «USA» — начальными литерами официального наименования Соединенных Штатов.

Какая-то мексиканка с плачем, откинув густые волосы, крикнула:

— Взгляните!

Мурашки пробежали у меня по коже: у мексиканки не было ушей!

Так варварски изувечены были почти все женщины, но и мужчины не избежали той же участи; двоим отрубили левые руки.

Я с удивлением вглядывался в лица, до неузнаваемости искаженные страданием. Потрясенные рейнджеры окликали приятелей по имени.

Но с первой минуты мне бросилась в глаза одна молоденькая девушка, одетая богаче других и державшаяся в стороне.

«Быть не может,— думал я,— она совсем ребенок... Неужто негодян и ее не пощадили?..»

— Как ваше имя, синьорита?

— Кончитта, синьор: я дочь алькада...

Слезы брызнули из ее глаз и смешались с кровью, струившейся по щекам.

Несчастный Уитлей скоро узнает о постигшем его ударе.

Рейнджеры бешено ругались, требуя, чтобы я немедленно вел их вперед. С трудом они согласились выслушать подробности происшествия.

Пострадавшие кричали, перебивая друг друга.

Связного рассказа нам удалось добиться лишь от одного Педро.

Вскоре после нашего отъезда в ранчерию ворвались гверильясы с криками: «Да здравствует Санта-Анна! Да здравствует Мексика! Смерть янки!»

Первым делом они разбили кабачки и напились мицкалю и других крепких напитков. К ним присоединились леперо и часть местных жителей. Особенно бушевали кузнец и мясник. Немало было в толпе и женщин.

Возбужденная толпа с ревом: «Смерть аянкьядо!» — начала обход подозрительных домов.

— Выволакивай их! Бей!

С проклятиями, свистом и руганью мужчин и женщин, скомпрометированных близостью к американцам, влекли на площадь.

Им плевали в лицо, награждали позорными кличками, забрасывали комьями грязи и дынными корками. Кому-то пришлось под конец в голову заклеить несчастных, чтобы друзья-техасцы повсюду их узнали.

Предложение встретили с энтузиазмом; мужчин подстрекали расшвирипевшие женщины.

— Эй, кузнец, тебе работа!

— Клещи достань! Клещи!

Другие вопили:

— Мясник! Отрезать им уши!

Кузнец и мясник повиновались толпе.

Один клеймил предателей раскаленным железом, другой рубил им секачом уши.

Большинство гверильясов было в масках. Коноводы наблюдали за происходящим с крыши домов алькада.

Педро узнал Эль-Зорро, несмотря на маску, по огромному росту и рыжим волосам, и хотя о других он говорил лишь предположительно, мы не сомневались, что ранчерию разгромила банда Рафаэля Ихурры, прочно завладевшая селением, меж тем как Педро с товарищами по несчастью вырвался из рук толпы и скрылся в зарослях чапорраля с намерением бежать в американский лагерь. Наши разведчики столкнулись с беглецами у разоренного ранчо.

Покинуть ранчерию удалось далеко не всем. Алькад, по слухам, был убит.

Расспрашивать об этом я не посмел из сострадания к Кончите.

Что теперь делать? Вызывать подкрепление или прямо идти на ранчерию?

Большинством голосов решили идти вперед. Все жаждали мести и горели одушевлением.

Тем лучше!

Пострадавшие побрели к американскому лагерю, но Педро мы взяли с собой для опознания виновных.

Едва мы двинулись, как впереди кто-то перебежал дорогу и юркнул в кусты.

Рубби с Гарреем бросились за ним вдогонку и вскоре привели еще одного мексиканца, спасшегося из ранчерии.

— Ну как? Гверилья ушла? — посыпались вопросы на запоздалого беглеца.

— Да, гверильясы очистили селение.

— В какую сторону они направились?

— Вдоль речки, к гацценде Рамона де-Варгаса. Я пропустил их мимо, затаившись в чапоррале: они проскакали шагах в десяти с угрожающими криками...

— Что же они кричали?

— «Смерть изменникам! Смерть старику и девчонке! Смерть Изолине де-Варгас!»

Глава 55

РАСПЛАТА

Пришпорив коня, я помчался во весь опор. Рейиджеры с трудом за мной поспевали.

Роль разведчиков кончилась. Трапперы, вскочив на коней, примкнули к нам. Лишь бы поспеть!

Кавалькада мчалась по берегу реки к гацценде дона Рамона.

Миновали ранчерию. Вернемся после! Скорее в гацценду!

Всадники покрывали милю за милей.

Неужели опоздаем?

Сколько времени прошло с тех пор, как мексиканец видел гверильясов? Час или больше?

Он пробежал пять миль с остановками, прячась в чапоррале, пока мстители не скрылись из виду. Значит, могло пройти и больше часу, может быть, два? Но и часу довольно, чтобы разгромить гацценду!

Цокали подковы, звенели мундштуки, бряцали сталь-

ные ножны. Взмыленные лошади одолевали, задыхаясь, преграды.

В пять минут доскакали до перепутья. Дорога в ранчерию была безлюдна: мы свернули направо, к гациенде.

Последняя миля. Сейчас покажется дом, заслоненный деревьями.

Вперед!

Но откуда это зарево? Или солнце поднялось с запада? Или горит чапорраль? За деревьями полыхает желтоватое пламя.

Гациенда горит.

Но это немыслимо: постройка каменная, деревья в ней почти нет.

В чем же дело?

Мы вынырнули из чапорраля. Гациенда вся перед нами. На белых стенах играют желтые блики. То не пожар: огромный костер, разложенный у ворот, освещал заросли.

Огонь пожирал все топливо, заготовленное хозяином гациенды.

По какому поводу торжество? Вокруг костра оживление: мужчины, женщины, оседланные кони, собаки. Большие куски мяса шипят на горячих угольях и, поджаренные, тут же уничтожаются. Может, костер развели индейцы?

Нет! Лица видны хорошо. У мужчин кожа белая, бороды. Они в плащах, сомбреро, серапе, суконных куртках, бархатных кальсонеро. Женщины — в платьях из бумажной материи. Они горланят и пьют. Слышны звуки фанданго.

Гверильясы! Те самые, которых мы преследуем!

«Надо рассыпаться в прерии и чапоррале, чтобы оцепить их!» — подсказывало благоразумие, но кровь кипела. Не хотелось терять и минуты. Страшно было опоздать.

Кое-кто из рейнджеров советовал помедлить, остальные, в том числе и я, рвались в бой.

Я скомандовал.

Мы ринулись на гверильясов, точно свора борзых, спущенных с привязи.

Враги, хорошо знакомые с громовым «виват» те-хасских рейнджеров, кинулись врассыпную, как стадо ко-силь.

Одолеваем холм. Усталые кони замедляют бег. Мы на

повышенности: главные силы гверильясов исчезают во мраке.

Наши пули сразили человек шесть. Столько же захвачено в плен, не считая женщины. Ихурре опять удалось ускользнуть.

Преследовать беглецов по окрестным лесам не имело смысла, и, мучимый нетерпением, я въехал в патио.

Двор, освещенный отблесками костра, являл картину полного разгрома. На плитняке и на веранде — обломки мебели.

Зову Изолину, дона Рамона — и мне отвечает эхо.

Соскочив с коня, поднимаюсь на веранду: полная тишина.

Как безумный метался я из комнаты в комнату: из «квартиры» в «дуало», из «дуало» в «сагуан». Даже на азотес в «капилле» — ни души!

Исчезли даже слуги.

Вдруг меня осенила мысль: что, если друзья последовали моему совету и скрылись до появления гверильясов?

Допросил пленных.

Но мексиканцы упорно отмалчивались.

Обойдя гаудиенду, мы наткнулись на пекановое дерево: шестеро повешенных качались на его ветвях, а именно: мясник и кузнец, опознанные Педро, и четверо «пеладос» из городка, участвовавшие в налете гверильясов.

Это была свежая работа наших рейнджеров. Перекинув лассо через ветви пекана, они вздернули шестерых без суда и следствия...

Ничего не узнав от пленников, уцелевших от солдатской расправы, я обратился к женщинам. Одни были пьяны, другие обезумели от ужаса.

В ответ на расспросы они трясли головой, упрямо отворачивались и наотрез отказывались что-либо сообщить о судьбе дона Рамона и его дочери.

Угрозы не действовали: женщины были слишком запуганы или же искренно ничего не знали...

Вдруг показалась тень, крадущаяся вдоль стены. Я вскрикнул от радости:

— Чипрео!

— Он самый, — ответил мальчик, подбегая.

— Куда все девались, малыш?

— Хозяина куда-то увели разбойники...

— А синьорита?.. Синьорита?..

— Не смею сказать, капитан, такой ужас...

— Говори же!.. Не бойся, Чипрео...

— Люди в черных масках взломали ворота и увели хозяина. Донью Изолину выволокли из патио... Страшно сказать, что было потом. Бедная синьорита! Гверильясы вывели из конюшни «белого мустанга» и привязали к нему синьориту, раздетую и окровавленную...

— Продолжай! Что было дальше?

— Дальше они вплавь пустили лошадь через поток. Меня грозили убить, но я все видел, спрятавшись в заросли.

— Дальше!..

— Потом к крупу мустанга привязали петарды и подожгли. Лошадь понеслась. Я следил за ней, пока не потерял ее из виду. Увы, синьор, Изолины, возможно, негуже в живых.

У меня потемнело в глазах. Сделав два-три шага по направлению к фонтану, я упал без сознания.

Глава 56

ЛАГЕРЬ ГВЕРИЛЬИ

Обморок объяснялся сильной потерей крови во время вчерашнего поединка. Нового потрясения я не вынес.

Холодная вода привела меня в чувство. Возле меня стояли Рубби, Гаррей и рейнджеры. Друзья поливали меня так усердно, что я совершенно вымок. В рот влили немного агвардиендо.

Патио наполнилась народом. На каменных плитах звенели подковы. К нам присоединялись все новые и новые рейнджеры, так как женщины, изувеченные гверильясамн, успели добрести до лагеря и поднять тревогу.

Уитлей прибыл одним из первых.

Бедняга! Веселость покинула его. Жизнерадостная улыбка исчезла.

Вдруг раздался пронзительный женский вопль.

Я вскочил и бросился к пленницам. Большинство женщин стояли обнаженные до пояса. Солдаты стегали их ремнями и поводьями.

Рейнджеры не подвергли их тем пыткам, какие пришлось вынести другим от гверильясов.

Все же понадобился весь мой авторитет, чтобы положить конец отвратительному зрелищу.

Женщины получили разрешение уйти и моментально скрылись в темноте.

Солдаты подняли крик: «В ранчерию! В ранчерию!» Немедленно образовался отряд, который во главе с Холлингсвортом и Уитлеем помчался в деревню. Педро поехал с ними.

Я решил не ждать их возвращения.

В первые минуты мне трудно было что-нибудь придумать. Но, придя в себя, я недолго колебался.

Первым побуждением была месть. Преследовать злобного Ихурру день и ночь, даже если бы пришлось попасть в лапы неприятелю!

Нужно уметь подавлять жажду мести, пока не пробьет час. Следовало временно откинуть всякие помыслы о гверилье и искать «белого мустанга».

Посадил Чипрео на лошадь и отобрал шестерых солдат. Все это заняло не больше пяти минут.

Мы спустились с холма и переплыли реку. На другом берегу кудрявился лес. Пересекли его и очутились в прерии.

Чипрео указал нам место, где разыгрался первый акт трагедии.

Почва взрыта копытами. Обрывки почерневшей от пороха бумаги, куски трубок от ракет валялись во множестве по траве.

Луна светила ярко. Мы попали на след белой лошади и помчались по траве.

Целая миля без остановок. Время дорого.

Хорошая память у Чипрео! Вот холмик, за которым исчез «белый мустанг». Роль Чипрео кончилась, и я вернул его обратно.

За холмиком напали на отчетливые следы. Рубби, Гаррей и я немедленно разгадали их. На земле ясно отпечатались три подковы, четвертая — передней левой ноги — имела легкий изъяз. Часть подковы оторвалась.

Лошадь потеряла ее, должно быть, во время какого-нибудь прыжка.

Снова идем по следу. Сейчас двигаемся с большими предосторожностями. Дожди совсем недавно прошли по прерии, и следы дают ясные отпечатки. Временами попадались более сухие участки, и приходилось соскакивать с лошади. Обычно это делали Рубби или Гаррей, почти не вадерживавшие, благодаря своей опытности, отряда.

Согнувшись пополам, пристально вглядываясь в зем-

лю, они походили на ищеек. Двигались они бесшумно, не произнося ни слова.

У меня тоже не было охоты говорить. В горе люди молчаливы.

Прежде чем пуститься в путь, я расспросил Чипрео о подробностях. Сомнений не было! Мясник изуродовал ее.

Чипрео видел кровь на шее и груди девушки. Вся ее одежда была окровавлена. Злодеяние произошло, наверное, в ее комнате.

Чипрео видел около нее и кузнеца, но не знал, заклеил ли он ее.

Без сомнения, да. Иначе что делали бандиты столько времени в ее комнате?

Несмотря на горькие мысли, я вспомнил предание о Мазепе. Хотя Украина далека от Рио-Гранде, но предводитель гверильсов знаком с преданием славян. Мысль привязать девушку к лошади принадлежала его злобной фантазии.

Бедняжку положили на лошадь, вниз лицом. Руки обвили вокруг шеи мустанга. Кисти рук крепко связали, закрепили ремень, обхватывавший ее тело, под брюхом лошади, ноги привязали к крупу.

Изолину привязали с гениальной жестокостью. Никакой надежды, что путы ослабеют. Ремень никогда не развяжется...

Лошадь и ее ноша расстанутся, только когда их освободят жажда, голод, смерть... Нет, даже смерть их не разлучит!

Вот судьба той, чья любовь стала моей жизнью!

Сердце готово разорваться. Я ехал безучастно, опустив голову, предоставив Моро самому следовать за отрядом.

Глава 57

ПРЕПЯТСТВИЕ

Мы ехали. Один из спутников приблизился ко мне и шепнул несколько ободряющих слов.

Я узнал голос Гаррея.

— Не беспокойтесь, капитан, — сказал он, — не беспокойтесь, мы с Рубби найдем ее прежде, чем случится несчастье. С ношей белая лошадь далеко не уйдет. Она ис-

пугалась петард. Понемногу она успокоится, остановится, и тогда...

— И тогда...— машинально повторил я.

— Появимся мы, и ваш черныш догонит ее в несколько прыжков!

Луч надежды мелькнул и исчез.

— Нам нужна только луна,— продолжал Гаррей.

— Черт побери эту луну! — раздался чей-то голос.—

Она, кажется, подведет нас.

Голос принадлежал Рубби.

Все посмотрели на небо.

Круглая светлая луна сияла почти над нашей головой в безоблачном небе. Было полнолуние. Она скроется не раньше утра.

Что хотел сказать своим восклицанием старик Рубби?

— Взгляните-ка туда,— сказал он,— видите эту черную линию? Совсем низко над прерией.

На востоке виднелась тонкая полоса.

— Это не лес, не холм, не что другое,— продолжал Рубби.— Это туча. Подождите десять минут, и вы увидите, как проклятая туча закроет луну. Небо станет чернее кожи негра.

— Боюсь, что он прав, капитан! — вздохнул Гаррей.— Я уже думал об этом. Небо чересчур благоприятно для нас. Если все хорошо, жди перемен.

Что же делать? Луна скроется, и нам придется прекратить погоню. В темноте не найти следов белой лошади.

Предсказание старого траппера сбылось. На небе появились тучи. Сперва они шли отдельными клочьями, и лунный свет прорывался сквозь них. Затем они заволокли все небо.

Прерия погрузилась во мрак.

Мы остановились. Не видно было земли, не только что следов. Начали обсуждать, что делать дальше.

Совещание не отняло много времени.

Все участники экспедиции были хорошо знакомы с лесом и прерией. Они недолго думали. Нужно или прекратить погоню до утра или продолжать путь с факелами.

Мы остановились на последнем предложении.

Ночь только начиналась. До утра много времени. Его нельзя терять даром. Хотя и медленно, но мы будем продвигаться вперед. На душе станет легче...

— Факелы! Факелы!

Опять препятствие! У нас не было с собой никакого горючего материала. В прерии кругом ни дерева! Даже Рубби не мог ничего придумать.

— Капитан, послушайте! — закричал по-французски солдат Леблан. — Послушайте! Я стрелой помчусь назад, — продолжал он на скверном английском языке, — и привезу из деревни что-нибудь подходящее!

Канадец подал хорошую мысль. Мы были всего в пяти или шести милях от ранчерии.

— Я знаю место, где спрятаны великолепные свечи, — говорил он. — Три громадные восковые свечи!

— Как? Свечи?

— Да, да! Огромные свечи, как палки. Можно сказать, специально для прерии!

— Где они? Вы могли бы их достать, Леблан?

— Да! Свечи лежат в церкви, в ризнице!

— А-а! В церкви?

— Капитан, разрешите Квакенбосу поехать со мной! Мы привезем свечи! Ручаюсь!

В церкви ранчерии имелся склад свечей.

Ни я, ни товарищи не возражали.

Леблан и Квакенбосс уехали.

Мы спешили и расположились на земле в ожидании их возвращения.

Глава 58

НОЧЬ

Я предался горьким размышлениям. Перед взором вставали картины одна страшнее другой.

«Белый мустанг» мчится по прерии, преследуемый волками. Коршуны тучей выются над ним.

Он бросается в чащу чапорраля. Встречается с пантерой или серым медведем... Пронизывается сквозь густые кусты... Колючки акаций и тамарисков рвут тело девушки.

Кровь бежит ручьями. Я видел истерзанные ноги Изолины, разорванную в клочья одежду, распустившиеся до земли волосы, бледные губы, полные муки глаза.

Не думать!

Я вскочил и, как бешеный, зашагал по прерии.

Траппер нагнал меня.

— При свете факела или свечи, — сказал Гаррей, —

мы поедem не медленнее, чем днем. Может быть, удастся нагнать лошадь еще до наступления зари. Теперь ее негрудно будет поймать. А если и трудно, все равно ей от нас не уйти. Синьорите ничто не угрожает. Ведь ни волки, ни медведи не знают, что она совершенно беспомощна. Мы догоним ее еще до темноты. Она устанет, проголодается... Как только силы ее восстановятся, все опять пойдет хорошо.

Гаррей утешал меня. Я стал поджидать Квакенбосса и канадца с более спокойной душой.

Они не теряли времени.

Им было дано два часа сроку. Они приехали раньше. Леблан держал в руках две великолепных свечи. Они предназначались, вероятно, для освещения алтаря в большой праздник.

— Вот, капитан! — воскликнул канадец. — Вот свечи! Бог простит! — засмеялся он.

Они привезли новости.

Рейнджеры казнили в деревне еще несколько человек. Деревья украсились висельниками.

Товарищи стояли в ранчере и горели желанием присоединиться к нам. Я приказал им вернуться в лагерь. Чем меньше отсутствующих, тем труднее заметить исчезновение нескольких человек. Мне придется еще отвечать за тех, кто поехал со мной.

Во всяком случае, мы скоро вернемся в лагерь. Там подумаем, как захватить главное действующее лицо и автора разыгравшейся трагедии.

Мы зажгли свечи и отправились дальше.

К счастью, дул очень легкий ветерок. Свечи горели ярко, и мы ехали по следу так же быстро, как при луне.

Вскоре выяснилось, что мы находимся в знакомой местности. Во мраке обрисовались контуры мезы. В надежде, что скакун сделает около нее остановку, мы прищипорили лошадей.

Вот и высокие белые скалы. Не теряя следа, мы подъехали с большими предосторожностями.

Ни у подошвы холма, ни в окрестностях не было видно ни одного живого существа.

«Белый мустанг» здесь останавливался. Он подошел к мезе шагом. Дальше след прерывался.

Мы обошли мезу несколько раз, освещая все кругом свечами. Нашли скелеты лошадей и людей, черепа, об-

рывки одежды, обломки оружия — остатки боя с гверильей.

Заглянули за приютивший нас камень, посмотрели на борозду, по которой поднимались: ремень еще висел.

Следы белого скакуна исчезли.

Может быть, при более ярком свете нам бы и удалось их увидеть... но нам помешало еще одно обстоятельство.

Тяжелые капли, падавшие время от времени, перешли в ливень. Вода низвергалась с неба потоками, точно там решили устроить нам душ. Началась буря.

Свечи моментально потухли.

Мы молча стояли под скалой.

Даже стихии против меня! Я проклинал их от всей души.

Глава 59

СОМБЕРО

Наши лошади, заморенные трудным переходом в пыльное, жаркое утро и бешеным ночным галопом, стояли, понутив головы под ледяным дождем: бедняги спали стоя.

Люди были не менее измучены. Некоторые держали лошадей на поводу, прячась от ливня под навесом скалы, другие дремали, прислонившись спиной к каменной глыбе.

Один только я не знал ни сна, ни покоя. Мне и в голову не пришло прятаться от дождя. Ледяные потоки струились мне на плечи.

Лил настоящий северный дождь. Однако ни пронзительный норте, ни палящий сирокко не способны были вывести меня из оцепенения. Между тем я готов был приветствовать физическую встряску, поскольку она заглушит мои нравственные муки. Мудрая испанская пословица гласит: «Un clavo saca otro clavo», что означает: клин вышибается клином!

Увы, леденящее дыханье непогоды не только не заглушало моей тревоги, но даже усугубило ее.

Во-первых, гроза остановила наши поиски; во-вторых, если ливень затянется, мы окончательно собьемся со следа.

В глубокой печали я прижался к моему верному Моро, дрожавшему от холода.

Равнодушный ко всему происходящему вокруг, я застыл, предаваясь мрачным мыслям.

Звук голосов заставил меня встрепенуться. Двое товарищей не поддались усталости и отчаянию. Они разговаривали. Я узнал голоса трапперов.

Эти храбрые, неутомимые люди, закаленные в приключениях и в борьбе со стихиями, не признавали себя побежденными до последней минуты, пока оставалась хоть малейшая надежда, и, как вы знаете, их упорство и поразительная изобретательность нередко торжествовали.

Из первых же слов их беседы я понял, что они не оставили надежды напасть на след, и обсуждают, как найти его и довести до конца наше предприятие.

Я приободрился и начал чутко прислушиваться.

Трапперы разговаривали вполголоса. Говорил Гаррей:

— Ты прав, Рубби! Конь, по всей вероятности, промчался мимо, а в этом случае мы неизбежно нападём на его следы. Помнится, грунт по берегам водоема топкий и вязкий. Копыта на нем хорошо отпечатались. Захватим с собой свечу, прикрытую сомбреро.

— Правильно! — откликнулся старый траппер. — Но, если черныш не ошибается, обойдемся и без свечи и сомбреро. Погляди-ка, — прибавил Рубби, указывая на просвет в тучах. — Держу пари, что ливень закончится через десять минут, и наступит великолепная лунная ночь.

— Тем лучше, старик! — ответил Гаррей. — Но не разумнее ли сразу выйти на поиски? Ведь время дорого.

— Будь по-твоему! — согласился Рубби. — Добывай свечу и сомбреро — и марш в дорогу! наших ребят будить нечего: пусть храпят. В помощниках мы не нуждаемся.

— Эй, ты, немчура! — крикнул Гаррей, обращаясь к Квакенбоссу. — Одолжи-ка нам шляпу!

Ответом почтенного натуралиста был звучный храп; он спал, свесив голову на грудь, под каменным навесом.

— Проклятый ботаник! Спит, как сурок! — с раздражением воскликнул Рубби. — Пощекочи его кончиком ножа, Билли!! Не действует? А ну-ка, приласкай его хлыстом! Не помогает? Дай ему пинка ногой в живот. И это

го мало? Встряхни его изо всей силы! Должен же когда-нибудь проснуться этот чурбан!

Гаррей усердствовал:

— Эй, ты, немец, ученый лоб! — кричал он, встряхивая спящего. — Даешь ты нам свое сомбреро?

Но Квакенбосс ответил совершенно несуразной речью:

— Ай-яй-яй! Проклятая скотина! Держите ее! Сейчас она меня сбросит! Никак не могу соскочить! Шпоры сцепились под брюхом у лошади! Помогите! Остановись, несчастная!

Слушая сонный бред Квакенбосса, Рубби с Гарреем расхохотались, но зычный хохот трапперов не разбудил спящего: Квакенбосс по-прежнему боролся во сне с горячим индейским мустангом, который так досадил ему на днях.

— Вот дубовая голова! — воскликнул Рубби, довольный находившимся. — Пусть спит, если ему так хочется. Сдирай с него шляпу, Билли! Ведь не он нам нужен, а его сомбреро!

В голосе Рубби звучало явное раздражение: он не мог простить достойному рейнджеру прямолинейности, с которой тот исполнял долг часового.

Отчаявшись разбудить спящего, Гаррей бесцеремонно завладел его шляпой. Затем, захватив свечу из нашего запаса, Гаррей и Рубби, не говоря ни слова, удалились.

Довольствуясь слышанным, я воздержался от всяких расспросов. Рейнджеры мои не сумели подавить в себе любопытство, но трапперы лишь огрызнулись в ответ на их пристаивания.

Зная характер моих друзей, я понимал, что в такую решительную минуту они не потерпят постороннего вмешательства, и вполне доверился их опыту и чутью.

Трапперы пошли от мезы вправо, но я не сумею сказать, как долго они держались этого направления. Свечи они не зажигали, и через двадцать-тридцать шагов исчезли во мраке за плотной завесой ливня.

Глава 60

СЛЕДЫ «БЕЛОГО МУСТАНГА»

Погадав о замыслах трапперов, солдаты снова улеглись. Они так измучились за день, что холод не помешал им уснуть.

Вскоре большинство солдат было разбужено выкриком Квакенбосса. Мирно храпевший под вопли Гаррея, он раскрыл глаза, когда дождевые капли забарабанили по его лысине.

— Где моя шляпа? — раздраженно спрашивал он, шаря по камням в поисках своего сокровища. — Где моя шляпа? Эй, вы, сонные олухи! Не видал ли кто моей шляпы...

Солдаты заворочались:

— Какая у вас была шляпа? — спросил один из них.

— Черная шляпа, хорошая!.. Мексиканское сомбреро!..

— Вот как! Черная, говорите?.. Нет, не видал я черной шляпы!

— Чертов немец! Неужели он думает, что в такую темень можно отличить черную шляпу от белой... Ложитесь-ка поскорей спать! — огрызнулись соседи.

— Надоели мне ваши шутки! — обиделся Квакенбосс. — Я спрашиваю: где моя шляпа? Кто взял ее?

— Да была ли у него вообще шляпа? — усомнился какой-то солдат.

— Ветер унес его сомбреро! — слышалось из темноты.

— Скажите, мистер Квакенбосс, — вмешался канадец на ломаном англо-французском диалекте, — вы ищете вашу прелестную широкополую шляпу? Неужели она пропала?.. Какое несчастье!.. Уж не волки ли ее стянули? Может, они сожрали ваше сомбреро?..

— Не морочьте мне голову, — рассердился Квакенбосс. — Болтливый французишка!.. Говорите прямо: вы взяли шляпу?

— Я? Вашу шутовскую шляпу?.. Разумеется, нет! Клянусь честью, я не трогал ее...

— А вам она случайно не попадалась, Стенфильд? — обратился наш ученый ботаник к охотнику из Кентукки.

— Черт бы побрал вашу шляпу! На что мне она? У меня есть своя, на чужое добро я не зарюсь...

— Может, она у вас, Билли Блэк?..

— Нет! — отозвался Билли. — Я ношу только собственную шляпу, но она не черная. Впрочем, в такую ночь все может показаться черным...

— Я вам все объясню, приятель Квакенбосс: вы потеряли шляпу, когда скакали на своем знаменитом мустанге!..

Солдаты расхохотались. В веселый хор диссонансом врывался визгливый голос Квакенбосса, который, не стесняясь выражениями, проклинал свою шляпу, а заодно и товарищей. Не отчаиваясь, он продолжал ощупью искать злополучное сомбреро, а солдаты дружно глумились над ним.

Приподнятое настроение отряда не заразило меня. Глаза мои были прикованы к блестящему пятнышку на небосводе, на которое Рубби указал Гаррею. Я успокаивался по мере того, как снятие становилось более ярким.

По-прежнему шел дождь, но на востоке завеса туч постепенно редела.

Если так будет продолжаться, то через несколько минут небо, как предсказывал Рубби, очистится, и луна засверкает во всей своей славе.

В этой мысли я черпал утешение.

Время от времени я окидывал взглядом прерию и прислушивался к шорохам, желая уловить голоса трапперов или их шаги, но ничего не слышал.

Я начал уже тревожиться, когда внезапно на равнине вспыхнул огонек. Он тотчас потух, но через мгновение появился на том же месте или, может быть, даже немного ближе к нам, мерцая в темном море кустарника, как одинокая звезда.

Несколько секунд огонек колебался, потом медленно поплыл, словно кто-то нес его, согнувшись.

В огоньке не было ничего таинственного.

Один только Квакенбосс ничего не понимал. Остальные солдаты, еще не спавшие, когда Рубби уходил с Гарреем, догадались, что это свеча, зажженная нашими друзьями-трапперами.

Огонек то приближался, то отступал. Через короткие промежутки он менял направление, описывая причудливые дуги.

Между нами и трапперами в темноте блестела водная гладь — не то широкий пруд, не то большая лужа после ливня в прерии.

Огонек остановился; кто-то нас окликнул; все узнали любимое проклятие старого траппера, которым начиналась каждая его фраза.

Снова заколыхался огонек, быстро углубляясь в прерию.

Мы с интересом следили за маневрами разведчиков.

Огонек удалялся, и товарищи мои предположили, что трапперы напали на потерянный след.

Подоспевший Гаррей подтвердил их догадку. Его стройная фигура вырисовывалась в тумане. Мы не видели его лица, но чутье нам подсказывало, что он принес хорошие новости.

Гаррей спокойно сказал:

— Рубби напал на следы; они уводят туда, в прерию. Вскоре Рубби скроется из виду. Мы должны торопиться, чтобы нагнать его.

Не вдаваясь в рассуждения, мы оседлали лошадей и поскакали на мерцающий в тумане огонек, служивший нам путеводной звездой.

Рубби шагал, освещая дорогу фонарем. Чтобы дождь не потушил свечи, над верхним отверстием фонаря в виде зонтика было прикреплено знаменитое черное сомbrero.

Старый траппер в ответ на все наши вопросы удостоивал нас только отрывочными восклицаниями. Он явно гордился своей удачей.

Зато Гаррей охотно удовлетворил любопытство рейнджеров. На ходу он подробно рассказал им, каким образом Рубби добился таких замечательных результатов. Вся заслуга, по его словам, принадлежала старику.

Рубби вспомнил про ручей, который берет начало на холме. Источник разбух от дождя, и его-то мы и заметили, когда наблюдали за огоньком в прерии. Предположение траппера о том, что «белый мустанг» отправился на водопой к ручью, блестяще оправдалось: конь поскакал по галькам кратчайшим путем к воде. Дальнейшая дорога вела по бугру с жестким каменистым грунтом. Конь замедлил бег, и следы оборвались. Вернее, они были настолько слабы, что мы не заметили их при свете факела. К счастью, Рубби не забыл про болотистый участок на нижнем течении ручья, где лошадиные копыта должны были оставить более глубокие отпечатки. Для этой экспедиции, как сказал траппер, ему не хватало только покрышки на фонарь.

Огромная шляпа Квакенбосса заменила зонт.

На топком берегу ручья трапперы снова напали на следы; лошадь, утолив жажду, во всю прыть понеслась к западу от холма.

Гаррею, как я понял из разговора, была известна причина, побудившая лошадь к этой бешеной скачке. Он

долго отмалчивался, и мне пришлось немало потрудиться, пока я вынудил у него признание.

В конце концов с явной неохотой он ответил на мои настойчивые расспросы:

— Вдоль отпечатков копыт ведут волчьи следы...

Глава 61

ВОЛКИ

Следопыты обнаружили около ручья отпечатки волчьих лап; следы были двух родов: одни принадлежали крупным тexasским, другие — пятнистым степным волкам-койотам. Судя по множеству следов, целая стая гналась за несчастной лошадейю.

Противоположный берег ручья был обрывистый и крутой. Несмотря на это, конь, напившись воды, одним прыжком перескочил через ручей. Волки ринулись вслед за ним, и когти их отпечатались на влажной глине.

Царапины в почве указывали на то, что звери прыгали с разбега. Они, конечно, не отважились бы на такой прыжок, если б перед ними не маячила добыча.

Кроме волков и «белого мустанга», ни одно животное не оставило здесь своих следов. Значит, стая хищников гналась за степным скакуном. К тому же волчьи следы отпечатались поверх лошадиных.

Волки почти никогда не преследуют здоровых и крепких степных лошадей. Они нападают только на старых или искалеченных, а чаще всего на беременных кобыл и еще не окрепших жеребят.

И крупные, и пятнистые волки одарены лисьей пронизательностью. Инстинктивно чувствуют они, когда животное тяжело ранено или ослабело. Они травят раненого оленя, ускользнувшего от охотника, но если пуля только слегка задела быстрое животное, волки отказываются от погони.

На этот раз чутье подсказало им, что всадник не управляет «белым мустангом».

Заметив некоторые странности в поведении лошади и надеясь, что она рано или поздно свалится в изнеможении, волки бросились за нею в погоню, оглашая воздух свирепым голодным воем.

По нашим сведениям, волки водились во множестве в

районе мезы, что подтверждало догадку о волчьей «облаве» на скакуна.

К ручью ходили на водопой олени, антилопы и другие дикие животные. Сюда же вакуро пригоняли свои полудикие табуны, и молодые бычки нередко падали жертвой техасских и пятнистых волков.

Была еще одна причина, почему волки блуждали по ночам вокруг мезы: они еще не забыли трупов, брошенных здесь после недавней нашей стычки с индейцами и мексиканцами. Немало ночей пировали здесь голодные стаи. Испробовав конины и человечины, они упорно возвращались к холму, надеясь на новую поживу.

Силы белого скакуна, обремененного ношей, иссякнули в неравной борьбе. Хищники настигнут его после бесконечного пробега по болотам и прериям. Трагическая развязка неизбежна: конь падет, побежденный жестокими и неутомимыми преследователями.

Волки вопьются клыками в его крутые бедра, искусают ноги коня, а потом настанет очередь женщины, привязанной к крупу лошади. Конь и его живая ноша будут опрокинуты, растерзаны в ключья...

При этой мысли я глухо застонал.

— Взгляните сюда, — обратился ко мне Гаррей, указывая на землю и опуская свечу, — здесь поскользнулась лошадь, а вот след крупного волка, отпечатавшийся на том же месте...

Я рассмотрел следы.

На влажной глине было еще много волчьих следов, но один из волков мощным прыжком опередил всю стаю, словно желая с разбега вскочить на круп мустанга.

Отряд подгонял лошадей. И рейнджеры, и трапперы разделяли мое лихорадочное нетерпение и беспокойство.

Вскоре погода прояснилась.

До сих пор приходилось шляпами защищать свечи от дождя, и всадники по очереди ехали с обнаженными головами. Теперь эта предосторожность была излишней. гроза утихла, ливень прошел так же внезапно, как и начался, и тучи быстро рассеивались.

Еще несколько минут — и покажется луна. Уже лучи ее, пробиваясь сквозь поредевшие облака, слегка освещали прерию.

Время было слишком дорого, и мы не стали дожидаться, пока луна засияет во всей своей красе.

Наконец выглянула полная луна, необычайно яркая, словно омытая дождем.

В прерии стало светло, как днем. Одной заботой меньше: потушив свечи, мы еще сильнее погнали лошадей, но спуская глаз со следов, освещенных луной.

«Белый мустанг» промчался здесь галопом и ушел от нас на много миль, а по пятам за ним гналась хищная волчья стая, на что указывали многочисленные следы когтистых лап.

Внезапно мы услышали журчанье быстрых струй. Оно доносилось с той стороны, куда вели следы.

С легкостью покрыли мы расстояние, отделявшее нас от потока. В лунном блеске мерцала прозрачная пелена воды, и к ней напрямк вели следы «белого мустанга».

Мы вышли к реке. Вода каскадом падала с камней; поток вздулся и ревел, взбивая белую пену вокруг порогов.

Трапперы тотчас узнали приток Рио-Гранде, который берет начало на степном плато и течет к югу.

Поспешно подъехали мы к реке и взглянули на вспененную бурливую воду. Следы вывели нас на самый берег грозной реки.

Отпечатки копыт тянулись вплоть до откосов и все были обращены вперед. Обратных следов, несмотря на тщательные поиски, мы не обнаружили.

Лошадь бросилась в стремительный поток...

Глава 62

ПЕРЕПРАВА

Надменный степной скакун опрометью кинулся в поток в том месте, где быстрее, чем всюду, кружилась белая пена, и течение, образуя водовороты, с грохотом разбивалось о камни.

Отпечатки копыт указывали на место прыжка, и глубина следов в рыхлой почве свидетельствовала о стремительности мустанга.

Трудно надеяться на благополучную переправу. Она почти не мыслима.

В этом месте быстрое течение могло увлечь не только человека, но даже лошадь. К тому же река была настоль-

ко глубока, что не представлялось возможности перейти ее вброд.

Кое-где над водой возвышались серые камни, но то были отдельные глыбы, между которыми стремительно проносился поток.

Если «белый мустанг» оступился или вынужден был пуститься вплавь, течение закружило его и увлекло вместе с Изолиной.

Первые утешительные слова я услышал от самого старого и мудрого из нас.

— Лошади не пришлось переправляться вплавь...

— Почему вы так думаете, Рубби?

— А вы уверены в этом? — наперебой спрашивали рейнджеры.

— Я в этом убежден, — ответил Рубби, несколько обиженный недоверчивой интонацией рейнджеров. — Куда пойдут ваши глаза? Неужто вы ослепли? Сколько вас здесь, а никто ничего не заметил! Вглядитесь повнимательней. Какого цвета вода? Около водопада она черна как шкура бизона, — значит, она недавно накопилась в водоеме; перед дождем река была вдвое мельче... Мустангу было так же легко перейти вброд, как разжевать клочок овса. Ручаюсь, что они благополучно перебрались на тот берег...

— По-вашему, переправа происходила до дождя?

— Да! Это так же верно, как то, что пуля из моего карабина всегда попадает в цель! Когда здесь проходил мустанг, земля была совершенно суха, в противном случае копыта глубже врезались бы в податливую глину. Лошадь перешла через поток, не смочив ни одного волоска на крупе! Она не утонула, не беспокойтесь, мой юный друг! Хорошенькая синьорита где-нибудь скачет, так же, как и мы с вами.

— А волки? Не переправились ли они вслед за лошадью?

— Вы про волков? Ну, нет! Они настолько умны, что никогда не решились бы на такое безумие. Лапы их слишком коротки, чтобы достать до дна, а, пусть они вплавь, течение унесло бы их на добрую милю отсюда. Хитрые звери прекрасно все поняли и остались на этом берегу. Вот их следы... У них отличное чутье, у серых злодеев!.. Берег истоптан, как овечий загон!

Действительно, земля была испещрена отпечатками волчьих лап. Многоголовая стая сбилась в кучу на берегу.

Затем, если судить по следам, расходившимся во всех направлениях, волки рассеялись по прерии.

Разобраться во множестве следов было нелегко, но Рубби настаивал на своих выводах. Слепо доверяя ему, я несколько успокоился за участь Изолины. Никто среди рейнджеров не мог соперничать в искусстве следопыта со старым траппером.

Интересно лишь было выслушать, что думает Гаррей по поводу этого.

Рассмотрев следы, он подтвердил слова Рубби. Ободренный обоими трапперами, я воспрянул духом. Еще не потеряна надежда спасти Изолину!

Надо было действовать. Я вскочил в седло. Товарищи последовали моему примеру, и отряд поскакал вдоль берега разыскивать место для переправы.

Поблизости не было брода. Быть может, он существовал во время мелководья, но сейчас, после дождя, река набухла и грозила закружить в водовороте всадников, как кору пробкового дуба.

Черная вода, бурлившая между порогами, водовороты, отмеченные белой пеной,— все это не располагало к переправе

Мы разбились на две группы: одни поднялись к верховью, другие поскакали вниз по течению, чтобы выбрать подходящее для переправы место. Вскоре мы соединились снова, опечаленные и смущенные: никто не нашел брода!

Терпение мое иссякло. Надо действовать!

Несколько ниже порогов течение замедлялось. При свете луны я увидел противоположный берег — низменный и отлогий. Выйти не трудно: только бы удалось доплыть!

Я не стал рассуждать. Моро переплывет несколько сот шагов; не впервые рассечет он сильной грудью бурный поток.

Я пришпорил Моро, и мы погрузились в воду.

Тотчас за моей спиной раздался плеск: рейнджеры последовали моему примеру. Один за другим благополучно выбрались мы на противоположный берег.

Я пересчитывал своих людей по мере того, как они выходили из воды. Одного не хватало.

— Кто задержался?

— Рубби,— ответили мне рейнджеры.

Я оглянулся на реку. За траппера я не боялся: по сло-

ним Гаррея, такая переправа была для него детской забавой. Что же его задержало? Умеет ли или, вернее, не разучилась ли плавать его старая кобыла?

— Она плавает, как рыба, уверяю вас, как рыба! — успокаивал нас Гаррей.— Только Рубби, щадя свою лошадь, не захочет переправляться верхом. Да вот он, смотрите!

На середине реки мы различили два силуэта. Оба они медленно приближались.

Впереди плыла поседевшая от старости кобыла, а вслед за ней — ее хозяин.

Луна освещала их головы, торчавшие над черной пеленой воды. Это было настолько комическое зрелище, что солдаты не могли удержаться от смеха.

При переправах через реки Рубби придерживался особой системы, отчасти из желания пооригинальничать, отчасти для того, чтобы не стеснять движений своей кобылы.

Осторожно вошел он в воду и остался в седле, пока лошадь не потеряла дна. Тогда, соскользнув на круп, а оттуда в воду, Рубби ухватился зубами за лошадиный хвост. Кобыла повлекла его за собой, как рыбу, попавшую на крючок, а траппер, энергично барахтаясь, плыл вслед за животным. Как только лошадь снова нащупала дно, Рубби взобрался в седло.

Худой как скелет, в мокрой, плотно облегающей одежде траппер торжественно въехал на берег верхом на своей кляче, под звонкий хохот рейнджеров.

Не успело смолкнуть эхо, как я уже скакал во главе отряда к верховью. Около порогов рассчитывали мы найти следы, оборвавшиеся на правом берегу.

К радости своей, увидел я отпечатки копыт против того самого места, откуда белый конь ринулся в поток.

Догадка Рубби подтвердилась: «белый мустанг» перешел реку вброд.

Изолина не утонула...

Глава 63

КАРЛИКОВЫЙ ЛЕС

Три радостных открытия: во-первых, «белый мустанг» со своей живой ношей благополучно выбрался на сушу;

во-вторых, волчья стая осталась на левом берегу, напуганная водопадом и порогами; в-третьих, утомленный мустанг переменял галоп на шаг.

— Здесь мустанг пошел шагом,— заметил Билли Гаррей, указывая на следы.

— Неужели шагом?..

Это обычный аллюр мустангов, быстрый, но плавный. С этой минуты всадница перестала страдать от тряски. Хоть от этого мученья она избавлена!

Горячий конь, ускользнув от преследования хищной стаи, в конце концов остановился... Измученный крутым бегом, он, наверное, испытывает потребность в отдыхе и приляжет на какой-нибудь лужайке, а тогда...

Рейнджеры все до единого еле держались в седлах от усталости, но надежда поймать беглеца окрыляла нас, и отряд скакал без передышки.

Увы! В этот день мне суждено было попеременно ликовать и отчаиваться.

Недолго радовался я и на этот раз.

Отъехав на несколько шагов от реки, мы натолкнулись на новое препятствие, едва не разрушившее все наши планы.

Мы натолкнулись на карликовый дубовый лес. Куда ни кинешь взгляд, кудрявятся дубы, имеющие в высоту не больше тридцати дюймов.

Однако это не какая-нибудь особая кустарниковая порода, а настоящие дубы: каждое дерево имеет отдельный ствол, ветви, крону и приносит вполне развитые желуди.

— Карликовые дубы! — в один голос воскликнули трапперы, выехав на опушку своеобразного леса.

— Новое осложнение! — раздраженно проворчал Рубби. — Спешивайтесь, друзья, пусть ваши лошади отдыхают. Придется пробираться ползком между этими дурацкими дубами!

Сказано — сделано.

Несколько часов подряд, изнывая от усталости, мы чуть ли не на четвереньках ползли по лесу, чтобы не потерять следов «белого мустанга».

Они отпечатались достаточно явственно, и днем наша задача упростилась бы в сто раз. Но карликовые дубы росли тесно, правильными рядами, словно посаженные человеком. Пышная листва не пропускала лунных лучей. Сплошной шатер ветвей отбрасывал на землю густую тень. Кое-где сломанная ветвь служила вехой на нашем

пути: в других местах «белый мустанг» сбил копытом часть листвы, и сейчас карликовое деревцо стояло омытое лунным светом. Но подобные вехи попадались редко, на больших расстояниях друг от друга, потому что «белый мустанг» проходил по лесу медленно и спокойно.

Странствие по лесу, самые высокие деревья которого доходили нам до плеча, показалось бесконечно длинным.

У нас было ощущение, будто мы прокладываем дорогу в огромном питомнике молодого леса.

Еще не вышли мы на опушку, когда луна начала медленно гаснуть, и на востоке занялась заря.

Карликовый лес преобразился. Пошли прореди, деревья росли уже небольшими группами, рассеянные по прерии, и наконец совсем исчезли, уступив место буйным степным травам.

Следопыты облегченно вздохнули.

Взошло солнце. Теперь проводники уже не задерживали отряда, кропотливо разыскивая следы; колючие кустарники и деревья больше не встречались на нашем пути, и мы погнались лошадей полным аллюром.

Эту часть дороги «белый мустанг» тоже пробежал галопом.

Выйдя на опушку карликового леса, он первое время шел шагом, но внезапно характер следов резко изменился: лошадь почему-то рванулась и поскакала во всю прыть.

Чего же испугался чуткий мустанг?

Мы решительно ничего не понимали. Даже трапперы были поставлены в тупик.

Трава была молодая, и намного миль вокруг расстился зеленый мягкий ковер. В некоторых местах трава росла не так густо, и между зыбкими стеблями просвечивала голая земля, еще влажная после недавнего дождя.

Даже волк, несмотря на легкую свою поступь, оставил бы на ней отпечатки своих лап, а зоркий траппер не преминул бы их заметить. Мустанг прошел здесь после дождя, но ни волки, ни другие хищники не гнались за ним.

Я молча строил догадки. Быть может, причины тревоги мустанга таятся в нем самом? Он не забыл про то, как грубо с ним обращались, и возбуждение его еще не улеглось. А, может, путы терзают бока, горяча мустанга как шпоры? Или какой-нибудь отдаленный шум напомнил ему крики разъяренной толпы и вой волков, гнавшихся за ним по пятам? А может...

Восклицания проводников, скакавших во главе отряда, прервали мои размышления.

Трапперы указывали на землю. Они не произнесли ни слова, но никто из нас не нуждался в объяснениях. Все поняли, отчего мустанг пустился вскачь!

Трава измята и истоптана... На земле чернеет множество следов. Мы увидели отпечатки не четырех копыт, а нескольких сотен. Они были не менее свежи, чем следы «белого мустанга». Невозможно было среди них отыскать следы нашего подкованного коня.

— Табун диких лошадей! — в один голос сказали трапперы.

На копытах не было подков, но по этому признаку еще нельзя судить о диком состоянии лошадей. Ведь индейцы не подковывают своих лошадей. Но оба траппера утверждали, что лошади, о которых шла речь не знали еще узды. В табуне были маленькие жеребята и совсем юные кони. Дело ясное: здесь прошла кабальяда.

На том месте, где стоял наш отряд, дикие кони пустились вскачь; «белый мустанг» смешался с табуном, приблизившись к нему под прямым углом.

— Дело ясное, — заметил Рубби. Напуганные «белым мустангом», кони удирают от него. Вот отпечатки его копыт — в хвосте табуна. Он бежит вслед за дикими родичами. Здесь он догнал отставших, — продолжал траппер, продвигаясь вперед, — мустанги шарахнулись во все стороны. Вот они скачут дальше — одни впереди, другие позади белого коня. Держу пари, что они уже освоились с видом пришельца и перестали его бояться. Так и есть; он бежит в самом центре табуна!

Невольно поднял я глаза, решив, что траппер увидел кабальяду. Но я ошибся. Старик трусил рысцей во главе отряда. Свесившись в седле, он не спускал взгляда с земли.

Все сведения, сообщенные им, он вычитал в сложном узоре следов.

В этих непроницаемых для меня иероглифах ему легче было разбираться, чем в раскрытой книге с четкой печатью.

Я знал, что толкованье его абсолютно правильно: «белый мустанг» поскакал вслед за табуном, догнал его и затесался между дикими лошадьми.

При этой мысли сердце мое тревожно заняло. Новая смертельная опасность угрожала Изолине.

Я представил себе беспомощную всадницу, врезающуюся в табун диких лошадей. Бешеное ржание, глаза мустангов мечут искры, красные ноздри раздуваются от злобы. Растет раздражение против белого скакуна, который вторгся к кобылицам. Ревнивые жеребцы ярятся... В слепой ярости бросаются они на чужака, обнажив плоские желтые зубы. Они становятся на дыбы, лягают белого мустанга, храпят...

С потрясающей ясностью возникла эта сцена в моем воображении. Мрачные предчувствия терзали меня.

Как ни кошмарна была картина, нарисованная мною, она являлась точным, хотя и бледным отображением действительности.

Чутье подсказало мне истинный ход событий. Я еще ничего не видел, но все знал. Сцена, которую я представил себе, уже разыгрывалась невдалеке от нас.

Через несколько минут с вершины холма я увидел беснующийся табун.

Глава 64

КАБАЛЬЯДА

Не слушая предосторожностей, я пришпорил коня и, галопом спустившись с холма, помчался на табун.

Действовал я без всякого плана и даже не пытался поискать прикрытия, чтобы врасплох напасть на мустангов. Впрочем, у меня не было времени на рассуждения. Надо как можно скорей разогнать жеребцов и, если еще не поздно, спасти Изолину от ударов копыт и желтых плоских зубов.

Надежда не покидала меня: я заметил, что вокруг «белого мустанга» сохраняется пустое каре: жеребцы пока что держались в некотором отдалении.

Если бы моя задача ограничивалась поимкой «белого мустанга», я проявил бы большую осторожность. Но сейчас мне было не до этого: минута промедления могла все погубить.

Трапперы и рейнджеры, руководствуясь теми же соображениями, погнали лошадей галопом. Я ненамного опередил отряд.

Довольно большое расстояние отделяло нас от табуна. Ехали мы против ветра; уже половина пути оста-

лись позади, но дикие лошади все еще не почуяли нас.

Я кричал во весь голос, желая спугнуть их и обратить в бегство; спутники мои надрывали глотки, но ветер отнес все звуки в сторону, и лошади ничего не услышали.

Тогда я придумал более верное средство: схватив из-за пояса револьвер, я несколько раз выстрелил в воздух.

Я переусердствовал: достаточно было и одного выстрела. Дикарки встрепнулись и, оставив в покое чужака, рассеялись по прерии. Одни кони умчались, другие, опустив голову и оглашая воздух неистовым ржанием, бросились нам навстречу. Передовые были уже на расстоянии выстрела, когда внезапно повернули обратно и стремительно ускакали. Теперь на месте, где только что неистовствовал табун, оставался лишь «белый мустанг» со своей ношей.

Он не шевелился, словно потрясенный исчезновением своих негостеприимных родичей. Но «белый мустанг» наравне с прочими слышал выстрелы и, может, один из всего табуна понял, что означает этот странный грохот... Он знал, что приближается человек, его исконный враг, но все-таки не двинулся с места. Неужели он смиренно и покорно отдастся нам в руки?.. Увы! Меня постигло разочарование...

Я был в ста ярдах от мустанга, когда он вскочил на дыбы, волчком повернулся на задних ногах и бросился бежать.

До меня донеслось его бешеное ржание: мне почудились в нем издевательские и мстительные ноты. Издевательство над бесплодной погоней и месть за то, что недавно он был захвачен человеком в плен.

Сейчас все зависело только от быстроты. Нужно догнать «белого мустанга» и вырвать из когтей смерти всадницу, если она еще жива...

Не время, однако, предаваться горестным размышлениям... Откинув помыслы, я сосредоточил все свое внимание на погоне.

Ласково поощрял я Моро, называл его по имени, гладил, сжимал коленями и лишь изредка впивался шпорами в его крутые бока.

Вскоре я убедился, что верный мой конь начинает ослабевать. Это открытие повергло меня в ужас.

Сказывались последствия неистовой скачки, продолжавшейся круглые сутки. По его грузному аллюру я чув-

ствовал, до какой степени устал Моро: уже не так звонко, как обычно, стучали копыта, ударяясь о твердый грунт. По сравнению с моим конем, степной жеребец был еще совершенно свежим.

Но на карту поставлена жизнь Изолины, а, может, и моя собственная: ведь я не переживу своей невесты! Она должна быть спасена любой ценой! Нужно безжалостно шпорить Моро! Любой ценой я должен догнать «белого мустанга».

Местность была неровная. Почва вздымалась и опускалась, словно застывшие волны океана. Мы скакали наперерез пригоркам, которые тянулись параллельными цепями на небольшом расстоянии друг от друга.

Конь мой то взлетал вверх, то спускался по склонам, ни на секунду не замедляя бега.

Скачка эта была суровым испытанием для моего бедного Моро.

Неужели никогда не кончится жестокая погоня? Неужели никогда не иссякнут силы «белого мустанга»?

Конечно, когда-нибудь он устанет и остановится. Несомненно, Моро превосходит его в быстроте и выносливости. Но у степного жеребца двойное преимущество: он находился в своих родных прериях и не был переутомлен.

Я не спускал с него глаз.

Меня охватил суеверный страх: я боялся, что мустанг исчезнет. Мне вспомнилась первая охота за ним и легенды, сложенные мексиканцами о неуловимом белом коне. В эту секунду я верил всем басням!

С какой радостью одолел я последний пригорок и увидел, что передо мной расстилается безбрежная прерия.

В скачке без препятствий перевес перешел на мою сторону.

Расстояние между мной и беглецом таяло. Моро находился уже в трехстах ярдах от него. Я разглядел несчастную подневольную всадницу. Ноги ее, как я и думал, были вытянуты во всю длину и привязаны к крупу лошади. Развевались порванные одежды, а длинные, черные, тугие косы свисали почти до земли. Я уже видел бледное лицо Изолины.

Погоня продолжалась. Время от времени дикий мустанг поворачивал назад голову и злобно ржал.

Слабый румянец проступил на щеках Изолины.

Я подскакал настолько близко, что она могла меня ус-

лышать. Громко кричал я, звал ее по имени, вглядываясь в ее черты, и с замирающим сердцем ждал ответа.

Мне показалось, будто она приподняла голову.

Но слабый голос ее не донесся до моего слуха; он был, вероятно, заглушен звонким стуком копыт.

Снова закричал я изо всех сил. Тысячу раз повторял я ее имя.

На этот раз она, безусловно, услышала меня.

Да, голова ее, запрокинутая на загривок лошади, шевельнулась.

Воочию убедился я в том, что Изолина жива!

Едва успела девушка подать мне знак, как лошадь моя осела подо мной, словно проваливаясь в землю.

Движимый инерцией, я упал, перекинувшись через голову коня; Моро споткнулся о кочкообразную нору сурка и тяжело рухнул на землю.

Падение не испугало и не лишило меня энергии. Через секунду я был уже на ногах. Схватив узду, я вскочил в седло. Но когда я снова повернул лошадь, собираясь продолжать погоню, я ничего не увидел перед собой.

«Белый мустанг» исчез.

Глава 65

ЧАПОРРАЛЬ

Трудно представить себе мой гнев и отчаяние!

На этот раз в исчезновении мустанга не было ничего таинственного: передо мной расстился чапорраль.

Я, правда, не видел мустанга, но зато отчетливо слышал его.

Звонко отдавались удары копыт о твердую землю, под его ногами хрустели сухие ветки и шелестела раздвигаемая им листва.

Не взглянув даже, куда ведет след, я стремглав бросился в ту сторону, откуда доносились звуки.

Второпях я не разыскал прореди и направил Моро прямо в чашу.

Раздвигая грудью высокие кусты, доходившие ему до шеи, перепрыгивая через ветки, мой славный боевой товарищ продвигался вперед. Но не успел он сделать и тридцати шагов, как я раскаялся в своем опрометчивом поступке.

Шаги Моро заглушили звонкий стук копыт, хруст хвоста и свист зеленых ветвей.

Мы ехали вслепую, но когда останавливались, я еще различал тяжелую поступь «белого мустанга», с трудом пробивавшегося сквозь заросли. Шум постепенно ослабевал и удалялся. С каждым разом он доносился глуше, и, лишь напрягая слух, я улавливал его.

Снова пришпорил я коня, почти наугад повернув его в сторону. Но через сотню, приблизительно, шагов мне пришлось вторично задержаться, чтобы проверить направление.

Тщетно прислушивался я: ни шороха, ни звука.

Быть может, белый конь стоит, притаившись где-нибудь невдалеке, или,— второе предположение значительно вероятнее,— он настолько обогнал меня, что до меня уже не долетает стук его копыт.

Почти неменяемый, раздраженный на собственную глупость, я потерял способность хладнокровно рассуждать; не думая о последствиях, снова пришпорил я коня и еще дальше углубился в чашу.

Еще несколько сот шагов — и полное отчаяние овладело мной: таким путем я ничего не добьюсь! Никогда не поймать мне «белого мустанга!»

Снова остановил я Моро. Прислушался. Передо мной простирались необозримые заросли, нависла гробовая тишина. Даже птицы не порхали в кустах. Все вымерло в чапоррале.

Я проклинал свою неосторожность. Если бы я не поторопился, а спокойно разыскал следы, я не потерял бы из виду «белого мустанга!» Какой бы путь ни избрал степной жеребец, он был доступен и для Моро.

— А теперь,— в отчаянии повторял я,— я не знаю, куда он скрылся... Все погибло по моей собственной вине!

Пытаясь разыскать следы, я метался во все стороны.

Сначала я поехал в одном направлении, потом в другом.

Напрасно терял я время: ни отпечатков копыт на земле, ни сломанных ветвей я не находил.

Наконец я решил вернуться в прерию и оттуда продолжать погоню по следам, оставленным «белым мустангом».

Такой образ действий был самым разумным; впрочем, выбора у меня не было: поневоле пришлось отступить.

Я был убежден, что с легкостью найду след мустанга, если вернусь на опушку чапорраля.

С этим намерением я повернул коня и двинулся в ту сторону, где, по моему убеждению, лежала прерия.

Прошло около получаса, и я покрыл больше мили: опушки нет! Снова повернул и проехал не меньше двух миль в обратную сторону, метался вправо и влево и наконец, изнемогая от усталости, остановил коня.

Сомнений нет: я заблудился!

Заблудился в чапоррале! В непроходимых выжженных солнцем джунглях, где каждое растение вооружено шипами и защищает свою землю от вторжения чужака! Вплоть до трав, здесь всякое растение ранит путника: ведь даже узловатые стебли мезкита покрыты острыми колючками.

Я поплатился за свою смелость: пробираясь в зарослях, я в клочья разорвал одежду и до крови расцарапал ноги.

Расцарапал ноги!.. Каково же бедной Изолине!.. Что случилось с ее стройными ножками, нежно округленными руками, гладкой кожей?.. Тысячи шипов вонзились в ее тело!..

Только стремительные действия могли отвлечь меня от этих мрачных мыслей. Снова натянул я узду и погнал Моро вперед.

Глава 66

ВСТРЕЧА С ДИКИМИ КАБАНАМИ

Как мог я проверить направление? Смутно помнил я, что мы продвигались с трапперами на запад. Следовательно, прерия лежит на востоке от чапорраля.

Но как отличить запад от востока, когда перед тобой расстилается безбрежное море кустарника, а небо обложено свинцовыми тучами, сквозь которые не пробиваются солнечные лучи?

В северном лесу задача моя упростилась бы: дуб, вяз, клен, бук, дикая смоковница или ясень заменили бы мне компас.

По стволу любого из этих деревьев я определил бы, где юг. Но в густых зарослях, где росли одни колючие кустарники, я совершенно растерялся.

Своеобразная растительность, свойственная безводным местностям, была мне чуждой. Существуют, конечно, знатоки, которые, очутившись в чапоррале, с легкостью указывают части света, не справляясь с компасом и не глядя на небо. Но, к сожалению, я был не из их числа.

Я не мог придумать ничего лучшего, как довериться своей лошади.

Не раз, заблудившись в темном лесу или в незнакомой степи, я полагался на инстинкт Моро, и верный конь мой спасал меня из безвыходного, как мне казалось, положения.

Моро вывез бы меня на дорогу, по которой мы приехали, если б путь этот вел домой. Но ни у меня, ни у лошади моей не было дома. В этой стране мы были пришельцами. Мы с Моро — бродячие рейнджеры. Много лет уже мы переезжаем с места на место, и каждое наше очередное пристанище отстоит от предыдущего на сотни, на тысячи, а иногда и на десятки тысяч миль...

Давно уже забыл Моро конюшню на своей родине...

Если где-нибудь поблизости протекает река, Моро вывезет меня к ней, так как оба мы в равной степени нуждаемся в воде. Затем, следуя по течению, мы выберемся в населенную местность...

Итак, опустив поводья, я предоставил Моро выбор пути.

До этого я кричал до хрипоты, надеясь, что на зов мой откликнутся рейнджеры. Ни на чью другую помощь я не рассчитывал, ибо откуда возьмутся люди в чапоррале, которого избегают даже дикие звери?

Только рогатая ящерица, гремучая змея, броненосец и пятнистый волк населяют эти безводные джунгли. Время от времени здесь проходят стада диких кабанов. Но и эти животные здесь — редкий гость. Всадник, странствующий по Мексике, может проехать десятки миль по чапорралу, не встретив ни одного живого существа. Чапорраль — царство смерти и тишины.

Изредка ветер зашелестит листвой акации, кузнечик пронзительно застрекочет в сухой траве, но снова или сает гробовая тишина. Ни одного звука не услышит утомленный путник, кроме своего собственного голоса и тяжелого топота своего коня.

Я не терял надежды, что товарищи услышат мои крики. Они, конечно, придерживаются моих следов. К моменту

ту въезда в лес я значительно опередил их, но, несмотря на это, они должны были бы уже догнать меня.

Я сомневался только в том, последуют ли они за мной или за «белым мустангом». В обоих случаях я не имею права ехать дальше. Ведь, удаляясь от рейнджеров, я увлекаю их в длительные поиски. Я усложняю и без того трудную задачу.

Скорей всего они погонятся за мной, считая, что я не без оснований отклонился от первоначального плана. Они решат, верно, что я поскакал наперерез «белому мустангу». Отчего бы не двинуться им навстречу?

На этот раз, сжавившись над своей взмыленной лошадью, я побрел пешком, ведя Моро под уздцы.

Время от времени я кричал, звал на помощь, стрелял в воздух из револьвера, но никто не откликнулся.

Друзья мои, очевидно, далеко, раз они не услышали стрельбы. В противном случае они, конечно, ответили бы мне тем же, так как все вооружены карабинами и пистолетами.

Где они? У них было достаточно времени, чтобы нагнать меня. Снова я выстрелил в воздух, но, как и раньше, только эхо ответило мне.

Они не последовали за мной, бросившись, очевидно, в погоню за «белым мустангом». А может, они просто задержались в пути?

Внезапно внимание мое было привлечено птичьим гомоном. Я узнал пронзительный писк голубой сойки и стрекотание кардинала. Птицы встревоженно кричали, почуввав какую-то опасность. Должно быть, на их гнезда покушается черный северный боа. А что, если они напуганы приближением всадников или диким мустангом, который, подобно мне, блуждает в чапоррале?

Вскочив в седло, я взглянул в ту сторону, откуда доносились крики.

На некотором расстоянии от меня в ветвях металась сойка и кардиналы, встревоженные какой-то сценой, разыгрывающейся на земле, у подножья кустов. В то же мгновение я услышал другие незнакомые звуки.

Новое разочарование: то было не ржание коней и не человеческие голоса...

Что бы там ни было, я решил выяснить, отчего вскочились безмолвные до сих пор дедри.

Я погнал коня. Моро проложил себе дорогу в густом мустаннике, и перед моими глазами предстало неожидан-

ное зрелище — битва между красным кугуаром и стадом диких мексиканских кабанов — так называемых «явали».

Смелые маленькие кабаны окружали кугуара, мужественно отбивавшегося от их клыков.

Несколько явали лежали на земле, смертельно раненные могучими когтями американского тигра. Но остальные, не смущаясь гибелью своих родичей, со всех сторон окружали кугуара. С громким хрюканьем они нападали на него и терзали гладкую шерсть своими острыми клыками.

Эта сцена пробудила во мне охотничьи инстинкты. Сняв с плеча карабин, я не торопясь прицелился.

Выбор мишени не вызвал во мне никаких колебаний: кугуар всегда привлекательнее для охотника, чем явали. Я спустил курок. Пуля пробила череп кугуару, и он свалился замертво, к удивлению хрюкающего стада.

Не прошло и минуты, как я раскаялся в своем выборе.

Именно кугуара следовало мне пощадить. Я должен был воздержаться от стрельбы или прицелиться в одного из кабанов с бурой взъерошенной щетиной. Теперь, когда кугуар вышел из игры, его враги ополчились против меня. Переметнувшись на новый фланг, они бросились к моему коню, яростно скаля клыки, которыми только что терзали кугуара.

Нельзя даже проучить неблагодарных тварей: карабина я не успел вторично зарядить, а все револьверные патроны я расстрелял в воздух.

Лошадь, испуганная внезапной атакой и странным обликом наших врагов, неистово заржала и заметалась. Вслед за ней побежало по меньшей мере двадцать кабанов. Они подпрыгивали, хрюкали, становились на задние лапы и впивались клыками в ноги Моро.

На свое счастье, я сумел удержаться в седле. Свались я на землю, кабаны в одно мгновение растерзали бы меня.

Спасти можно было только бегством.

Пришпорив лошадь и опустив поводья, я предоставил Моро выпутываться из беды.

Однако между густыми зарослями кабаны пробирались с такой же скоростью, как лошадь.

Сделав приблизительно сто шагов, я обернулся: стадо кабанов гналось за нами по пятам, на бегу кусая ноги моего коня.

Но тут я услышал человеческие голоса и увидел всадников, прокладывавших себе дорогу среди кустов.

К радости своей, я узнал Стенфильда, Квакенбосса и других рейнджеров.

Через минуту они были около меня и открыли револьверный огонь по кабанам. Вскоре половина явали была перебита, остальные обратились в бегство и с громким хрюканьем скрылись в чаще.

Среди спасителей моих не было ни Рубби, ни Гаррея.

Глава 67

ДЫМ

На мой вопрос рейнджеры ответили, что Рубби с Гарреем отправились по следам «белого мустанга».

Как обрадовала меня находчивость моих друзей! Они поступили именно так, как сделал бы я на их месте. Они не бросили меня на произвол судьбы и в то же время продолжают преследование «белого мустанга».

Товарищи мои немало потрудились, пока нашли меня. Час назад, расставшись с трапперами, они углубились в чапорраль. Следы мои были так запутаны, что им не раз приходилось спешиваться и, ползая на четвереньках, искать отпечатки копыт.

К счастью, они оказались предусмотрительнее своего капитана и запомнили дорогу.

Теперь мы с легкостью могли вернуться на опушку.

Это было самое благоразумное; только оттуда мы могли двинуться на соединение с Рубби и Гарреем. Проводником нашим был опытный охотник, лесной бродяга Стенфильд.

На обратном пути нам не пришлось искать моих запутанных следов. Уроженец Кентукки вывел нас почти прямой дорогой в прерию.

Выехав на опушку, мы, не делая привала, вторично углубились в чапорраль по следам Рубби и Гаррея.

Это было нетрудно. Заботливые трапперы оставили на своем пути вехи, «осветив», как выражаются охотники, дорогу.

Почти повсюду копыта трех лошадей явственно отпечатались на земле. Но кое-где, — на каменистой почве и даже на сухой траве, выжженной солнцем, — следы были едва заметны.

В таких местах нам указывала дорогу сломанная вет-

ка акации, рассеченный стреловидный стебель алоэ, покрытый цветами, или свежая зарубка на стволе сочного кактуса.

Знаки эти бросались в глаза, и мы спокойно ехали, не боясь заблудиться.

Мы проделали этот путь значительно быстрее трапперов, так как на каменистых и покрытых галькой участках им приходилось спешиваться, чтобы разыскивать следы «белого мустанга» и отмечать дорогу для нашего отряда.

Тревожно вглядывался я вдаль, с лихорадочным нетерпением ожидая встречи с трапперами.

Впрочем, бывали минуты, когда я готов был оттянуть свидание — так боялся я услышать дурные новости...

Мы покрыли уже около пяти миль, когда я почувствовал странное раздражение в глазах. Они слезились, и веки как будто припухли и зудели. Приписав это явление бессоннице, я не обратил на него особого внимания.

Вскоре спутники мои также начали жаловаться на таинственную боль в глазах. Вскоре мы догадались в чем дело: в воздухе потянуло дымом. Это дым разъедал глаза.

Жители прерий не могут не взволноваться, почуяв дым. Раз пахнет дымом, значит, поблизости что-то горит, а нет ничего опаснее пожара в безбрежных прериях запада.

Даже лесной пожар не так страшен. Можно, находясь недалеко от горящего леса, любоваться великолепным зрелищем, чувствуя себя в полной безопасности. Иначе обстоит дело со степным пожаром. От него некуда укрыться, потому что огонь распространяется с невероятной быстротой.

Некоторые виды прерий, правда, представляют туго воспламеняющийся материал. Очень редко, например, вспыхивает низкорослая и сочная бизоночная трава. В случае пожара низкотравной прерии люди, бизоны и антилопы убегают по тлеющему ковру.

Погибают в таких случаях только пресмыкающиеся.

Но почти невозможно ускользнуть от гибели, когда загораются высокие травы, доходящие лошади до загривка. Положение осложняется еще тем, что стебли опутаны бесчисленными усиками вьюнков.

В период засухи пожар несет за собой смерть для всех обитателей прерий.

По неуверенным движениям своих спутников я понял, что они напуганы. Однако непосредственная опасность нам пока что не угрожала.

Чем дальше мы ехали, тем больше тревожились рейнджеры.

Небо потемнело. Дым сгущался вокруг нас и все больше разъедал глаза.

— Лес горит! — воскликнул Стенфильд.

Стенфильд некогда был лесником, — вот почему все мысли его вращались вокруг леса.

Не знаю, горела степь или чапорраль, но пожар распространялся быстро.

Ветер в прерии на многие мили относит дым, но по некоторым признакам я заключил, что пожар бушует вблизи нас.

Хлопьями кружился в воздухе белесоватый пепел, а дым был едкий и густой.

Впрочем, не расстояние, отделяющее нас от пожара, а то, в каком направлении горит прерия.

Ветер дул нам прямо в лицо, и горячее дуновение его было отравлено дымом: значит, следы «белого мустанга» уводят к горящей прерии.

С каждой минутой дым сгущался. Прямо против нас на небе загоралось зарево. Мне казалось, будто я слышу свист бушующего пламени.

Воздух был сухой и раскаленный. Дыхание затруднено. Мы раскрывали рты, борясь с удушьем.

Стемнело, или, вернее, нас слепил дым. С огромным трудом различали мы следы.

Рейнджеры хотели остановиться, но я настаивал на дальнейшем продвижении. Поощряя их собственным примером, я поскакал во главе отряда, громко зовя Гаррея и Рубби.

— Ау! Ау! — послышалось в ответ.

Я услышал низкий голос младшего траппера.

Мы поспешили в ту сторону, откуда донесся голос Гаррея.

В центре небольшой прогалины мы различили сквозь дым силуэты верховых.

С какой тревогой вглядывался я в эту группу!

Но, к разочарованию своему, я убедился, что там находятся только двое всадников — Гаррей и Рубби.

Глава 68

ЖАЖДА

— А, мистер Рубби! — воскликнул канадец, подъезжая к трапперам.— Откуда этот проклятый дым? Неужели лесной пожар?

— Лесной? — повторил Рубби, окинув француза презрительным взглядом.— Где вы нашли здесь лес? Это горит прерия. Разве вы не чувствуете неприятный запах горелой травы?

— Не может быть!.. Неужели? Прерия? Вы не ошибаетесь, мистер Рубби?

— Не ошибаюсь ли я? — возмущенно перебил траппер.— Как я могу ошибаться! Что вы болтаете? Неужели вы думаете, что мне не знаком запах степного пожара!

— Простите, мистер Рубби,— смиренно пробормотал француз.— Я хотел только спросить, не горит ли чапорраль. Быть может, эти кусты...

Робкий вопрос канадца смягчил траппера.

— Нет, это горит прерия. Успокойтесь: вы здесь в полной безопасности.

Эти слова обрадовали не только канадца, но и всех ренджеров, но меня они мало утешили.

Я без того знал, что в чапоррале почти никогда не возникают пожары. Правда, некоторые сухие деревья вспыхивают как труты, но огонь не распространяется, потому что чапорраль на три четверти состоит из своеобразной, свойственной только ему сочной растительности. Именно такие растения окаймляли прогалину, избранную трапперами для привала. Она представляла собою лужайку, со всех сторон защищенную высокими кактусами. Здесь мы находились в полной безопасности, словно пожар свирепствовал за сто миль от нас. Мы страдали только от дыма, валившего теперь клубами. Атмосфера сгустилась, и было темно, почти как ночью.

Итак, за жизнь своих спутников и свою я не тревожился. Мысли мои были заняты другим.

Мало внимания обратил я на разговор Рубби с канадцем. Ко мне подошел Гаррей, и с замирающим сердцем слушал я его донесение.

Рассказ его был короток.

Рубби с Гарреем проследили путь белой лошади до опушки чапорраля и продолжали погоню в прерии. Прога-

лина наша находилась невдалеке от опушки. Уже в прерии трапперы увидели прямо перед собой огонь. Благодаря ветру пожар распространялся с ужасающей быстротой. Друзьям моим пришлось отступить, и они еле спаслись от надвигающейся опасности, вернувшись галопом в чапорраль.

А «белый мустанг»? Не видели ли его трапперы? Что знают они о беглеце?

Взглядом спрашивал я трапперов и по выражению их лиц угадал ответ.

Друзья мои хранили молчание. Оба они были печальны и озабочены... Я понял, что они ничего не знают о «белом мустанге».

Вынужденное бездействие меня раздражало, но двинуться дальше мы не могли. Издали доносился шум пожара и треск горящих стеблей, напоминающий ружейную стрельбу.

Время от времени мимо нас стрелой пробежал испуганный олень. Стадо антилоп промчалось по прогалине и остановилось невдалеке от нас. Дрожавшие дикарки растерялись, не знали, куда укрыться от огня. Вслед за ними появилась стая степных волков. Не обращая внимания на антилоп, они расположились в нескольких шагах от них. Затем пришли черный медведь и кугуар. Хищное зверье и кроткие антилопы держались почти бок о бок. Стихийное бедствие заглушило кровожадные инстинкты хищников.

В ветвях металась с пронзительным криком птицы; встревоженные орлы парили в вышние. Черные кондоры летали над пожарищем, но не спускались на землю за добычей.

Только человек остался верен самому себе.

Спутники мои проголодались. Они зарядили карабины. Грянули выстрелы... Меткие стрелки уложили медведя и одну антилопу.

Рейнджеры освежевали и разрубили обе туши. Разложили костер на прогалине. Вместо вертела использовали сиблю, и вскоре зарумянились медвежьи окорока и филейные части антилопы.

Когда жаркое было готово, рейнджеры отдали ему должное. Придя в хорошее настроение, они шутили и смеялись над своим «чадным очагом».

Я тоже был голоден и взял свою долю жаркого, не разделяя, конечно, общего веселья. Самая остроумная шутка не вызвала бы у меня улыбки, вряд ли оценил бы я в эту минуту даже самое изысканное жаркое.

Утолив голод, мы почувствовали жажду. Несколько часов подряд у нас не было во рту ни капли воды, но бешеная скачка заглушала все ощущения. Сейчас жажда обострилась под влиянием сухости воздуха, жары и дыма.

За весь день после переправы через речку мы не встретили ни одного ручья. В чапоррале не бывает проточной воды. В прерии трапперы тоже не нашли источника. Нас окружала настоящая безводная пустыня. Сознание, что нельзя утолить жажду, усугубляло наши страдания.

Некоторые из рейнджеров прикладывали к губам камешки и холодные пули, другие напились крови убитых животных. Но что действительно смягчало жажду,— это сочные стебли кактуса и агавы.

Облегчение было только временным. Растительный сок освежает воспаленные губы и язык, но почти всегда в нем заключается едкое и вяжущее вещество. Как только сок проникает в желудок, жажда становится еще более мучительной. Так было и с нами.

Кое-кто среди рейнджеров уже поговаривал о том, чтобы отказаться от погони и отправиться в поиски за водой; это было равносильно возвращению к реке, от которой мы отошли на двадцать миль.

В подобных обстоятельствах я не мог прибегнуть к своему авторитету: какая там дисциплина, когда люди изнемогают от жажды! К тому же погоня за «белым мустангом» была моим частным делом.

Впрочем, все эти пересуды не особенно тревожили меня. Я мог обойтись без помощи рейнджеров, поскольку трапперы не собирались покидать меня.

К счастью, в критическую минуту дым начал рассеиваться.

Вся трава выгорела. Пожар подходил к концу.

Снова вскочили мы на лошадей и, придерживаясь следов, отчетливых на протяжении нескольких сотен шагов, выехали из чапоррала в опустошенную огнем прерию.

ВЫЖЖЕННАЯ ПРЕРИЯ

Нет зрелища печальнее прерии после пожара.

Безбрежный океан, по которому катятся вспененные палы, сожженная солнцем вересковая луговина, болотистая равнина после внезапных заморозков — все это тягостит путника своим однообразием. А все же каждая волна имеет свой облик, вереск играет лиловатыми оттенками, и даже болото, покрытое кочками, иногда оживляется древесной растительностью!

Не такова выжженная пожаром прерия. Она бесформенна и бесцветна. Взгляд блуждает по безграничному пространству. Пейзаж, насыщенный далью, утомляет до головокружения. Даже голубой купол неба кажется мрачным в сочетании с черно-бурой землей. Глаз, отравленный степной печалью, уже не воспринимает сияния небосвода.

Зеленеющая прерия наводит скуку, несмотря на яркие свои цветы. Когда мне случалось пересекать подобные равнины, я тосковал по какому-нибудь холму или пригорку, который разделит бы линию горизонта. Так мечтает моряк о встречном корабле или берегу, не обращая внимания ни на фосфоресценцию воды, ни на причудливые группы водорослей.

Само по себе сочетание оттенков не может удовлетворить человека.

Цветущая прерия, на первый взгляд прекрасная, быстро надоедает путнику, потому что в ней нет ни жизни, ни движения.

Нетрудно себе представить, до чего однообразна и печальна прерия после пожара. Не подобрать даже слов для описания этого гнетущего пейзажа.

Огонь уже погас. Дым не клубился. Лишь кое-где подымался пар над землей. Но справа и слева, вплоть до горизонта, повсюду расстилалась однообразная черно-бурая пустыня, покрытая налетом серебристого пепла.

Все звуки стихли. Воцарилась жуткая тишина. Казалось, будто земля умерла, и на нее накинута огромный черный саван.

При других обстоятельствах я, наверное, остановился бы, чтоб поглядеть на эту безотрадную картину, хотя она давала мало пищи воображению. В сущности, в ней не

было ничего потрясающего, но даже великолепное и трагическое зрелище не отвлекло бы меня от моих мыслей.

Трапперы значительно опередили отряд. Их лошади подымали облако пыли.

Первое время они ехали напрямик, не разыскивая следов «белого мустанга»; они уже проделали эту часть пути до пожара и поэтому знали, какого нужно держаться направления.

Вскоре они остановились; свесившись на седлах, они разглядывали землю.

Я усомнился в том, что после пожара можно будет найти следы. Неглубокие отпечатки копыт, наверное, завалены грудой пепла и кучами горелой травы.

Оказалось, однако, что для опытного следопыта эта задача не представляет никаких трудностей.

После минутного колебания трапперы снова тронулись в путь.

Всматриваясь в землю, я замечал только легкие, еле приметные вмятины. Сам я никогда не догадался бы, что это отпечатки копыт.

Мы находились в самом сердце прерии. Пожаром было выжжено огромное пространство.

В одном месте, где следы были запутаны и неясны, нам пришлось сделать короткий привал, чтобы трапперы не торопясь наметили дальнейший путь «белого мустанга».

Движимый любопытством, я окинул взглядом окрестность. Мрачное зрелище представилось мне. Исчезла из виду даже колючая растительность чапорраля. Со всех сторон расстилалась обугленная прерия, черная и дикая, которой, казалось, не было конца.

Взгляд мой покоился на безбрежной пустыне. Я впал в какое-то странное оцепенение. Что это, сон или смерть? Неужели все кончено — и любовь, и страдание?

Голоса спутников вернули меня к действительности. Следы были найдены, и ренджеры уже двинулись в путь.

Глава 70

РАЗГОВОР ТРАППЕРОВ

Пришпорив коня, я догнал моих спутников. Не обращая внимания на черную пыль, которую поднимали и

кони, я поехал вслед за трапперами, прислушиваясь к их разговору.

«Вольные горцы», как они себя с гордостью именовали, были большими чудаками.

Надо сказать, что они не раскрывали своих замыслов даже мне. Еще более высокомерно держались они с остальными рейнджерами, которых считали «желторотыми итенцами и молокососами». Этой кличкой они величали всех, кто не странствовал по великой прерии.

Стенфильд с Блэком были профессиональными лесничими и охотниками, Квакенбосс — первоклассным стрелком, Леблан — путешественником, немало перевидавшим на своем веку, и все остальные рейнджеры — мужественными и бывалыми людьми.

Но трапперы обращались с ними, как со школьниками. Чтобы заслужить их уважение, нужно было умирать с голоду в саваннах, охотиться за бизонами на Йеллоу-ривер или Лаплате, — двух реках, протекающих в пустыне, сражаться с индейцами, отморозить уши во время зимовья на порогах Зеленой реки или увязнуть в снегах на Скалистых горах. Только исполнив все или, по крайней мере, часть этих подвигов, молокосос, по мнению Рубби, превращался в «вольного горца».

Как это ни странно, но из всего отряда я был единственным, кого Рубби с Гарреем не считали «желторотым итенцом». Изредка они даже посвящали меня в тайны своего ремесла, хотя и я был лишь новичком и дилетантом.

С своей стороны, я преклонялся перед авторитетом трапперов и, поскольку мы находились в прериях, не пытался даже оспаривать их первенство. Как мог я использовать здесь свое классическое образование, красивую военную форму и уметь поддержать изящный разговор? Без трапперов я, конечно, погиб бы.

Подъехав к трапперам, я не стал их расспрашивать, боясь услышать неутешительный ответ. Дело в том, что оба они были озабочены и печальны.

Я держался рядом с ними, боясь пропустить хоть слово из их разговора. Когда я догнал их, Рубби говорил Гаррею:

— Нет, Билли, не думаю... Это невозможно... Прерию подожгли... Не могла же она вспыхнуть сама собой!

— Конечно, нет! Я вполне согласен с тобой, старина!

— Некогда в Арканзасе я знал одного человека. То

был большой чудак. Вечно он бродил по прерии, собирая травы, которые засушивал и перекладывал белыми листьями бумаги. Он называл сухую траву гербарием, точь-в-точь как голландский ученый, которого мы встретили однажды летом по ту сторону Рио-Гранде...

— Да, да, припоминаю...

— Он был болтлив, как сорока, и по целым дням твердил про... Как он это называл? Ах, да, про тепловые лучи.

— Верно, я помню его рассказы.

— Но не в этом дело. Мой ботаник утверждал, будто прерия может вспыхнуть без всякой видимой причины. А я ему не верил. Само собой разумеется, что во время грозы возникают иногда степные пожары. Этого никто и не оспаривает: ведь молния — тот же огонь. Поднеси такое огниво к сухой траве, и она вспыхнет как пунш в бокале. Но я спрашиваю, каким образом возникает пожар, если отсутствует первоначальная искра? Вот в чем вопрос! Что ты скажешь, Билли?

— Сам не понимаю, — глубокомысленно пробормотал Гаррей.

— Нет, нет! Никогда еще не загоралась саванна, если в траву не попадала искра из костра, если ее не выжигали индейцы или во время грозы в нее не ударяла молния.

— Ты считаешь, Рубби, что прерию подожгли краснокожие?

— Наверное не знаю... Сейчас я изложу тебе свои соображения. Грозы, как тебе известно, сегодня утром не было... Мы далеко уклонились на запад. Здесь нет поселков белых, — я говорю, разумеется, про техасцев. На западе живут только мексиканцы, но я их белыми не считаю. Но к делу! Думаю, что здесь нет и мексиканцев. Слишком далеко мы зашли на север. В это время года они не посмеют показать сюда носа, так как у команчей сейчас «мексиканская луна». К тому же мексиканцам известно, что команчи воюют с липанами. Итак, из всего сказанного следует, что мексиканцы не могли поджечь прерию. Остается выбор между краснокожими и этой чертовой басней про тепловые лучи.

— Да, ничего другого быть не могло.

— Отлично! В пожар, возникающий сам собой, я не верю. Очевидно, во всем виноваты индейцы. Убежден, что это они подожгли прерию...

— Правильно! — поддержал Гаррей.

— Раз так,— продолжал Рубби,— краснокожие должны быть неподалеку. Мы можем в любую минуту натолкнуться на них, а они, как известно, большие любители скальпов. Надо поберечь свои прически... Вот и все, что я хотел тебе сказать, Гаррей!

— Надо быть осторожней! — отозвался Гаррей, который всегда соглашался с Рубби.

— Надо тебе сказать, Билли,— продолжал Рубби,— что в последнее время в индейцев вселился дьявол... Никогда они не были так свирепы... Наша война с мексиканцами всколыхнула их ряды, а теперь они затаили злобу против янки. Главнокомандующий оскорбил индейцев, отказавшись от их союза в борьбе с мексиканцами... Если мы встретим в прерии команчей или липанов, мы перебьем их всех до одного или будем скальпированы... Вот что нам предстоит, мой друг!..

— А какого черта они спалили прерию? — спросил Билли Гаррей.

— Я долго ломал голову над этим вопросом,— усмехнулся Рубби.— Сначала я приписывал пожар несчастному случаю: могла же попасть в траву искра из бивуачного костра... Ведь краснокожие небрежно обращаются с огнем... Но, поразмыслив, я пришел к другому выводу... Помнишь, что рассказывали, вернувшись из ранчереи, голландец с французом? Их слова проливают свет на это дело...

История, на которую ссылался Рубби, была мне известна.

Квакенбосс с Лебланом слыхали в ранчереи смутные толки о нападении индейцев на мексиканский городок, расположенный невдалеке от нашей бывшей стоянки. Дело произошло, по слухам, в день нашего отъезда. Краснокожие — команчи или липаны — разгромили городок, захватили богатую добычу и множество пленных. Главные силы индейцев прошли невдалеке от покинутой нами ранчереи. Между прочим, отряд индейских воинов заглянул в гацьеру и довел до конца грабеж, начатый партизанами...

Больше ничего нашим посланцам узнать не удалось.

— Ты намекаешь на индейский набег? — осведомился Гаррей.

— Конечно! — отозвался Рубби.— Вполне вероятно,

что набедокурили те самые бездельники, которые получили от нас хорошую взбучку три недели назад в схватке у подножья мезы. Они, конечно, не вернулись в горы, как мы предполагали. Никогда не осмелились бы они показаться дома после позорного поражения, без лошадей и скальпов. Воинственные скво выгнали бы их с улюлюканьем из родных вигвамов...

— Пожалуй, ты прав...

— Не так ли? Вот еще что я скажу тебе, Билли... После схватки эти джентльмены спрятались в прерии. Дождавшись удобного момента, они напали на мексиканский городок, застав беспечных жителей его врасплох.

— Все это очень правдоподобно, Рубби!.. Одного я не понимаю: зачем они выжгли прерию?

— Неужели до сих пор не сообразил? Это ясно как день...

— Нет,— покачал головой Гаррей,— ничего не понимаю...

— Слушай же: у индейцев и сейчас болят бока, которые мы им намяли в схватке под холмом... Они не забыли урока, полученного под мезой. Силы их, должно быть, невелики. Думая, что мы по-прежнему стоим в ранчери, они боятся, как бы, узнав о разгроме гацienды, мы не бросились за ними в погоню...

— Значит, они подожгли прерию, чтобы предотвратить возможную погоню?

— Ты попал в точку!

— Ничего не могу возразить тебе, Рубби! По-моему, ты прав. Но куда побежал «белый мустанг»?.. Он как будто не был застигнут пожаром.

Я склонился в седле, с дрожью в сердце ожидая ответа. С облегчением я выслушал старого траппера:

— Нет, «белый мустанг» не спалил ни одного волоска. Следы ведут почти по прямой линии. Если б пожар начался прежде, чем мустанг выбрался из прерии, он успел бы вернуться в чапорраль. Этого он не сделал. Все говорит за то, что он счастливо избежал опасности: поджог был произведен лишь после того, как конь прошел по этим местам.

Эти слова подбодрили меня, вернув мне надежду, что конь со своей живой ношей невредим. Тревога улеглась, и с легким сердцем я продолжил путь.

Глава 71

КТО ПОДЖЕГ ПРЕРИЮ

После короткой паузы разговор трапперов возобновился; я слушал с прежним интересом.

Не случайно держался я в стороне.

Третье лицо могло стеснить трапперов, а я хотел проинкнуть в их намерения. Оставаясь незамеченным, я слышал каждое слово. Трапперы не оборачивались, чтобы не глотнуть пыли, поднимаемой нашими лошадьми. Плотный покров пепла глушил стук копыт, и кони, казалось, скользили по серебристому ковру.

— Вот так дела! — воскликнул Гаррей. — Прерия была подожжена индейцами; огонь распространялся по ветру. Ветер сейчас дует нам в лицо; направление мы выбрали неудачно, Рубби!

— Да, друг мой Билли!

— После поджога прошло немного времени, значит, краснокожие еще недалеко! Готов отречься от белой расы, если, придерживаясь этих следов, мы не столкнемся в конце концов с индейцами...

— Да, да, — процедил сквозь зубы старый траппер, — если ваш черномазый приятель не ошибается, мы врежемся в лагерь краснокожих...

Услыхав такое зловещее предсказание, я вздрогнул и переспросил Рубби.

Старый траппер неопределенно промычал.

— Умоляю, скажите, — настаивал я, — впереди индейцы, а «белый мустанг» у них в лагере?

— Не знаю, где мустанг, и не ручаюсь, что перед нами индейцы, хотя похоже на это. Как иначе объяснить возникновение пожара? Мы с Билли ничего другого не можем придумать... Сомневаюсь также, чтобы конь сам прискакал к индейцам. Скорее всего его пригнали в лагерь...

— Значит, он был захвачен краснокожими?

— Пожалуй...

— На чем основано ваше предположение?

— Просто мне так кажется.

— Умоляю вас, Рубби, объяснитесь! — проговорил я, взглянув в глаза трапперу.

Я боялся, что траппер уклонится от прямого ответа. Но старик, к счастью, снизошел к моей мольбе.

— Видите ли, мой юный друг, «белый мустанг» прошел здесь за несколько минут до пожара. Поджигатели, кто бы они ни были: краснокожие или белые,— должно быть, заметили его. А кто же, увидав взмыленного коня и девушку, привязанную к его спине, не бросится в погоню? Индейцы, безусловно, погнались за мустангом. В ловле коней они большие мастаки и, наверное, накинули лассо на нашего красавца. Бьюсь об заклад, что дело происходило именно так.

— Значит, они завладели мустангом?

— Конечно! Ведь конь изнемогал от усталости, если только в него не вселился дьявол. Мне кажется... Проклятье!.. Вот подтверждение моим словам! Взгляните сюда!

— Что это? — спросил я, увидав, что мой собеседник внезапно остановился и указывает на землю.— Что это, Рубби? Что тут особенного?

— Вы не видите отпечатков копыт? Присмотритесь! Вся земля устлана ими, словно здесь прошло стадо баранов. Сотни следов!

Действительно, я заметил легкие углубления в почве, почти засыпанные пеплом. Никогда не догадался бы я, что это следы копыт.

— Так и есть! — пробормотал Рубби.— Это индейские лошади. Догадка моя верна.

— Откуда вы знаете Рубби, что это не дикий табун? — спросил один из рейнджеров, только что подскавший к нам.

— Вы — не солдат, а дикий осел! — краснея от возмущения, воскликнул траппер.— Видали ли вы когда-нибудь дикого мустанга? А может, вы думаете, что я слеп как крот? Стой смирно, старая попрыгунья! — крикнул Рубби своей кляче и соскочил на землю.— Ты больше смыслишь, чем этот долговязый бездельник. Ты раздуваешь ноздри, почуяв лошадей. Подожди минутку, старуха, пока я не докажу молокососам, что горцы умеют разбираться в следах. Дикие мустанги! Нечего сказать: умный народ!

Произнеся эту тираду, траппер стал на четвереньки, нагнулся над самой землей и со всей силы подул на пушистый легкий пепел.

Тем временем подоспели остальные всадники и, окружив нас, с любопытством наблюдали за Рубби.

Старый траппер очистил от пепла одно из углубле-

ний, действительно оказавшееся отпечатком лошадиного копыта.

— Что скажете, приятель? — с торжеством обратился он к рейнджеру, неосторожно вступившему с ним в спор. Вот след копыта, да еще с подковой! Встречали вы когда-нибудь подковы на диких лошадях, мулах или ослах? Если да, то вы знаете больше Рубби Раулингса, несмотря на то, что он сорок лет провел в прериях.

Возражать было нечего. Рейнджеры молча спешили, чтобы лучше разглядеть следы.

Действительно, к копыту была прибита подкова, вернее, кусок дубленой буйволочной кожи, заменяющей подкову.

Такой способ подковывать лошадей распространен только среди индейцев, населяющих прерию.

Вывод напрашивался сам собой: до нас здесь прошли индейцы.

Глава 72

ОТКРЫТИЕ РУББИ

Мы сделали привал и устроили совещание, к участию в котором призвали всех рейнджеров. Но, по обыкновению, мы только слушали рассуждения обоих трапперов, и особенно Рубби.

Старый траппер все еще сердился и сначала отказывался разговаривать. Он всегда приходил в бешенство, если кто-нибудь противоречил ему или выказывал недоверие к его словам. По-своему он был прав: мы действительно были молокососами по сравнению с ним. Конечно, и Рубби иногда ошибался, но раз чутье обманывало даже его, значит, любой следопыт был бы введен в заблуждение. В данном случае рейнджер, легкомысленно переспросивший его, был одним из самых юных в отряде, что усугубляло, по мнению Рубби, его вину.

— Да, вы еще щенок! — ворчал Рубби, бросая сердитые взгляды на спорщика. — Какой-то мальчишка смеет со мной спорить! Лучше бы вам проглотить язык, чем вмешиваться в разговоры старших!

Бедняга-рейнджер ничего не ответил на суровую отповедь, и гнев траппера понемногу смягчился. Окончательно успокоившись, старик перешел к делу.

Теперь уж не оставалось сомнений, что невдалеке расположились индейцы.

Мексиканцы никогда не прибывают к копытам своих лошадей кожу, а подковывают их железом.

О диких мустангах говорить не приходится, а техаскую и американскую лошадь легко отличить как по обыкновенным подковам, так и по сильно развитым копытам.

Лошади, прошедшие здесь, были не дикие, не техаские и не мексиканские. Значит, они принадлежали какому-нибудь индейскому племени.

Хотя осмотр первого отпечатка дал вполне определенный результат, мы решили проверить его на других следах.

Присутствие краснокожих грозило серьезными осложнениями. Не праздное любопытство руководило моими спутниками, когда они с напряженным вниманием изучали следы.

Очистив от пепла множество отпечатков, мы рассмотрели их, а Рубби с Гарреем сделали целый ряд новых открытий.

Кто бы ни были таинственные всадники, они проскакали здесь галопом и долго кружили на сравнительно небольшом участке.

Было их человек двадцать.

Трапперы потратили около десяти минут на изучение следов, разбросанных по прерии.

Чтобы не мешать нашим руководителям, мы остались на месте.

Наконец трапперы вернулись. Одно из сообщений их было важнее всех других.

Нам было известно, что индейцы находились в прерии незадолго до пожара. Трапперы с легкостью установили, что они проехали здесь в этот же самый день, после рассвета. Но как определить час?

К моему удивлению, Рубби выяснил не только час, и котором здесь проходил «белый мустанг», но и то, что индейские всадники гнались именно за ним.

На этот раз старый траппер оказался словоохотливее, чем обычно. Индейцы расположились по соседству. Требуется срочно принять меры предосторожности. При подобных обстоятельствах нельзя пренебрегать советами и содействием даже самых робких молокососов. Наш от-

ряд настолько немногочисленный, что каждый человек должен быть на учете.

Вот почему трапперы откровенно поделились с рейнджерами своими открытиями.

Мы обступили Рубби и Гаррея.

— «Белый мустанг»,— сказал Рубби,— прошел здесь четыре приблизительно часа назад: я учитываю длину пути и скорость его бега. Он нигде не останавливался после чапорраля. Остальную часть пути он пробежал галопом. Вычислить время, занятое пробегом, как видите, нетрудно. После того, как мы выехали из чапорраля, тоже прошло около четырех часов. Немногим меньше, немногим больше,— это значения не имеет. Индейцы появились в прерии в одно время с белым мустангом, заметили его и поскакали за ним. Больше ничего узнать не удалось, но мы с Билли ручаемся, что индейцы охотились именно за нашим мустангом.

— Откуда у вас такая уверенность?

— По следам, недогадливый вы юнец! Разве мы не ползали по земле?

— Какие признаки указывают на ловлю «белого мустанга?»

— Очень просто. «Белый мустанг» прошел здесь несколько раньше индейских коней.

Не теряя времени, мы отправили трапперов вперед, а сами двинулись вслед за ними.

Проехав около мили, мы увидели, что следы, до сих пор шедшие порознь, смешались. Индейцы не вытянулись, по своему обычаю, в цепь, а поскакали сплоченными рядами.

Еще через сотню шагов разведчики наши спешили и, опустившись на колени, приступили к осмотру следов.

Мы остановились на почтительном расстоянии от трапперов, чтобы не мешать им.

Первым делом Рубби с Гарреем смели пепел с одного ряда отпечатков.

Затем они двинулись дальше, продолжая счищать пепел, пока следы не обнажились на протяжении десятка шагов. Как разобраться в этом хаосе? Следы переплетались, одни отпечатались поверх других, и контуры их почти стерлись.

Рубби вернулся к первому ряду, затем медленно, на четвереньках, пополз вперед, устремив глаза на землю и порознь рассматривая каждый отпечаток,

Не добравшись еще до Гаррея, который счищал пепел, Рубби выпрямился и закричал товарищу:

— Эй, Билли! Прекрати работу! Они накинули на мустанга свое проклятое лассо.

Глава 73

ЛАССО

Я был вполне подготовлен к удару, так как был посвящен в искусство, в котором мои друзья трапперы были непревзойденными мастерами.

Подобно трапперам, я увидел, что все следы внезапно сошлись в одной точке, а затем индейские всадники поехали шагом, держась друг подле друга.

Все это, конечно, не ускользнуло от внимания старого траппера. На этих наблюдениях он основывался, утверждая, что индейцы накинули лассо на «белого мустанга».

— Безусловно, они поймали мустанга,— сказал Рубби.— Вот его следы. Окружив его со всех сторон, индейцы накинули лассо. Конь попал почти в центр оцепления. Часть всадников обогнала его, другие скакали позади. Вот здесь они опередили «белого мустанга»,— продолжал Рубби, указывая на следы.— Их было двадцать человек, а может, и больше. Если я не ошибаюсь в расчетах, это не все индейские силы. Только небольшая часть отделилась для ловли мустанга. Ставлю в заклад свой карабин против скверного мексиканского штуцера, что где-то вблизи стоят краснокожие. «Белый мустанг» со своей живой ношей попал в плен к индейцам.

Это событие вызвало во мне самые противоречивые чувства.

Сначала я обрадовался. Ведь сердцам индейцев доступна жалость. Правда, пленник принадлежит к вражеской белой расе, но она — женщина, и они не станут жестоко обращаться с ней. Напротив, жалкое ее состояние пробудит в них симпатию и сочувствие. Ведь как-никак Изолина — жертва гнусной мести их собственных врагов — мексиканцев. Сняв пленницу с седла, они снабдят ее всем необходимым, залечат ее раны, окружат бережным уходом.

Таков первоначальный ход моих мыслей, но радость вскоре рассеялась. Дальнейшие размышления повергли

меня в глубокую скорбь. Я вспомнил о том, к кому пошла Изолина. Если то была банда, разгромившая пограничный мексиканский город,— она принадлежала к южным племенам команчей или липанов. Правда, маваны, делавросы, а также кикапу и тexasские черокезы доходят в своих кочевьях до берегов Рио-Гранде. Но по образу действий они резко отличаются от своих южных родичей. И давня ведя торговлю с белыми, северные племена цивилизовались, и родовая ненависть к бледнолицым исчезла. Не в их обычаях грабеж и убийство. Быть может, и мексиканский город вторглось племя «Дикая кошка» или семиналь, расселившиеся на границе Техаса? Нет, что скорее похоже на апачей. Но не все ли равно,— команчи или апачи? Во всяком случае, индейцы, на следы которых мы напали, принадлежали к племени апачей, команчей, липанов или дружественных им нейгуасов, воков или рикт-паунсов. Кто бы они ни были, я имел все основания тревожиться! Как не похожи характером и обычаями южные индейцы на своих северных собратьев! Как далеко им до идеального типа индейца — мудрого и спокойного, воспетого поэтами и описанного романистами! За свою жизнь я наслушался рассказов о жестокости владык южных прерий.

Спеша на выручку Изолине, мы подгоняли лошадей.

Была еще одна причина, толкавшая нас вперед: нас мучила жажда и, надеясь найти источник, мы понукали измученных коней.

В конце концов мы выехали к лесу. Зеленая листва показалась нам еще свежее и прекраснее по сравнению с выжженной черной прерией. То была роща хлопчатников, тянувшаяся вдоль реки и пощажженная пожаром. И люди, и лошади обрадовались проточной чистой воде. Коня весело заржали, заглушая громкие крики всадников.

Карьером подскакали рейнджеры к берегу, спешили, скинули одежду и, не боясь утонуть, по самую грудь вошли в воду. Одни пили пригоршнями, другие в нетерпении жадными ртами припадали к воде, как лошади.

Трапперы действовали с большей осторожностью, чем рейнджеры. Прежде чем подойти к реке, они оглядели оба берега и кинули взгляд на лес.

Невдалеке от места, где мы сделали привал, я заметил нечто вроде просеки в лесу. На земле отпечатались

бчисленные следы. Рубби тоже увидел их, и глаза его вспыхнули необычайным блеском.

— А ведь я был прав! — сказал он после беглого осмотра. — Вот следы индейцев. Это «тропа войны»!

Глава 74

ИНДЕЙЦЫ

В течение пятидесяти лет... Что я говорю! — в течение трех столетий, то есть с самого покорения Мексики Эрнаном Кортесом, — северная ее граница постоянно подвергалась набегам. Ацтеки*, создавшие свою культуру, и другие оседлые индейцы почти без борьбы покорились испанцам. Не так обстояло дело с дикими племенами — свободолюбивыми охотниками великих прерий. В безграничных степях, раскинувшихся на равнинах Северной Америки, обитают индейские племена, вернее, народы, которые никогда не попадали под иго чужеземцев и признавали авторитет только собственных своих вождей. Даже во время своего расцвета Испания не могла покорить «индиос бравос» на своих границах. Они сохранили свою дикую волю. Я говорю не о сильных народах северной прерии — сиуксах, чайнах, «черных ногах», «воронах» и арапао. Испанские завоеватели никогда не приходили с ними в соприкосновение. Слова мои относятся исключительно к племенам, чьи набеги постоянно тревожили Мексику. Это команчи, липаны, уахи, апачи и инавахи.

Ни в одной испанской летописи не упоминается о хотя бы временном порабощении одного из этих народов.

Ни оружием, ни проповедью Евангелия покорить их не удалось. Индейцы прерии не попали под власть белых и вполне сохраняли свою независимость, словно каравеллы** Колумба никогда не входили в Карибское море.

Защищая свою свободу от покушений белых в течение трех веков, они не знали покоя. Все триста лет прошли в непрерывных войнах. Между краснокожими кочевниками и белыми потомками древних иберов ни на ми-

* *Ацтеки* — одно из древнемексиканских племен; ко времени завоевания Мексики испанцами занимали господствующее положение.

** *Каравелла* — легкое, круглое трехмачтовое морское судно XV—XVI веков.

пути не воцарялся мир. На границах Мексики со времен Эрнана Кортеса до сегодняшнего дня идет неустанная борьба.

На северной границе кочуют дикие индейцы. А на юге их поработанные вырождающиеся братья — мирные индейцы — живут не в походных шатрах, а в городах победителей — испанцев. Одни свободны, как степной ветер, другие подчинены белым и влачат цепи, не менее тяжкие, чем у рабов.

Между двумя враждебными народами — мексиканцами и вольными индейцами — простирается нейтральная полоса. С одной стороны она защищена фортами с сильными гарнизонами — «presidios», с другой ее охраняет от вторжения неприятеля безводная и дикая пустыня.

С недавних пор наблюдается резкая перемена в отношениях индейцев и испанских колонистов: краснокожие вторглись во владения «бледнолицых». Гигантскими шагами завоевывают они мексиканские земли, отбирая сразу целые провинции.

После крушения испанского владычества в Мексике белые потеряли свое первенство над индейцами. После отделения Мексики гарнизоны были выведены из фортов, и северная граница обнажилась. В результате нейтральной полоса исчезла. Все северные провинции — Сонора, Чигуагуа, Синалоа и Леон — представляют собою пустыню, опустошенную индейцами. Больше того, краснокожие смельчаки продвигаются на юг, тревожа своими набегами центральные штаты, и заглядывают даже в порты, например, в Дуранго.

Около трех тысяч белых находятся сейчас в плену индейцев на севере Мексики. Почти все пленники — испанцы. Главным образом это — женщины, которые живут в качестве жен-рабынь со своими поработителями.

Нередко попадают и мужчины, похищенные в ранней юности и возмужавшие среди индейцев. Самое замечательное, что большинство пленников — мужчин и женщин — не обнаруживают ни малейшего желания вернуться к прежней жизни. За многих внесен выкуп, но они добровольно остаются у индейцев.

На границе нередко приходится наблюдать душераздирающие сцены. Отцы, нашедшие своих сыновей у индейцев, напрасно зывают к их сыновним чувствам и умоляют вернуться домой. В несколько лет, а иногда и месяцев пленники, забыв обо всем, что связывало их с

родиной или семьей, привыкают к новому образу жизни. Недавно еще я был свидетелем подобного перерождения.

Раненый индеец, взятый в плен после битвы у мези, оказался мексиканцем. Несколько лет назад он был похищен команчами из одного поселка на Рио-Гранде. Мы вернули ему свободу в полной уверенности, что он воспользуется счастливым случаем и вернется к родителям. Однако он обманул наши ожидания. В ту же ночь он бежал в прерию, украв прекрасного коня у одного из рейнджеров.

Так обстоят дела в Мексике на Рио-Браво.

Из индейских владений в Мексику ведет множество троп, имеющих сотни миль в длину. В некоторых случаях они проторены по течению рек, в других пересекают огромные безводные пространства. Пути эти отмечены множеством следов мулов, лошадей и пленников. Здесь часто находят побелевшие костяки людей и животных, погибших во время перехода. Странные и жуткие дороги!

Этими тропами пользуются команчи и качуа во время «мексиканской луны».

Один из таких путей обнаружил старый траппер, когда в глубоком волнении воскликнул:

— «Тропа войны»!!

Глава 75

«ТРОПА ВОЙНЫ»

Наскоро утолив жажду, я верхом переправился через ручей, чтобы тщательно обследовать противоположный берег.

Трапперы сопровождали меня: перед лицом опасности они никогда не прятались.

Оба они искренно ко мне привязались. Я на опыте убедился, что ради меня они готовы поставить на карту свою собственную жизнь.

Лично я от всего сердца полюбил мужественного и сильного Гаррея. Он был прекрасен в подлинном смысле этого слова и отличался на редкость благородным характером. Гаррей в свою очередь считал меня настоящим другом.

Определить наши отношения со старым траппером значительно труднее. Он вызывал во мне восторг, и я преклонялся перед его умом и проникательностью, но в целом его нравственный облик не внушал мне большой симпатии.

Правильнее говорить не об умственных способностях Рубби, а об его поразительном чутье, ибо руководил его действиями голый инстинкт.

Я знал, что Рубби не только уважает меня, но дружелюбно ко мне расположен. Подобно Гаррею, в любом положении он пришел бы ко мне на помощь. Но всякое открытое проявление чувства он презирал, считая его непростительной слабостью. Больше всего, пожалуй, Рубби ценил во мне то, что я никогда не спорил с ним и не пытался соперничать в знании прерий. Я был учеником, полагавшимся на суждение учителя.

Помимо дружбы, еще одна пружина побуждала трапперов к действию: горячее увлечение теми обязанностями, которые они выполняли в нашей экспедиции. Как гошчие, они любили самый процесс выслеживания. Добровольно прекратить погоню они способны были лишь умирая от голода, жажды и усталости.

Подобно мне, они поспешно напились воды и переправились на другой берег. Здесь все втроем мы внимательно изучили следы.

Настоящая «тропа войны»! Индейцы не волокли за собой шестов от палаток, за ними не бежали собаки. Нетрудно отличить «тропу войны» от мирного кочевья. Во втором случае мы обнаружили бы следы индейских женщин.

Жены команчей, так называемые скво, пешком пересекают прерии, перетаскивая на себе тяжести как выючные животные.

Индеанки остались дома, но вдоль берега быстрой речки прошли другие женщины. Никогда не спутаешь легкие отпечатки маленьких узких ног со следами полудиких скво. Мы не отметили резкого расширения от пятки к ступне, а кость большого пальца почти не выдавалась. К тому же среди женщин ни одна не была обута в мокасины. Нежные следы принадлежали мексиканкам, которые, по праву, гордятся самыми маленькими ногами в мире.

— Это пленницы! — соболезнующе вздохнул Рубби. Краснокожие заставили их идти пешком, хотя у них

было множество свободных лошадей. По-моему, захвачено не меньше двух десятков пленниц. Жалко мне этих чернокудрых красоток! Нечего сказать, в хорошем обществе будут они коротать свой век! Приятная жизнь им предстоит, черт возьми!

Рубби не сознавал, как жестоко ранят мою душу его неосторожные слова...

Больше сотни лошадей и столько же мулов оставили здесь свои следы. Многие были подкованы, но мы не сомневались, что именно индейцы гонят этот многоголовый табун: животные составляли часть военной добычи команчей.

На основании этих данных спутники мои сделали ряд заключений, до которых я самостоятельно никогда бы не додумался.

Прежде всего индейцы возвращались после похода домой. Они не налегке, а нагруженные военной добычей, и гнали перед собой захваченных лошадей, мулов и женщин. Среди пленников были также дети: мы нашли отпечатки крохотных ребячьих ног.

До этого я дошел и своим умом, но спутники мои увидели значительно больше. Только сейчас окончательно выяснилось, что индейские воины принадлежат к племени команчей.

Трапперы подняли оброненный мокасина и по узору на тисненной коже определили, к какому племени принадлежал его хозяин.

Следы были еще свежие. Несмотря на сухость воздуха, топь на берегу речки еще не затянулась. Индейцы двинулись в обратный путь непосредственно после начала пожара.

Всадники, чьих следов мы держались в прерии, представляли лишь небольшой отряд, отделившийся для ловли «белого мустанга». Лишь после переправы соединились они с основным ядром индейского войска, сторожившего гурт пленниц и табун лошадей.

Все это было вполне очевидно, но такие важные вещи нельзя принимать на веру. Вот почему мы решили разыскать след коня с обломанной подковкой.

Однако на вязком берегу ручья мы ничего не находили.

Быть может, один из индейцев вел его под уздцы впереди, и отпечатки его копыт затоптаны табунами мулов и лошадей?

Тем временем к нам присоединился Стенфильд. Переправившись через ручей, он внезапно остановился и указал нам на отпечаток подков.

— Черт возьми! — закричал он. — Моя лошадь!

— Как ваша лошадь?

— Я никогда не вернусь в Кентукки, если это не моя кобыла!

— Что вы говорите? Вы уверены, что это ваша лошадь?

— Конечно, уверен. Я сам ее подковывал и узнал бы ее следы даже во сне. Каждый гвоздь держал я в руках. Это моя кобыла!

Рубби выразительно прищелкнул языком.

— Это открытие проливает свет на всю историю. И так и думал! Проклятый отщепенец! — прибавил он, нахмурив брови. — Я знал, что его нельзя отпускать. Жалко, что мы не сняли с него скальп и не перерезали ему глотку.

Мы поняли, о ком говорит траппер. Рубби настаивал на казни мнимого индейца, захваченного у мезы, но самые мягкосердечные среди рейнджеров заступились за пленника. Сейчас Рубби сообщил нам все, что слышал о странном мексиканце.

— Это настоящий предатель, — сказал он, — во всей прерии вы не найдете такого безжалостного врага белой расы, в частности, — техасцев. Он участвовал в убийстве семьи Вильсона, жившей в поселке на Рио-Бразос, а перед резней отличился в схватке. Это еще не все. Он похитил дочь несчастного Вильсона и взял ее себе в скво. Негодяй опаснее любого индейца, потому что он знает, с кем воюет. Это безумие, что вы отпустили предателя. Ваше счастье, Стенфильд, что в придачу к кобыле он не похитил вашего скальпа.

Как я уже говорил, пленник похитил лошадь Стенфильда. Сейчас мы обнаружили ее следы.

Теперь все стало ясно. Перед нами прошли воины, встреченные нами у мезы, но индейцы, очевидно, успели получить подкрепление. Именно они разгромили мексиканский городок и гацпенду. А предатель...

Я вспомнил странную подробность. После того, как мы отпустили пленника под честное слово, я встретил его, возвращаясь с Изолиной с верховой прогулки. Он сидел на дороге, и меня поразило, с какой ненавистью он взглянул на мою спутницу. В раздражении я обругал его и

предупредил, чтобы впредь он не попадался мне на глаза. Вновь вскочил я в седло и, отдав распоряжение ренджерам, поскакал по «тропе войны».

Глава 76

ЛИСТ АГАВЫ

Теперь мы уже не нуждались в проводниках: идти по «тропе войны» было не труднее, чем по шоссе.

Быстрота передвижения зависела от наших лошадей, но бедные животные изнемогали от усталости. Один за другим всадники отставали, и последнюю часть пути лошади шли шагом на расстоянии сотни ярдов одна от другой.

Понукать их было бесполезно. Всадники, тоже утомленные, все же стремились вперед, но ни хлыстом, ни шпорами нельзя было подбодрить лошадей.

Мой несравненный Моро, единственный во всем отряде, еще сохранял силы, но отдаляться от спутников и скакать вперед было бессмысленно.

Надвигался вечер. Уже смеркалось. Небо было обложено тучами, и предстояла безлунная ночь.

Пришлось остановиться. Не без вздоха соскочил я с седла, пустил Моро пастись на лугу, а сам сел на траву.

Один за другим подъезжали рейнджеры и, не говоря ни слова, спешивались, привязывали лошадей и подсаживались ко мне. Усталость взяла свое: через четверть часа все спали, прикорнув на земле.

Я один не мог заснуть. Меня томила бессонница. Мрачные мысли не давали мне покоя, и сон не приходил, хотя я бодрствовал уже не первые сутки. Убежден, что в эту ночь на меня не подействовало бы ни одно снотворное средство. Словно пьяница в белой горячке, я не находил себе места.

Долго бродил я по лужайке, натываясь на спящих ренджеров и пробираясь мимо коней. В нескольких шагах от нас журчал ручей. Несмотря на полную путаницу мыслей и чувств, я сообразил, что нужно делать привал около воды, чтобы поутру напоить лошадей.

В десятый раз подойдя к ручью, я омыл голову студеной водой. Умывание освежило меня, и, успокоившись, я присел на берегу. Ручей струился по песчаному ложу,

В воде плескались мелкие рыбешки. Я не спускал с воды глаз, и в конце концов веки мои начали слипаться. Монотонное журчание усыпляло меня и я, наверное, уснул бы, но внезапное открытие разогнало сон.

Около меня росла дикая агава. Один из длинных, похожих на шпагу листьев был сломан и беспомощно свисал, а шип на конце его отсутствовал.

Вряд ли я обратил бы на это внимание. До нас здесь прошли индейцы, и одна из их лошадей могла надкусить по дороге лист. Но я сидел под самой агавой, и мне бросилось в глаза, что на листе нацарапаны письмена. Согнув лист, я прочел при свете огнива несколько слов.

«...В плену у команчей... Воины... Множество пленных — женщин и детей... Несчастные!.. Держим путь на северо-запад... Спаслась от смерти, но — увы! — боюсь...»

На этом обрывалось послание. Подписи не было, да я и без того знал, что писала Изолина Варгас. Она сорвала шип и второпях нацарапала несколько слов на листе агавы.

«...Спаслась от смерти...»

Какое счастье! Как я рад за нее!

«...но — увы! — боюсь...»

Несколько раз я перечитывал эти строки. Затем осмотрел остальные листья агавы, но больше ничего не нашел. Изолина не успела закончить письма.

Глава 77

ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?

Изолина не только спаслась от гибели, но находится в полном сознании. Раз она способна была написать записку, значит, она не ранена и не больна. Очевидно, индейцы хорошо обращаются со своей пленницей, если они не связали ей рук. Ей известно, что я следую за ней: она видела меня перед тем, как «белый мустанг» бросился в чапорраль. Изолина писала письмо в уверенности, что я продолжаю погоню.

Мысли мои сосредоточились на ее похитителях. Я думал об индейцах, населяющих прерию, столь не похожих на своих северных родичей. Между этими племенами такая же разница, как между странами, в которых они живут.

Климат, влияние испанской цивилизации, резко отличающейся от северо-американской, частые победы над «бледнолицыми», смешение, наконец, с белыми потомками завоевателей, пришедших с Эрнаном Кортесом,— все это отразилось на нравственном облике индейцев. У них больше общего с жителями Андалузии, чем Соединенных Штатов. Их столица Мехико, а не Бостон и не Нью-Йорк.

Я почувствовал прилив энергии и силы. Бездействие тяготило меня. Охотно вскочил бы я на коня и поскакал на выручку Изолине. Но что мог сделать я один?

А чем помогут мне мои немногочисленные друзья?

Только сейчас во всей ясности встал передо мной этот вопрос. Что предпринять, как действовать? Что будет, когда мы догоним индейцев? Обремененные военной добычей, они идут медленнее нас, и рано или поздно столкновение неизбежно.

Нас было девять человек, а преследовали мы по меньшей мере сотню вооруженных индейских воинов, цвет и гордость своего племени, опьяненных недавней победой и затаивших против нас злобу за поражение у мезы.

В случае победы индейцев мы не можем рассчитывать на пощаду. В случае победы индейцев?.. В открытой схватке они, конечно, перебьют нас. Девять человек против сотни! Дело заранее обречено на неудачу.

До сих пор я действовал сгоряча, не размышляя. У меня была одна цель: поймать «белого мустанга». Лишь несколько часов назад я узнал, что Изолина спаслась, но из одной беды попала в другую. Она спаслась от смерти, но сейчас ей угрожало бесчестье.

Глава 78

ХОЛОД

Темнота постепенно сгущалась. На небе не зажглось ни одной звезды. Я не различал уже своих спутников, хотя они лежали в нескольких шагах от меня.

Рейнджеры по-прежнему спали, растянувшись на земле. Голодные лошади щипали траву, в изобилии разросшуюся на лужайке. Я слышал, как они фыркали и жевали. Они отдыхали. Через несколько часов они будут свежие и сильные.

Сидя у ручья, я продрог. Бриз, постепенно крепчая,

к ночи превратился в ледящий ветер. Температура упала на 15° по Фаренгейту.

Некогда я отлично перенес суровую канадскую зиму, пересекал замерзшее озеро, путешествовал по ледникам, спал на снегу в дикой пустыне на «земле Руперта», но больше всего от холода страдал на севере Техаса благодаря резким колебаниям температуры.

Возможно, что я был восприимчивее к холоду из-за длительного отсутствия отдыха и сна и трудного дневного перехода по раскаленной, выжженной пожаром прерии. Днем я обливался потом, а сейчас замерзал.

Мне пришлось закутаться в буйволову шкуру, потертую одним из индейцев по дороге. Спутники мои были одеты не теплее меня. Снимаясь с лагеря, мы не подозревали, что нам предстоит ночлег под открытым небом, и потому выехали налегке. Только двое или трое привязали к седлам плащи. Сейчас они были вознаграждены за свою предусмотрительность.

Северный ветер разбудил рейнджеров. Одни ощупью искали плащи, другие улеглись под кусты, прячась от ветра. К счастью, с нами были лошадиные попоны.

Лошади страдали не меньше людей. Повернувшись задом к ветру, они легли на землю, подобрав под себя ноги. Бедные кони дрожали, тяжело вздымались их крутые бока. Они перестали даже щипать траву.

Мы могли развести костер, так как вокруг нас было много горючего материала. Кое-кто среди рейнджеров уже собирал хворост, но благоразумные товарищи остановили их. Особенно резко возражали против костра трапперы. Ни холод, ни ветер, ни темнота,— говорили они,— не мешают индейцам бродить по прериям. Часть краснокожих могла вернуться за буйволовою шкурой,— то была не простая шкура, а парадный плащ одного из вождей. На изнанке чернели иероглифы — должно быть, описание подвигов краснокожего героя.

Костер привлечет внимание индейцев, и мы заплатимся жизнью за свою неосторожность. Лучше померзнуть немного, чем лишиться кожи на макушке.

Таков был совет трапперов.

Однако Рубби не собирался погибать от холода. Он умел разводить костры в открытой прерии, незаметные даже с близкого расстояния.

Я с интересом следил за его маневрами.

Он собрал целую грудку сухих листьев и травы, хво-

роста и сучьев, выкопал яму в один фут глубиной и десять дюймов в диаметре. Положив на дно траву и листья, он высек из кремня огонь и с помощью трута и огнива, с которыми никогда не расставался, развел в яме костер. Поверх пылающей травы он набросал щепок, затем уложил рядами крупные сучья. Наконец яма была полна до краев. Тогда траппер, как крышкой, накрыл яму заранее приготовленным куском дерна, вырытым вместе с землей. Присев на корточки над костром, Рубби пакинул на плечи ветхую попону, плотно укутался и завернул в нее ноги.

Траппер был похож на колокол, установленный на грядке. Легкий дымок выбивался из-под рваной попоны, но огня не было видно. Рубби добился своего: он больше не страдал от холода.

У него нашлись подражатели. Гаррей соорудил такой же подземный костер, и рейнджеры воспользовались остроумным и простым способом согреться.

Гаррей пригласил меня к своему «очагу». Присев рядом с младшим траппером, я закрылся огромной буйволовой кожей. Стало тепло, словно я грелся у жаровни. В другое время я, безусловно, посмеялся бы над комическим зрелищем вместе со своими товарищами. Девять человек сидели на корточках на небольшом расстоянии друг от друга, и сизый дым выбивался из-под попон и плащей, окружая ореолом их головы. Можно было подумывать, что люди медленно тлеют.

Всю ночь дул леденящий ветер, шел дождь и мелкий град. Царила полная темнота. Пускаться в путь было невозможно, так как ветер задул бы факелы, если бы мы решились их зажечь. Нечего было думать о выступлении до рассвета, если не стихнет ветер.

Подземные костры мы разложили около полуночи.

Спутники мои дремали, уткнувшись головами в колени. Но для меня не было ни отдыха, ни сна. Я пытался отсчитывать часы и минуты, но секунды казались мне часами.

Казалось, ветер, дождь и град составляют неотъемлемую сущность ночи. Пока длилась темнота, бушевала непогода. Но к утру тучи рассеялись, и засверкало солнце.

Наскоро позавтракав дикой индейкой, убитой на кануне, и окороком явали, рейнджеры оседлали лошадей, и мы поскакали вслед за индейцами по «тропе войны».

Глава 79

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ

Путь лежал на северо-запад, как было сказано в записке Изолины. Должно быть, пленница, понимавшая наречие команчей, подслушала дальнейший образ действий индейцев. К тому же большинство команчей говорит по-испански. Дело в том, что в старину к ним проникали миссионеры, пытаясь мирным путем покорить вольнолюбивые племена. Наконец, благодаря смешанным бракам, в жилах многих индейцев течет испанская кровь.

Через два часа мы добрались до места, где ночевали команчи.

С тысячью предосторожностей подкрались мы к покинутому становищу. Если бы нас увидел хоть один индеец, дело наше было бы проиграно. Узнав, что по «тропе войны» пробираются белые, команчи вернулись бы обратно и перебили всех нас. Возможно, кое-кто среди нас или даже мы все ускользнули бы от опасности, но рухнул бы план спасения Изолины.

Я говорю «план», потому что он созрел у меня ночью. Бессонная ночь не пропала даром.

Итак, мы подошли к ночному лагерю индейцев. Еще дымилась под золою сучья. Людей мы не встретили, только стая пятнистых волков рыскала вокруг лошадиных костей и шкуры.

По виду лагеря можно определить, к какому племени принадлежат наши недруги.

Торчали шести снятой палатки, под которой ночевал, вероятно, вождь. То были свежесрубленные стволы, вбитые в землю по окружности и связанные сверху ремнем. Затянутая парусиной палатка представляла правильный конус. Такие палатки разбирают только команчи.

Рубби не преминул похвастать своими познаниями.

— У кикапу, — сказал он, — палатки цилиндрические. Уаку и витчиту наклоняют кольца, но оставляют сверху пустое пространство, чтобы вытягивало дым от костра. Делауоры и паунайсы разбирают палатки так же, как и белые, но они иначе раскладывают костры: поленья соединяются в центре и лучами расходятся во все стороны, как спицы в колесе. Черокезы и чоктаусы кладут дрова параллельными рядами и поджигают их только с одного края, подвигая полено по мере того, как оно сгорает. Ви-

дите, как здесь лежат дрова: они горели целиком. Так поступают одни команчи.

Рубби определил также, что индейцы снялись с лагеря на рассвете, в одно время с нами. Нас отделяло расстояние, которое можно покрыть в два часа. Торопились они не оттого, что боялись преследования. Мексиканские войска были отвлечены войной с Техасом, а с нашей стороны команчи не ожидали нападения, считая, что мы не заинтересованы в судьбе пленных.

Команчи, должно быть, спешили, чтобы успеть поохотиться на бизонов, которые с началом северных ветров уходят в горы.

Последняя догадка была высказана трапперами.

В волнении проезжал я по лагерю. Среди брошенных индейцами вещей попадались предметы мексиканского обихода: осколки чашек, сломанные музыкальные инструменты, порванные книги, шелковые и бархатные тряпки и, наконец, маленькая сатиновая туфелька рядом с забрызганным грязью мокасином — эмблемы городской цивилизации и бродячей индейской жизни.

Среди этого хлама я искал вещественного напоминания о своей невесте. Где она провела ночь? В беспokoйстве я бросал взгляды на палатку вождя. Изолина, наверное, досталась ему. Разве кто-нибудь мог соперничать с ней в красоте? Краснокожий вождь не мог не заметить прекрасной пленницы.

— Мой юный друг, — сказал подошедший ко мне Рубби, — я не силен в грамоте, но ставлю бобровую шкурку против хвоста водяной крысы, что это послание предназначается вам. Оно нацарапано замечательными чернилами. Некогда я умел разбирать почерки, а по печатному читал великолепно. В те годы, надо вам сказать, один почтенный старец держал в Вороньей бухте знаменитую школу. Моя покойная матушка, миссис Раулингс, отправляла меня туда изучать Библию. В школе я читал об одном предателе. О нем рассказывается в Евангелии. Звали его Иудой Искарриотом. Он выгодно продал чей-то скальп. Негодяй! Если я с ним встречу, то срежу с его макушки кожу вместе с шевелюрой!

Я не слушал рассуждений траппера. То, что он держал в руках, представляло для меня больше интереса, чем история миссис Раулингс, ее сына и Иуды Искарриота.

Траппер протянул мне листок бумаги, сложенный вчетверо. Вместо адреса — одно слово: *Уорфильд*.

Рубби нашел записку около палатки. Она была вложена в расщепленную камышинку, воткнутую в землю.

Не удивительно, что Рубби обратил внимание на «странные чернила». Письмо было написано кровью.

«Генри! Я жива и здорова, но оплакиваю судьбу. На что может надеяться беспомощная пленница? Час еще не пробил... но я не покорюсь своей участи. Лучше смерть, чем позор. Я покончу самоубийством. Пока что я не верю... Меня спас счастливый случай. Двое предъявляют на меня права. Один — сын вождя, другой — мексиканец, которому вы вернули свободу. Белый неукротимее, подлее и злее краснокожего. Это дьявол во плоти. Оба участвовали в поимке «белого мустанга» и каждый считает меня своей добычей.

Спор еще не разрешен. Индейцы устроят совет, чтобы решить, которому из двух я должна принадлежать. Кто бы ни оказался моим хозяином, меня ждет страшный жребий. Но еще худшее предстоит мне, если я не достигну ни одному из них. Вы, наверное, слышали про обычай объявлять женщину общественной собственностью?.. Но этого не будет! Я призываю смерть. Не бойтесь, Генри, я не оскверню вашу любовь. Ценою жизни я сохраню чистоту. Моею кровью захлебнется победитель. Я плачу над этими строками... за мной идут... Прощайте!..»

Не говоря ни слова, я спрятал письмо и, созвав рейнджеров, поскакал по «тропе войны».

Глава 80

СТАНОВИЩЕ

Спутники ехали вслед за мной.

Мы не спешили, так как не было надобности засветло догонять индейцев. Только в темноте я мог привести в исполнение свой план. К полудню команчи должны были сделать привал: даже выносливые индейские кони нуждаются в дневном отдыхе во время больших переходов.

По дороге мы вычислили скорость, с которой передвигались индейцы.

Пленниц, как мы убедились по следам, по-прежнему гнали пешком; следовательно, индейцы ехали шагом.

Трапперы сообщили, что множество лошадей и мулов шли порожняком. Индейцы вели их под уздцы.

С печалью вглядывался я в отпечатки детских и женских ног, думая о пленницах, утомленных непосильным переходом.

Ехали мы медленно, как я уже говорил, чтобы дать время индейцам сняться с лагеря. Сами мы не останавливались, потому что бездействие слишком тяготило меня: движение заглушало тревогу.

Индейцы не принимали никаких мер предосторожности. Они не оставляли за собой разведчиков и, очевидно, никого не посылали вперед. Они шли сейчас по собственной территории, в самом сердце владений команчей. Здесь им некого было бояться.

Мы же посылали вперед разведчиков, которые следили за каждым изгибом дороги, осматривали каждый куст и на всякую возвышенность поднимались ползком. Все эти маневры замедляли наше движение.

Наконец мы добрались до дневной стоянки индейцев. Мы подошли, прячась под прикрытием деревьев, и увидели, что индейцы уже ушли.

Снова я принялся за поиски, но траппер и на этот раз опередил меня.

— Еще одна записочка, мой юный друг!

Я вырвал у него листок. Вторая записочка оказалась короче первой.

«Наколола руку и пишу кровью. Совет собирается сегодня вечером. Через несколько часов выяснится, чья я рабыня.»

Какой ужас! Попытаюсь бежать. Руки у меня свободны, но ноги связаны. Я хотела распутать веревку, но мне это не удалось. О, если б достать нож! Я подсмотрела, куда они прячут один из ножей. Попробую добыть его, но откладываю это на крайний случай: неудача может погубить меня. Генри, я приняла твердое решение... Вот почему я не отчаиваюсь. Тем или иным способом я защищу свою честь. Шаги!.. Негодяй подсматривает за мной... Нельзя...»

Должно быть, к Изолине приблизились сторожившие ее индейцы. Она успела только спрятать листок и, скомкав его, бросить в траву.

Мы провели на лужайке около часа, чтобы отдохнуть и напоить лошадей. Здесь дорога от ручья сворачивала, и мы рисковали остаться без воды.

Солнце уже близилось к закату, когда в последний раз мы вступили на «тропу войны».

Глава 81

ИНДЕЕЦ НА «ТРОПЕ ВОЙНЫ»

Впереди шли трапперы. Мы подъехали к подошве холма, когда увидели наших разведчиков, притаившихся за кустами на вершине.

Мы остановились, ожидая, что будет дальше.

По повадкам трапперов и напряженному вниманию, с которым они вглядывались в дорогу, рейнджеры поняли, что они обнаружили врага.

Внезапно разведчики бегом спустились с пригорка, делая нам знаки, чтобы мы скрылись в чаще.

Мы спрятались за деревьями, уведя с собой лошадей трапперов.

Рубби с Гарреем быстро нагнали нас.

— Что случилось? — спросили мы у запыхавшихся трапперов.

— Индеец возвращается по «тропе войны».

— Сколько их? — осведомился один из ренджеров.

— Разве я сказал — индейцы? — рассердился Рубби. — Говорят вам, что один краснокожий. К черту всех болтунов! Нечего тратить время на праздные разговоры. Где лассо, Билли? А вы, проклятые молокососы, опустите ружья: выстрелы привлекут внимание команчей. Накинь лассо, голубчик Билли, на индейца, тебе поможет капитан. Если же вам не удастся поймать его, то от меня индеец не ускользнет. Слышите, друзья? Ни одного выстрела! Если придется пустить в ход карабин, — это сделаю я. Стреляйте только, если я промахнусь. Впрочем, мой карабин бьет без промаха. Ты готов, Билли? А вы, капитан? Отлично! Внимание! Смотрите в оба! Ловите его как яйца на болоте. Вот он скачет прямо в западню!

Все это было сказано залпом в одну минуту.

В это время из-за пригорка показалась голова индейца. Вот уже вырисовалась фигура всадника на пятнистом мустанге.

Лошадь скакала галопом. Таков обычный аллюр индейских всадников.

Он был один. За пригорком расстилалась голая пре-

рия, и если бы кто-нибудь сопровождал команча, трапперы заметили бы его спутников.

Всадник приближался. Если б то был разведчик, он держался бы иначе. Быть может, гонец? Но к кому его послали? Позади не оставалось индейцев.

Наше недоумение разрешил канадец.

— Он возвращается за щитом.

— Щит? Какой щит?

— Как, вы не заметили? Огромный щит из бизоньей кожи, отделанный свежими окровавленными скальпами мексиканцев. Посмотришь на него и невольно вздрогнешь.

Леблан нашел щит в кустах на месте привала. Индеец позабыл его вместе с трофеями.

У нас не было времени на разговоры. Всадник уже находился у подошвы холма. Билли и я стояли по обе стороны тропы, держа в руках свернутый ремень. Гаррей в совершенстве владел лассо, да и я был достаточно ловок.

Рубби сторожил с карабином в руках. Ренджеры зарядили ружья на случай, если нас тронх постигнет неудача.

Нельзя было упустить индейца. Куда бы ни ушел,— вперед, назад или в лес,— все было одинаково опасно. Мы должны взять его в плен или убить!

Что касается меня, я не желал ему зла и предпочел бы взять его в плен. Злобы против него я не испытывал и охотно предоставил бы его собственной участи, если б он не мог нам повредить.

Товарищи держались других взглядов. Убить команча для них было все равно, что волка, медведя или кугуара. Траппер запретил стрелять не из человеколюбия, а из боязни, что выстрелы будут услышаны.

Пока индеец приближался, я успел разглядеть его.

То был стройный юноша, должно быть, один из лучших воинов племени. Размалеванное лицо казалось страшной маской. Индеец был высок ростом, плечист, пропорционально сложен. Держался на лошади он прекрасно.

Стрелой вылетел я из-за деревьев. Взметнул лассо, накинул мертвую петлю и затянул узел немного пониже талии индейца.

Пришпорив лошадь, я поскакал в обратную сторону и по сопротивлению веревки убедился, что держу индейца.

Обернувшись, я увидел, что лассо Гаррея обвилось вокруг шеи мустанга.

Лошадь и всадник взяты в плен!..

Глава 82

МОЙ ПЛАН

Индеец упорно сопротивлялся. Инстинкт жизни у краснокожих силен, как у вольных зверей.

Бедняга соскользнул с коня и ударом ножа перерубил опутавшие его ремни.

Еще секунда — и он исчезнет в зарослях. Но не успел индеец рвануться, как его схватили шесть дюжих рук. Яростно отбивавшегося, полузадушенного пленника повалили на землю, не обращая внимания на сверкавший у него в руке длинный испанский кинжал.

Спутникам моим не терпелось расправиться с индейцем. Некоторые уже обнажили сабли, чтоб зарубить его на месте, и, несомненно, сделали бы это, если б не вмешался я.

Мне претило зверское убийство, и благодаря моему заступничеству индейца оставили в живых.

Но чтобы обезвредить команча, его так прикрутили к дереву, что самостоятельно освободиться он не мог.

Стенфильд — бродяга лесов — распорядился этой операцией. Указанный им способ был надежен и прост.

Выбрали дерево, толщиной в один обхват. Когда на тот ствол наложили руки пленника, пальцы его едва соприкоснулись.

Кисти рук индейцу стянули ремнями из сыромятной кожи, по несколько раз пропустив каждый ремень сквозь пробуравленные в других ремнях дырочки; так же точно скрутили у щиколоток ноги пленника.

Чтоб помешать индейцу извиваться и корчиться и трением о древесную кору порвать понемногу привязь, концы ремней закрепили на колышках, вбитых вокруг дерева.

Эта печальная работа была в своем роде образцовой. Самый опытный вор, специалист по развязыванию чужого багажа, спасовал бы перед остроумной «системой» Стенфильда.

Индейца предполагалось оставить в этом положении и

освободить на обратном пути, но было сомнительно, чтоб мы вернулись той же дорогой.

В ту минуту я не подумал о жестокости нашего поступка.

Мы сохранили индейцу жизнь. С точки зрения моих товарищей, это было необычайное великодушие, а я, озабоченный судьбой близких, не сокрушался о бедном команче.

Из осторожности мы привязали индейца подальше от места, где он был захвачен: ведь соплеменники могли его обнаружить и помешать нашим планам.

Индейца завели в дремучий лес, чтобы воины не услышали его криков.

Впрочем, пленнику оставили лошадь. Это был конь Стенфильда, которому вздумалось обменяться лошадьми с краснокожим.

Рейнджер, недовольный своей кобылой, с жестокой иронией заявил, что индейцу «неудобно будет отказаться от маленькой сделки». Расчетливый кентуккиец привязал к соседнему стволу дряхлую, негодную клячу и, торжествуя, увел мустанга команчей.

— Теперь, — похвалялся Стенфильд, — я угонюсь за любым индейцем...

Сцена эта была мне противна. Лучше бы Стенфильд совершил эту «делку» с предателем, похитившим у него боевую лошадь.

Мы собрались уже покинуть эти места, когда меня осенила блестящая идея: отчего не воспользоваться личиной пленника?

План освобождения невесты созрел у меня давно: я обдумывал его в бессонные ночи и днем, в дороге, а встреча с индейцем его окончательно оформила.

Опять меня выручала моя звезда. Еще не все потопряно...

План между тем был очень прост; он требовал больше отваги, чем хитрости. Но я поневоле был героем.

Прокрасться ночью в лагерь команчей, разыскать там пленницу, освободить ее, если удастся, и бежать с нею...

Лишь бы проникнуть в лагерь! Там видно будет... Близость Изолины меня вдохновляет...

Даже ночное внезапное нападение с горсточкой людей на лагерь команчей обречено было на неудачу, кроме того, мы и на будущее время лишаемся возможности

помочь пленнице: потревоженные индейцы снимутся с бивуака и уйдут в прерию.

Спутники с этим соглашались, хотя по первому моему слову каждый готов был бы броситься в гущу врагов.

Многим не терпелось изведать опьянение борьбы, но благоразумнее было пустить меня одного.

Самый смелый помощник увеличивал риск. Не в силе успех, а в искусной тактике, и лишь в последнюю минуту все решит стремительность.

Индейцы зорко стерегут Изолину, причем охраняют ее не только войны, но два ревнивца, поспорившие за обладание мексиканкой.

Главное — задержать команчей, пока Изолина отбежит подальше.

В слепую удачу я верил больше, чем в тесак и в пистолеты.

Оставалось распорядиться, чтоб нас ожидали поблизости вооруженные верховые на случай бегства или перестрелки.

Глава 83

КОСТЮМИРОВКА

Смешавшись с толпой команчей при ярком свете костров, я в несравненно меньшей степени рисковал быть опознанным, чем на подступах к лагерю в темной прерии. Мне предстояло миновать наружные пешие посты, затем дозорных верховых и, наконец, пройти мимо табуна, принадлежавшего команчам.

Больше всего я боялся лошадей. Индейская лошадь — великолепный, чуткий сторож. Дозорный может оплошать или заснуть, но лошадь никогда! Почувяв запах белого человека или заметив фигуру, крадущуюся в темноте, индейский мустанг звонким, тревожным ржанием разбудит весь лагерь и в пять минут поднимет его на ноги. Как часто искусно задуманные набеги на индейцев срываются благодаря тревожным сигналам чутких мустангов.

Я не хочу сказать, что лошадь прерии особенно привязана к индейцу. Это было бы странно, так как лошадь не знает более деспотического хозяина, более жестокого укротителя и беспощадного властелина, чем краснокожий всадник.

Скорее здесь проявляется врожденная верность коня своему господину, кто бы он ни был,— инстинкт, заставляющий лошадь предупреждать человека о всякой опасности.

Трапперы спокойно засыпают в прерии под охраной четвероногих часовых.

Дело могли осложнить собаки. Никакое переодевание их не обманет: собаки индейцев нюхом отличают белого от краснокожих.

Я склонен думать, что псы, натасканные индейцами, не без основания ненавидят пришельцев кельтского и англо-саксонского происхождения. Даже в дни перемирия, когда белый в качестве гостя является в лагерь индейцев, его с трудом оберегают от ярости собачьих свор.

Индийские псы — настоящие волки.

Однако, насколько мы догадывались, собак у команчей не было: лая, по крайней мере, мы не слышали. Команчи, вступая на «тропу войны», оставляют собак в vig-ваме с женщинами и детьми.

Надо было переодеться. Не идти же к индейцам в форме американского капитана! Мундир меня выдаст даже во тьме, а тем более в полосе костров.

Костюмировка неизбежна. Вопрос в деталях.

Находка буйволово́й шкуры была для меня приятной неожиданностью: она составит важную часть моего туалета, но не хватало многого другого: наколенников, мокасинов, пучка перьев, ожерелья, не говоря уже о длинных черных космах, медно-красной коже на груди, руках и лице, размалеванном мелом, углем и киноварью. Как быть со всем этим?

В суматохе, сопровождавшей захват индейца, я думал о другом.

Теперь я осмотрел пленника с новой точки зрения: замшевые наколенники, мокасины, ожерелье из кабаньих клыков, пестро разукрашенные орлиные перья и широкий ягуаровый плащ...

Только горячкой похода объяснялось бескорыстие моих рейнджеров. Солдаты косились на ягуаровый мех, алчные огоньки блестели у них в глазах, но тяжелая шкура была обременительна в виду предстоящих стычек, и чудный боевой плащ оставили индейцу.

Заглушая стыд, я подошел к беспомощному пленнику и, не глядя ему в лицо, снял с него ягуаровый плащ, прикрыв его плечи скромной буйволово́й кожей.

Но этого еще мало, чтобы сойти за индейца.

Дело в том, что на «тропу войны» команчи выходят с обнаженным торсом. Рубаху надевают только на охоту и в будничных случаях.

Как воссоздать этот медный оттенок кожи, эту бронзу мускулистых рук и полосатую расцветку груди?.. А лицо, размалеванное в три краски: оранжево-красную, белую и черную?..

Только красящие вещества могли мне помочь, но где их взять?

— А это что? — воскликнул Рубби, потрясая сумкой из волчьего меха, с художественной отделкой из перьев и жемчужин — походной аптечкой индейца.— В саквояже этого джентльмена, капитан, вы найдете все, что вам потребуется...

И, запустив руку в разукрашенную сумку индейца, Рубби с торжеством извлек из нее ряд кожаных пакетиков. Судя по ярким пятнам на них, эти подушечки заключали в себе разноцветные красящие порошки. Из того же мороха Рубби вытащил,— угадайте, что? — осколок зеркала...

Ни я, ни трапперы не удивились набору этих странных косметических принадлежностей в странном мешочке. находка была вполне естественной, так как уважающий себя индейский всадник никуда не выезжает из вигвама без зеркала и красок. Это обычай мирного и военного времени.

Краски, найденные в сумке, в точности соответствовали расцветке кожи пленного воина.

Мгновенно мне сбрили усы, развели на жиру краски и, обнажив меня по пояс, поставили рядом с индейцем. Пленный команч служил моделью, а кожа моя — холстом для копии.

Художником был Рубби.

Лоскут оленьей кожи заменил кисточку, а широкая ладонь Гаррея — палитру.

Недолго меня обрабатывали. Через двадцать минут я был двойником индейца. Копия могла поспорить с оригиналом. Не хватало лишь одного, и притом самого главного для полноты превращения: длинных черных змеящихся волос, столь характерных для всякого воина-команча.

И это осложнение удалось обойти: лезвие послужило бритвой, а Гаррей взял на себя роль цирюльника. Голову

индейца обрили, и великолепные змеевидные космы поступили в мое обладание.

Индеец вздрогнул от прикосновения холодной стали. Он был убежден, что его хотят скальпировать.

В самом деле, Рубби, наблюдая за работой Гаррея, ворчал:

— Нечего с ним церемониться! Снимай ему патлы вместе с кожей! Во-первых, он того заслуживает, а во-вторых, это практичнее, Билли: нам нужен готовый парик. Если ты его не скальпируешь, будет лишняя возня... Говорю тебе, сдирай с него кожу!..

Рубби отлично знал, что никто не послушает его варварских советов, но старый траппер оставался верен себе, выдерживая стиль.

Кое-как изготовили аляповатый парик и нацепили его мне на голову, прикрепив к моим собственным, достаточно длинным и черным, как у индейца, волосам.

Индеец с кривой улыбкой наблюдал за нашей работой. Команч слова не вымолвил, пока его брили и гробили.

В этой сцене, если откинуть унижение пленника, не было ничего трагического, и я не мог удержаться от смеха.

Оригинальное переодевание, комическая серьезность наших приготовлений и обритый наголо индеец могли хоть кого рассмешить. Спутники мои, жадные до развлечений, как все солдаты в походе, хохотали до упаду.

Под конец мне водрузили на голову пучок перьев. Нам повезло, что парадный головной убор оказался у пленного воина: обычно индейцы не носят перьев в походе.

Орлиные перья довершили метаморфозу: парик мой благодаря им сойдет за настоящие волосы даже при ярком дневном свете.

Актер загримирован. Игра начинается.

Осторожней и медленней, чем когда-либо мы двинулись по тропе, получив успокоительные сведения от двух разведчиков.

Судя по свежим следам, индейцы прошли здесь только недавно. Каждую минуту мог показаться арьергард из маленького отряда.

Глава 84

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ НА ИНДЕЙСКОЙ ТРОПЕ

Мы боялись, что обнаружим индейцев до захода солнца. Настигнуть их в пути было крайне нежелательно. Какой-нибудь отставший воин мог предупредить своих о нашем приближении и сорвать весь план.

Вот почему мы замедлили шаг, чтобы в лагерь успело вернуться не только ядро краснокожих, но и отбившиеся от него одиночки.

Со всех точек зрения спешить не имело смысла. Совет старейшин, по сведениям Изолины, должен был состояться сегодня вечером, а развязка зависела от его решения. Необходимо было поспеть к решительной минуте.

Совещание начнется сейчас же по прибытии в лагерь. Так как дело идет о сыне вождя и о самом вожде, поскольку перебежчик возведен команчами в этот сан, вопрос не может оставаться долго открытым.

Я поставил себе задачей достигнуть индейского стана в сумерки, чтоб предпринять с друзьями разведку до наступления ночи. Необходимо изучить местность и выбрать наилучшее направление для побега, если похищение удастся.

Мы доверялись следам. Разведчики наши с точностью до минуты устанавливали давность последних отпечатков; они крались бесшумно, с глазами, прикованными к земле.

Я между тем беспокойно поглядывал на небо. Перемена погоды могла явиться серьезной помехой. Как условны наши желания! Как изменилось мое отношение к погоде за последние два дня! Свинцовое пасмурное небо, еще недавно меня раздражавшее, было теперерь желанным. Вчера я от души проклинал облачность, а сегодня призывал тучи, мрак, грозу.

Я готов был приветствовать каждое облачко, но твердь была совершенно чиста.

Ни пятнышка на небе! Безбрежная чистая лазурь!

Через час небосвод покроется гроздьями сверкающих созвездий, взойдет великолепная луна, и ночь будет ясной, как день.

Трудно описать смущение, с каким я глядел на голу-

бое небо. Сова, которой мрак необходим как воздух, которую мучит и раздражает свет, испытывает днем то же самое. При луне предприятие вдвойне опасно, и шансы на успех почти исчезают.

Была середина лунного месяца, и прекрасная спутница земли должна была выплыть сейчас же после захода солнца, большая, почти округлая, похожая на багровый шар утреннего солнца, и ничто не смягчит ее ровного, холодного света. Лунная ночь, увь, обеспечена.

Вся надежда на гримировку. Недаром мы потратили столько времени, кропотливо воссоздавая подробности индейского туалета. В грозном сиянии луны я мог рассчитывать лишь на спасительный эффект переодевания.

Но зоркость индейцев прославлена. У них утонченный нюх. Вряд ли помогут мне заемные перья, если придется говорить. Наконец благодаря удачности копии и близости ее к оригиналу друзья моего двойника не могут меня не окликнуть! Как же буду я изворачиваться, зная лишь несколько слов на языке команчей?

Вечерело. Солнце склонилось к западу. Это был час великой тревоги.

Разведчики задержались впереди, и в ожидании их указаний мы сделали передышку в рожице. Перед нами был довольно высокий холм с обнаженными склонами и шапкой леса на вершине. «Тропа войны» вела через этот холм; разведчики, поднявшись на него, исчезли в чаще.

Нам ничего не оставалось, как ждать их возвращения у подошвы холма.

Внезапно один из разведчиков показался на опушке. Это был Гаррей. Он поманил нас знаком.

Лошади побрели пологим склоном, и вскоре нас охватила чаща. Проехав немного по тропе, мы с нее свернули. Ловкий разведчик вел напрямик, чтоб сократить перевал. Противоположный склон холма был почти безлесен, однако мы не спустились с холма верхами, но спешили и привязали лошадей к деревьям.

Дальше мы поползли на карачках и, достигнув нижней границы леса, внимательно сквозь листву рассмотрели равнину.

Дымки на поверхности прерии. Огни костров. Палатки из звериных шкур посредине. Шевелятся какие-то тени. Пасутся лошади.

Под нами лагерь команчей.

ЛАГЕРЬ КОМАНЧЕЙ

Мы подъехали вовремя. В сгустившихся сумерках нас было трудно разглядеть под прикрытием деревьев, тогда как мы с высоты отчетливо видели расположение врага на равнине.

Лагерь команчей лежал, как на ладони. Вся окружающая прерия маячила в полусвете.

Холм, с которого мы господствовали над равниной,— род внушительного, потерянного в прерии «седла»,— был единственной возвышенностью на много миль кругом. Команчи разбили свой лагерь в полумиле от подошвы холма, к которому примыкала необъятная прерия.

Это был так называемый «пекан», то есть прерия, усеянная лесистыми островками, с преобладанием кустарника по имени пекан. Среди пекановых куп росли там и сям другие деревья с широколиственными кронами.

Эти деревья в сочетании с деревцами пекана, похожего на парковый кустарник, создавали иллюзию искусственного ландшафта, подчеркнутую извилистым ручейком, сверкавшим в лучах вечернего солнца.

Но перед нами был не «английский парк»,— торжественная пустыня.

Рука человека не прикасалась к карликовым купам. Искусство садновника не участвовало в создании очаровательного пейзажа.

Лагерь команчей лежал на берегу ручья.

Даже при беглом взгляде бросался в глаза удачный выбор стоянки, удобной не столько для обороны, сколько предохранявший от нападения врасплох.

Если допустить, что палатка расположена в центре становища, то центральная точка лагеря приходится на опушку рощицы, смежной с ручьем. От палатки к ручью прерия спускается пологим скатом, напоминающим вал земляного укрепления. Площадь лагеря, оцепленная огнями от самой рощицы до ручья, представляла собой сочный луг, и на зелени его выделялись меднокожие воины. Одни стояли, другие бродили, кто лежал на траве, кто сидел у костра, приготовляя ужин.

Участок каждого воина отмечался воткнутым в землю копьём. Копья образовывали геометрически правильную фигуру. Их тонкие пятифутовые древки торчали, как

стройные корабельные мачты с флажками, цветными перьями и скальпами.

У основания каждого копья были сложены парадный щит, колчан и лук, а также сумка с красками и лекарственными травами. Какие-то фигуры держались обособленно от индейцев; чутье нам подсказывало, что это белые женщины.

Да, это были пленницы! С каким щемящим чувством я на них глядел!

Но на таком расстоянии и сквозь дымку вечера зоркий глаз влюбленного не узнает черт лица!

Лошади чернели на флангах лагеря. Их привязали снаружи, за линией костров, чтобы им было привольней пастись, и мустанги, разгуливая на длинной привязи вокруг колышков, к которым были прикреплены лассо, занимали обширную площадь. Конное окружение лагеря с двух сторон огибало рощу, так что лагерь оказывался как бы замкнутым в форму лука, тетивой которого был ручей, а другою — живая стена мустангов. За пределы этого «лука» лагерь не простирался.

Как я уже заметил, выбор места предохранял от нападения врасплох. Рошица, в которую упирался лагерь, была единственной на тысячу шагов кругом.

По ту и другую сторону ручья тянулась безлесая обнаженная прерия: ни бугорка, ни кустарника, которым мог бы воспользоваться как прикрытием враг.

Индейцы, разбившие лагерь с такой стратегической мудростью, вряд ли опасались неожиданностей. Но осторожность у них в крови, и остроумное расположение стоянки скорее всего объяснялось врожденным инстинктом команчей. Рошица доставляла им топливо, ручей — воду, прерия была отличным пастбищем. Немного конины на ужин — вот и все, что было нужно индейцу в походе.

Я сразу оценил всю выгодность расположения команчей, понятную не столько солдату, сколько охотнику и партизану, привыкшему к уловкам иррегулярной войны.

С военной точки зрения стоянка индейцев отнюдь не годилась для обороны, но подойти к ней было очень трудно. Индейский всадник вечно боится быть захваченным врасплох! Все, что угодно, только не это! Дайте ему пять минут на сборы — и он неуязвим. Если превосходство сил на вашей стороне, вы обратите индейца в бегство, но где найдете вы лошадей, способных догнать мустанга? Вот почему команчи предпочитают выжидательную тактику

и воздерживаются от активной обороны, кроме тех случаев, когда имеют дело с мексиканцами. На мексиканцев они идут уверенно, с сознанием своего превосходства.

С печальными мыслями глядел я на лагерь врагов. Проникнуть в него можно лишь под покровом черной ночи. Самый хитроумный лазутчик не проберется в него. Лагерь казался мне недоступным.

То же самое думали мои спутники. Двое разведчиков, припавших к земле, хмурились и молчали. Мы понимали друг друга без слов.

Глава 86

КОЛЕБАНИЯ

Прилегающая равнина на расстоянии тысячи шагов поросла невысокой травой. Даже мелкая дичь не могла в ней притаиться, не то что всадник.

Я готов был проползти на четвереньках полмили до индейской стоянки, но и это не привело бы к удаче: дозорные индейцев или мустанги заметят ползущего врага. А если я проберусь в оцепление и найду Изолину, разве нам удастся бежать незамеченными? Конечно, нет!

Несомненно, будет погоня и жестокая расправа на месте. Нас умертвят томагавками и копьями.

Я решил подвести лошадь как можно ближе к индейскому лагерю, оставить ее под прикрытием и, вскочив на седло с Изолиной, галопом вернуться к друзьям.

Товарищи должны были ждать где-нибудь неподалеку, в засаде.

Но топография индейского лагеря разрушила весь этот план, составленный в расчете на деревья, кустарники или какие-нибудь бугры. Не считая поросли, в которой мы спрятались, и рощицы, примыкавшей к индейскому лагерю, прерия была обнажена, а добежать до этой рощицы — то же самое, что до становища индейцев.

Стоило нам проползти еще несколько шагов до голой прерии — и враги нас увидят так же ясно, как мы видим их. На волосок от гибели мы не смели шелохнуться.

Еще раз с робкой надеждой взглянул я на небо. Все та же прозрачная звездная ночь.

Неужели я откажусь от освобождения женщины, связавшей свою судьбу с моей?

Вдруг меня осенила идея, весьма рискованная, но все же выполнимая. Опасностью я пренебрегал. Все, что не грозило верной смертью, было для меня приемлемо, и даже смерть — лучше неудачи.

С нами была лошадь пленного команча; Стенфильд, если помните, обменял ее на свою кобылу. Что, если верхом на мустанге команчей проникнуть с тылу в лагерь? Эта поправка была лишь развитием первоначального плана. Все равно мне придется разыгрывать роль индейского воина, однажды очутившись в стане врагов. Теперь роль моя начнется немного раньше, еще в прерии, и весь успех будет зависеть от эффектного дебюта. Так выходило драматичнее и интереснее.

Но я не гнался за театральными эффектами, а думал только о сути дела.

Измененный план имел одно крупное неудобство: я ворвусь в лагерь на индейском мустанге. Все взоры обратятся на меня. Воины опознают во мне своего товарища. Начнутся вопросы, восклицания. Кровь леденела в жилах при мысли об этой опасности.

Я знал десяток слов на языке команчей. С этим крошечным словарем немисливо поддержать разговор. Наконец, меня выдадут голос и произношение. Был, правда, выход: отвечать по-испански. Многие команчи владеют этим языком, но испанские реплики покажутся им подозрительными.

Еще одно тревожное соображение: как довериться индейскому мустангу? Он чуть не сбросил Стенфильда в пути, брыкался, становился на дыбы, как будто всадник обжигал ему бока. Если лошадь взбунтуется при моем триумфальном въезде в лагерь, это привлечет внимание дозорных, проснутся подозрения. Индейцы начнут меня разглядывать в упор...

Допустим, я прорвусь за черту огней, не вызову подозрений и найду Изолину; допустим, что я ее вырву из рук индейцев, но можно ли положиться на капризную, норовистую лошадь в минуту погони? А вдруг она заупрямится и позволит себя настигнуть другим быстроногим скакунам или, покружив в прерии, понесет нас обратно в лагерь, для нее — домой, для меня — на верную смерть?

О, если б я мог подвести своего жеребца к самой цепи костров!

О, если б мог спрятать поблизости Моро!

Но это были праздные вздохи.

Приходилось войти в роль до конца и сесть на индейскую лошадь. Я заинтересовался мнением товарищей.

Все нашли мой план рискованным, а два-три человека настойчиво меня отговаривали. Это были люди, не посвященные в мою тайну, не знавшие, что меня окрыляет страсть. Большинство моих спутников были чужды героической романтике. Эти суровые люди любили просто, без крайностей и безумств. Но я был глух к благоразумным советам.

Некоторые, признавая опасность, соглашались, что другого выхода нет. Впрочем, два-три человека поддерживали меня.

Только один из спутников еще не высказался, между тем его мнение было мне дороже мудрости всех товарищей вместе взятых.

Еще не сказал своего слова старый траппер.

Глава 87

СОВЕЩАНИЕ С РУЖЕЙНЫМ ДУЛОМ

Рубби стоял в стороне от отряда в своей излюбленной позе: он припал к карабину, упираясь прикладом в дерево, причем дуло ружья щекотало ему переносицу.

Так как длина карабина почти равнялась росту Рубби,— ружье и его хозяин издали походили на опрокинутую римскую пятерку.

Трудно было сказать, глядится ли Рубби в дуло карабина или же смотрит в прерию — на лагерь индейцев.

Уже не впервые наблюдали мы его в этой странной позе: она означала умственное напряжение.

Рубби совещался со своим оракулом, обитавшим в темном дуле ружья системы «Баргутс».

Все приумолкли, глядя на старого трапера. Люди понимали, что я ни на что не решусь без одобрения Рубби, и терпеливо ждали его веского слова.

Прошло добрых десять минут, но старый траппер молчал. Даже губы его не шевелились, и лицо было неподвижно. Только блеск беспокойных зрачков выдавал умственную работу. Если б не глаза, можно было подумать, что перед нами истукан,— вернее, пугало, подпираемое палкой. Длинный карабин, почерневший в непогодах, ничуть не вредил сходству.

Оракул не спешил с изречением.

Рубби глядел попеременно в ружейное дуло и на индейский лагерь.

Он обращался к внешнему миру за необходимыми данными и вновь уходил в созерцание.

Люди, заинтересованные в исходе этого тайнодействия, начинали терять терпение. Слишком многое зависело от совета Рубби.

Однако никто не осмеливался потревожить старого чудака.

Никому не хотелось навлечь на себя язвительную брань траппера. В гневе он был страшен.

Наконец Рубби прищелкнул языком в знак того, что демон ружейного дула удостоил его ответом. Гаррей с робостью подошел к старику.

Как я любил энергичный кивок и причмокивание, которым Рубби обычно заканчивал свою консультацию с дулом! Узел разрублен! Старый траппер решил шахматную задачу!

Мы с Гарреем не стали расспрашивать Рубби; это было не принято. В таких случаях старый траппер вещал без приглашения. Мы только уселись у ног старика, выжидательно на него глядя.

— Скажи-ка мне, Билли,— начал Рубби, в последний раз пытая наше терпение,— скажи-ка, сынок, как вы смотрите с капитаном на это проклятое дело?.. Дурной оборот, не правда ли, юнцы?

— Дело сверное! — кратко ответил Гаррей.

— Вначале я тоже так думал,— прибавил я.

— Увы! — горько вздохнул молодой траппер.— В лагере нам не бывать...

— Не бывать? — возмутился Рубби.— Ах, вы, молодкосы! Кто внушил вам такой вздор?..

Я не выдержал:

— Есть один план... довольно рискованный... Мы только что его обсуждали...

— Выкладывайте его! — ехидно улыбнулся Рубби.— Посвятите меня, детки, в ваш замечательный план... Но торопитесь: времени у нас чертовски мало... Каждая минута дорога.

— В двух словах: капитан хочет въехать в лагерь на индейской лошади...

— Так просто въехать? Совершенно открыто?..

— Конечно! Какой ему смысл прятаться за деревьями? Индейцы все равно увидят его сбоку...

— Увидят, говоришь ты?.. Будь я проклят, если они что-нибудь увидят, кроме своих костров. Меня, сынок, они не увидят, будь у них тысяча глаз, как у Аргуса...

— Объяснитесь! — не вытерпел я. — Неужто вы полагаете, что можно подкрасться к лагерю незаметно?

— Да, мой молодой друг! Но не совсем так... Я не хочу сказать, что кто-нибудь из вас способен на эту проделку, но говорю, что Рубен Раулингс, старый траппер со Скалистых гор проберется в лагерь индейцев так же незаметно, как гусеница на кочане капусты!.. Краснокожие, со всей их прославленной зоркостью, меня проморгают... А ты, сынок, не веришь?

— Однако, Рубби, не мучьте нас!.. Вы знаете, как я...

— Спокойней сынок! Горячиться вредно. Советую записаться лошадиным терпением, иначе не суждено вам погреться у индейских костров. Но ручаюсь вам, детки, что вы побываете в лагере, если будете смотреть в оба, держать язык за зубами и слушать советов старого Рубби... Согласны? Вижу, что да. Вы — тонкие ребята: с вами и лису перехитришь. Итак, до конца доверяетесь Рубби?

— Обещаем слепо повиноваться!

— Вот это умно! Дьявольски умно!.. Так и быть, не оставляю вас указаниями.

Рубби направился к опушке, поманив за собой меня и Гаррея.

На самом краю поросли Рубби опустился на колени за кустами очитка.

Мы с Гарреем тоже припали к земле.

Луна проливала ровный, холодный свет на индейский лагерь и прерию.

Немного помолчав, старый траппер удостоил нас беседой по существу.

Глава 88

СОВЕТЫ СТАРОГО ТРАППЕРА

— Билли Гаррей и вы, молодой друг! Не видите ли вы тропки, которая ведет в самое сердце лагеря — прямая, как хвост замерзшей крысы? Не видите... а?

— Защищенную тропку? — спросил недоуменно Гаррей.

— Замаскированную от первого до последнего фута!..

Мы впилась глазами в лагерь и в прерию. Ничего похожего на защищенный подступ к стану.

Вновь я окинул пытливым взглядом небо.

Ни одного настоящего облака! Пылающая твердь.

Кой-где намечались легкие перистые тучки. Они скользили по диску луны, не закрывая ее. Эти медленно ползущие барашки были скорей признаком установившейся погоды.

Наш старый оракул не мог рассчитывать на темноту.

— Не вижу я никакого прикрытия, — заметил, помолчав, Гаррей. — Ни кустарника, ни высокой травы...

— Кустарники!.. Заросли!.. презрительно фыркнул Рубби. — Кто вам говорит о кустах и траве?.. Очень нам нужно зарываться в них носом! Знаешь, Билли Гаррей, я начинаю думать, что ты поглупел от любви, как наш молодой товарищ...

— Ничего подобного, Рубби!

— Брось, дружище, меня не проведешь!.. Ведь был у тебя разговор с девушкой в ранчери?

— Что такое?

— Сам знаешь!.. Ты говорил красотке, что любишь ее без памяти, что страсть тебя подхлестывает, как погонщик мула?.. Говорил или нет?

— В шутку, Рубби!..

— Молчал бы лучше! Вот я вернусь на форт Бент и расскажу твоей Бишетт, как ты шутишь... Задаст она тебе головомойку!

— Ты сам не знаешь, что мелешь, Рубби!

— Нет, что-то есть!.. Недаром ты поглупел, бедняга Билли! Вот уж несколько дней от тебя не слышно путного слова. Кустарники!.. Заросли!.. Эх, ты, слепой крот, не видишь откоса?

— Откоса? — повторили мы в один голос с Билли.

— Ну да! — рассердился Рубби. — Речонка у вас перед глазами, а вы, слепые котятка, не видите откоса!

Начиная понимать Рубби, мы с Билли отыскивали глазами ручей.

Ручей замыкал подкову индейского лагеря. Речка бжала в нашу сторону, огибая подошву холма. Лагерь, если считать по течению, расположился на левом берегу, а с нашей точки зрения — на правом. Значит, надо пере-

браться на левый берег и, миновав посты, вмешаться в табун мустангов, привязанных у ручья.

Я уже взвесил шансы такого пути. При известной ловкости можно было, держась под водой, доплыть против течения в лагерь, но, разумеется, без лошади; в этом все осложнение. Как обойтись без коня в решительную минуту?

Вот почему этот план был мною забракован.

Рубби держался другого мнения: отвергнутый мною план казался ему выполнимым.

— Ну что, увидели откос?

— Откос неважный,— меланхолически заметил Гаррей.

— Это тебе, конечно, не скалистый берег Миссури и не кручи Змеиной реки!.. Но берег растет, с каждой минутой он поднимается,— верьте старому Рубби!

— Берега поднимаются? Как это понять?

— Безусловно, поднимаются или, что то же самое, вода убывает.

— Убывает?

— Да, к счастью для нас, уровень ее дюйм за дюйм снижается, и через час обрывистый бережок перед лагерем достигнет полфута высоты.

— И мы прокрадемся в лагерь вдоль этой «траншеи»?

— Несомненно! Кто вам помешает? Это легче чем подстрелить зайца.

— Но лошады!.. Как подвести лошадь?

— Тем же способом! Русло речонки достаточно глубоко, чтобы укрыть в нем самую рослую кобылу. Сейчас, после ливня, ручей набух, но не смущайтесь этим: лошадь пойдет по дну или пустится вплавь. Крутой бережок заслонит ее от индейцев. Оставьте лошадь в воде. Для большей верности привяжите ее к колышку. Не пододите ее слишком близко к лагерю с подветренной стороны: мустанги индейцев могут почуять ваш запах. Перебежка должна быть самое большее в двести шагов. Освобождайте девушку, бегите с нею напрямик к лошади и спасайтесь галопом к рощице на холме, где мы будем ждать вас в засаде. Горе краснокожим, если они приблизятся к нам на расстояние выстрела! Вот и все!

План Рубби был довольно складный. Снижение уровня речонки увеличивало шансы. От меня это обстоятельство ускользнуло, но зоркий глаз Рубби его заметил. Вот почему старый траппер так долго медлил с ответом. Опер-

шись о дуло карабина, Рубби наблюдал за убылью воды. В самом деле: за полчаса речка сильно обмелела.

Лишь бы русло ручья оказалось достаточно глубоким, чтоб провести по нему лошадь. Остальное зависит от моей ловкости и счастливой звезды.

— Въезжать в лагерь на индейской лошади по меньшей мере глупо, — прибавил Рубби. — Дело выйдет дрянно: проклятые мустанги ржанием, фырканием и топотом натравят на вас все население лагеря. Кто-нибудь из опытных воинов с глазами рыси распознает переодетого белого...

Рубби положил конец моим колебаниям.

Глава 89

В ВОДЕ

Приготовления были коротки: я подтянул подпругу седла и, осмотрев пистолеты, привязал их с охотничьим ножом сзади к поясу, чтобы оружие было прикрыто ягуаровой шкурой. В пять минут я собрался.

Рубби советовал ждать, пока речка совсем обмелеет, но мне не терпелось. Приближался час совещания. Моги ли я дальше ждать?

При свете луны обозначилась темная песчаная полоска, отмечающая убыль воды. Она виднелась отчетливо между зеленью прерии и серебряной лентой ручья. Вода в речонке спадала.

Я вскочил на коня. Вокруг теснились товарищи, пожимали мне руку и желали успеха. Некоторые прощались со мной навсегда, — это звучало в их голосе, — но кое-кто надеялся. Все клялись за меня отомстить.

Рубби с Гарреем проводили меня до подошвы холма. Рошица с вершины клином спускалась к ручью. Пользуясь этим прикрытием, мы достигли излучины. Подошва холма тоже была окаймлена кустарниками, так что при желании можно было придвинуть засаду к лагерю. Но это прикрытие было менее надежно, чем на вершине: в случае погони придется скакать по обнаженному склону холма и выдать индейцам свою малочисленность. После короткого совещания решили оставить людей на прежнем месте.

От излучины, у которой мы стояли, до самого лагеря

индейцев речонка бежала прямо, сверкая, как полоса латуни. Кустарники здесь кончались. Еще шаг — и мы очутимся в поле зрения врага.

Здесь надо было погрузиться в воду. Я спешил, готовясь к ночному купанью.

Трапперы снабдили меня последними указаниями. Рукопожатия были выразительней слов.

Младший товарищ Рубби сказал:

— Мы с Рубби будем неподалеку! Когда вы начнете отстреливаться, мы бросимся вам навстречу и так или иначе соединимся на полпути. А если вы не вернетесь, — патетически заключил Гаррей, — индейцы дорого заплатят за вашу жизнь!

— Ого! — воскликнул Рубби. — На прикладе моего старого баргутса появится до зимы не одна свежая зарубка!.. Вперед, приятель! Не бойтесь! Будьте зорки, внимательны — и выберетесь благополучно из осинового гнезда!.. И положитесь на нас. Но скачите прямо на холм, как будто вас преследует конница дьявола.

Уже не слушая друзей, я взял под уздцы Моро и, выбрав пологий спуск, бесшумно повел коня в речку. Умный конь повиновался; через мгновение он был по грудь в воде.

Ручей имел как раз желаемую глубину. Откос поднимался на полфута, укрывая с головой человека и лошадь. Если русло речонки так же глубоко в верхнем течении, я с легкостью подберусь к лагерю.

Перья индейского головного убора слегка торчали над травмами, и, так как они выделялись своей яркой расцветкой, я снял их и зажал в руке.

Кроме того, я свернул ягуаровую шкуру, чтобы она не намокла в воде, и позаботился о сухости пистолетов.

Это отняло две-три минуты.

Чем глубже ручей, тем лучше! Лошадь и человек даже в глубокой воде передвигаются сравнительно бесшумно. Ночь, к сожалению, стояла слишком спокойная, и малейший всплеск был бы слышен далеко, но несколько выше по течению бурлили маленькие пороги, полностью заглушая шум. Я даже не слышал, как ступает по каменистому руслу Моро. Впрочем, пускаясь в дерзкое предприятие, я учел эту «звуковую маскировку».

В двухстах шагах от поросли я оглянулся, чтоб крепко запомнить место засады. Если погоня подойдет вплотную, малейшая ошибка может стать роковой.

Место засады было очень удачно выбрано: гребень холма там, где спрятались Рубби с Гарреем, порос деревьями особой породы.

Индейцы, поднимаясь с прерии на холм, могли вообразить, что перед ними целый отряд. Длинные, лучеобразные листья зонтичных крон поразительно напоминали военные плюмажи. Большинство этих деревьев, родственных юкке, имело футов шесть в высоту и при оголенных стволах толщиной с человека и густых кронах, похожих, как сказано, на каску с перьями, рожицу «юкки» легко было принять за спешившихся кавалеристов.

Если я успею доскакать до Рубби и Гаррея, залп из зарослей «юкки» остановит самую многочисленную индейскую погоню. Десяток ружейных выстрелов и пяти-шесть револьверных, кроме всего прочего, остановят индейцев. Нам поможет причудливость «юкки».

Глава 90

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Мы двигались медленно. Довольно вялое течение было все же помехой, так как вода доходила мне до пояса. Я мог бы идти и быстрее, но приходилось нагибаться и следить за головой Моро.

Борьба с течением и невозможность выпрямиться вывалили сильную одышку. Для отдыха я выбирал ямы, где можно было расправить плечи.

Страстно хотелось взглянуть на лагерь, определить оставшееся до него расстояние и освоиться с его топографией, но осторожность не позволяла. Трава на откосе была редкая, как на скошенном лугу, а линия берега настолько плавная, что при свете луны враги могли заметить даже случайно взметнувшуюся руку.

Я жался к левому берегу; откос, согласно предсказанию Рубби, на добрых полфута поднялся над водой. Кроме того, левый восточный берег при низком стоянии луны отбрасывал черную тень почти до середины ручья. Я двигался в этой дружественной тени, укрывавшей меня и лошадь.

По моим расчетам, я подошел к индейской стоянке, но убедиться в этом не смел в виду острой опасности. Нетер дул от ручья к лагерю. Подведя коня к самой стоянке

мустангов, я рисковал, что его учуют индейские лошади. Несомненно, они оповестят весь лагерь звонким ржанием о близости Моро. Ветерок был легкий. Тем хуже! По волнам его плыли тончайшие запахи, в то же время он не заглушал глухого плеска воды, рассеваемой Моро, и стука его копыт по каменистому ложу речки.

Опасность была двойная: нельзя высунуться для разведки — увидят, и нельзя идти дальше — загубит предательский ветерок.

В величайшей нерешительности я остановился. Откуда мне было знать, вести ли Моро вверх по течению или сейчас расстаться с конем? Напрасно прислушивался я к смутным шорохам, долетавшим из лагеря; по ним ничего нельзя было заключить.

Тогда я попробовал оглянуться на холм. Увы! Нет возможности определить расстояние.

В отчаянии я обратился к востоку.

Здесь нашел я необходимую вежу. В отдалении белел круп мустанга, привязанного к колышку. Лошадь паслась, нагнувшись к травам.

Какое счастье! От меня до мустанга шагов двести! Пастбище означает границу индейского лагеря.

От стана меня отделяло двести шагов — то есть расстояние, на котором я собирался оставить лошадь.

Я был настолько предусмотрителен, что захватил с собой обструганный колышек для привязи коня — предмет, необходимый для всадника в прериях. Моро никогда не срывался с привязи, даже самой непрочной, и я лишь слегка вогнал колышек в землю.

Колышек для Моро был скорее символом, означавшим, что надо стоять на месте. Итак, условно привязав Моро, я простился с ним как с другом и побрел дальше.

Пройдя шагов двенадцать, я заметил, что откос впереди размыт. Прерию пересекала балка, образовавшаяся от стока дождевых вод. Навстречу ей с холмистого берега шла другая.

«Вот, — подумал, — отличная лазейка для индейцев!»

Вначале открытие меня смутило. Я испугался опасного места. Однако в точке пересечения высохшей балки и ручья промоина оказалась достаточно глубокой.

Я мог не только спокойно миновать балку, но даже извлечь из этого пользу.

Положение, в котором остался Моро, было весьма надежным. Мне будет трудно вывести коня на берег,

имея индейцев за плечами. Сесть на Моро не составит для меня затруднения, так как хребет его находится на уровне ручья, но вряд ли мой доблестный конь даже отчаянным прыжком, без разбега, выскочит на берег.

Теперь, когда обнаружилась балка, Моро выберется из речного русла так же легко, как в него вошел.

Довольный моим открытием, я вернулся и, отвязав Моро, повел его к промоне. Поставив коня под хорошим заслоном на новом месте, я вторично простился с любимцем.

На сердце полегчало, но я удвоил предосторожности.

Индийский лагерь был так близок, что малейший плеск мог меня погубить.

Я решил выйти из воды не раньше, чем благополучно миную пасущихся на берегу индейских мустангов. Это было безопасней, чем итти через табун, охраняемый воинами. Внутри лагеря лошади, имея перед глазами множество индейцев, не обратят на меня внимания, а дозорных мой живописный костюм введет, конечно, в заблуждение.

Но, с другой стороны, не в моих интересах было появиться перед лицом всего лагеря, против костров.

Еще с вершины холма я заметил довольно широкую полосу между лагерем и пастбищем мустангов. На этом участке, не утыканном копьями, лишь изредка показывались случайные воины, и я избрал его для дебюта в роли индейца.

Мне удивительно повезло. Крадучись по воде, я прошел под самым носом у мустангов,— до того близко, что слышал, как они фыркают и жуют у меня над головой. Однако я подвигался так тихо, что ни один не заржал и не поднял тревоги.

Мустанги через несколько минут остались позади, и больше меня не стесняли.

Только теперь я дерзнул поднять голову и увидел нелогое место, на котором расположился лагерь.

Ни души по соседству! В ста шагах от меня индейцы группируются у костров. Они смеются, оживленно беседуют. Никто не оглядывается в мою сторону.

Ухватившись руками за откос, я начал подниматься, подобно ферту, вылезавшему через люк из театральной преисподней.

Медленно встал я с колен в самом сердце лагеря индейцев,— таким же индейцем, как любой из краснокожих воинов.

Глава 91

ЛАГЕРЬ

Я не смел шелохнуться, чтоб не привлечь внимания караульщикова табуна и копошившихся у костров командой.

Еще вылезая из воды, я напялил на голову парик командача с орлиными перьями. На берегу первой заботой моей было прикрепить сзади к поясу пистолеты...

Я сам удивился проворству, с каким это выполнил; так же стремительно я развернул ягуаровый плащ. мех, скатанный у меня за плечами, остался сухим. Он закрыл насквозь промокшие плечи и верхнюю часть тела, с которых струилась вода. У мокасинов был довольно жалкий вид, но это меня не печалило. В прерии, на бивуаке, возле ручья никому не покажется подозрительным индеец с мокрыми мокасинами.

Впрочем, оленья кожа, выделанная по индейскому способу, почти непромокаема. Вода быстро стечет с моих мокасинов, а если останется влажный глянец, не беда.

Место, где я стоял, было освещено багровыми бликами костра и матовым сиянием луны. Два разнородных источника света боролись, и смешанное освещение было туманным и фантастическим. Меня нетрудно было заметить из середины лагеря, но я был индеец, как все. Никто ко мне не подойдет, — беспокоиться нечего.

Но я простоял на месте лишь столько, сколько требовалось, чтобы в общих чертах ознакомиться с обстановкой.

Костров было много. Ночь выдалась холодная. Индейцы зябли и жались к огню. Только немногие бродили поодаль.

Один из костров отличался размерами. В нем было что-то праздничное. Такие костры раскладывают на севере Европы крестьяне в Иванов день. Большой костер пылал в двенадцати шагах от входа в центральную палатку лагеря. Багровые отблески ударяли мне прямо в лицо.

Воины обступили бивуачный огонь. Я видел лица стоявших напротив и спины остальных.

До мельчайших подробностей разглядел я черты рас-

крашенных физиономий, цветные эмблемы на щеках и на груди и одежду индейцев.

В одежде этих людей было что-то странное. Я пригостовился увидеть индейских воинов в мокасинах, с пучками перьев на голове, в бизоньих шкурах, накинутых на плечи, но далеко не все индейцы соответствовали этому описанию. Многие были в серапе и плащах из грубого сукна, в кальционеро и в настоящих мексиканских сомбреро. Краснокожие в мексиканском наряде!

Кое-кто щеголял военной формой: блестели каски, так называемые «шако». Мелькали яркие голубые и красные мундиры, казавшиеся особенно нелепыми в сочетании со штанами и мокасинами из темной оленьей замши.

Я понял причину этого странного маскарада, вспомнив, с какой целью команчи выступили в поход и откуда они возвращаются: на индейцах была одежда убитых и разграбленных горожан.

В чем бы я ни появился, — даже в своем военном мундире, — я не выделялся бы среди этого пестрого сброда. Единственное, что могло меня выдать, это цвет моей кожи.

К счастью, несколько человек сохранили свой национальный костюм, но я едва не оказался единственным «индейцем» в стане команчей.

Все эти любопытные подробности не отвлекали меня от основной моей цели: через минуту я уже искал взглядом Изолину. Где она? Испытующе всматривался я в группы людей, толпившихся вокруг костра. Я заметил множество пленниц, но Изолины среди них не было.

«Она в палатке», — подумал я и решил обследовать расположение лагеря. С тылу он был опоясан буйной растительностью. Тотчас понял я, какие преимущества дает мне этот тенистый укромный приют.

Единственная палатка, как я уже говорил, была раскинута на опушке леса, а против нее разложили самый большой костер. Здесь был центр лагеря, средоточие жизни и движения.

Изолина должна находиться недалеко от палатки, там следует искать ее.

ПРИЯТЕЛЬ МОЕГО ДВОЙНИКА

В это мгновение один из индейцев что-то громко провозгласил, и толпа сразу зашевелилась. Слов я не понял, но по тону сообразил, что это сигнал или какое-то важное сообщение.

Команчи принялись ходить вокруг пылающего костра, пропуская друг друга и по временам останавливаясь. Медлительные и сосредоточенные, они, казалось, выделяли фигуры обрядовой пляски. Со всех сторон к костру сбегались зрители.

Мне представилась возможность незаметно скрыться в зарослях. Я побрел к опушке, подражая неловкой походке команчей, лишенных грации и открытых мужественных манер, характерных для шаванов, хуранов и ирокезов.

Очевидно я блестяще справился со своей ролью, потому что один из индейцев, шедший с поляны, где были привязаны лошади, к костру, окликнул меня по имени моего двойника:

— Уаконо! — закричал он.

— В чем дело? — ответил я по-испански, подделываясь под индейское произношение.

Игра была опасной, но, промолчав, я, безусловно, навлек бы на себя беду.

Команч слегка удивился испанской реплике, но тотчас продолжал.

— Разве ты не слышал призыва, Уаконо? Отчего ты не идешь к костру? Хиссоо-Ройо уже там. Сейчас собирается совет.

Интонации и жесты индейца помогли мне понять смысл его увещаний. Впрочем, некоторые слова были мне знакомы, и я случайно слышал, что Хиссоо-Ройо — испанский волк — прозвище ренегата. Но к ответу я не подготовился. Вторично заговорить по-испански я побоялся, так как не знал, насколько силен мой двойник в звучном языке, привезенном в Америку с берегов Гвадалквивира.

Я попал в тупик. Назойливый индеец, должно быть, друг настоящего Уаконо. Он не отступится от меня, не получив ответа.

Спасительная мысль пришла мне в голову. Надменно, с видом человека, потревоженного в своих размышле-

ниях, я сделал прощальный жест рукой и, повернувшись спиной к незнакомцу, неторопливо зашагал прочь.

Индеец с явной неохотой отступился от меня. Повернувшись в его сторону, я увидел, что, неодобрительно покачивая головой, он направился к костру. Поведение Уаконо показалось ему, очевидно, загадочным.

Спрятавшись за деревьями, я окинул взглядом лагерь. Мой приятель уже смешался с воинами, собравшимися вокруг костра. Я облегченно вздохнул.

Происшествие это, незначительное на первый взгляд, обеспокоило меня, но в то же время я получил драгоценные сведения: во-первых, я узнал свое имя, во-вторых, то, что сейчас собирался совет, имеющий какое-то отношение к Хиссоо-Ройо.

Сопоставив все это с сообщениями Изолины, я пришел к следующим выводам: совет должен разобрать спор предателя с сыном вождя. Он только сейчас собирается, значит, я не опоздал. Ни один из претендентов,— ни белый, ни краснокожий,— не получили еще права на мою невесту. Никто из них до решения совета не осмелился бы посягнуть на ее честь. Нелепое соперничество до сих пор спасало Изолину. Ее охраняла злоба двух грызущихся псов.

Какое счастье, что я вовремя подросел!

Я стоял в лесу. Со своего наблюдательного поста я рассматривал людей вокруг костров, но среди них не было Изолины.

Где она? Не в палатке ли? А что, если ее отделили от прочих пленниц и спрятали в роще до решения совета? В таком случае нужно переменить тактику. Прежде всего мне придется обыскать рощу. В таком случае задача моя упрощается. Если ее сторожат индейцы, я уложу их на месте. У меня два револьвера и в каждом по шести зарядов — шесть, а может и двенадцать человеческих жизней у меня в руках. Большинство команчей, вполне уверенные в полной безопасности, были не вооружены. Надо надеяться, что стража Изолины не станет стеречь женщину с карабинами в руках.

Кто знает, может, она одна... Все воины сбежались на собрание старейшин из простого любопытства или в надежде повлиять на его решение. Все они были заинтересованы в судьбе пленницы... Все... Я вспомнил про обычай, о котором писала Изолина...

Я углубился в заросли. Идти было нетрудно: деревья

росли на некотором расстоянии друг от друга среди редкого кустарника. Так что мне не пришлось пробираться ползком. Бесшумно ступал я мягкими мокасинами, а густая листва скрывала меня от вражеских взглядов.

В рощице преобладали вечнозеленые невысокие деревца. Кое-где лунные лучи, пробиваясь сквозь листву, освещали искривленные стволы, и в общем в роще царил такая тьма, словно стояла безлунная ночь.

Однако и темнота не помешала мне увидеть отвратительную сцену.

Я ошибся в своих расчетах: не все команчи сошлись у бивуачных костров... Внезапно я заметил несколько индейцев, тащивших в рощу беззащитных пленниц. Женщины плакали, отбивались.

При виде их я пришел в бешенство и едва не выхватил револьвера, но меня удержала мысль об Изолине. Какая судьба ждет ее, если меня убьют?

Занятые пленницами, негодяи не обратили на меня внимания, и я беспрепятственно прошел мимо них.

Я обшарил всю рощу, заглядывая в кусты, добрался до противоположной опушки, видел немало заплаканных мексиканок, но Изолины не нашел.

Несомненно, она в палатке.

Пробравшись к палатке, я обошел ее и, раздвинув ветки, осторожно выглянул из-за кустов.

Вот она, Изолина!

Глава 93

СОВЕТ

Она была здесь, Изолина, моя невеста! Я видел ее, я мог услышать ее голос, мог дотронуться до нее рукой, но не смел шелохнуться и еле отважился поднять на нее глаза.

Руки мои дрожали, сердце билось, комок подступал к горлу.

Не сразу заметил я Изолину. Странное зрелище привлекло мое внимание. Картина резко изменилась за то время, что я блуждал по роще. Невольно поддался я очарованию живописной сцены.

Костер догорал. Мерцали обуглившиеся сучья, но их

было так много, что красный полусвет заливал весь лагерь.

Команчи собрались вокруг костра. Они уже не толпились беспорядочными кучками, как раньше, а сидели на одинаковом расстоянии друг от друга.

Их было около двадцати человек, но точно я не сосчитал. Все они были одеты в национальные костюмы: мокасины, штаны из оленьей замши и головные уборы из перьев, браслеты из раковин, серьги, вампумы, ожерелья. Торсы были размалеваны охрой, мелом и красным соком растения уруку.

Я сразу сообразил, что передо мной старейшины. Остальные индейцы в мексиканской одежде разбились на небольшие группы по три человека и вполголоса разговаривали в некотором отдалении от костра.

Вдали мелькали черные силуэты воинов.

Когда глаза мои привыкли к необычному освещению, я увидел, что в цепи индейцев вокруг костра, прямо против входа в палатку, оставлено свободное пространство в пять или шесть футов.

Почва равномерно возвышалась от палатки к ручью. Здесь-то, выступая из линии круга, между костром и палаткой полулежала на волчьей шкуре Изолина. Руки ее были свободны, ноги связаны. Я не мог разглядеть ее черты, потому что она была усажена лицом к совету и спиной к палатке, но все же я тотчас узнал ее.

По другую сторону костра, против Изолины, белел степной жеребец. Он не был привязан, и один из команчей держал его под уздцы. Мустанг, так же как его хозяйка, был предметом разбирательства.

В стороне, не смешиваясь с толпой индейцев и не примыкая к членам совета, стоял Хиссоо-Ройо.

Пестрая раскраска придавала индейцам страшный облик, но ни у одного из них черты не дышали такой злобой, как у мексиканца.

От индейцев он перенял обычай размалевывать кожу. На его лбу был нарисован череп и две скрещенные кости, а на груди — кровавый скальп, символ жестокости «Мексиканского Волка».

Дикое впечатление производили эти рисунки на белой коже мексиканца. Красная, черная, желтая и синяя краски резко выделялись на светлом фоне его кожи.

Тщетно искал я соперника Хиссоо-Ройо. Быть может, он стоит в отдалении со своими товарищами? Или не

явился к костру? Он — сын вождя, может, он находится в отцовской палатке? Последнее предположение было самым вероятным.

Принесли большую трубку совета, зажгли ее от костра, и она пошла в круговую. Из уважения к священной трубке каждый член совета затягивался только по одному разу и передавал ее соседу. Таков был церемониал...

Глава 94

ШАНСЫ НА СПАСЕНИЕ

Позиция моя была исключительно выгодной: я видел костер, членов совета, индейских воинов,— словом, весь лагерь, но, главное, меня никто не мог заметить. Вдоль опушки рос буйный кустарник, точно такой, как на противоположном берегу. Густая листва не пропускала лунных лучей, а палатка защищала меня от красноватых отблесков костра.

Сразу освоился я со своим положением и учел все, что могло сыграть роль в минуту моего бегства.

Нет ни малейшей возможности тайно похитить пленницу, на которую обращены все взгляды. Исход один: открыто вырвать ее у индейцев. Спасение в быстроте и в натиске.

Когда же приступить к делу?

Изолина находилась в ярдах десяти от меня. Я не успею подбежать к ней и разрезать веревки: индейцы в мгновение окружат нас. Слишком близко сидят члены совета и почти рядом с пленницей держится Мексиканский Волк. Он не отступает ни на шаг. На поясе его блестит клинок длинной рапиры. Негодяй заколет меня, пока я буду распутывать веревки. Еще не настало время действовать. Подождем,— может, представится удобный случай...

Я вспомнил напутствие Рубби. Траппер советовал не торопиться и взвешивать каждый свой шаг.

— Если вынуждены будете пойти на отчаянный шаг,— сказал он,— лучше отложите выступление на последнюю минуту.

Хуже быть не могло: оставалась надежда, что впоследствии обстоятельства сложатся благоприятнее, и я вооружился терпением.

Из-под прикрытия рассматривал я Хиссоо-Ройо, член совета и воинов. Время от времени взгляд мой оставался на Изолине.

Как я уже говорил, она сидела ко мне спиной. Но внезапно я вспомнил кузнеца, и меня охватило неодолимое желание взглянуть ей в лицо.

Судьба улыбнулась мне: пленница повернула голову. Ни на лбу, ни на щеке Изолины не оказалось шрама. Нежная кожа была гладкой и бархатистой, как всегда. Кузнец сжалился над ее красотой. А мясник из ранчери, не обезобразил ли он мою невесту?

Этого выяснить мне не удалось. Густые черные волосы Изолины закрывали шею, грудь и плечи. Но Чипрео собственными глазами видел кровь: Изолина, безусловно, была ранена.

Бросив взгляд в мою сторону, Изолина отвернулась.

Она тревожно озиралась. Я понял, кого она ждет. О, если бы шепнуть ей хоть одно слово, успокоить ее, сказать, что она не покинута!..

К сожалению, это было невозможно: слишком зорко следили индейцы за пленницей. Они не спускали с нее глаз. К тому же в лагере царила полная тишина, и всякий шорох был бы услышан индейцами.

Совет еще не приступил к разбирательству.

Наконец раздался пронзительный голос глашатая, объявившего, что совет открывается.

Церемониал был настолько торжественным, что если бы дело происходило не под открытым небом, при свете костра, среди размалеванных индейцев, я поверил бы, что это верховный суд в цивилизованной стране.

По-своему это так и было, несмотря на отсутствие судей. Судопроизводство велось, если можно так выразиться, присяжными. Примитивное правовое сознание не нуждается в посредниках. Не было также адвокатов. Заинтересованные стороны сами защищали свои права.

Таков верховный суд в прериях.

Трижды и раз от разу громче прокричал глашатай имя Хиссоо-Ройо. Он мог пощадить свои легкие: Мексиканский Волк стоял в двух шагах от него, готовый выступить перед судом.

Еще не умолкло эхо, когда отозвался предатель. Он вышел на середину круга, выпрямился и скрестил руки. В таком положении оставался он до самого конца.

Не пора ли мне броситься к Изолине, чтобы тотчас

решить свою судьбу? Сидящие воины были безоружны. А от предателя нас отделял огромный костер.

К счастью, я вовремя вспомнил о толпившихся на заднем плане команчах. Сбегая к ручью, я столкнусь с ними, а многие из них вооружены.

«Никогда не проложить дорогу среди такого множества врагов!» — подумал я.

Мудрый совет Рубби снова пришел мне на память и я отказался от безумного проекта.

Глава 95

ИСПАНСКИЙ ВОЛК

Около минуты длилась торжественная тишина.

Наконец один из членов совета встал и знаком предложил Хиссоо-Ройо говорить.

— Братья мои, краснокожие воины Хьетана! — начал он. — Я буду скуп на слова. Юная мексиканка должна принадлежать мне. Кто оспаривает мое право? Мне принадлежит также «белый мустанг», так как я изловил его.

Хиссоо-Ройо умолк, словно ожидая дальнейших распоряжений совета. Тотчас заговорил один из воинов.

— Хиссоо-Ройо требует юную мексиканку и «белого мустанга». На чем основывает он свои права? Пусть он выскажется перед лицом совета.

Говорил стоявший перед костром член совета. Очевидно, он руководил церемониалом. Он был старше всех, и возраст давал ему преимущество над остальными. У индейцев старость в большом почете.

— Братья, — продолжал Хиссоо-Ройо, — мое требование справедливо. Всех вас призываю в судьи. Ведь вы не закроете своих ушей перед словом истины! Нужно ли вам напоминать, что по закону пленник принадлежит тому, кто захватил его? Таков закон вашего и моего племени, ибо мы братья и члены одного племени.

Раздались одобрительные восклицания.

— Кожа у меня белая, но сердце того же цвета, что у вас. Вы усыновили меня, приняли в свое лоно. Вы удостоили меня великой чести, назвав воином, а потом одним из вождей. Дал ли я вам повод раскаяться в вашей доброте? Обманул ли ваше доверие?

Толпа взволнованно загудела.

— Я верю в ваше правосудие. Белый цвет моей кожи не ослепит вас, ибо вы знаете цвет моего сердца.

Красноречие предателя произвело впечатление на команчей: они шумно приветствовали бледнолицего брата.

— Слушайте! Я требую девушку и коня! Не стоит напоминать, как они были захвачены: вы сами были свидетелями моей удачи. Сейчас возникло какое-то сомнение, хотя множество воинов участвовало в ловле. Я настаиваю на своем праве. Именно мое лассо затянулось на шее мустанга. Я остановил его крутой бег. Конь и девушка — мои пленники. Поймать лошадь — все равно, что взять в плен всадницу. Кто оспаривает мои права? Пусть он покажется.

Голос нового Демосфена звучал самоуверенно и вызывающе. Закончив речь, он застыл посреди лагеря, скрестив руки на груди.

Снова наступила пауза. Престарелый воин положил ей конец, подав знак глашатаю, который выкрикнул пронзительным фальцетом:

— Уаконо!

Я вздрогнул. Ведь он звал меня! Ведь это мое имя Уаконо!

Трижды прокричал глашатай, и раз от разу громче:

— Уаконо!.. Уаконо!.. Уаконо!..

Внезапно я понял, в чем дело. Соперник мексиканца Уаконо — тот самый индеец, чей ягуаровый плащ накинут на мои плечи, чьи мокасины на моих ногах, чей убор из крашенных перьев венчает мою голову. Я заgrimировал под Уаконо.

Трудно описать чувство, овладевшее мною при этом открытии. Я попал в исключительно опасное положение. Дрожащими руками я закрыл лицо, не смея взглянуть ни людей, сидевших вокруг костра.

Несколько минут сидел я, боясь шелохнуться и прислушиваясь к каждому шороху. В лагере, казалось, все затаили дыхание, ожидая появления Уаконо.

Глашатай повторил свой троекратный вызов:

— Уаконо!.. Уаконо!.. Уаконо!..

Новая пауза. До меня донеслись разочарованные подгласы, когда выяснилось, что Уаконо не откликается ни вызов.

Один я знал, что настоящий Уаконо лишен возможности предстать перед советом, а его двойник предпочитает прятаться в кустах.

Положение было настолько забавным, что, несмотря на опасность, я едва не рассмеялся. Раздвинув ветки, я взглянул на лагерь.

Среди индейцев произошло некоторое замешательство: выражаясь по-военному: «Уаконо внесен в рапорт как отсутствующий». Члены совета, однако, по-прежнему сидели неподвижно, ничем не выдавая своего волнения, но молодежь шумела и в беспокойстве сновала по лагерю.

В критическую минуту из палатки вышел какой-то старик почтенной наружности. Лицо у него было все в морщинах, а волосы белы, как снег. Я удивился. Седой индеец — все равно, что белая ворона. Даже у дряхлых стариков волосы почти никогда не белеют.

В манерах старика чувствовалось, что он пользуется большим влиянием на своих единоплеменников. Уаконо — сын вождя. Очевидно, старик — его отец.

Догадка оказалась правильной.

Седовласый индеец приблизился к костру и знаком приказал молчать.

Все повиновались. Разговоры умолкли. Воины настожились.

Глава 96

КРАСНОРЕЧИЕ КОМАНЧЕЙ

— Хиетаны! — начал престарелый вождь. — Хиетаны, дети мои и братья! Я ваш вождь, но не склоняйте сердца и мою пользу только потому, что я старший среди вас. Уаконо — мой сын. Я жду от вас только справедливости. Да, я больше ни о чем не прошу... Уаконо — смелый воин. Кто не знает этого?.. Щит его украшен скальпами ненавистных бледнолицых, наводнивших наши земли. Бахрома на его одежде сделана из волос утахи, пауки, арамахо. Кто осмелится сказать, что мой сын, Уаконо, не смелый воин?

Толпа одобрительно загудела.

Мексиканский Волк — тоже смелый и достойный воин. Рука у него сильная, сердце непреклонное. Он скальпировал немало врагов хиетанов. Я чту его доблесть. Кто среди вас не согласен со мной?

Целый хор гортанных голосов. Совет и воины взволнованно кричали. По общему воодушевлению я понял,

что симпатии команчей на стороне Хиссоо-Ройо, а не Уаконо.

Восторженные возгласы покоробили вождя. Когда шум утих, он продолжал свою речь, но уже в другом тоне. Он дал портрет Хиссоо-Ройо, сгустив и без того темные краски. В словах его сквозила враждебность.

— Итак, я уважаю Мексиканского Волка. Я чту его за то, что сердце у него каменное, а руки сильные. Слушайте меня, дети мои и братья Хиетаны! Все в природе двойственно: день сменяется ночью; лето — зимой; зеленая прерия — голой пустыней. Таков же язык Хиссоо-Ройо. Он раздвоен, как у гремучей змеи, и одна половина отличается от другой, как свет от тьмы. Не доверяйте ему!

Вождь замолчал. Очередь была за Мексиканским Волком.

Он не стал защищаться против обвинения вождя: язык, видимо, у него действительно был раздвоенный. Но все об этом давно знали, и популярность его не пошатнулась. Большим лгуном был Хиссоо-Ройо, настоящим бахвалом, раз он безропотно проглотил обиду.

Предатель не возмутился: верно, он был согласен с вождем. Выступив на шаг вперед, он сказал:

— Если язык Хиссоо-Ройо раздвоенный, пусть совет не придает веры его словам. Вызовите свидетелей. Немало команчей подтвердят показание Хиссоо-Ройо.

— Сначала выслушаем Уаконо! Где Уаконо? Говори, Уаконо! — перебивая друг друга, кричали члены совета.

Ударив в тамтам, глашатай завопил во все горло:

— Уаконо!.. Уаконо!.. Уаконо!..

— Братья! — заговорил вождь. — Помедлите с решением. Сына моего нет в лагере. Он отправился к прежней стоянке по «тропе войны» и еще не вернулся. Не знаю, что с ним, но за него не беспокоюсь. Уаконо — смелый воин и сумеет защититься. Отлучка его долго не продлится. Завтра он будет с нами. Вот почему я прошу положить суд.

Команчи ответили на просьбу вождя неодобрительным ропотом. Сторонники предателя брали верх над друзьями Уаконо.

Тогда Хиссоо-Ройо снова обратился к собранию.

— Эта безделица отняла у вас и так слишком много времени, Хиетаны! Дважды садилось солнце, а вопрос еще не разрешен. По нашим обычаям, нельзя бесконеч

но оттягивать решение совета. Пора распределить военную добычу. Свидетели подтвердят мое право на девушку и коня. Уаконо не может представить никаких доказательств в свою пользу, иначе он давно явился бы сюда. Ему стыдно с голыми руками предстать перед советом, вот почему он исчез в такой важный день...

— Уаконо не исчез!! — крикнул кто-то из зрителей, теснившихся на заднем плане.— Уаконо вернулся в лагерь!

Слова эти произвели большое впечатление. Седовластый вождь удивился не меньше других.

— Кто говорит, что Уаконо вернулся? — громко спросил он.

Один из индейцев выступил вперед. Я узнал команча, установившего меня на опушке.

— Уаконо в лагере! — повторил он.— Я видел юного вождя, разговаривал с ним.

— Когда же?

— Только что...

— Где ты его видел?

Товарищ моего двойника указал рукой на рошу.

— Он шел в ту сторону. Мы встретились на границе лагеря, и с тех пор я потерял его из виду.

Изумлению не было предела. Никто не понимал, отчего Уаконо, вернувшись в лагерь, скрылся и не отстаивает своих прав.

Отец Уаконо смутился. Он не пытался, да и не мог объяснить странного поведения сына.

Несколько человек предложили разыскать пропавшего воина и привести его в лагерь.

Я не на шутку испугался. Меня немедленно схватят, потому что одежда Уаконо бросалась в глаза, и никто, кроме него, не носил ягуарового плаща. Искусный грим не спасет, а только ухудшит мое положение. Много Уаконо потащут к костру, и обман обнаружится. Меня убьют, растерзают, или, узнав о том, как мы обошлись с настоящим Уаконо, подвергнутым мучительным пыткам.

Все эти мысли вихрем пронеслись в моей голове. Отчет Мексиканского Волка тотчас успокоил меня:

— К чему искать Уаконо? — сказал он.— Он знает свое имя. У него есть уши. Его громко звали, но он не пришел. Позовите еще раз, если хотите. Если он в лагере, он услышит зов...

Расуждение было вполне логичным. Все согласились

с Мексиканским Волком, и глашатай в четвертый раз вызвал юного вождя.

Выждали несколько минут. В лагере царила глубокая тишина. Все напряженно прислушивались.

— Что вы скажете? — торжественно воскликнул предатель. — Ведь я прав! Воины, я требую немедленного решения!

Команчи не сразу ответили ему. Все молчали: и совет, и зрители.

Наконец один из старейшин поднялся и, закурив священную трубку, затянулся и передал ее своему соседу слева. Когда трубка, обойдя весь круг, вернулась к первому индейцу, он отложил ее в сторону и вполголоса, чтобы не слышали воины, произнес несколько слов. Началось совещание. Каждый член совета высказал по очереди свое мнение, а затем старейшина огласил приговор.

Он был неожиданным и достаточно нелепым. Не желая никого обидеть совет принял половинчатое решение.

Лошадь присудили Уаконо, а девушку — Мексиканскому Волку.

Глава 97

МЕКСИКАНСКИЙ ВОЛК

Решение совета удовлетворило всех. Мексиканский Волк радостно оскалил зубы, но улыбка его была похожа на отвратительную гримасу. Он был доволен: ему оказали явное предпочтение.

Седовласый вождь проснял. Должно быть, коня он считал более ценным призом, чем женщину. Вряд ли Уаконо придерживался его точки зрения! Думаю, он пришел бы в отчаяние от мудрого приговора совета.

Хиссоо-Ройо завладел редкостным сокровищем. Он не скрывал своего восторга. С торжествующим видом направился он к пленнице.

Покончив с трудным делом, старейшины поднялись со своих мест. Одни разошлись, другие подсели к костру, и между ними завязался мирный разговор. Они смеялись, болтали, жестикулировали.

Все, казалось, совершенно забыли о недавних событиях, о суде, соперничестве, спорах...

«Белого мустанга» передали другу Уаконо, девушку Хиссоо-Ройо, и лагерь вернулся к обыденной жизни,

Быть может, кто-нибудь из юношей, разочарованный решением, бросал тревожные взгляды на прелестную пленницу. Не сомневаюсь, что многие завидовали предателю, но они затаили свои чувства.

Мексиканского Волка и бледнолицую скау предоставили собственной судьбе.

С этой минуты я не спускал глаз с предателя. Все мои мысли были заняты «Волком» и его жертвой.

Седовласый вождь удалился в палатку. Изолина осталась одна. Но я не успел выхватить охотничьего ножа, как к моей невесте подошел Хиссоо-Ройо.

Он обратился к ней по-испански, не желая, очевидно, чтоб его поняли команчи.

— Что скажешь, Изолина Варгас? Слышала решение совета? Я знаю, ты понимаешь язык команчей: это твой родной язык!

Ренегат издевался над пленницей.

— Ты принадлежишь мне душой и телом. Ты слышишь?

— Слышу.

— Ты должна быть довольна. Я белый, как и ты. Я спас тебя от объятий краснокожего. Ты довольна, Изолина Варгас?

— Да, я довольна.

Голос Изолины звучал твердо. Ее ответ поверг меня в недоумение.

— Это ложь! — вскричал предатель. — Ты хитришь, лукавая синьорита! Вчера еще ты пренебрегала мной. Ты презираешь меня!

— Я не имею права презирать вас: я ваша раба.

— Вот это правильно! Ты не смеешь презирать своего младыку и в чем-либо отказать ему. Твои чувства меня не интересуют. Люби меня или питай ненависть, — твоя воля. Со временем, пожалуй, ты привяжешься ко мне. Но это твое дело, синьорита! А пока что ты моя, и я наслажусь своей добычей...

Кровь кипела в моих жилах. Я судорожно сжимал рукоятку ножа, я собирался одним ударом покончить с негодяем и окровавленным лезвием разрезать путы пленницы.

Обстоятельства не благоприятствовали моему плану. Человек двадцать индейцев грелось у костра. Даже если мне удастся сразить предателя, мы не успеем убежать с Изолиной.

Вопреки благоразумию, я готов был броситься на Хиссоо-Ройо, но следующая реплика удержала меня от безумного плана.

— Вставай! — обратился он к Изолине. — Иди за мной, синьорита! Здесь слишком много народу, а я хочу поболтать с тобой с глазу на глаз. В роще есть чудесные лужайки с высокой травой. Мы насладимся тишиной и уединением. Поторопись, подружка!

Несмотря на наглый тон Хиссоо-Ройо, я обрадовался его словам. Под сенью рощи, в тишине и уединении, о которых он мечтал, мне легче будет справиться с негодяем.

Я насторожился, прислушиваясь к ответу Изолины.

Она указала взглядом на свои ноги, перетянутые у щиколоток ремнями.

— Как же я последую за вами? — спросила она спокойно и с некоторым удивлением.

Только сейчас я понял ее миролюбие: она подготовлялась к бегству, рассчитывая на собственные силы.

— Ах, да! — пробормотал он, вытаскивая из-за пояса нож. — Черт возьми! Я позабыл, что ты связана. Но этому делу можно помочь...

Но внезапно он остановился, заподозрив пленницу и хитрости. После минутного колебания он взглянул ей в глаза и спрятал нож.

— Не следует доверять быстроногим ланям, — сказал он. — Но я не выпущу тебя. Приподнимись! Вот так! А теперь — в рощу!

С этими словами он нагнулся над Изолиной, обнял ее за талию и понес на руках.

Я видел все это, но не спустил курка. Сам не понимаю, как я сохранил хладнокровие. Дух мой закалился в испытаниях, и ни на секунду не терял я надежды.

Не шевелясь, следил я за Хиссоо-Ройо. Еще не время действовать.

Глава 98

РЕШИТЕЛЬНАЯ МИНУТА

Хиссоо-Ройо поднял пленницу и понес, — что я гонорю, потащил, поволок... Обнаженные туго связанные ноги Изолины беспомощно свисали.

Он прошел мимо палатки и направился к роще.

Индейцы, заметив его маневр, с хохотом прокричали ему что-то вслед.

Под прикрытием кустов я прокрался вдоль опушки, чтобы перерезать путь негодяю.

Я опередил его и, спрятавшись за деревом, приготовился к встрече.

Задыхаясь под тяжестью ноши, Хиссоо-Ройо шел медленно. В десяти шагах от меня он остановился.

Отчего бы не расправиться с ним, не откладывая?

Но Хиссоо-Ройо, смелый Мексиканский Волк, двинулся дальше, прямо в мою сторону.

Приближалась решительная минута, но она наступила скорее, чем я думал. В трех шагах от меня Хиссоо-Ройо свалился на землю с диким воплем. Пленница упала рядом с ним.

Если бы не крик индейца, я подумал бы, что он попросту споткнулся. Но дело обстояло иначе.

На траве завязалась борьба. Одно мгновение — и девушка вскочила. В руках ее сверкнул нож. Она разрубила пути и побежала.

Я — вслед за ней, мимо него. Он был легко ранен и уже опомнился от потрясения. Громко кричал он, призывая на помощь. Я мог покончить с ним, но не хотел терять ни секунды. У меня была одна мысль: как можно скорее догнать Изолину.

В лагере тем временем поднялась тревога. Полсотни команчей бросились к роще.

На бегу я заметил «белого мустанга». Какой-то индеец, обкрутив вокруг шеи коня лассо, привязывал его к колышку.

Изолина мчалась к коню. Я понял ее намерение.

Через мгновение она схватила лассо. Индеец сопротивлялся. В воздухе мелькнуло окровавленное лезвие.

Команч отскочил в сторону, но все еще не выпускал лассо. Изолина перерезала его. Конец лассо остался в руках индейца. Изолина, вскочив на коня, уже неслась галопом.

Индеец схватил лук и колчан. Загудела тетива.

Я слышал свист стрелы. Мне показалось, что она попала в цель, но «белый мустанг» не дрогнул.

На дороге валялось брошенное копьё. Я поднял его и вонзил в спину индейца, прежде чем он успел пустить вторую стрелу.

Захватив с собой копьё, я побежал дальше.

Вот уже лужайка, где пасутся мустанги. Часть была стреножена, другие скакали в траве. Испуганные сторожа тарасили глаза, не понимая причины волнения. «Белый мустанг» благополучно миновал их.

Со всей силы гнался я за ним по пятам. За мной неслись индейцы, оглашая воздух диким криком.

— Уаконо! Уаконо! — вопили они, но я сильно опередил их.

— Уаконо! — восклицали конюхи, расступаясь передо мной.

Я не терял из виду «белого мустанга», но он был уже далеко. К моей радости, Изолина держала путь к зарослям «юкки» на холме.

По берегу ручья я добежал до крутого откоса и спрыгнул вниз, рассчитывая найти Моро.

Каково же было мое удивление, когда вместо Моро я увидел пятилетнего мустанга!

Я оглянулся: нигде не видно Моро!

Судите сами о моем раздражении и горе! Я ничего не понимал. Только товарищи мои могли произвести замену, но с какой целью?

Как объяснить их странный поступок? Но времени на размышление не было. Я вывел коня из воды и вскочил в седло.

Очутившись на уровне прерий, я заметил индейских всадников, преследовавших Изолину: Один из них значительно опередил других. Он приближался ко мне. При свете луны я узнал Хиссоо-Ройо.

— Раб! — злобно закричал он на языке команчей.— Это ты подстроил бегство пленницы! Негодяй! У тебя сердце жалкой скау! Но ты умрешь! Белая девушка принадлежит мне! Ты слышишь, Уаконо? Ты...

Он не закончил фразы.

По-прежнему я держал в руках копьё. Вот когда мне пригодился опыт, приобретенный во время службы в уланском полку. Послушный мустанг понес меня на врага.

Хиссоо-Ройо упал на землю, пронзенный копьём, а лошадь его шарахнулась в сторону и без всадника поскакала в прерию.

Индейцы были уже в десяти ярдах от меня. Их было человек двадцать. Гибель неминуема.

Меня осенила блестящая мысль.

Я заметил, что меня принимают за Уаконо. Воины

кричали мне вслед: «Уаконо!», сторожа мустангов окликали меня: «Уаконо!» «Уаконо!» — звали меня всадники, гнавшиеся за Изолиной.

Все говорило в пользу моего тождества с Уаконо: пятилетний мустанг, ягуаровый плащ, перья на голове и белый крест на груди.

Остановив коня и подняв руку, я угрожающе закричал:

— Я — Уаконо! Смерть тому, кто последует за мной!

Нелегко мне было составить эту фразу на языке команчей. Не ручаюсь, что выговор мой был безукоризненным. Однако меня поняли, быть может, благодаря выразительной жестикуляции.

Во всяком случае, команчи в смущении остановились. Круто повернул я коня и поскакал галопом.

Глава 99

ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ

«Белый мустанг» скакал сравнительно медленно. При свете луны я и на большем расстоянии заметил бы его. По моим расчетам, он не должен был опередить меня на большое расстояние. Но в конце концов убийство Хиссоо-Ройо и «беседа» с команчами заняли не больше двух минут, а за это время он не мог скрыться из виду.

Изолина скакала к подножию холма.

Я пустил индейского коня во всю прыть. Нож заменил мне шпоры и хлыст. Копье не стесняло больше моих движений, оно осталось в теле Хиссоо-Ройо.

Взгляд мой был устремлен на «белого мустанга». Он несся к роще, окаймлявшей подошву холма. Изолина находилась уже недалеко от излучины, откуда я начал свое путешествие по руслу ручья. Вскоре беглянка скроется в зарослях.

Внезапно она повернула налево, в голую прерию. Маневр Изолины удивил меня. По-моему, ей следовало скрыться в чаще.

Не пытаюсь даже объяснить ее поступка, я поскакал по диагонали. К великой досаде моей, индейский мустанг не отличался резвостью. Нельзя было даже сравнить его с моим драгоценным Мором.

«Белый мустанг» оставил далеко позади себя холм.

Я не только не нагнал его, но расстояние между нами увеличивалось с каждой минутой.

Но тут я заметил всадника в темном, который скакал мне наперерез. Он несся с необычайной быстротой вдоль зарослей у подошвы холма. Издали услышал я хруст ветвей.

Внезапно узнал я своего Моро, а в седле — худошавую фигуру траппера.

Мы встретились на границе зарослей.

Не говоря ни слова, мы обменялись лошадьми.

Какая радость, что опять шпорю крутые бока Моро! — Скачите, как сто тысяч дьяволов! — крикнул мне вслед Рубби. — Ловите свою любезную синьориту! А мы отправимся по вашим следам. Видно, все обойдется благополучно! Скорее! Не теряйте времени!

Я не нуждался в понуканиях Рубби: Моро летел как ветер, и слова траппера замерли в воздухе.

Только сейчас я понял, зачем пронзели подмену лошадей. То была остроумная уловка траппера. Расчет его оправдался: верхом на пятнистом мустанге я блестяще довел до конца свою роль индейца. Но какое счастье, что мне вернули Моро!

В третий раз соперничали в беге два благородных скакуна — вороной и белый.

Белый степной скакун сильно опередил меня. Если бы не яркая луна, я, наверное, потерял бы его из виду. Но мы скакали по открытой прерии, под звездным шатром неба. Как на маяк держал я курс на белоснежного мустанга.

Вскоре я убедился, что Моро выиграет расстояние. На этот раз «белый мустанг» не развивал полной скорости, на которую был способен.

О, если б всадница знала, кто гонится за ней! Если бы она могла услышать мой зов! Но я был слишком далеко...

Молча скакал я вперед. Я приближался к своей цели. Расстояние быстро таяло, если только меня не обманывал неверный свет луны...

Мне казалось, что «белый мустанг» с самого начала скачки идет тяжелым аллюром.

Мне казалось?.. Нет, я это знал.

Три сотни ярдов отделяют нас.

Изолина услышит меня, узнает мой голос...

Я громко звал мою невесту, кричал ей, что я Уорфильд, но не получал ответа.

Внезапно «белый мустанг» пошатнулся и тяжело рухнул вместе с всадницей.

Я не сдержал Моро и подлетел прямо к расprostертой на земле Изолине.

Спешившись, я увидел, что Изолина уже высвободилась из-под лошади.

Девушка отпрянула от меня и замахнулась ножом.

— Не подходи ко мне, негодяй! — воскликнула она по-команчски.

— Изолина!.. Я!..

— Генри!.. Генри!..

И она бросилась в мои объятия...

Взмыленный Моро раздувал точеные ноздри и грыз уздечку.

У наших ног лежал «белый мустанг». Отравленная стрела индейца ранила его. Древко торчало в боку скакуна. Глаза его были открыты, но взгляд стеклянный. Кровь еще струилась из ноздрей, но тонкие ноги были неподвижны.

Вдали показались всадники. Я издали узнал своих рейнджеров. Они приблизились галопом и глядели на нас с высоты своих седел.

Индейцы оставили нас, очевидно, в покое. Но мы не были гарантированы, что не снарядят погоню по следам братоубийцы — Уаконо.

Бросив прощальный взгляд на павшего мустанга, мы пришпорили своих коней.

Только перед рассветом сделали мы в чапоррале привал, но предварительно подожгли прерию, чтобы уничтожить свои следы.

Расположились мы в зарослях акации. Утомленные рейнджеры прикорнули на траве и вскоре уснули.

Один я не спал. Изолина задремала, положив голову мне на колени. Вместо подушки я подстелил шкуру ягуара.

Я убрал густые волосы с лица...

Матадор — чудовищный мясник — пощадил красавицу, а может, от него удалось откупиться: шрама нет! Только на ухе легкая царапина: это вырвали во время грабежа серьги из ушей Изолины. Вот почему Чипрео заметил кровь.

Последняя ночевка в прерии...

К вечеру следующего дня мы переправились через Рио-Гранде, где стоял американский штаб. Поручив свою

невесту покровительству военных властей, я вернулся к рейнджерам.

Что же касается команчей, я больше с ними не сталкивался. Лишь впоследствии узнали мы о горькой судьбе одного из команчских воинов.

Несчастный Уаконо! Что может быть кошмарнее его жребия!

Много говорили в войсках о мертвом индейском воине, которого нашли привязанным к дереву.

Уаконо погиб бесславной смертью.

Я почувствовал угрызение совести.

Гибель Уаконо — одно из самых тяжелых воспоминаний в моей жизни.

Фабульная композиция рассказа требует, чтобы в виде развязки было сообщено о смерти Ихурры. Мало того, Ихурра должен умереть от руки Холлингсворта.

К моему удовольствию, так и произошло в действительности: лейтенант отомстил за своего брата.

После страшной ночной резни, о которой говорилось выше, Холлингсворт приобрел союзника в лице Уитлея, тоже жаждавшего мести.

Оба лейтенанта с горсточкой смельчаков бросились в погоню за гверильясами. Проводником их был Педро. Преследуя гверилью, они глубоко врезались в тыл противника.

Подобно гончим, днем и ночью бежали они по следам, пока не накрыли гверильясов в их логове.

Завязалась жестокая рукопашная схватка. Рейнджеры победили отчаянно сопротивлявшихся партизан.

Холлингсворт убил Ихурру, а рыжий бандит Эль-Зорро пал от руки техасского лейтенанта, достойно отплатившего за бедную Кончитту.

Но кровавая месть не утешила моих лейтенантов. Всю жизнь хранили они воспоминания о своих потерях.

Экспедиция рейнджеров принесла и другие плоды. В штабе мексиканской гверильи они нашли множество пленных, в том числе дона Рамона де-Варгаса.

Почтенного джентльмена привезли в американский лагерь, где он встретил свою дочь и будущего зятя, вернувшихся из большого путешествия по великой прерии.

Черный мустангер

Роман

ИЗ СОБРАНИЯ ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА»

Глава 1*

МУСТАНГИ

До самых краев горизонта расстилается необъятная прерия: левая сторона ее густо заросла вереском и колючим терновником, а правую прорезывает широкий поток, который в десяти или в двенадцати километрах дальше впадает в реку Тринитэ, орошающую равнины Техаса. Поток этот многоводен и бурно катится между высокими и скалистыми берегами.

Царствующую в равнине тишину нарушает появившийся вдруг табун диких лошадей, числом около ста голов. Табун этот состоит из лошадей различных мастей, начиная от черной, как смоль, вороной, и кончая совсем белой, без отметины; тут видны лошади буланные, гнедые, серые, как сталь, серые в яблоках и наконец белые и золотистые.

Поток преграждает лошадям путь с правой стороны и заставляет их бежать вдоль реки так как *cavallada*, видимо, боится броситься в воду, чтобы переплыть на противоположную сторону. По временам лошади оглядываются, как бы выражая этим сильное желание вернуться назад; но для этого видимо, существует какое-то серьезное препятствие, и они продолжают бежать все дальше и дальше.

Вместо того, чтобы бежать по равнине коротким галопом, переходя по временам даже в карьер, как это им

* Роман «Черный мустангер» написан Т. М. Майн Рндом в сотрудничестве с Ф. Унттекером.

ют привычку делать дикие лошади, табун подвигается вперед сравнительно медленно.

Иногда, впрочем, лошади начинают бежать быстро и даже переходят на крупную рысь, точно спасаясь от летающих над ними мух, которые немилосердно жалят их своими хоботками; но затем опять меняют аллюр и по-прежнему не бегут, а скорей бредут тем же ленивым, усталым шагом, точно их гонит какая-то невидимая сила, хотя им и очень не хотелось бы удалиться от излюбленных ими пастбищ.

Дикие лошади, если подкрасться к ним незаметно и последить затем, как они, когда им не грозит никакой опасности, бродят по пастбищу или бегут по прерии, обыкновенно проявляют при этом все свойства своего дикого нрава: они прыгают, брыкаются, громко ржут, то гордо поднимая голову кверху, то грациозно изгибая шею и распуская по ветру, параллельно земле, свой длинный хвост.

В противоположность такому обыкновению бегущая в это время по прерии *cavallada* держит себя совершенно иначе, и наблюдатель не увидел бы во всем табуне ни одной изогнутой, как у лебедя, шеи, ни одного развивающегося султаном хвоста. Наоборот, в этом табуне головы у всех лошадей опущены книзу, глаза не мечут молнии, и вообще бедные животные, буквально еле-еле волочащие ноги, имеют такой изнуренный вид, точно с них сейчас только сняли седла и уздечки после продолжительной и быстрой скачки. Они кажутся усталыми, разбитыми и чем-то сильно напуганными, точно их долгое время преследует и не дает им ни минуты отдыха какой-то страшный для них враг.

Последнее предположение оказывается верным: вслед за лошадьми вскоре появляются и преследующие их враги, три всадника, едущие на довольно большом расстоянии один от другого; но всадники эти сидят верхом не на лошадях, а на мулах.

Человеку, незнакомому с тexasскими прериями, трудно даже представить себе такую картину,— до такой степени все это казалось бы ему невероятным!.. Табун диких лошадей, этих гордых, любящих свободу и таких осторожных животных, служит предметом охоты и бежит туда, куда его гонят всего трое людей, сидящих к тому же верхом на мулах... на неповоротливых мулах, от которых быстроногие кони одним прыжком могли бы уйти на гро-

мадное расстояние, а затем и совсем скрыться из виду!.. И это происходит как раз среди безграничной в полном смысле слова прерии, где лошадям так легко уйти от преследователей, где им нечего бояться и где невозможно даже и думать о том, чтобы их догнать?..

Да, это и на самом деле должно казаться невероятным и положительно невозможным, если не предпослать этому иеобходимое объяснение. Сидящие на мулах всадники — мустангеры, т. е. охотники, занимающиеся главным образом ловлей диких лошадей. Эти люди до такой степени хорошо изучили привычки диких лошадей и изблюбленные ими места пастбищ, что в любой момент могут изловить их, не имея при этом надобности прибегать ни к ружью, ни к лассо.

Они уже давно обратили внимание на этот табун; несколько недель изучали они, так сказать, «образ жизни» этого табуна, следили за тем, какие места облюбовали себе лошади для пастбищ, где они проводят ночи и куда они регулярно, в определенные часы, отправляются утолять жажду. Наконец, в один прекрасный день мустангеры объявляют лошадям войну, или, вернее, отправляются охотиться на них, сидя верхом на мулах и имея при себе, кроме того, по два запасных мула, и медленно, но неутомимо, не останавливаясь ни на одну минуту, гонят несчастных, обезумевших от страха лошадей.

В первый день лошади не бегут прямо вперед, подобно тому, как это бывает на охоте на лисиц, когда ловчий выпускает стаю гончих по горячему следу, но описывают вначале концентрические круги, возвращаясь каждый раз на прежнее место. Во время этой быстрой скачки лошади пробегают не меньше пятидесяти километров, что, само собой разумеется, их сильно утомляет, тогда как их враги в это время проезжают всего десять километров, несколько не утомляя своих мулов. При этом мустангеры, заменяющие усталоющих мулов запасными, в продолжение этой скачки все время держатся перед табуном, преграждая ему обратный путь и заставляя лошадей снова поворачивать в прерию. В то время, как табун описывает круг, один из всадников пересекает охраняемое ими пространство по диагонали. Они повторяют это до тех пор, пока обезумевшие от страха лошади не отказываются окончательно от надежды пробиться сквозь эту живую преграду и не обращаются в бегство. Но лошади скоро начинают чувствовать усталость: они истощили свои си-

лы в этой бесполезной беготне по заколдованному кругу вместо того, чтобы с самого начала скрыться от своих преследователей и навсегда покинуть эти опасные места. Потом к усталости присоединяется голод, потому что их враги заботливо принимают все меры к тому, чтобы не дать им времени подкрепить свои силы. Проходит еще немного времени, и лошади начинают испытывать еще и мучения жажды, заставляющие их невыносимо страдать. Тщетно пытаются они свернуть в сторону, чтобы утолить жажду,— безжалостные мустангеры каждый раз предупреждают их намерения и кратчайшим путем спешат к месту водопоя, которое они высмотрели и разузнали уже давно. Благодаря этому, они почти всегда успевают не дать лошадям ни напиться как следует, ни поестъ зеленой сочной травы, чего так настоятельно требуют пустые желудки животных, изнемогающих от усталости, жажды и голода... И снова продолжается погоня, вся цель которой, по-видимому, заключается в том, чтобы не давать лошадям ни минуты отдыха... Наконец измученные лошади перестают уже сворачивать в сторону и бегут, бегут туда, куда их гонят мустангеры. Голод дает себя знать все сильнее и сильнее: лошади приостанавливаются, жадно хватают траву и молодые зеленые ветки с попадающихся по пути кустарниковых растений, но и это им дают делать не часто и сейчас же гонят дальше... Они вдыхают своими воспаленными ноздрями аромат полевых цветов, которые топчут копытами, но не смеют остановиться, слыша за собой громкие крики преследователей, которые умышленно стараются как можно чаще напоминать им о себе... и несчастные, в конец измученные лошади бегут дальше...

Наконец наступает ночь... Но и она не приносит им никакого облегчения, не дает желаемого отдыха. Охота продолжается и ночью, и лошади должны безостановочно бежать вперед, не имея возможности утолить ни голода, ни жажды... Но пройдет и эта ночь, и яркое солнце осветит безграничную прерию, а враги все еще будут схать следом за ними весь этот день, а может быть, и следующую за ним вторую ночь, и табун все будет бежать и бежать... Наконец, несчастные лошади доходят до такого состояния, что их можно заставить идти куда угодно, точно стадо быков, которых пастух гонит на пастбище.

Мустангерам это только и нужно, и они гонят табун

в заранее приготовленное место. Это корраль, или, иначе сказать, загон, устроенный чрезвычайно остроумно и прочно, над устройством которого мустангеры часто трудятся в течение нескольких недель. Такой корраль занимает обыкновенно пространство в несколько гектаров земли, причем место для него выбирается таким образом, чтобы на нем был хотя бы небольшой пруд и чтобы участок этот примыкал или к крутому обрывистому берегу реки, или к скалистому утесу. Затем все остальное пространство обносится идущим зигзагообразно палисадом, по углам которого для прочности врыты в землю громадной толщины столбы. Вход в корраль имеет воронкообразную форму и устраивается со стороны прерии между деревьями или высокорослым колючим кустарником, что заставляет бредущих вразброд лошадей сбиться в кучу.

Как только лошади попадают в корраль, мустангеры считают их пойманными, и с помощью лассо, которым мастерски владеют все тexasские охотники, одного за другим укрощают коней. Надо заметить, впрочем, что этот способ укрощения принадлежит к числу самых жестоких, и мустанг долгое время после этого при виде веревки или длинного, тонкого ремня сейчас же останавливается и, весь дрожа от страха, покорно отдается в руки своего укротителя.

Описанием такой именно охоты, происходящей на берегу притока реки Тринитэ, мы и начинаем этот рассказ. Охота близится к концу, о чем говорит загнанный вид лошадей и их усталая тяжелая поступь. Кроме того, это заметно еще и по тому, как держат себя мустангеры, которые теперь уже не скрывают своих намерений и, видимо, спешат как можно скорее покончить с утомительной и для них охотой.

Впереди видна группа деревьев, растущих метрах в ста от берега потока; пространство между ними и берегом не обнесено изгородью. К этим деревьям мустангеры и гонят табун диких лошадей, которых они, в конце концов, непременно заставят сделать по-своему. Вдруг лошади останавливаются. Мустанги очевидно подозревают, что здесь им устроена западня и нерешительно топчутся на одном месте, не желая идти дальше. У них появляется желание вернуться назад в прерию; но обернувшись, лошади видят как раз перед собой двух мустангеров, размахивающих у них перед глазами кусками яркой материи. Мустанги в испуге поворачиваются к потоку, и

затем вдруг бросаются бежать тяжелой рысью в открытое перед ними свободное пространство.

Вступив в проход между деревьями и берегом потока, лошади сейчас же видят столбы палисада, отделяющего их от прерии. Но следом за ними с громкими криками гонятся мустангеры, и лошади в страхе бегут по дороге между палисадом и берегом потока. В это время охотники пересаживаются на запасных мулов и, размахивая кусками яркой материи, начинают бешено кричать. Эти громкие крики пугают лошадей еще больше, и они устремляются в узкий проход между потоком и оградой, которая здесь подходит так близко к берегу, что лошадям приходится бежать, вытянувшись в одну линию. Немного спустя проход снова расширяется; это в первую минуту радует лошадей, и они, напрягая последние силы, вскачь стараются уйти от своих неумолимых врагов...

Табун пробегает еще двести-триста метров и снова видит перед собой врытые в землю столбы палисада... Передние лошади бросаются к ограде, но толстые столбы глубоко врыты в землю, и вся ограда устроена так прочно, что лошадям никак не проложить здесь себе дороги... Тогда они бросаются назад, но из этой западни нет выхода... Лошади мечутся, как безумные, опять бегут к берегу реки и останавливаются... Там скалистый обрыв, бездна...

Что же до мустангеров, то, загнав лошадей в корраль, они в ту же минуту спрыгивают со своих мулов и закрывают выход заранее приготовленным ими подвижным барьером из таких же толстых бревен, из каких сделана и вся ограда.

Глава 2

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ТОВАРИЩ

Один из трех мустангеров остался сторожить пойманных лошадей, а двое остальных выехали из корраля и, разговаривая, направлись к хижине, в которой они жили, за всем необходимым для предстоящего укрощения лошадей.

— Не нравится мне этот человек, милейший Эдуард, — сказал тот из них, который был пониже ростом. — Я его терпеть не могу. Вы обратили внимание, что он никогда не смотрит людям прямо в глаза?

— Мне он поэтому тоже очень не нравится, дорогой Вашингтон... но раз мы согласились взять его с собой, не можем же мы теперь прогнать его без всякой причины...

— А кто согласился?.. Только не я... Вы помните, как я всеми силами восставал против этого... По моему мнению, трое не могут охотиться вместе без того, чтобы в конце концов, не поссориться. И потом, одного из них всегда эксплуатируют двое остальных... В прерии, отправляясь на охоту, нужно всеми силами избегать лишних товарищей... Вы ведь, я думаю, не забыли, как я уговаривал вас предоставить ему ехать одному, куда он хочет, следом за нами или другой дорогой, но вы настояли непременно взять его с собой!..

— Я хорошо помню, что я взял его под свою защиту и настаивал на том, чтобы принять его к нам в товарищи... Он имел тогда такой несчастный вид и так нуждался в нашей помощи!

— Лучше было бы не брать его с собой. Вам еще придется иметь с ним дело... Я буду очень рад, если окажется, что я ошибаюсь, но мне почему-то кажется, что на совести у него лежат не одни только неуплаченные долги!

— Вы думаете?!

— Да, я даже почти уверен в этом... Вы разве не обратили внимание, как странно он держал себя в Неког-дочсе, где мы прожили несколько дней, как он беспокоился каждый раз, как прибывали эмигранты и при всякой встрече с новым лицом?.. Он в такие минуты напоминал собою человека, который боится, что сейчас явится полисмен и арестует его,— так по крайней мере казалось мне в то время

— Вы, значит, думаете, что он совершил какое-нибудь преступление?.. Может быть, он спасался от наказания за подделку или за кражу?..

— Нет, гораздо хуже этого, поверьте мне!

— Что же такое удалось вам узнать?.. В чем вы его подозреваете?

— У меня из головы не выходит... Честные люди не дрожат так от страха и не вскакивают по ночам.

— Значит, вы думаете?

— Да, я думаю, что у этого человека руки запятнаны пролитой кровью, милейший мой Эдуард Торнлей... Вот что не выходит у меня из головы...

— В таком случае очень жаль, что мы взяли его с со-

бою. Но если бы для ваших подозрений не было **таких** серьезных оснований, меня бы страшно мучило уже **одно** сознание, что мы можем предполагать относительно него что-нибудь подобное. Ну, да в наших руках исправить это, и прежде всего нужно победить в себе предубеждение против него. мы ведь, собственно говоря, не знаем ничего определенного, в чем **могли** бы упрекнуть его...

— Гм!

— К тому же нам, вероятно, **скоро придется** встретиться с индейцами. Они сильно косятся **на нас за то**, что мы охотимся на мустангов на их территориях, и, **если нам** придется сражаться с ними, три ружья все-таки **больше**, чем два.

— Может быть, да, а может быть, и нет... Кто знает, может случиться как раз наоборот... **Вы** разве не заметили, как дружит наш товарищ с тем краснокожим, **у которого** такое славное прозвище Тигровый Хвост, и со всеми подвластными ему семинолами?.. Если бы они не отличались так сильно один от другого цветом кожи, **можно** было бы подумать, что они родные братья... К нам эти же самые индейцы относятся не только сдержанно, но **даже** скорей враждебно... Это, на мой взгляд, не предвещает ничего хорошего. **Вы** разве никогда не слышали рассказов о ренегатах-европейцах, которые изменяли своим товарищам и отдавали их в руки индейцам?.. Все такие изменники оказывались большей частью людьми, совершившими более или менее тяжкие преступления у себя на родине и не смевшими поэтому туда возвращаться... Очень возможно, что и этот субъект один из таких изменников... Сам не знаю, что именно заставляет меня **думать** так, но я положительно не могу отказаться от мысли, что наш товарищ именно такой человек.

— Но зачем он станет изменять нам?

— Зачем? А хотя бы ради **того**, что нам посчастливилось сегодня поймать такой славный табун диких лошадей!.. Если продать нашу cavallada соседним колоннистам, мы выручим за нее не меньше двадцати тысяч долларов... Если разделить эту сумму на три части, то каждому достанется столько, что мы могли бы покинуть прерии и провести некоторое время у родных. Ну, а он, можете быть уверены, не поедет с нами... он сам говорил мне это вчера... Он хочет остаться здесь у индейцев, и я не думаю, что в один прекрасный день у него не явится мысль предложить индейцам в подарок, с целью лучше расположить

их к себе, принадлежащую нам часть добычи, т. е. тех мустангов, которые приходится на нашу долю. Семинолы не хуже нас с вами сумеют продать их, если захотят!

— В таком случае, дорогой Ваш, нам следует как можно скорее отделаться от него... Для этого нам нужно только подвести мустангов в Нэкогдочс...

— Да, тем более, что я знаю и причину, почему вы предпочитаете это место всякому другому...

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что вблизи этого города живет молодая девушка, которую вам до смерти хочется повидать, разве это не правда?

— Нет, уверяю вас, это не правда! Мое сердце так же свободно, как и ваше, Вашингтон.

— В таком случае я ошибся. Но это произошло потому, что вид женщины приводит меня в бешенство. Я охотился в горах близ форта Ларамии и там женился на индианке; но моя сквау (женщина) до такой степени опротивела мне, что я поклялся ненавидеть с тех пор всех женщин. Она так любила виски и ром, что в течение зимы пропивала все деньги, какие удавалось заработать ее мужу-траперу за целый год охоты. Нет, я и слышать больше не хочу о женщинах!.. Я их презираю и ненавижу!

— Ха-ха! — весело расхохотался его юный спутник. — Но это, надеюсь, не может служить препятствием к тому, чтобы ехать в город... Там, я уверен, вы можете найти удовольствия и по своему вкусу...

— Для меня самым большим удовольствием будет продать лошадей и получить за них деньги. Поэтому, как только покончим с укрощением мустангов, сейчас же едем в Нэкогдочс, что бы там ни говорил наш компаньон! Впрочем, он может делать что ему угодно с теми мустангами, которые придется на его долю.. Но только пусть не рассчитывает получить третью часть добычи!.. Он не имеет на это права, потому что слишком уж мало помогал нам и большей частью проводил время в компании со своим другом Тигровым Хвостом и прочими краснокожими приятелями... Если бы вы только знали, как я презираю таких белых: они позорят себя, по моему мнению, тем, что дружат с краснокожими разбойниками!.. Негодяи!..

— Не браните бледнолицых, как нас называют индейцы, и лучше хорошенько пришпорьте вашего мула.

С этими словами Эдуард и сам поддал своему мулу. Одного из двух мустангеров звали Эдуард Торнлей, а другого Вашингтон Карроль, или сокращенно Ваш, как его иногда называл его более юный товарищ. Они настолько отличались один от другого, насколько это только возможно для людей одной и той же расы. И по внешности, и по воззрениям, и по образованию между ними не было никакого сходства. Вашингтон Карроль был человек маленького роста, худой, с лицом острым, точно лезвие ножа, как говорил он сам про себя, загорелый до такой степени, что лицо и руки у него цветом своим напоминали хорошо выдубленную кожу. В деловых отношениях со своими друзьями, а в особенности с людьми одной с ним расы он держал себя безупречно, но зато далеко не так он себя вел, когда ему приходилось иметь дело с краснокожими. По возрасту его еще нельзя было назвать стариком, так как ему было всего около пятидесяти лет. Первое впечатление от его наружности было совсем не в его пользу, и выражение его лица, скорей умного и хитрого, чем угрюмого и нечестного, несколько не смягчалось сильно безобразившим его широким красным шрамом — результатом некогда полученной им раны, — проходившим по всему лицу от рта до левого уха. Он был уроженцем штата Теннесси и траппером по профессии; но с тех пор, как цены на меха сильно упали, он бросил этот промысел и сделался мустангером. Последние несколько лет он жил в Техасе и занимался тем, что охотился на диких лошадей.

В противоположность ему, Эдуард Торнлей был совсем молодой человек, виргинец, переселившийся в Техас и появившийся в прерии не только затем, чтобы добывать деньги охотой на диких лошадей, но главным образом потому, что ему нравилась эта свободная, полная всевозможных приключений, хотя и очень тяжелая и сопряженная с большими опасностями, жизнь в прерии. Описанная в начале рассказа охота была первою, предпринятою ими вместе. С Вашингтоном Карролем он познакомился в Некогдогсе, и оба они так понравились друг другу, что сейчас же заключили условие ехать вместе.

В то время как они, готовясь к отъезду, запасались всем необходимым, к ним явился один субъект и так настойчиво умолял позволить ему ехать с ними, что, несмотря на всю недоверчивость старого охотника, чувствовавшего к тому же непреодолимую антипатию к просителю,

кончилось тем, что молодой, легко поддававшийся влечению сердца Эдуард уговорил его побороть в себе чувство предубеждения, и они согласились взять с собой неожиданно посланного им судьбой нового товарища. Это был тоже молодой человек, почти одних лет с Торнлеем. Он сказал, что его зовут Луи Лебар, и что он уроженец Луизианы. Новичок вполне оправдывал те подозрения, которые он внушал обоим друзьям. Карроль при первом же свидании почувствовал к нему антипатию, которая затем перешла в полное отвращение. И, надо сказать правду, в нем и в самом деле не было ничего, что говорило бы в его пользу. Он был маленького роста, коренастый, широкоплечий и при этом слегка горбился. Цвет кожи у него был такой, какой бывает обыкновенно у мулатов, а всклокоченная густая черная борода придавала ему еще более неприятный вид. Глаза у него все время бегали, и во взгляде было что-то такое, что напоминало в одно и то же время и лисицу и волка. Антипатия Карроля, кроме того, имела еще и другие основания: он и в самом деле слышал, как Лебар бормотал во сне какие-то странные слова и часто упоминал о каком-то убийстве. Карроль видел во всем этом что-то зловещее и, как мы увидим впоследствии, его подозрения, к сожалению, оказались слишком основательными...

Глава 3

НЕПРИЯТНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

Всадники прекратили дальнейший разговор о своем новом товарище и, прищипнув мулов, крупной рысью направились к хижине, где они жили вместе уже несколько недель. Хижина эта, срубленная из толстых неотесанных бревен, одной стороной примыкала к высокой скале, нависшей над берегом потока, впадавшего в реку Тринити. От корраля до хижины нужно было проехать расстояние в полтора километра. В то время как всадники ехали берегом потока, Вашингтон вдруг осадил своего мула и, указывая вытянутой рукой вперед, крикнул:

— Смотрите!.. Смотрите!

— Что вы там такое увидели? — спросил Торнлей, останавливаясь в свою очередь.

— Неужели вы ничего не видите там... невдалеке от реки... в прерии?..

— Теперь вижу. Там белеется что-то, похожее на палатку.

— Палатка?

— Да, нян, может быть, я ошибаюсь?

— Разумеется... Это вовсе не палатка, а белый верх эмигрантского фургона.

— Фургон!.. Неужели это правда!

— К несчастью, да... И за каким чертом они попали сюда!

— А не все ли нам равно?..

— Мне это неприятно. Я переселился сюда в надежде, что буду жить один и что мне не придется уже видеть больше бледнолицых, как говорят краснокожие приятели Луи Лебара, а вот теперь мне надо забирать свои пожитки и снова уходить дальше. Из-за этого я не остался жить в Теннесси и ушел оттуда сначала в Луизиану, потом перебрался в Арканзас, потом изъездил и исходил целые сотни миль по берегам Миссисипи и все напрасно!.. Проклятые эмигрантские фургоны всюду следовали за мной... они разбивали палатки... пускали свой скот топтать прерию... за ними являлись другие бледнолицые и строили города... Я отправился на юг и дошел до Красной реки; но там оказалось еще больше эмигрантов и домов... Тогда я прибегнул к последнему средству, как говорят в Луизиане креолы, и забрался сюда, к самым границам Техаса... И тут неудача!.. Бледнолицые нашли дорогу и сюда!.. Настоящее несчастье!..

— Я и в самом деле ошибся,— перебил его Эдуард Торилей,— это эмигрантский фургон, и, если только мне не изменяют глаза, там не один фургон, а два... Но я положительно представить себе не могу, почему вам так неприятно видеть людей одной с вами расы?.. А мне, признаюсь, наоборот, это доставляет даже удовольствие.

— Удовольствие! Вы говорите, что вам это доставляет удовольствие?

— Да!

— А на каком основании, милостивый Боже! Разве вы не знаете, что значит увидеть эти большие фургоны?

— Это значит, что в них сидят переезжающие через прерию путешественники, может быть, золотоискатели...

— А может быть, и эмигранты, которые ищут удобное для поселения место! И последнее предположение

будет верней... Когда видишь белые верха этих фургонов, ни за что нельзя поручиться. Да вот, смотрите сами. Как вы думаете, что это такое движется возле фургонов?

— Там видны всадники...

— Там не одни всадники, есть и пешие... Затем коровы, овцы, дети... Это эмигранты и даже колонисты,— я их хорошо знаю!.. Я убежден, что они очень быстро заселят всю эту территорию, потому что здесь самая лучшая земля для разведения хлопчатника!.. Я это еще и раньше предсказывал и, как видите, не ошибся. Эти люди колонисты и они непременно поселятся здесь! А где будут пастись после этого табуны диких лошадей? Где мы будем их ловить потом?.. Эх! Дорогой Эдуард Торнлей, мы должны готовиться к тому, чтобы покинуть эти места! Мы в последний раз охотились здесь на мустангов!.. Прощайте, чудные лошади! Через год и самое большее через два, здесь будут стоять большие шести- и восьмизэтажные дома, а может быть, вырастет и целый город... Я ненавижу эти большие дома и города! Пройдет немного времени, и во всей Америке не останется места, где не было бы города!.. Ах! Нечего сказать, приятно будет жить нашим потомкам! Тогда не будет ни диких зверей, ни диких животных! Прощай охота, рыбная ловля, прощай свободная жизнь, большие леса! Ужас!.. Ужас!..

И старый арканзасский трапер покачал головой, снова тронул своего мула и, продолжая ехать берегом реки, все время смотрел в ту сторону, где виднелся караван эмигрантов, причем в его взгляде виден был не только гнев, но и глубокая истинная печаль. Для всякого другого, кроме него, это белое пятно было бы знаменем цивилизации, сигналом прибытия его братьев или, во всяком случае, бледнолицых, людей одинаковых с ним понятий; но он видел в этом только мрачную тучу, заволакивающую будущее, и с грустью переживал скорбь страстного охотника вообще и мустангера в особенности.

— Странная вещь! — заговорил он снова, внимательно рассматривая людей, суетившихся вокруг фургонов. Удивительно, право! У этих людей всего только два фургона, да и самих их не больше девяти человек, считая и негров. По всей вероятности, сюда переселяется какой-нибудь мелкий плантатор со всем своим имуществом. Бедняга! Если он рассчитывает поселиться здесь, имей только то, что есть при нем в эту минуту, я могу только пожалеть его, потому что Тигровый Хвост со своими кри-

вожадными воинами проглотит его в одну минуту. А уже недалеко время, когда краснокожие снова выйдут на тропу войны!

— Может быть, следом за этими будут еще и другие фургоны, которые почему-либо отстали и догонят их через несколько часов? — проговорил Торнлей, в котором слова его товарища пробудили сочувствие к эмигрантам.

— Если это верно, тем лучше для них! Но эти фургоны должны быть еще очень далеко, потому что с этого места вся прерия отлично видна, по крайней мере, на пятнадцать миль кругом, а фургонов что-то нигде не заметно. Куда же они девались и почему так далеко отстали от авангарда?

— Да, это в самом деле странно.

— Нет, тут перед нами весь караван, я в этом уверен! На горизонте нигде не видно ни одной повозки, ни одного всадника. И, если вы ничего не имеете против, по моему мнению, нам следует сейчас же ехать к ним и разузнать, что они за люди, куда едут... и, может быть, помочь им советом.

С этими словами, не ожидая ответа товарища, старый мустангер наградил своего мула сильным ударом хлыста и крупной рысью поехал к тем, с которыми он решил познакомиться и которым хотел помочь. Торнлей последовал примеру Карроля и, пришпорив своего мула, заставил его тоже идти рысью.

Глава 4

ВЫБОР МЕСТА ДЛЯ ПОСЕЛЕНИЯ

Караван эмигрантов или колонистов, появление которых так неприятно удивило мустангеров, был в пути уже давно, медленно подвигаясь по прерии, где не существует никаких проезжих дорог и где приходится ехать целиной... Вдруг послышалась команда:

— Стой!

Приказание это было отдано громким, привыкшим повелевать голосом, человеком очень высокого роста, лет пятидесяти отроду, имевшим следы военной выправки и сидевшим на рослом, под стать ему, коне. Приказание это относилось не к батальону солдат, а к самому обыкновенному негру, исполнявшему обязанности одновременно ку-

чера и погонщика при переднем фургоне, запряженном четверкою сильных мулов. Самого командира звали полковник Вильям Магоффин и, если бы кто-нибудь вздумал назвать его просто мистером Магоффин, без прибавления звания «полковник», он сейчас же остановил бы его словами:

— Милейший, вы не совсем так, как следует, называете меня.

Ветеран, служивший в армии под начальством Джексона, он слишком дорожил усвоенными им привычками старого солдата и не мог отступить от них ни при каких обстоятельствах. Поэтому же не мог он никак отвыкнуть от привычки говорить громким повелительным голосом, что составляет порок, которым одинаково страдают старые вояки во всем свете.

Как только раздалась команда «стой», темнолицые погонщики подняли крик, и мулы в ту же минуту остановились. Вслед за первым фургоном сейчас же остановился второй, а за ним последовал и экипаж, запряженный парю поджарых, горячих лошадей. Одновременно с ним остановили своих лошадей и двое всадников, ехавших по обе стороны экипажа, мимо которого шестеро пеших слуг прогнали вперед с дюжину овец и коров.

Словом, это была довольно обычная для техасских прерий картина каравана эмигрантов, разыскивающих удобное место для поселения. Но в то же время это было в высшей степени необычное, если не единственное, явление для той местности, где остановился караван. Белью верхи фургонов в первый раз приходилось видеть на зеленом фоне леса, носившего название техасского «Кросс-Тимберса», причем доказательством того, что эмигранты прибыли сюда из южных штатов, служили не только кучера и погонщики-негры, но и смуглые лица людей, гнавших за караваном рогатый скот и овец.

Если бы кто-нибудь приподнял белую занавеску верха у переднего фургона, тот увидел бы, что в нем сидят женщины с лицами самых разнообразных оттенков, начиная с бледно-желтого и кончая совсем черным; вместе с ними тут же ютились и дети, без которых почти никогда не приходится видеть эмигрантских караванов. В следовавшем за вторым фургоном экипаже сидели две красивые «бледнолицые» молодые девушки, по манерам которых видно было, что они получили хорошее воспитание. Из двух всадников, ехавших возле этого экипажа,

один был такого же высокого роста и такого же могучего сложения, как и полковник, но и по лицу его и по манерам видно было, что он принадлежит к более низкому классу общества. Другой всадник был совсем еще юноша, самое большее двадцати лет. Черты его лица имели сходство с начальником каравана, в чем, впрочем, не было ничего необыкновенного, так как юноша приходился племянником полковнику. Из двух молодых девушек, сидевших отдельно в карете, одна была дочь полковника Теннесси Магоффин, а другая ее двоюродная сестра Луизиана. Такие имена должны странно звучать для европейского уха; но в юго-западных и в юго-восточных штатах существует обычай давать дочерям имена тех штатов, где они родились. Этим же объясняются и такие имена, как Каролина, Виргиния и даже Флорида.

Полковник Магоффин сам был уроженцем штата Теннесси, куда отец его прибыл вместе с Аардингом, Робертсоном и Брэдфортом и как истинный патриот считал себя обязанным дать имя Теннесси своей дочери, превратившейся в красивую молодую девушку с белокурыми волосами. Его племянник и племянница были детьми одной из его сестер, которая вышла замуж за уроженца одного из самых отдаленных южных штатов и переселилась с мужем в Луизиану. Это объясняет, почему юная креолка, Луизиана Дюпрэ, приходившаяся Теннессии Магоффин двоюродной сестрой, отличалась от нее более тонкими чертами матово-смуглого лица.

Место, где остановился по приказанию полковника караван эмигрантов, представляло из себя равнину, отлого спускавшуюся к югу. Место это казалось скорее садом или частью парка, чем некультивированным клочком необъятной прерии, случайно обратившим на себя внимание красотой местоположения. В недалеком расстоянии виднелись группы высокоствольных деревьев, которые стояли, точно часовые, предупреждавшие путешественников, что за ними его ждут необъятные девственные леса и что эта прерия с ее высокой зеленой травой, волнующейся точно море, не более, как прелюдия.

— Мне это место очень нравится,—сказал полковник, как только остановились фургоны,— и я не вижу необходимости ехать дальше... я даже не думаю, чтобы мы могли найти где-нибудь другое местечко, которое находилось бы в лучших условиях и больше радовало бы глаз, чем

это... Что вы скажете, мистер Стротер?.. Вы согласны со мной?

— Виноват, полковник, я не только согласен с вами, но я и сам так думал,— отвечал спрашиваемый, который был не кто иной, как рослый всадник в простом костюме из домотканной материи цвета красной меди, вооруженный длинным шестифутовым ружьем, которое он держал на левом плече.

Затем он подъехал ближе к полковнику Магоффину и авторитетным тоном прибавил:

— Я тоже не думаю, чтобы можно было найти что-нибудь лучшее. Тут как раз рядом течет река, которая даст сколько угодно воды и для нас и для скота, а прерия покрыта такой чудной густой травой... Места свободного тут сколько хочешь, и нам совсем не придется вырубать лес и расчищать землю. Надо будет только как следует вспахать и обработать ее, а затем, я уверен, она будет давать столько хлопка, сколько захотим, и притом самого лучшего качества... И потом,— сказал он в заключение, оборачиваясь к лесу, который с противоположной стороны реки доходил до самого берега,— нам не придется ходить далеко искать медведей и оленей, не говоря уже о том, что тут должно быть много пушных зверей, должны быть и зайцы и дикие индейки... Да, полковник, я думаю, что вам надо как можно скорее оформить свои права на эту землю.

— А ты какого мнения, Эжен? — спросил полковник своего юного племянника.— Земля в этом месте кажется очень плодородной и вполне пригодной для табака и хлопчатника; кроме того, я думаю, что здешний климат достаточно теплый и для того, чтобы можно было заняться выращиванием сахарного тростника. Место очень живописное, а рыбная ловля и охота дадут нам возможность всегда иметь провизию в изобилии... Ну, так скажи же мне твое мнение!

С этими словами полковник обернулся к молодому человеку, который как уроженец Луизианы должен был, по его мнению, лучше знать, какая земля более пригодна для сахарного тростника. Но Эжен не слышал того, что ему говорил дядя и, повернув лошадь, направился к экипажу, в котором в эту минуту находилась его очаровательная кузина Теннесси. Полковник с озабоченным видом тоже подъехал к этому экипажу и здесь снова повторил тот же вопрос, прибавив в заключение:

— Скажите же мне, дети мон, как вы находите это место?.. Нравится оно вам?..

— Здесь восхитительно! — весело отвечала Теннесси. — Тут такая масса цветов, что только рви их и делай из них букеты и гирлянды!

— Это очень красивое место, — спокойно заметила ее кузина, лицо которой носило на себе следы меланхолии, даже почти печали.

— Как ты думаешь, будет здесь расти сахарный тростник, Эжен? — спросил полковник, обращаясь непосредственно к юному креолу, на котором был ловко сшитый костюм из синей бумажной материи, а голову прикрывала настоящая панама.

— Не думаю, дядя, — отвечал молодой человек, точно не замечая, что ответ этот не особенно приятен дяде. — Мы отошли слишком далеко к северу. Да не все ли это равно, раз здесь можно будет заниматься выращиванием хлопчатника? Не забывайте, дядя, что фунт ваты стоит гораздо дороже фунта сахару. Главное затруднение для нас, если мы поселимся здесь, будет, по моему мнению, в том, как доставлять отсюда продукты земледелия на рынки и каким образом, если представится необходимость, поддерживать связь с населенными местностями.

— Отлично! — весело проговорил полковник. — Я очень рад, что все согласны со мной. Все остальное мы устроим впоследствии. Мы займемся хлопком, а хлеб будем сеять лишь в таком количестве, какое необходимо для нашего собственного хозяйства. Что же касается провизии, то до тех пор, пока мы не разведем побольше скота, мы будем питаться рыбой и дичью и за столом у нас будет то медвежий окорок, то жареный дикий индюк. Словом, мы будем жить здесь не хуже, чем жили в нашем старом доме в Теннесси.

Но говоря это, полковник оказался не в силах сдержать вырвавшийся у него невольный вздох. Он думал в эту минуту, что, покидая свой старый дом в Теннесси, ему пришлось отказаться и от того комфорта, к которому он привык, и от всего, что в его представлении было неразрывно связано с понятием о благосостоянии, и навсегда сказать прости тем, кого он считал своими друзьями. В один печальный день к нему явился представитель закона и продал за долги, явившиеся результатом неумеренного хлебосольства и излишнего великодушия к другим, все его имущество, оставив ему лишь ничтожное чис-

ло цветных, которые находились теперь при нем, тогда как раньше он был владельцем великолепной плантации, где работало двести человек чернокожих рабов. Но скользнувшая было по его лицу тень сейчас же исчезла и через минуту он снова казался таким же спокойным и веселым. Он принадлежал к тому типу людей, в душе у которых живет инстинктивная страсть к переселению, которые не любят привязываться ни к одному месту и которых бессознательно влечет все дальше и дальше... Родившись и проведя детство на восточной границе штата Теннесси, он потом переселился в Нашвилл, в центр, а затем в Мемфис, на запад. Но и здесь казалось ему, что дома стоят слишком близко один к другому и что вся эта местность слишком густо заселена. Вот почему старый воин, лишившийся почти всего своего имущества, до известной степени был даже рад, что это дает ему возможность уйти подальше от цивилизации, подальше от городов, растущих, как грибы, от вырубленных лесов, от обработанных полей и отправиться искать счастья в другой стране, вдаль от людей. И теперь ему казалось, что судьба дает ему возможность осуществить свою мечту в этом уголке Техаса. Место, куда совершенно случайно попал его караван и где он приказал остановиться, представлялось ему самым подходящим для поселения... А так как и все его спутники одобряли его намерение, он окончательно решил поселиться здесь.

Глава 5

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

В то время, как эмигранты занимались приготовлением ужина и устройством бивуака на ночь, полковник Микгоффин увидел направлявшихся к лагерю двух всадников, сидевших на мулах.

Это были уже знакомые нам мустангеры.

Появление человеческого существа (будь то бледнолицый или краснокожий) в местности необитаемой, в прерии или в лесу, всегда вызывает известного рода тревогу и опасение; поэтому полковник, в котором долгая служба в армии и многолетние странствования по малонаселенным территориям штатов выработали привычку держаться всегда настороже и быть готовым к встрече

опасностью, отдал приказание своим людям **взяться за** оружие.

Но так **как двое** неизвестных продолжали все **так же** спокойно ехать крупной рысью, ничем не обнаруживая каких-либо враждебных намерений, и кроме того оказались «бледнолицыми», то полковник скоро успокоился и приказал своим людям опустить взятые было на прицел ружья.

Как сам полковник, так и все входившие в состав каравана люди, с нетерпением и даже с некоторой, впрочем, вполне понятной тревогой поджидали прибытия незнакомых всадников.

Они уже много дней не видели ни одного человека, которого могли бы назвать если не другом, то хотя бы не врагом, и уже совсем не рассчитывали увидеть в этих местах белых людей.

Полковник Магоффин еще за год перед тем, как навсегда покинуть штат Теннесси, ездил осматривать обширную территорию, носившую название Кросс-Тимберс и ни от кого не слышал, что эта местность уже заселяется и что тут есть колонисты. Поэтому его тоже очень сильно заинтересовало неожиданное появление двух «бледнолицых», как выражаются на своем образном языке индейцы.

— Кто вы такие? Зачем вы забрались сюда? — грубо спросил Вашингтон Карроль, легко спрыгивая со своего мула.

Он подошел почти вплотную к полковнику Магоффину, в котором с первого же взгляда угадал начальника этого маленького каравана эмигрантов.

— Вот бесцеремонный и недвусмысленный вопрос, — сказал полковник, не изменяя своему обычному хладнокровию, — ну да это все равно: я не делаю из этого тайны и могу откровенно ответить вам, что мы — плантаторы и хотим поселиться здесь, чтобы заняться выращиванием хлопчатника, а если окажется возможным, то будем возделывать и другие растения.

— И вы хотите поселиться здесь?.. На этом самом месте?..

— Да. Мы только что **решили** поселиться именно на этом месте.

— И у вас только и всего народу?

— Да.

— И к вам сюда никто еще не приедет?

— Насколько я знаю, нет.

— Надеюсь, вы не рассердитесь на меня за чистосердечное желание быть вам полезным... Как же вы рискнули отправиться сюда с такими слабыми силами? Или вы, может быть, не знали, какие вам грозят тут опасности?

— Опасности? Какие опасности?

— Со стороны индейцев, черт возьми! Вон там в лесах живет большая шайка индейцев...

— Но почему же вы сами, т. е. вы и ваш товарищ, не боитесь жить в таком близком соседстве с ними? Вы ведь, наверное, тоже живете где-нибудь в этих местах?

— Да, разумеется. Но только мы совсем другое дело. Ни я, ни мой товарищ не собираемся строить здесь дома, который будет виден со всех сторон за несколько миль, и потом мы не имеем намерения жить здесь долго. И потому у нас у обоих нет ничего такого, что могло бы пробудить алчность в дикарях; им с нас нечего взять, кроме скальпов, ну а наши скальпы мы постараемся убедить — тут вы можете мне поверить на слово!

— Я и не думаю сомневаться в этом...

— Кроме того, индейцы, надо вам сказать, не особенно тревожатся, когда видят нас и таких же, как мы, трапперов или охотников; тогда как колонисты — дело совсем другое! Они прекрасно понимают, что прибытие бледнолицых и устройство плантаций влечет за собою уничтожение охотничьих территорий... Понимаете вы теперь, какая разница между нами и вами? Затем еще раз повторяю вам, у нас нет ничего, а у вас есть имущество и, как бы мало оно ни было, оно будет возбуждать зависть в индейцах, и они кончат тем, что непременно отнимут у вас все ваше добро! И вы должны будете считать себя еще счастливыми, если они только этим одним и ограничатся и не лишат вас также и жизни или не завладеют и тем, что для вас может быть дороже самой жизни.

При этих словах старый охотник бросил многозначительный взгляд в сторону молодых девушек, которые, слышав незнакомый им голос человека, разговаривавшего на английском языке, вышли из экипажа но, увидев вместо одного двух незнакомцев, покраснели и остановились.

Даже сам старый траппер, считавший себя навсегда застрахованным от опасных чар женской красоты, и тот невольно залюбовался ими. Взгляд его молодого товарища сначала перебежал с одной молодой девушки на дру-

гую, а затем окончательно остановился на креолке, от прекрасного лица которой он, казалось, уже не мог оторваться.

Это восхищение, вызванное молодыми девушками в обоих мустангерах, было как бы их невольною и бессознательною данью красоте далеко не заурядной; хотя со стороны Торнлея в этом и не было ничего особенно удивительного, потому что он уже в течение многих недель не видел ни одного женского лица за исключением индианок.

Полковник Магоффин прекрасно понимал все значение сделанного ему охотником намека. Эти слова пробудили в нем старые опасения, которые он упорно гнал от себя. Он не мог не сознавать, какая опасность грозит не только ему самому, но главным образом обоим молодым девушкам, если только в этих местах бродят шайки индейцев.

Когда он был в этих местах год назад, он не только нигде не видел ни одного индейца, но даже не нашел и никаких признаков пребывания их в этих местах. Но теперь он явился сюда при совершенно других обстоятельствах. Теперь он хотел поселиться здесь; с ним были громоздкие фургоны, скот и наконец, что всего дороже, тут были женщины и дети. Поэтому слова траппера сильно встревожили его; но, не желая обнаружить эту тревогу в присутствии других, он сделал вид, будто не понял намека, скрывавшегося в словах мустангера и спокойно отвечал:

— Мне кажется, что опасность вовсе уж не так велика, как вы говорите, а потом мы и сами такие люди, что сумеем защитить не только себя, но и всех прибывших сюда с нами. Нас, правда, не много, но мои негры умеют так же хорошо владеть огнестрельным оружием, как киркой и лопатой. Среди них нет ни одного, кто не сумел бы выстрелить из ружья. Я имел это в виду, отправляясь сюда, и поэтому должно быть очень много краснокожих, чтобы нас победить или хотя бы запугать.

На лице старого мустангера появилось нечто вроде насмешливой улыбки, тогда как лицо его молодого товарища, казалось, говорило: в случае нападения краснокожих или других каких-нибудь врагов, новые колонисты могут рассчитывать, что число белых и негров, способных защищаться с оружием в руках, в ту же минуту увеличится по крайней мере на одного человека.

— К тому же краснокожие, кажется, зарыли в землю боевой топор,— продолжал полковник полувопросительно.— Так, по крайней мере, мне говорили на Красной реке, и поэтому-то я и решил отправиться сюда. Надеюсь, что с тех пор здесь не случилось ничего такого, что давало бы вам повод утверждать противное?

— Ничего. Я не знаю ничего такого,— отвечал Кароль,— но только этот мир так же легко нарушить, как разгрызть орех. Индейцы очень быстро и очень легко забывают данное ими слово — как только это им кажется выгодным.

— И вы наверно знаете, что тут где-то недалеко бродят краснокожие? — спросил полковник Магоффин.

— Не так чтобы уж очень близко, но и не очень далеко: милях в двадцати от вас, не больше, вниз по течению ручья стоит лагерь и бродит по лесам довольно большая шайка индейцев. Это шайка семинолов, отделившихся от племени и странствующих по всей территории под начальством молодого вождя, которого зовут Тигровый Хвост и который ничем не лучше, если только не хуже настоящего тигра. Он привел с собою до полуроста взрослых индейцев, не считая женщин и детей. Эти воины, как они называют себя, вечно бродят по всей стране, и очень часто их встречаешь там, где всего меньше ожидаешь увидеть. Это-то и пугает меня всего больше и я от чистого сердца советую вам сейчас же уехать со всеми вашими фургонами, неграми, ружьями... Уезжайте куда хотите, только подальше от этих опасных мест!..

— Там видно будет. Меня это, признаюсь, не особенно тревожит,— отвечал плантатор так же невозмутимо, желая этим успокоить своих спутников, которые могли слышать их разговор и встревожиться, особенно женщины, и, может быть, совершенно неосновательно и, во всяком случае, раньше времени.

— А вас не затруднит ответить мне, откуда вы прибыли сюда? — собираясь уже уезжать, спросил охотник, на которого, видимо, произвело очень благоприятное впечатление мужество и хладнокровие его собеседника.

— Из Теннесси.

— А как ваша фамилия, если это не секрет? Или, может быть, вы хотите, чтобы я сначала сказал вам свое имя?

— Магоффин, по обыкновению меня все называют полковник Магоффин.

— Полковник Магоффин! А вы не родственник лейтенанту Магоффину, который служил под начальством старика Джэксона, когда мы воевали с англичанами?

— Мне думается, что я и есть тот самый лейтенант, про которого вы спрашиваете, потому что, насколько я помню, в армии генерала Джэксона не было другого лейтенанта с этой фамилией.

— Неужели это правда?— вскричал мустангер, бросаясь вперед и хватая за руку плантатора.— Значит, вы и есть тот самый лейтенант Магоффин? Ну, да, конечно!.. Иначе это, впрочем, и быть не может! Теперь я вас узнаю и по лицу. А вы меня не узнаете разве? В этом, впрочем, нет ничего удивительного, черт возьми! В этом виноват вот этот проклятый шрам, перерезавший мое лицо пополам. Вы, впрочем, не можете ставить это мне в вину, потому что я получал его, защищая вас от удара томагавком, которым замахнулся на вас великан ирокез. Вы еще не забыли об этом?

— Господи! Ваш Карроль, да неужели это вы?— проговоря полковник дрожащим от волнения голосом.

Через минуту старый траппер был уже в объятиях полковника, который поднял его, как перышко, на воздух и крепко прижал к своей могучей груди.

Окружавшие полковника и мустангера эмигранты, негры и бледнолицые, видимо, были сильно удивлены разыгравшейся перед ними сценой.

Обе молодые девушки, которых грубоватые манеры и сильно изуродованное лицо мустангера заставляло до сих пор держаться подальше от него, подошли и любезно приветствовали старинного друга и ратного товарища полковника Магоффина.

Как только улеглось волнение, вызванное этой совершенно неожиданной встречей старинных знакомых, собеседники снова получили возможность говорить спокойно. Ваш Карроль, которого теперь уже серьезно заботило крайне опасное положение его старого друга, попросил выслушать его и деловым тоном человека, привыкшего взвешивать каждое свое слово, сказал:

— Этот вождь Тигровый Хвост представляет из себя что-то ужасное даже и среди краснокожих, а его воины такие же, как и он, если еще не худшие негодяи и разбойники. Они даже свирепее своих союзников, команчей. Вся эта шайка состоит почти исключительно из одних молодых воинов, которым пришлось покинуть свое племя по-

тому, что их не хотели больше терпеть. Ну, да это не беда! Раз вы остановились здесь и хотите здесь же и поселиться навсегда, нам остается только решить, какие нужно принять меры к тому, чтобы вам можно было жить, не боясь никаких опасностей. Прежде всего я посоветовал бы вам выстроить как можно скорее блокгауз, а потом вы можете уже приниматься за постройку жилых зданий и прочих хозяйственных построек. Надеюсь, полковник, вы знаете, как строят блокгаузы?

— Да, имею понятие,— ответил полковник,— потому что такой блокгауз, о котором вы говорите, стоял среди покинутой нами плантации, и теперь я припоминаю, как он был выстроен.

— Тем лучше! Мой товарищ Эдуард Торнлей, с которым позвольте вас познакомить, и я поможем вам в этом и руками и советом. Мы занимаемся здесь охотой на диких лошадей и сегодня только что загнали в корраль целый табун мустангов. Как только мы пристроим этих лошадей в безопасное местечко, сейчас же явлюсь к вам. У нас еще один товарищ, но только на него нечего особенно рассчитывать. Для постройки блокгауза у вас тут чудное местечко, как раз у самой бухточкн, там, где стоит эта группа деревьев. Тут у вас будет под руками стронтельный материал, вам не нужно будет рыть колодец, и, кроме того, берег тут высокий и крутой, а это тоже имеет громадное значение, потому что вам придется укреплять только ту сторону, которая обращена к прерии.

— Я последую вашему совету, голубчик Карроль.

— И хорошо сделаете, полковник, но только примайтесь за работу завтра же с утра.

— Мы так и сделаем.

— Отлично,— сказал Вашингтон Карроль, вскакивши на своего мула.

Затем, обменявшись еще несколькими словами с полковником и пожав ему крепко руку на прощанье, мустангеры дали шпоры мулам и рысцей направились к своей хижине.

Глава 6

МЕЧТЫ ПРЕСТУПНИКА

Между тем, оставшийся в коррале Луи Лебар с нетерпением поджидал возвращения своих товарищей. Его не-

терпение разделял и мул, хотя у последнего это вызывалось, может быть, просто чувством голода.

— Будь они прокляты, негодяи! — думал Луи Лебар. — Где это они пропадают до сих пор, хотелось бы мне знать? За это время я мог бы уже несколько раз съездить в хижину и вернуться обратно. Они знают, что я здесь стерегу лошадей, и преспокойно сидят оба дома и едят до отвала, а я тут умираю от голода и жажды. Ах, как ненавижу я этих негодяев за то, что они так презрительно и недоверчиво относятся ко мне! Они хотят ехать в Нэкогдочс сейчас же после того, как покончат с укрощенным приходящимся на их долю мустангов... Но я не могу ехать с ними: я не смею ехать туда. Да, я не смею ехать туда! Туда чуть не каждый день являются приезжие из Луизианы, плантаторы и эмигранты. Я рискую встретить там знакомых, и меня может кто-нибудь из них узнать. И тогда... тогда я попаду в руки проклятых полицейских ищеек, от которых мне стоило такого труда удрать! Что же мне делать? Как мне быть, раз я не могу ехать с ними туда; где живут люди моей расы? Остаться навсегда в прериях и в лесах? И всю свою жизнь бояться встречи с представителями закона?..

Последние слова он совершенно машинально произнес вслух. Но звук его собственного голоса испугал его, и он вдруг умолк и подозрительно оглянулся кругом, как бы за тем, чтобы убедиться, что тут нет никого, кто мог бы услышать. Но спустя немного времени мысли его приняли обычное течение, и он, тяжело вздохнув, проговорил громким голосом:

— Ах, если бы только я не боялся вернуться в Луизиану и поселиться снова там, хотя бы под чужим именем!.. А почему бы и нет? Цвет лица стал у меня совсем бронзовый, а моя борода изменила меня до неузнаваемости. Нет, об этом пока нечего и думать. Для того, чтобы жить человеком независимым, ни в ком не нуждаться и избежать возможности быть узнанным, нужно прежде всего иметь много денег, но у меня их почти совсем нет... А разве скоро разбогатеешь, если будешь всю жизнь заниматься охотой на диких лошадей, продавая их потом самое большее по десяти долларов за штуку?.. Для меня остается только один исход — согласиться на предложение Фаннинга, потому что только этим путем и можно будет скоро составить себе состояние. Он предлагает присоединиться вместе с ним к команчам и заняться грабежом

плантаторов по течению Рио-Гранде. Плантаторы там народ богатый, и он уверен, что большинство мексиканских *haciendados* держат у себя большие суммы денег, не говоря уже о том, что у них у каждого бесчисленное множество золотой и серебряной посуды, скота и всевозможных драгоценных вещей!.. Мне это, сказать правду, не особенно нравится, но я волей-неволей должен согласиться и присоединиться к Фаннингу и его шайке. Надо будет еще раз покрасить себе лицо и сделать его совсем такого цвета, как у краснокожих: теперь мне ничего уже не стоит добиться этого... Да, клянусь небом, я так и сделаю. У меня, впрочем, не остается другого выбора. Затем, когда у меня будет много денег, я могу смело ехать, куда захочу, и делать, что мне угодно. У этого молодого Фаннинга есть, кажется, небольшие деньжонки, и поэтому он может купить у меня мустангов, которые приходятся на мою долю: это избавит меня от необходимости самому гнать лошадей на продажу до ближайшего города. Итак, решено: я присоединяюсь к Фаннингу и отправляюсь вместе с ним к берегам Рио-Гранде!..

Вот о чем думал Луи Лебар, или, лучше сказать, человек, называвший себя этим именем, стоя внутри корриала, где жалобно ржали пойманные мустанги, и с нетерпением поджидая возвращения покинувших его товарищей. Ему пришлось еще долго ждать, пока он, наконец, увидел их.

— Наконец-то вы вернулись! — сказал он сердитым голосом, когда они подъехали к нему поближе, — а я уже думал, что вы забыли обо мне!.. Какого же черта вы там делали? Вы должны были бы помнить, что я умираю тут от голода и жажды!

— Э! Товарищ, — своим обычно веселым тоном возразил ему Торнлей, — если бы вы поехали с нами, вы увидели бы нечто такое, что заставило бы вас, готов поручиться, запоздать еще больше.

— Что же это такое, что может заставить двух охотников забыть, что их с нетерпением ждет голодный товарищ?

— А! Заинтересовались-таки! В этой проклятой местности, черт возьми, не каждый день, я думаю, приходится видеть по две красавицы сразу!

— У семинолов тоже немало красивых девушек. Или, может быть, их-то вы и встретили? Признайтесь, что и

угадал. Ну, говорите, вы встретили краснокожих красавиц?

В этих словах Луи Лебара звучала нескрываемая насмешка, потому что он прекрасно знал, какого невысокого мнения его товарищи о краснокожих и о красоте их женщин.

— Я говорю вовсе не об этих отвратительных созданиях, — отвечал мустангер, — если бы мы встретили их, я не упомянул бы об этом ни одним словом, мистер Луи. Нет, я говорю о двух девушках, о двух ангелах и, надеюсь, что и Карроль не откажется подтвердить мои слова. Не правда ли, Ваш?

— Пусть меня возьмут черти, если я скажу хоть одно словечко против них! Это — настоящие ангелы, каких только можно себе представить. Я еще никогда не видел таких и, наверное, уже никогда больше и не увижу!

— Слушайте, Торнлей! Вы, должно быть, сговорились с Карролем и просто-напросто дурачите меня. Но я совсем не расположен смеяться, я умираю с голоду, и мне не до шуток. Дайте мне сначала поесть как следует, а потом я с удовольствием готов дурачиться с вами, сколько хотите.

— Ешьте, ешьте! — сказал Торнлей, протягивая уроженцу Луизианы мешок, в котором лежали привезенные ими сухари и дикий индюк, зажаренный накануне. — Наедайтесь досыта, но только не думайте, пожалуйста, что мы шутим; это так же верно, как и то, что я теперь разговариваю с вами.

— Где же это вам удалось их увидеть? — спросил охотник, с жадностью набрасываясь на жареного индюка, один вид которого, казалось, сразу изменил к лучшему его настроение. — Теперь рассказывайте, пожалуйста, я буду есть и слушать.

Торнлею так хотелось говорить, что он не заставил просить два раза и сейчас же с мельчайшими подробностями рассказал, как они увидели прибывший в эти места караван эмигрантов. Затем он не менее красноречиво описал заключительную сцену свидания старинных друзей, причем не забыл, само собой разумеется, упомянуть и о том, что эмигранты хотят поселиться в этих местах и завести здесь плантацию хлопчатника.

— А вы не знаете, откуда прибыли сюда эти эмигран-

гы? — спросил Луи Лебар, которого рассказ Торнлея, видимо, сильно заинтересовал.

— Несмотря на то, что все они между собой близкие родственники, так сказать, члены одной семьи, они прибыли сюда из двух отдаленных один от другого штатов, — отвечал Эдуард, — один из них из Теннесси, а остальные из Луизианы. Постойте, да вы сами, кажется, из Луизианы, Лебар? Что, если они окажутся вашими знакомыми? Вот было бы интересно, не правда ли? Вы жили там долго и должны знать многих?

Лебара не нужно было спрашивать, интересуется его или нет, кто такие эти колонисты. Его любопытство и без того было сильно возбуждено, как только он услышал слово «Луизиана», потому что для него это могло иметь неизвестное его товарищам ужасное значение.

— Луизиана — один из самых больших по размерам штатов, — отвечал он, стараясь ничем не обнаружить своего волнения, — а для того, чтобы знать всех жителей любого, даже самого маленького штата Северной Америки, нужно не просто странствовать по этому штату, как я, и жить в нем многие и многие годы. Если бы я знал их фамилии, я пожалуй мог бы сказать, из какой именно они местности, а, может быть, оказалось бы, что я их и знаю... Да вы, по всей вероятности, спрашивали у них об этом? И они, наверное, сказали вам, кто они такие?

— Представьте себе, нет! Я не спросил их об этом и поэтому не могу удовлетворить ваше любопытство. Но зато я слышал фамилию джентльмена, стоящего во главе каравана. Он из Теннесси и к тому же старинный друг Карроля, который скорей, наверное, припомнит его имя, чем я.

Лебар вопросительно взглянул на старого траппера.

— Я прекрасно знаю его фамилию, — отвечал последний, улыбаясь. — Я знаю не только фамилию, но чуть ли не все прошлое этого джентльмена и, смею вас уверить, что и сам он и его имя пользуется большим и вполне заслуженным уважением в Теннесси. Я был его другом еще в те времена, когда служил вместе с ним под начальством старого генерала Джэксона. И я смело могу сказать, не боясь погрешить против истины, что у нас в армии не много было таких храбрых молодцов, как лейтенант Вильям или Билль Магоффин, а теперь полковник Магоффин милнции штата Теннесси.

Луи Лебар, если бы мог видеть себя в эту минуту, ни-

верное, обрадовался бы тому, что солнце скрылось за горизонтом, и темная ночь окутала своим покрывалом и корраль, и его самого, и разговаривавших с ним мустангеров. Не будь этой темноты, наступившей всего несколько минут тому назад, его товарищи вне всякого сомнения заметили бы, как сильно побледнело его лицо, когда при нем назвали фамилию полковника Магоффина.

Несмотря на это, подозрительный и привыкший быть всегда настороже, Ваш Карроль обратил внимание, что голос Лебара все-таки слегка дрожал, когда он с деланной небрежностью спросил:

— Как вы его назвали: полковник Магоффин?

— Да,— отвечал старый траппер.

— Вы его знаете? — спросил Эдуард.

— Нет, я никогда даже не слышал такой фамилии.

Беседа прекратилась. Утомленные продолжительной охотой мустангеры завернулись в одеяла и растянулись на мягкой зеленой траве под большим деревом. Казалось, они все сейчас же и заснули, несмотря на ржанье лошадей и завывания волков, бродивших стаями вокруг корраля... Но, если бы в корраль проник какой-нибудь любопытный, он, наверное, сделал бы открытие, что из троих мустангеров в ту же минуту заснули только двое: Торнлей и Карроль. Что же касается Луи Лебара, то он лежал с открытыми глазами. Его сильно взволновал и пробудил в нем воспоминания о прошлом рассказ мустангеров о встрече с полковником Магоффином...

Глава 7

РАЗВЕДКА

Лебару очень хотелось бы расспросить своих товарищей, кто именно прибыл с полковником в эти места. Но он не смел даже и заикнуться об этом из страха, что будет не в состоянии сохранить необходимое хладнокровие и что даже чуть заметное дрожание голоса может обратить на себя внимание старого траппера и возбудить в нем подозрение.

Ему и так уже казалось, что тот заметил его удивление, когда Ваш назвал фамилию полковника. Ему казалось, что его подозрительный товарищ слышал даже, как сильно билось сердце его в эту минуту, и видел, как поб-

леднело при этом его лицо. Лебар лежал на земле на некотором расстоянии от своих товарищей, которые спали рядом. Но он не долго притворялся спящим, ему нужно было только убедиться, что они в самом деле спят, и что ему нечего бояться. Затем, сбросив с себя одеяло, он осторожно поднялся и ползком добрался до деревьев, в тени которых и скрылся совсем. Здесь он остановился, чтобы решить, каким путем ему скорее всего добраться до лагеря эмигрантов, куда он отправился на разведку. Лебар знал приблизительно, где именно они остановились,— это сообщил ему словоохотливый Эдуард Торнлей. Ему предстояло пройти всего около двух километров и поэтому он решил не брать с собой своего мула. Кроме того, для него было даже и безопаснее пройти это расстояние пешком, потому что топот копыт по затвердевшей земле могли услышать не только мустангеры, но и люди полковника Магоффина.

— Магоффин! Магоффин! — повторял он, быстро шагая по прерии и поглядывая временами на звезды, которыми он руководствовался за неимением компаса.— Так звали их дядю, жившего в Теннесси. Неужели они обе здесь?.. Да, это наверное даже они! Луизиана, племянница полковника Магоффина, а та, другая, ее двоюродная сестра, дочь этого самого полковника. Случайного совпадения тут не может быть! Да, это они, они! Как объяснить их прибытие сюда?.. Что заставило их перебраться в эти места: воля Провидения или же покровительствующий мне злой дух? Если я не ошибаюсь и если это в самом деле Луизиана Дюпрэ, то значит судьба мне благоприятствует, и в конце концов она непременно будет моей женой!.. Я сам не знаю, что делается со мной; мне кажется, что я начинаю сходить с ума!.. Неужели это правда?..

И он все шел и шел до тех пор, пока его не заставил сначала умерить шаг, а потом и совсем остановиться огонь костра на бивуаке эмигрантов, расположившихся лагерем под деревьями.

Осмотревшись кругом, он пригнулся и нырнул в кусты, росшие по берегам речки, и медленно, чуть не ползком, стал пробираться ближе. Прошло еще несколько минут, и ему стал виден уже весь лагерь. Он видел верхи фургонов, видел лошадей, мулов и коров, которые паслись поблизости. Костер пылал ярко и освещал лица сидевших вокруг огня мужчины и женщины с белым цветом кожи. Немного дальше пылал другой костер, вокруг ко-

того суетились готовившие себе ужин чернокожие невольники.

Лебар еще ниже пригнулся к земле и еще медленнее, соблюдая еще большие предосторожности, стал подвигаться вперед. Тень от деревьев, кусты и густая, высокая трава отлично скрывали его, и ему нужно было заботиться только о том, чтобы не производить по возможности ни малейшего шума; но и это не представляло особого труда, потому что листва еще не начинала опадать с деревьев и зеленая сочная трава давала возможность скользить по ней почти бесшумно.

Наконец он приблизился настолько, что мог рассмотреть лица сидевших вокруг огня эмигрантов, среди которых он, как и ожидал, увидел Луизану.

Лебар прополз еще немного, достиг большого дерева и, укрываясь за ним, не спуская глаз смотрел на Луизану, которая отказалась быть его женой. В его глазах именно она была виновна в том, что он стал преступником. И вот теперь судьба устроила так, что он снова видит ее и, если захочет, может без особого труда завладеть ею и принудить стать его женой. Он видел в этом что-то роковое, как бы подтверждавшее, что его неудавшееся намерение должно теперь осуществиться.

И Лебар стал медленно отступать той же дорогой, какой он добрался сюда, так как ему необходимо было вернуться в корраль раньше, чем проснутся его товарищи. На обратном пути его мысли были заняты выработкой плана завладеть юной креолкой, что казалось ему делом совсем нетрудным, если только он станет действовать осторожно, заручившись надежными помощниками. С этими мыслями он снова улегся рядом с мустангерами, и почти в ту же минуту заснул крепким сном человека, нуждающегося в отдыхе после утомительной охоты.

Глава 8

ДОГОВОР

Проснувшись на следующее утро довольно поздно, Лебар весь день усердно занимался укрощением пойманных мустангов, а затем, с наступлением ночи, снова покинул уснувших товарищей. Но на этот раз его влекло

уже не в лагерь эмигрантов, а в становище краснокожих, к его другу Тигровому Хвосту.

Он застал его в вигваме. Индейцы, зная о дружбе Лебара с их вождем, пропустили его беспрепятственно.

— Что заставило моего брата, Черного Мустангера, прибыть в такое позднее время в лагерь семинолов? — спросил краснокожий Лебара.

— Я хочу оказать важную услугу вождю семинолов.

— Я всегда рад видеть моего брата, а теперь особенно, но только пусть мой брат не томит меня и скажет, какую услугу он хочет оказать мне.

— Не желает ли Тигровый Хвост взять себе новую жену?

— У меня и так довольно жен.

— Но у него нет ни одной бледнолицей жены?

— Нет, у меня все жены краснокожие.

— Тигровый Хвост, помнится мне, говорил, что ему хотелось бы иметь бледнолицую жену?

— Да, и он с удовольствием даст за нее сто лошадей, если только она молода и красива.

— Она и молода и красива и, кроме того, Тигровому Хвосту не придется давать за нее ни одной лошади.

— Слова Черного Мустангера приятно звучат в ушах его друга. Где же эта девушка и когда мне можно будет взять ее?

— Она очень близко отсюда и взять ее можно будет скоро.

— Мой друг хочет, чтобы я дал ему за это что-то такое... или, может, это грозит какой-нибудь опасностью?..

— Опасности почти нет никакой, а мне нужен от вас пустяк.

— Пусть Черный Мустангер говорит яснее.

— С удовольствием.

Вождь приказал подать трубки и любезно предложил одну из них гостю, другую закурил сам. Мустангер, подражая индейскому обычаю, несколько минут сидел молча, выпуская клубы синего дыма, а затем сказал:

— Вчера к нам в прерии прибыл небольшой караван эмигрантов, т. е. бледнолицых, как вы их называете. При них находится небольшое число черных рабов. Они прибыли из южных штатов с намерением поселиться недалеко отсюда на берегу реки и заняться разведением хлопчатника. Я сам видел их всего только одну минуту и даже не говорил с ними, но мои товарищи были у них вчера

днем и от них-то я и узнал, где именно хотят поселиться эти эмигранты и где будут они строить блокгауз. Но я этих эмигрантов знавал раньше... Мой брат вождь семиолов не забыл, что он обещал мне свою дружбу?

— Тигровый Хвост никогда не забывает своих обещаний,— отвечал краснокожий.

— Я это знаю,— продолжал мустангер,— и верю вам. Кроме того, я должен еще сказать вам, что за оказанную мне помощь вы получите такую награду, какой даже и не ожидаете... Теперь слушайте, что я скажу: вы должны будете напасть на эмигрантов, перебить всех мужчин и взять в плен двух молодых бледнолицых девушек, которых они привезли с собой! Что же касается негров, то с ними можете делать все, что вам угодно.

— А! Так в этом караване две молодых девушки?

— Да, обе они и молоды и очень красивы. Одна из них будет женой вождя семиолов.

— А другая?

— А другая будет моей женой. За этим я и явился теперь к вам...

— Значит, Черный Мустангер видел уже эту девушку раньше?

— Да, я видел ее раньше и я ее люблю!.. Из-за нее я совершил преступление!.. Она не хочет быть моей женой, но я так люблю ее, что готов совершить новое, какое угодно преступление, только бы захватить ее. Ну, что же, вождь согласен помочь мне?

— Значит, она очень красива?

— Да.

— Она самая красивая из двух?

— Нет, вам она не понравилась бы. Вы мне говорили, что хотите иметь бледнолицую жену, что вам хотелось бы найти тихую женщину, у которой бы было румяное лицо и золотистые волосы. Поэтому-то я и говорю, что та, которую я люблю, вам не понравится, тогда как ее двоюродная сестра как раз в вашем вкусе.

— Черный Мустангер говорит мудро и, если только девушки так мало похожи одна на другую, нам больше не о чем и говорить. Ну, а теперь пусть он скажет, как легче нам завладеть ими?

— Отправляйтесь сами вместе с вашими воинами, посмотрите местность и решите, как удобнее будет напасть на них. Только имейте в виду, что особенно спешить нет

никакой надобности, потому что они хотят здесь поселиться и все равно никуда не уйдут.

— Это правда.

— Я не могу принять участие в нападении на эмигрантов, потому что для нас очень важно, чтобы мои товарищи ничего не знали о наших намерениях. Они не имеют понятия о моем прошлом и не подозревают даже, что я знавал раньше этих эмигрантов. Если только они догадаются об этом, у вас будет двумя врагами больше, кроме того, мне кажется, что они не особенно доверяют мне.

— Они ничего не узнают.

— Мы захватили табун мустангов и сегодня весь день занимались укрощением лошадей. Мы провозимся, вероятно, еще несколько дней, а затем я приеду к вам узнать, как решили вы действовать. Тигровый Хвост скажет мне тогда, как понравилась ему девушка с золотистыми волосами. Впрочем, я и теперь уже знаю, что подумает, когда увидит ее: он скажет себе, что отдаст за нее свою жизнь, точно так же, как и я готов пожертвовать жизнью за ту, которая нравится мне. Ну, что же, вы согласны?

— Да,— отвечал Тигровый Хвост твердым голосом.

Договор был заключен. Мустангер простился с краснокожим, вскочил на своего мула и крупной рысью направился к корралю, где застал своих товарищей спящими, так как до рассвета было еще далеко.

Солнце было уже высоко, когда Эдуард Торнлей и Ваш Карроль проснулись. Луи Лебар спал еще глубоким сном, когда старый траппер, сбросив с себя одеяло, сел на траву и, потягиваясь, стал громко зевать и кашлять. Это разбудило креола, который вдруг приподнял голову и, опершись на локти, стал испуганно осматриваться кругом, точно человек, которому грозит внезапное нападение врагов. От внимательных глаз Карроля не ускользнуло, конечно, это выражение испуга, и он довольно бесцеремонно спросил:

— Что с вами, Лебар? У вас такое лицо, как у приговоренного к смертной казни, когда его будят утром, чтобы отправить на виселицу.

В глазах у креола сверкнула ненависть, но он сейчас же опустил их под пронизательным взглядом траппера, подозрительно смотревшего на него и, стараясь казаться совершенно спокойным, ответил:

— О! Ровно ничего, просто напросто видел скверный сон как раз в ту минуту, когда вы меня разбудили своим кашлем.

Торнлей встал немного раньше и теперь, возвращаясь с речки, где он только что выкупался, с удовольствием поглядывал на загнанных в корраль мустангов, печально топтавших на одном месте.

Глава 9

УКРОТИТЕЛИ МУСТАНГОВ

Корраль, как мы говорили, занимал угол долины, окруженный высокими деревьями и скалами и обнесенный, кроме того, прочной изгородью.

— Слушайте, Ваш! — крикнул молодой виргинец еще издали трапперу. — Лошади сегодня выглядят гораздо свежее и сильнее, чем вчера, и нам придется немало повозиться с ними.

— Не бойтесь ничего, мой молодой друг, — отвечал Карроль, пытаясь изобразить на своем лице улыбку. — Мне еще ни разу в жизни не приходилось видеть такой лошади, которую наброшенное на шею лассо не сделало бы покорной. Давайте скорее завтракать, а потом надо будет сразу же приниматься за работу. Нам надо торопиться, если мы хотим помочь полковнику.

Тут его заставил умолкнуть устремленный на него взгляд пылавших как раскаленные уголья, черных глаз Луи Лебара.

— Как! Вы хотите помогать ему устраивать плантацию? — спросил креол с нескрываемым изумлением. — Мне кажется, что у нас немало и своего дела и что нам нужно прежде всего покончить с укрощением лошадей, чтобы свести их на продажу. Это будет куда лучше, чем помогать другим строить дома и хижины. У них есть чернокожие рабы, ну пусть они им и строят все, что нужно. А потом знаете, что я вам скажу? Всего больше удивляете меня вы, Ваш Карроль: вы говорили, что ненавидите всех этих эмигрантов, которые заставляют нас уходить все дальше и дальше искать новые места для охоты, а теперь, вдруг, сами хотите помогать им. Откуда такая быстрая и странная перемена?

— Все это так, и я в самом деле говорил одно, а де-

лаю другое,— отвечал Ваш, не стараясь даже оправдываться.— Но, видите ли, в чем дело: у нас в Теннесси вошло в обычай никогда не отказывать в помощи другу, а в особенности на чужой стороне, вот почему мы с Эдуардом и решили помочь этому храброму полковнику. И потом, кто знает? Может быть, в один прекрасный день мы сами будем просить у него убежища и защиты, если команчи и этот проклятый Тигровый Хвост вдруг объявят нам войну, а этого, как вы и сами знаете, можно ждать каждую минуту.

Говоря это, старый траппер в то же время грыз своими прекрасно сохранившимися белыми зубами сухари и ел ножку дикой индейки. Эдуард Торнлей тоже завтракал, но молча, потому что его мысли были заняты Луизианой Дюпрэ, задумчивое лицо которой все время стояло у него перед глазами и грезилось ночью во сне. Лебар тоже больше не заговаривал ни о чем, и, как всегда, имел усталый и чем-то сильно озабоченный вид. Карроль, уничтожая индейку и сухари, искоса поглядывал на него, стараясь делать это незаметно.

— Послушайте, Ваш,— сказал Торнлей спустя несколько минут,— как вы думаете, годится эта крапчатая лошадь под седло для молодой девушки?

В это время они уже кончили завтракать и все трое стояли у входа в корраль. Ваш, держа в зубах коротенькую трубочку, торопливо наматывал кольцами на правую руку сделанное из тонких сыромятных ремней лассо. Лебар стоял в нескольких шагах от него. Траппер обернулся к своему юному товарищу и, насмешливо улыбаясь, с минуту смотрел на него. Эдуард невольно покраснел и опустил глаза.

— Значит, дело кончено? Вы-таки попались? — спросил Ваш, испуская глубокий вздох.— Будь я проклят, если это неправда, что все женщины знают с нечистым! И, черт их знает, как все это они быстро и ловко делают! Но вы не тревожьтесь, я вовсе не думаю упрекать вас за это. Девушка с белокурыми волосами и в самом деле самая красивая из всех, каких я только видел; она настоящий ангел, таких и на картинах не часто увидишь. Да, ваша правда, эта лошадь будет самым подходящим подарком для молоденькой барышни.

Говоря это, он в то же время тихонько отодвигал барьер, загораживавший доступ в корраль. Торнлей проскользнул следом за ним, и так как к ним в эту минуту

подходил Лебар, он шёпотом сказал своему умудренному жизненным опытом товарищу:

— Послушайтесь моего совета, голубчик Ваш, выберите и вы какую-нибудь из лошадей и поймайте ее своим лассо, а потом мы вместе подарим их обем молодым девушкам. Вы, вероятно, тоже заметили, что у них нет лошадей, и поэтому мы доставим им большое удовольствие.

Ваш кивнул головой в знак согласия, но не сказал ни слова, потому что увидел Лебара. Затем они заботливо задвинули брусья барьера и занялись трудным делом укрощения диких лошадей. Ваш Карроль, как самый искусный из троих укротителей, шел во главе.

— Слушайте, Лебар,—сказал он, обращаясь к последнему,— вы еще не научились хорошо бросать лассо, поэтому оставайтесь здесь, у ворот, вы откроете нам выход, как только мы поймаем лошадей.

— Тем лучше,—отвечал Лебар недовольным тоном, бросая на землю свое лассо,— мне все равно, что делать, а это даже и легче, чем ловить лошадей.

Бродившие по корралю мустанги, завидя приближающихся охотников, подняли головы и с громким ржаньем отбежали в противоположную сторону корраля, где сбились в плотную кучу и, дрожа от страха, ждали своих врагов. Ваш Карроль медленно подходил к табуну, держа в правой руке лассо, и, обернувшись на ходу к следовавшему за ним Торнлею, сказал.

— Теперь старайтесь набросить лассо на вашу пеструю лошадку, а я,—прибавил он, улыбаясь,— возьму себе эту, кофейного цвета, с черной головой и черной гривой.

Они были шагах в десяти или в двенадцати от сбившихся в кучу лошадей. Мустангер остановился, сначала откинулся всем корпусом назад, потом выпрямился, взмахнул над головой петлей лассо, и тонкий ремень, точно змея, обвился вокруг шеи лошади. В ту же минуту бросил свое лассо Торнлей и также удачно поймал поправившуюся ему с самого начала лошадь, белую, с маленькими черными, точно крапинками, пятнышками. Вслед за тем они приступили к самому трудному делу — вытащить лошадь из плотно сбившегося в кучу табуна; но через несколько минут и эта задача была благополучно выполнена. То потягивая, то отпуская лассо, они за-

ставили лошадей сначала удалиться от табуна, а затем тем же способом принудили их бежать к воротам; здесь мустангеры вдруг натянули лассо. Лошади остановились, дрожа от страха, и позволили охотникам подойти к ним. Первая часть укрощения была кончена, теперь оставалось только объездить пойманных лошадей, но это уже такое легкое дело, которое мустангеры даже не считают за труд для себя: два часа бешеной скачки — и лошадь становится смиреннее ягненка. Лошадь кофейного цвета выдержала испытание, но белая лошадь оказалась нежнее и у самых ворот, как подкошенная, упала на землю, с трудом дыша и от страха и от того, что лассо слишком крепко сжимало ее тонкую лебединую шею.

Глава 10

ТИГРОВЫЙ ХВОСТ

Стук топоров, которыми рубили деревья, разбудил дремавшее эхо на берегах реки, орошавшей долину Кросс-Тимберс. Полковник Магоффин и его спутники с раннего утра и до поздней ночи работали не покладая рук, наскоро обтесывая бревна, необходимые для сооружения блогкауза.

В работе принимали участие все мужчины, за исключением Эжена Дюпрэ, не любившего тяжелого физического труда. В данную минуту он занимался чисткой своего охотничьего ружья, ведя в то же время шутливый разговор со своей двоюродной сестрой Теннесси.

Молодая девушка в душе, видимо, вовсе не была недовольна присутствием двоюродного брата, хотя на словах и упрекала его со смехом, что он только изображает из себя человека занятого, будто бы, делом, а на самом деле ничего не делает.

— Вы кончите тем, что испортите ружейные стволы, Эжен,— сказала она.— Вы чистите их с самого завтрака и, если вы в самом деле хотите принести нам к обеду дикую индейку, вам давным-давно пора отправляться на охоту, мой друг.

Она обернулась к кухне и тем же веселым тоном обратилась к ней.

— Милая Луизнана, не можешь ли ты уговорить своего брата, который мне ужасно надоедает, оставить нас

хоть на минуту в покое? Впрочем, если он не уйдет, я сама отправлюсь за цветами.

Эжен, как будто не слыша того, что говорила Теннесси, принялся внимательно осматривать свое ружье, но сколько ни старался, нигде не мог найти ни одной царапинки, ни одного пятнышка, которое могло бы послужить для него предлогом остаться еще немного в обществе молодых девушек. Тогда он медленно, нехотя поднялся и, обращаясь к кухне, сказал:

— А я, Теннесси, не сказал бы вам ничего подобного даже и в том случае, если бы вы и в самом деле мне сильно надоедали. Но вы, молодые девушки, гораздо бессердечнее нас: вы в состоянии смеяться над человеком даже в то время, когда видите, что ему тяжело, что он чуть не умирает от горя у ваших ног.

Чуть заметная улыбка озарила на минуту бледное лицо Луизианы Дюпрэ.

— Не говори таких глупостей, Эжен,— сказала она умышленно строгим голосом.— У тебя нет никаких причин для того, чтобы умирать с горя. Будь умницей и, если хочешь доставить мне удовольствие, отправляйся-ка лучше на охоту.

— Я сейчас иду на охоту, сестричка. До свидания! Не сердитесь на меня, пожалуйста, не сердитесь и вы, Теннесси! Если я не принесу вам к обеду индейку, я позволю вам говорить, что я не умею стрелять.

Он поцеловал ее руку и, весело насвистывая охотничью песенку, направился по берегу рекн. Луизиана следила за ним печальным взглядом до тех пор, пока он не скрылся из глаз.

— Бедный Эжен! Он так добр и так любит меня! Только он один и остался у меня после того, как умерли мой отец и мать, а моего несчастного жениха...

Теннесси обняла кухню обеими руками и, прижавшись к ней, взволнованным голосом сказала:

— Не говори так, голубушка Луиза!.. Старайся отгонять от себя эти печальные мысли! Мертвые счастливее нас, кто знает, что ждет нас здесь?.. Может быть, мы еще будем завидовать им!.. Не горюй же так, моя дорогая!

Луизиана вытерла слезы, и, целуя кухню, ответила ей:

— Ты мой лучший друг, Теннесси! Я знаю, что ты меня любишь и сама очень люблю тебя и знаю, что тебе

тяжело видеть меня такой грустной и слушать мои слова... И знаешь? Ты права, к чему вспоминать о прошлом, да еще о таком тяжелом?.. Оно миновало и его ни вернуть, ни изменить нельзя!.. Я хочу рассеяться.

С этими словами она вышла и, обхватив рукой за талию кузину, потащила ее гулять. Проходя через лагерь, они видели рабов, которые заканчивали обедать. Пройдя немного дальше, они увидели в просвете между деревьями полковника и управляющего, который сплавлял по течению реки срубленные для постройки блокгауза деревья. Когда они были приблизительно метрах в ста от лагеря, Теннесси вдруг остановилась и вскрикнула.

Впереди, в нескольких шагах от них, стоял, точно вынырнувший из-под земли, молодой индейский вождь в блестящем воинском наряде, но без оружия, держа в правой руке поднятую вверх трубку с длинным чубуком, украшенным перьями и стеклянными разноцветными бусами.

Дикарь неподвижно стоял на одном месте, впившись своими сверкавшими, как раскаленный уголь, глазами в голубые глаза Теннесси Магоффин, в которой выражение лица индейского воина вызвало чувство ужаса, хотя в эту минуту она и не могла бы сказать, почему именно она так сильно испугалась его.

Когда прошли первые минуты удивления и страха, молодые девушки стали рассматривать наружность краснокожего: в нем не было ничего отталкивающего. С точки зрения краснокожих, его можно было бы назвать даже очень красивым: он был высокого роста, стройный и сильный, глаза у него были очень выразительные, а волосы он носил очень длинные. Одет он был по последней моде, опять-таки с точки зрения краснокожего: вместо плохо выдубленной буйволово́й кожи, на нем была перекинутая через одно плечо тигровая кожа, обшитая, точно бахромой, хвостами убитых им тигров — в награду за это ему и было дано его соплеменниками громовое прозвище: «Тигровый Хвост».

Индейцу, который был не кто иной, как друг и союзник Луи Лебара, видимо, было приятно, что появление его так сильно испугало молодых девушек, хотя только мертвенно-бледное лицо Теннесси служило несомненным признаком страха; что же касается Луизианы, то она больше сохранила наружное спокойствие, по крайней мере. В своем родном штате ей гораздо чаще

приходилось видеть индейцев, чем ее кузине в Теннесси, где краснокожие в это время уже почти совсем исчезли.

— Не бойся, или по крайней мере старайся не дать заметить этого, милочка,— шепнула ей Луизиана,— этот дикарь не посмеет сделать нам ничего дурного, потому что к нам прибегут сейчас же на помощь из лагеря. Да вот, смотри, я сейчас буду говорить с ним.

И, обращаясь к индейцу, она сказала ему голосом не только твердым, но даже повелительным:

— Здравствуйте. Что вам нужно? У нас, в Луизиане, мы всегда бываем рады видеть индейцев.

Тигровый Хвост медленно перевел глаза с Теннесси на ее кузину. Он сделал рукой знак и на очень плохом английском языке отвечал:

— Я хочу виски, уг!

— Мы не можем дать вам виски! — таким же твердым голосом отвечала юная креолка.— Прежде всего потому, что у нас его нет, но если бы даже у нас и была огненная вода, мы все равно не дали бы вам ее, потому что она очень вредна для индейцев: они теряют от виски разум.

Тигровый Хвост взмахнул трубкой, которую он держал в правой руке.

— Я хочу видеть бледнолицего командира,— сказал он.— Он даст мне виски! Тигровый Хвост великий вождь семинолов! Уг!

— Бледнолицый командир на берегу реки,— отвечала Луизиана.— Там вместе с ним много вооруженных воинов. Он живет в дружбе с честными индейцами, а остальных он убивает, как собак. Он не даст вам виски, повторяю вам.

Тигровый Хвост бросил на нее такой взгляд, что она робко опустила глаза, покраснела и тоже почувствовала страх, хотя только что уверяла свою кузину, что им нечего бояться этого краснокожего. Тогда индеец снова посмотрел на Теннесси, которая, вся дрожа от страха, говорила в это время своей кузине:

— Луиза, Луиза! Зови на помощь и бежим! Я умираю от страха! Он убьет нас!

Вождь расслышал последние слова: он изобразил на своем лице самую добродушную улыбку, которая, однако, плохо гармонировала со свирепым выражением его глаз.

— Вождь не убивает красивых бледнолицых деву-

шек,— сказал он.— И потом Тигровый Хвост вовсе не враг бледнолицых. Смотрите! У меня нет даже ножа. У меня только трубка мира, которую я хочу выкурить с великим командиром бледнолицых.

И он, откинув заменявшую ему плащ тигровую шкуру, показал охотничий пояс, на котором и в самом деле не было никакого оружия, по крайней мере на виду, и только висел набитый табаком кисет.

— Тигровый Хвост — великий вождь,— продолжал индеец гордым уверенным тоном.— Он хочет видеть командира бледнолицых и приветствовать его.

— Я уверена, что мой отец тоже будет очень рад видеть вас и поблагодарит вас за приветствие,— вмешалась в разговор Теннесси, хотя голос ее при этом и дрожал слегка.— Пройдите к берегу реки и там вы увидите его. Он лучше нас знает, как нужно вести беседу с таким человеком, как вы.

Тигровый Хвост снова изобразил на своем лице улыбку и, бросив насмешливый взгляд на молодую девушку, сказал:

— Тигровый Хвост любит разговаривать с бледнолицыми женщинами и девушками; у него много жен, но нет ни одной такой красивой, как бледнолицые молодые девушки.

Теннесси снова начала дрожать от страха: мужество покидало ее опять. Она дорого дала бы за то, чтобы к ним явился на помощь хотя бы кто-нибудь из негров, но все мужчины работали далеко на берегу и не могли, конечно, видеть того, что происходило в это время в лесу. А между тем индеец все более и более пугал ее своим свирепым взглядом. Тогда Луизнана снова решила попытаться заставить краснокожего уйти от них и твердым голосом заявила ему:

— Бледнолицым молодым девушкам запрещают разговаривать с незнакомыми мужчинами. Если вам что-нибудь нужно, если вы хотите есть, мы прикажем дать вам все, что вам нужно, а если вы хотите видеть полковника, то идите к нему,— он на берегу реки.

— Я не голоден,— отвечал Тигровый Хвост высокомерно,— у меня всегда пищи даже больше, чем нужно. Мне нужны ружья, порох, одеяла.

— О, господня Тигровый Хвост,— полным отчаянием голосом сказала ему Теннесси,— у моего отца и у его товарищей много ружей там, на берегу реки. Идите, по-

жалуйста, к ним: у нас в лагере не осталось ни одного ружья. Умоляю вас, идите к ним! Вам всего лучше переговорить обо всем с самим полковником.

— Тигровый Хвост пойдет, куда он захочет и когда он сам захочет, а не тогда, когда ему приказывают! — гордо отвечал индеец, пожимая плечами. — Он хочет, чтобы ему дали виски сию минуту!

И он направился мимо изумленных девушек прямо в лагерь, где появление его до такой степени испугало чернокожих, что они все сейчас же разбежались в разные стороны.

Луизиана, сохранившая все-таки более хладнокровия, чем ее кузина, подозвала к себе чернокожего мальчика лет двенадцати и велела ему бежать как можно скорее до реки и позвать полковника.

Но Тигровый Хвост, внимательно следивший за молодыми девушками, инстинктом краснокожего угадал все, что она говорила мальчику, и не успел тот пробежать и десяти шагов, как в ту же минуту в воздухе мелькнуло лассо, которое индеец выхватил из-под своего плаща, и опутанный ремнем негритенок упал на спину, не имея сил подняться. Вождь бросил угрожающий взгляд на молодых девушек и повелительным тоном сказал им:

— Не вздумайте посылать еще кого-нибудь! Я сам пойду к командиру бледнолицых, когда придет время.

В эту минуту и Луизиана в первый раз в жизни почувствовала страх. Поступок краснокожего служил доказательством враждебных намерений индейца, очевидно, умышленно выбравшего для посещения лагеря именно такой момент, когда полковника не было в нем. Вдруг послышался топот скачущих во весь опор лошадей, быстро приближавшихся к лагерю. Поведение Тигрового Хвоста моментально изменилось. Он подошел к лежавшему на земле мальчику, велел ему встать и, снимая с него лассо, сказал:

— Хо, хо! Я только хотел испугать ребенка; но я не хотел делать ему ничего дурного!

Через несколько секунд в лагере появились Ваш Карроль и Торнлей верхом на чудных мустангах и ведя еще двух лошадей в поводу. По тому, как сильно запыхались их лошади, видно было, что они летели во весь опор. Глаза старого траппера загорелись гневом, когда он увидел вождя семиолов, потому что бледные и взволно-

ванные лица девушек красноречивее всяких слов говорили ему, что они пережили тяжелые минуты.

— Я был почти уверен в этом! — вскричал старый траппер, бросая на индейца такой взгляд, который заставил того потупиться. — Мне это пришло в голову сейчас же, как только я увидал привязанную к дереву лошадь. Что вам здесь нужно? Говорите!

Тигровый Хвост придал своему лицу самое кроткое выражение, какое только мог, и, показывая свою изуроченную трубку, сказал:

— Я пришел выкурить трубку мира с моим соседом, командиром бледнолицых.

— Зачем же вы попали сюда? — продолжал допрашивать Корраль. — Вы знаете, что полковник Магоффин работает на берегу реки, и вам совсем незачем было совать сюда ваш мерзкий нос и вступать в разговор с молодыми девушками. Я хорошо вас знаю: вы нарочно выбрали такую минуту, чтобы испугать женщин! Это ведь в вашем вкусе! Ну, а теперь можете убраться! Слышите, что я вам говорю, Тигровый Хвост? Убирайтесь сию же минуту! Уходите, а не то вам плохо придется!

Как ни была испугана Теннесси, но фигура индейского вождя, потупившего глаза и говорившего таким кротким, как будто даже робким голосом, показалась ей до такой степени смешною, что она весело расхохоталась. Нечего и говорить, как благодарили молодые девушки так неожиданно явившихся к ним на помощь мустангеров, заставивших удалиться индейского вождя который, держа в руке свою знаменитую трубку, точно олинковую ветвь, медленными шагами направился к реке и скоро скрылся за деревьями.

— Ах, мистер Карроль, — говорила Теннесси соскочившему со своего мустанга трапперу, — вы себе и представить не можете, как мы вам благодарны и как мы обрадовались, когда увидели вас! Этот индеец так перепугал нас всех; он, вероятно, кончил бы тем, что обокрал бы нас и прежде всего, конечно, забрал бы все оставшиеся в лагере ружья.

— Негодяй!

— Как вы думаете, придет он опять сюда? Мне кажется я умру от страха, если только снова увижу его.

— О! Можете быть спокойны, сюда он больше уже не явится, — отвечал Ваш Карроль, — это мы берем на себя! Все эти индейцы одного поля ягоды; они грубо

держат себя с женщинами, с безоружными, и трусливо бегут от вооруженного бледнолицего! Вы ведь и сами обратили внимание, как он изменился сразу, когда мы приехали.

— Смотрите, он идет сюда вместе с полковником и мирно о чем-то беседует с ним.

— Не бойтесь; теперь он будет **держаться** себя смирно и долго здесь не останется.

— А вы не уедете от нас?

— Нет, и мы сумеем заставить его держаться себя прилично. Если бы вы знали, как мне хочется показать ему, до какой степени я ненавижу и презираю его самого и всех **краснокожих!**

— А как вы думаете,— спросил Эдуард Торнлей, разговаривавший в эту минуту с Луизаной,— не поехать ли кому-нибудь из нас к ним навстречу и не предупредить ли полковника, как он должен держаться с этим негодяем?

— Да, это было бы не только полезно, но даже необходимо.

— В таком случае я еду?

— Нет, вы оставайтесь здесь, а я поеду: я думаю, что Тигровому Хвосту будет приятнее видеть меня, чем вас. А вы поболтайте с юными мисс, но только, пожалуйста, не покидайте их ни на минуту! — сказал Карроль, бросая Торнлею поводья лошади кофейной масти, а сам вскакивая на своего **мустанга** и уезжая навстречу полковнику.

Глава 11

ДВОЮРОДНЫЕ СЕСТРЫ

— Как вы думаете, грозит нам какая-нибудь опасность? — спросила Теннесси у Эдуарда Торнлея, когда Ваш Карроль уехал.

— В настоящую минуту вам нечего бояться, мисс Магоффин,— отвечал молодой человек.— До тех пор, пока индейский вождь видел только чернокожих невольников, которые стерегли лагерь и вас, он был смел и дерзок; но теперь, увидя нас и узнав, что у вас, кроме полковника, есть еще и другие защитники из белых, он не позволит себе ничего подобного. Краснокожий уважает

силу и мужество, где бы ему ни пришлось столкнуться с ними. Поэтому-то я и не думаю, чтобы этот презренный Тигровый Хвост рискнул на вас напасть среди дня.

Теннесси облегченно вздохнула. Но она не знала, что Торнлей умышленно не сказал ей всей правды, не желая возбуждать в молодых девушках тревогу раньше времени. Если бы он хотел сказать ей все, он должен был бы предупредить ее, что в самом непродолжительном времени Тигровый Хвост явится ночью и постарается внезапным нападением взять то, чем он не мог бы завладеть днем. Желая изменить разговор, он спросил:

— Как вы думаете, мисс Магоффин, понравится вам здесь, в Техасе?

— Если бы вы мне предложили этот вопрос час тому назад, я ответила бы вам, что мне здесь больше чем нравится.

— А теперь?

— А теперь, после того, как нас так напугал этот ужасный индеец, этот край утратил уже в моих глазах всю прелесть, и все очарование исчезло навсегда.

— По-моему, вы немного преувеличиваете, мисс.

— Нет, я несколько не преувеличиваю то отвращение и тот ужас, который я только что пережила. Ответьте мне по чистой совести: можем мы считать себя здесь в полной безопасности и не бояться внезапного нападения краснокожих?

— О, этого вам пока нечего бояться, мисс. Мы предупредили вашего отца. Он строит теперь блокгауз, и как только выстроит его, обнесет кругом палисадом, и тогда вам нечего будет бояться даже в том случае, если на вас нападут все индейцы сразу.

— А сколько времени нужно, чтобы выстроить все это и чтобы мы могли чувствовать себя в полной безопасности? — спросила Луизиана, до сих пор не принимавшая участия в разговоре.

— Блокгауз, самое позднее дня через два будет приведен в такое состояние, что в нем уже можно будет защищаться от нападения врагов, — отвечал Торнлей, довольный, что может похвастаться своими познаниями в присутствии той девушки, которая произвела на него такое сильное впечатление. — Ваш отец может перевезти вас всех туда хоть сегодня же, и там вы будете чувствовать себя гораздо безопаснее уже по одному тому, что там производятся все работы, и, следовательно, там всег-

да будут присутствовать все мужчины, которые защитят вас в случае нужды. Это место, признаюсь, совсем не годится для лагеря: тут слишком много таких уголков, где могут скрываться враги. Тогда как там никому нельзя будет незамеченным подкрасться к блокгаузу.

— Значит, вы все-таки думаете, что на нас могут напасть, и даже, может быть, сегодня?

— Нет, мисс, этого я не говорил. Я не думаю, чтобы вам грозила опасность так скоро, потому что, как я уже вам сказал, защитники лагеря представляют такую силу, с которой надо считаться. И потом вы будете держаться настороже. Индейцы никогда не нападают при таких условиях.

Разговор этот показался слишком серьезным и слишком продолжительным живой Теннесси Магоффин, к которой, как только миновала опасность, снова вернулось ее прежнее веселое настроение и природная беззаботность. И вот она, желая сменить этот скучный, по ее мнению, разговор, сказала:

— Каких красивых лошадей вы привели, мистер Торнлей! Какая разница между ними и безобразными мулами, на которых вы приехали вчера. Мне больше всего нравится эта кофейного цвета лошадка, я в жизни не видела ни одной лошади красивее ее. Как вы думаете, могла бы я на ней ездить?

— Сейчас я не советовал бы вам этого делать, мисс Магоффин,— отвечал мустангер с сияющим от радости лицом.— Я ее всего только вчера укротил и ее нужно еще хотя бы немного объездить. Но я очень рад, что она вам нравится, потому что мой друг Карроль предназначил ее для вас. Что же касается другой лошади, то мне очень хотелось бы, чтобы она понравилась вашей кухне, и я почел бы себя в высшей степени счастливым, если бы она позволила мне предложить ей эту лошадь в подарок.

— А от имени кого собираетесь вы делать мне подарок, мистер Торнлей?— спросила молодая девушка, вскидывая на него глаза.

Торнлей покраснел до корней волос и, сильно конфузясь и робея, отвечал:

— Я хотел просить вас, мисс, принять эту лошадь в подарок от меня.

— А!

— И я, и мой друг, мы оба обратили внимание, что

вы не привели с собой верховых лошадей, и поэтому мы думали, что не сочтете это неделикатностью с нашей стороны... если мы... если бы мы осмелились... подарить вам... Неужели вы откажетесь принять их от нас в подарок? — закончил он свою речь, умоляюще глядя на Луизиану.

Луизиана снова подняла свои лучистые глаза на Торнлея и твердым голосом, совершенно спокойно, сказала ему:

— Очень вам благодарна, мистер. Это очень любезно, как с вашей стороны, так и со стороны вашего товарища, но вы так мало еще знаете нас, что с нашей стороны было бы большей неделикатностью принять от вас в подарок таких чудных лошадей. Думаю, вам не часто удастся ловить таких мустангов, а на мой взгляд, они должны стоить очень дорого.

— Главная ценность их в том, что они могут вам понравиться и что этим мы доставим вам удовольствие. Кроме этих лошадей у нас в коралле еще целая сотня мустангов, которых мы сейчас укрощаем, а потом поведем в Нэкогдочс. Согласитесь, пожалуйста, принять этих лошадей от нас в подарок; этим вы нам доставите большое удовольствие. Обе эти лошади прекрасно годятся под дамские седла. Крапчатая летит, как птица. Мне нужно будет проехать на ней еще раза два или три, а потом можно будет на ней ездить и вам.

— В таком случае, я беру эту лошадь, мистер Торнлей, и очень и очень благодарю вас за такой прекрасный подарок, — сказала Луизиана.

Этим и закончился их разговор, потому что как раз в эту минуту показался полковник Магоффин; рядом с ним шел Тигровый Хвост, держа в руке поднятую кверху трубку мира. За ними следовало, на всякий случай, несколько вооруженных белых, а затем ехал верхом Ван Карроль. Дойдя до лагеря, бывший траппер спрыгнул с лошади, привязал ее к колесу одного из фургонов и, подойдя к Теннесси, почтительно поклонился ей и сказал:

— Мисс Теннесси, мы с моим товарищем думали, что вам и мисс Луизиане доставит удовольствие иметь двух верховых лошадей, на которых вы могли бы кататься по прерии. Мы выловили этих лошадей из табуна и дни через два или через три они будут уже совсем укрощены и на них можно будет ездить, кому угодно. Если вы со-

благоволите, мисс Теннесси, принять от меня в подарок эту кофейного цвета лошадку, которая с этой минуты будет уже ваша, то другую, крапчатую, мы будем просить принять от нас в подарок вашу кухню, мисс... мисс...

— Меня зовут Луизиана Дюпрэ,— отвечала юная креолка,— и я очень и очень вам благодарна за подарок, мистер Карроль.

— О, мисс, вы слишком любезны. Возможность поговорить с вами с избытком вознаграждает нас за этот скромный подарок,— сказал Ваш Карроль, без всякого намерения сказать комплимент.

— Еще раз спасибо вам за подарок, мы обе в восторге от наших лошадей,— сказала Теннесси.

— Но только нам все-таки нужно еще немного поддресировать обеих лошадей,— сказал Карроль,— потому что, какими ни смотрятся они смиренными, я не думаю, чтобы на них могли сейчас ездить даже самые смелые девушки штатов Теннесси и Луизианы...

В эту самую минуту к ним подошел полковник и вместе с сопровождавшим его Тигровым Хвостом направился к одному из фургонов.

Индеец, за минуту перед тем державший себя так грубо и так бесцеремонно, теперь притворялся избалованным и капризным ребенком, с нетерпением ожидающим получить давно обещанную игрушку.

Ваш Карроль окинул индейца презрительно-насмешливым взглядом; бывший траппер при этом так лукаво подмигнул молодым девушкам, что Теннесси не могла сдержать себя и весело расхохоталась.

Проходивший мимо них Тигровый Хвост, услышав веселый хохот молодой девушки, повернул голову и бросил на нее быстрый, как молния, взгляд. Затем лицо его приняло прежнее выражение наивного простодушия. Но в этом взгляде, брошенном на молодую девушку, было столько угрожающей ненависти, что Теннесси побледнела, как смерть, и у нее пробежала дрожь по всему телу.

Ваш Карроль дождался, пока полковник и вождь отошли немного подальше, а затем сказал вполголоса:

— Этот презренный дикарь уверяет, что он явился просить у своих бледнолицых друзей пороку и виски. Полковник ответил, что порох ему нужен и самому на случай, если на него нападут индейцы, которые позволяют себе иногда нападать с целью грабежа; что же касается виски,— прибавил он затем,— то сам я не пью,

и виски у меня нет, но если бы даже виски были, я все равно не дал бы их вождю. Я думаю, все ограничится тем, что он даст ему табак и красное одеяло.

— А как вы думаете, удовольствуется этим Тигровый Хвост? — спросил Торнлей. — И не лучше ли было бы прогнать этого индейца, не давая ему ничего? Лагерь расположен в очень неудобном месте, и этому разбойнику не трудно было бы напасть на лагерь хотя бы нынешнюю же ночью, в надежде, что ему удастся похитить оружие и вообще все, что ему здесь нравится.

— А мы-то на что? — довольно грубым тоном возразил Ваш Карроль. — Кто же мешает нам приехать сюда вечером? Или вы, может быть, считаете нас ни на что не годными новичками, Эдуард? И я, и полковник, — мы оба отлично знаем, какая нам грозит опасность, и после завтрака сделаем все, что нужно, чтобы не дать захватить себя врасплох, а вы в это время займетесь дрессировкой лошадей. Но, тише! Индеец идет уже обратно.

Семинол и в самом деле показался в эту минуту из-за ближайшего фургона, в котором лежало личное имущество полковника. Он улыбался, и его лицо сияло от удовольствия. Через левую руку у него было перекинута бумажное одеяло ярко-красного цвета, в правой он нес большой пакет табаку низшего сорта, а свою знаменитую трубку держал под мышкой. С улыбающимся лицом он прошел мимо молодых девушек, даже не взглянув на них, и через минуту скрылся в чаще, где к одному из деревьев была привязана его лошадь. Полковник, появившийся вслед за ним, проводил его глазами, а потом, обращаясь главным образом к Карролю, сказал:

— Я положительно отказываюсь верить, чтобы этот индеец был уж так нам опасен, как вы стараетесь меня уверить, милый друг.

— А!

— Да, он мне показался субъектом довольно простодушным и добрым, и, во всяком случае, уж безусловно честным. Он так обрадовался, когда я дал ему одеяло и табак...

— Не верьте ему, милый дядя, — перебила его Луизиана, — это человек очень опасный. Он фальшивый и опасный человек, поверьте мне.

— Я вполне согласен с Луизианой, — вмешался Теннесси. — Я прочла в его глазах угрозу и до такой степени испугалась, точно меня укусила ядовитая змея, когда он,

возвращаясь, бросил на меня сердитый взгляд за то, что я расхохоталась.

— И вы думаете то же самое, господа? — спросил полковник, обращаясь к мустангерам.

— Да, разумеется, — ответил Торнлей.

— А что касается меня, — сказал Карроль сердито, — то я могу только пожалеть, что вы, давая ему табак, не подсыпали в него мышьяку. Вы, по-моему, человек слишком добрый и слишком честный, чтобы жигь в техасских прериях.

— Э, полноте!

— Неужели же вы думаете, что этот негодяй пришел затем только, чтобы выпросить у вас табаку и одеяло и попросить порогу и виски?

— Ну да, черт возьми! Он так обрадовался, что я этого даже не ожидал...

— И вы решили, что он был рад получить это? Разувьетесь, пожалуйста! Он приходил сюда шпионить и все время, пока он был здесь, он только этим и занимался.

— Неужели это правда?

— Это истинная правда и, если мы не примем меры, он явится сегодня же ночью со всей своей шайкой и ограбит вас дочиста.

— Как это странно! — проговорил полковник, вздохнув. В таком случае нам надо как можно скорее выбраться отсюда на открытое место.

— То же самое думаю и я, — подтвердил Карроль, — об этом-то я и хотел переговорить с вами. Послушайтесь меня, покиньте эти места как можно скорее! Здесь очень опасно оставаться как для вас, так и для всех ваших!

Глава 12

ОХОТА НА ДИКИХ ИНДЮКОВ

Покидая лагерь, Эжен Дюпрэ и в самом деле имел твердое намерение идти на охоту и при этом решил не возвращаться без пары диких индюков или дикой козы, так как привезенный с собой сравнительно небольшой запас провизии следовало беречь насколько возможно. Надо заметить, что он считался одним из лучших стрелков у себя на родине, где охотился на всякого рода дичь.

Но с тех пор, как они вступили в эту часть Техаса, ему ни разу не приходилось не только стрелять диких индюков, но даже и видеть их, хотя он и слышал много раз клохтанье их на заре. Ему, правда, говорили, что птиц этих в этой местности приходится видеть очень редко и, кроме того, они так осторожны, что к ним почти невозможно подкрасться на ружейный выстрел. Впрочем, даже и в Луизиане, где их гораздо больше, охотникам удается убивать их только случайно. В Техасе на этих птиц охотятся с дудкой, которой охотник подманивает индюков, подражая клохтанью индюшек. Мистер Стротер, бывший смотритель, или вернее бывший управляющий полковника, не раз в своей жизни охотившийся на индюков в Техасе и в штате Теннесси, где он жил многие годы, сделал из кости крыла индюшки дудку и научил Эдуарда приманивать ею индюков. Когда молодой креол, верхом на лошади и с охотничьим ружьем за плечами, проезжал мимо работавших на берегу реки, старый Стротер бросил на него завистливый взгляд, но не сказал ни слова.

— Ты едешь на охоту, Эжен? — издали крикнул молодому человеку полковник, наблюдавший за тем, как обтесывали срубленные для постройки блогкауза деревья и как перетаскивали их затем к месту постройки.

— Да, дядя, — отвечал молодой человек, — я видел сегодня утром в подзорную трубу стадо коз на берегу реки, а потом, если не ошибаюсь, слышал и клохтанье диких индюков за рекой.

— Если только ты рассчитываешь на индюков, смотри, как бы не пришлось тебе вернуться с пустыми руками, — сказал полковник, улыбаясь. — Стротер уверяет, что в этих местах индюки большая редкость.

— Это правда, индюки здесь редки, — подтвердил бывший управляющий, считавший себя вправе вмешаться в разговор после того, как назвали его имя. — И потом, знаете, не всякому удастся не только убить, но даже и подкрасться незаметно к этой птице. Если вы хотите иметь сегодня жареного индюка, вы должны и меня отпустить на охоту.

— А, вот к чему ты клонишь, старый плут!

— Вовсе нет, полковник, я это сказал потому...

— Потому, что тебе тоже хочется идти на охоту. Ну, хорошо, ступай, дружище, — сказал полковник самым добродушным тоном. — Я думаю, что мы можем обойтись

без тебя часок-другой; только не ездиге, пожалуйста, очень далеко.

— Хорошо, полковник,— отвечал обрадованный управляющий.

Эжен тоже был очень рад поехать на охоту со стариком Стротером, который вполне заслуженно пользовался репутацией опытного охотника и меткого стрелка. Управляющий взял ружье, вскочил на лошадь, и оба охотника поехали берегом реки. В нескольких стах метрах они увидели брод и переправились на другой берег.

В ту минуту, когда лошади их входили в воду, они увидели на другом берегу, покрытом высокой, густой травой, целое стадо ланей и еще каких-то больших птиц, которых Стротер назвал дикими индюшками; но и птицы, и лани, как только завидели охотников, моментально исчезли.

Переехав через реку, охотники направились к видневшемуся недалеко холму. Тут они слезли с лошадей и привязали их к ветвям громадного кедра, который весь оброс паразитными растениями, гирляндами, ниспадавшими до самой земли и образывавшими под ветвями дерева подобие свода, не пронцаемого для глаз.

— Теперь, мистер Эжен,— сказал Стротер,— мы с вами пойдем в эти кусты, но только надо пробираться так тихо и так осторожно, чтобы не хрустнула даже сухая ветка под ногами; иначе индюки, которые, должно быть, где-нибудь недалеко, снимутся с места, и тогда мы их уже не скоро найдем. Кроме того, помните, эти птицы очень зоркие, и берегитесь, чтобы они вас не увидели.

Старик охотник осмотрел ружье, переменял пистон и только после этого, согнувшись чуть не вдвое, стал пробираться между кустами, не производя ни малейшего шума. Эжен, следуя его примеру, тоже пригнулся к земле и, осторожно раздвигая кусты, медленно стал подвигаться вперед.

Так шли, или, лучше сказать, ползли они довольно долго, с трудом продираясь сквозь чашу кустарника и поминутно останавливаясь, чтобы раздвинуть загораживавшие им путь лианы.

Легкий ветерок дул им навстречу, а это весьма важное обстоятельство, когда отправляешься на охоту. Впрочем, умудренный опытом Стротер и не переправился бы через реку в этом месте, если бы ветер дул с другой сто-

роны. Он предпочел бы лучше проехать еще несколько километров, чем идти под ветром.

Наконец, они добрались до опушки и увидели впереди лужайку шириною приблизительно в полкилометра. Дальше опять начинался лес. Стротер обернулся к своему спутнику и сделал знак остановиться. Но на этой лужайке не было видно ни одной козы, ни одной лани, ни одного индюка, и у пылкого Эжена невольно сорвалось восклицание разочарования. Стротер обернулся к нему и сделал ему знак соблюдать тишину, а затем преспокойно уселся под деревом и предложил последовать его примеру и своему спутнику.

Перед ними с деревьев, точно занавес, спускались покрытые листьями стволы ползучих растений, не мешавшие им, однако, видеть все, что происходит на лужайке. Эжен, не понимая, зачем это делается, тем не менее покорно уселся рядом со Стротером и, пригнувшись к его уху, шепотом спросил:

— Чего ради мы здесь сидим? Неужели вы сами не видите, что на этой лужайке ничего нет?

— Молчите,— так же тихо отвечал ему бывший управляющий.— Молчите и слушайте, сидите смирно и ждите!

Так сидели они довольно долго, не слыша ничего, кроме собственного прерывистого дыхания и легкого шелеста в траве, который производили бегавшие кругом них мелкие животные. Вдруг откуда-то издали до них донеслось странное клохтанье. Молодой человек в ту же минуту достал из кармана дудку для приманивания индюков, но Стротер удержал его за руку.

— Подождите, подождите, мистер Эжен,— шепотом сказал он,— послушайте меня, не спешите! Если вы ему сейчас ответите, индюк ни за что не придет сюда. Предоставьте мне действовать, и через несколько минут он будет в двадцати шагах от вас.

Старый Стротер не спеша достал из кармана дудку и приложил ее к губам; в ту же минуту послышалось короткое клохтанье индюшки, похожее на жалобный стон. На этот призыв ответили сразу три самца с трех различных сторон. Эжена поразили этот блестящий результат, и он снова взялся было за дудку, но Стротер опять остановил его.

— Не торопитесь! — сказал он, хотя по лицу его бы-

ло видно, что ему и самому большого труда стоит сдерживать себя.

— Но...

— Большинство новичков, каких бы птиц им не приходилось подманывать, всегда чересчур торопятся и поэтому они и не имеют удачи. Дикие индюки очень хитры и очень подозрительны. Они удивительно хорошо умеют отличать каждый неверно взятый звук... их не скоро обманешь... Вы прислушайтесь хорошенько, как они сами клохчут... Индюшка, которая слышит голоса трех индюков, ни за что не ответит им сейчас же; наоборот, она будет молчать и заставит их упрашивать себя. Она ведь отлично понимает, что стоит только ей подать голос и перед нею сейчас же предстанут три кавалера с распушенными хвостами и будут стараться заслужить ее внимание. Она будет ждать до тех пор, пока они не начнут более настойчиво просить ее явиться, или же пока у ней самой не явится желание взглянуть на посланных ей судьбою новых поклонников! Поэтому, послушайте меня, тут самое главное — терпение! Малейшая поспешность может погубить все дело!

Кончив эту коротенькую лекцию, старый птицелов поднял руку, и лицо его озарила улыбка. Как раз в эту минуту снова послышалось клохтанье индюков, двое из которых даже как будто подошли гораздо ближе, судя по тому, что клохтанье слышалось уже гораздо громче и яснее. Затем, после короткого перерыва, они снова принялись перекликаться, подходя все ближе к тому месту, где скрывались в засаде охотники.

— Неопытный, неумелый охотник сейчас же схватился бы за дудку и стал бы приманивать их, — спокойно заметил Стротер. — Ну, и знаете, чем бы это кончилось? Индюки сейчас остановились бы и стали говорить друг другу: «Какая это глупая индюшка». Они, может быть, отозвались бы и еще раз, а если бы вы и после этого стали подманывать их, они преспокойно повернулись бы и ушли, а там можете их ждать и подманывать хоть до завтра.

— Но разве вы не боитесь, что, если вы не будете отвечать им, индюки подумают, что индюшка ушла? — спросил Эжен, которого эта охота интересовала все больше и больше.

— Подождите, пока они устанут, или пока им надоест клохтать; тогда мы опять их поддразним. Слушайте!

И они выжидали еще минут десять, в течение которых индюки все перекликались на своем индюшнном языке и, хотя крики слышались уже не так часто, зато на значительно более близком расстоянии и притом с каждым разом все яснее и яснее. Они медленно, но неустанно приближались. Наконец, Стротер снова приложил свисток к губам, и в ту же минуту послышалось короткое и отрывистое клохтанье индюшки, которая точно взывала о помощи или жаловалась кому-то на свою горькую судьбу. Жалоба эта имела магическое действие: все три индюка принялись одновременно кричать так быстро и так громко, что будь тут в самом деле индюшка, ее, наверное, порадовало бы такое внимание. Затем вдруг наступила тишина.

— Они ушли? — спросил Эжен, задышающим от волнения голосом.

— О, нет! — весело отвечал Стротер, стараясь говорить как можно тише. — Приготовьтесь стрелять, вы их сейчас увидите... У вас есть крупная дробь?..

Но сколько ни смотрел Эжен, он не видел на поляне ни одного индюка, хотя по временам они и подавали попеременно свой голос.

— Отвечайте им, Стротер, отвечайте! — умолял Эжен.

— Нет, черт возьми! Ни за что! — отвечал Стротер, становясь все более и более спокойным, в противоположность горячившемуся юноше. — Сделать это, значит погубить все дело... Тише! Смотрите! Вот они!

В это время метрах в четырехстах от них показался выбравшийся из кустов громадной величины индюк. Он появился с правой стороны и бежал на середину лужайки с широко распушенными крыльями. Вдруг он остановился, поднял голову и стал подозрительно осматриваться кругом. Затем он раза два или три громко вскрикнул. В ту же минуту ему ответили с противоположной стороны лужайки, откуда из кустов выбежали еще два индюка, и затем они уже втроем принялись кружиться и так отчаянно кричать, что, казалось, совсем забыли о том, что именно заставило их устремиться сюда и теперь, видимо, готовились к битве. Стротер имел терпение выждать еще целых десять минут, пока индюки приблизились, наконец, настолько, что в них можно было уже стрелять.

— Не стреляйте только раньше меня, — шепотом ска-

зал он на ухо Эжену,— тогда нам, может быть, удастся убить всех зараз.

Между тем индюки, сами того не замечая, все более и более приближались к охотникам и скоро были уже не больше, как в тридцати шагах от них. Стротер медленно взял ружье на прицел, приложился и выстрелил... Один индюк упал на землю, убитый наповал. В тот же момент и Эжен разрядил оба ствола ружья, и два других индюка пали рядом со своим сраженным соперником.

Юный креол ликовал от радости, как безумный, и горячо благодарил своего учителя, который и сам, видимо, тоже был очень рад и вместе со своим товарищем отправился подбирать убитую дичь. Самый меньший из индюков весил около тридцати фунтов. Был уже почти полдень, так как солнце приближалось к зениту; охотники начали чувствовать голод и решили вернуться в лагерь.

— Я обещал Теннесси принести индюка,— сказал Эжен,— и очень рад, что могу так блистательно исполнить свое обещание. Этих трех индюков хватит на всех, не исключая и негров. Я в таком восторге, Стротер, и не знаю, право, как и благодарить вас, потому что без вас я, наверное, не убил бы ни одного индюка. Вы себе и представить не можете, какого мне труда стоило сдерживать себя! Ну, а теперь идем в лагерь!

— Да, надо идти,— согласился Стротер, я нужен там, на строительстве. Полковник хочет, чтобы блокгауз был готов завтра к вечеру и поэтому мы должны дорожить каждой минутой. Но мы можем охотиться и на обратном пути. Идите правой стороной, а я пойду левой и сойдемся там, где мы оставили лошадей. Может быть, нам попадется коза или медведь. Я понесу индюков.

Молодой человек, радуясь, что ему, может быть, представится новый случай блеснуть своим искусством, ничем не выразил своего протеста и даже не предложил старому охотнику разделить ношу. Управляющий, который был силен, как Геркулес, навалил на себя убитых птиц и повернул налево, а его более юный товарищ пошел по опушке направо, т. е. ближайшим путем к лошадям.

Стротер шел своим обычным шагом, несмотря на то, что тащил на себе тяжесть чуть не в сто фунтов. Он имел, главным образом, намерение осмотреть местность, и поэтому его нисколько не огорчило, что на пути ему

не подалось ни одного животного, ни одной птицы, которую стоило бы подстрелить.

В ту минуту, когда он достиг того места, где были привязаны лошади, он услышал донесшиеся издали два выстрела, следовавшие один за другим так быстро, что они почти слились в один.

— Что за черт! — проговорил Стротер. — Интересно знать, что такое ему подалось, что он палит сразу из обоих стволов?

Затем он совершенно спокойно привязал индюков к седлу своей лошади и сел отдохнуть в ожидании Эжена. Так прошло довольно много времени, но молодой человек все не возвращался. Стротер начал тревожиться. Он пробовал кричать, но никто не отозвался на его призыв. Тогда он достал из-за пояса револьвер и, зарядив карабин, побежал в ту сторону, где он слышал выстрелы...

Эжен исчез, и кругом не было слышно ни малейшего шума!.. Его разряженное ружье валялось в траве на небольшой прогалине, где виднелись следы множества лошадей... Невдалеке от ружья, где трава была сильнее прижата, виднелось большое кровавое пятно... При виде крови Стротер вскрикнул и схватил себя за голову...

Глава 13

КАРРОЛЬ ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Полковник Магоффин, сидя со своим другом Карролем под деревом, торопливо доедал завтрак, состоявший из сухарей и ветчины, и с удовольствием следил за быстро подвигавшимися работами по сооружению блокауза.

Работавшие под его надзором люди, которых к тому же заставляла торопиться возможность внезапного нападения индейцев, успели сделать очень много в весьма короткий промежуток времени. Нижняя часть здания, заменявшая фундамент и состоявшая из врытых в землю толстых, гладко обтесанных бревен, была уже готова и представляла непроницаемую ограду в восемь футов высотой. Над нею должна была подниматься, так сказать, жилая верхняя часть блокауза с бойницами для стрелков. Необходимый для постройки этой части здания материал был уже весь заготовлен, и его оставалось только поставить на место.

Невдалеке от полковника сидели кружком чернокожие работники и с аппетитом уничтожали свой неприхотливый обед, обмениваясь все время веселыми шутками и поминутно раздражаясь громким хохотом. Фургоны были уже передвинуты к блокгаузу, и женщины и дети перетаскивали из них имущество в обнесенное изгородью пространство.

После неожиданного появления в стане эмигрантов индейского вождя полковник решил до ночи непременно перенести все более или менее ценное имущество под защиту стен будущего блокгауза и насколько возможно обезопасить от нападения грабителей.

— Нам нет никакой необходимости делать сейчас же и крышу,— сказал он Карролю.— Я думаю, что мы будем в состоянии долгое время защищаться даже и за этими стенами. Нужно будет только проделать бойницы и соорудить поскорей палисад, куда и будем загонять на ночь лошадей и скот.

— Мне и самому кажется, что мы успеем сделать все это,— отвечал Ваш Карроль.— Индейцы, что бы там ни говорили о них, препорядочные трусы. Они обыкновенно долго раздумывают, прежде чем решиться объявить войну, и поэтому я думаю, что раньше, чем этот проклятый Тигровый Хвост соберется напасть на нас, у нас все будет уже готово, и мы устроим ему такую встречу, какой он и не ожидает.

— Все-таки я считаю, что нам нельзя терять времени и нужно торопиться с окончанием блокгауза.

— Непременно! И чем скорее все будет сделано, тем лучше! Мне, признаюсь, очень не понравилось, что проклятый индеец осмелился так бесстрашно, среди дня, забраться к вам в лагерь. Полковник, смотрите, как ловко сидит мисс Теннеси на своей лошадке! Она сидит, как настоящий команч, честное слово!

Это восклицание вырвалось у старого траппера при виде дочери полковника, у которой не хватило терпения ждать, пока ее лошадка будет окончательно укрощена и выезжена. Она, вскочив в седло, кругами носилась по прерии между блокгаузом и бывшим местом лагеря, легко и грациозно сядя на лошади, которая, к удивлению, прекрасно ее слушалась. Это происходило, может быть, отчасти потому, что Теннеси, как и все уроженки южных штатов, начала ездить верхом с самого раннего детства.

Луизиана, у которой пример Теннесси тоже вызывал желание покататься, в это время еще только садилась на лошадь, которую держал под уздцы Эдуард Торнлей.

Красавица лошадь вся еще дрожала после перенесенной ею пытки укрощения при помощи хакимо.

Хакимо — это тонкий ремень, который мертвой петлей надевают на морду лошади повыше ноздрей, затем его пропускают в рот и обматывают нижнюю челюсть. В Мексике этот способ употребляют все охотники при укрощении диких лошадей, и даже самые упрямые и непокорные мустанги очень скоро становятся смиренными и послушными.

Полковник Магоффин хотя и не привел с собой ни одной верховой лошади, предусмотрительно захватил с собою седла, уздечки и вообще все необходимое для верховой езды, так как знал, что техасские прерии славятся своими мустангами, которые бегают здесь целыми табунами.

Луизиана с помощью Торнлея ловко вскочила на лошадь; молодой человек снял петлю хакимо, и крапчатая, сделав громадный прыжок, стрелой полетела по прерии.

Крапчатая, как и пойманная вместе с ней кофейная лошадь, была укрощена, так сказать, только наполовину, как укрощают в Техасе девять мустангов из десяти. Сначала лошадь душат при помощи лассо, затем надевают седло и укротитель с громадными, чуть не в полфута длиной шпорами, которыми он до крови пропарывает бока лошади, до изнеможения скачет на ней по необъятной прерии. После этого пойманный мустанг считается уже *domado*, т. е. укрощенным...

Луизиана Дюпрэ ездил верхом почти так же хорошо, как и ее кузина Теннесси, и крапчатая, как ни бесновалась, скоро почувствовала, что всякая дальнейшая борьба бесполезна и покорилась юной наезднице.

Верховая езда вызвала румянец на бледных до того щеках молодой девушки, и глаза ее весело сверкали, когда она галопом подъехала к дяде и спросила его:

— Как вы находите мою лошадь, дядя? Неправда ли, она великолепна?

— Она и в самом деле очень хороша, милочка, — отвечал полковник, вставая и начиная гладить рукою шею лошади, — но ты и сама выглядишь прекрасно, а ездить ты просто великолепно.

— Очень вам благодарна за похвалу, дядя, — отвечала.

ла молодая девушка,— а теперь, если вы ничего не имеете против, я хотела бы поехать навстречу Эжену. Бедный мальчик, должно быть, умирает с голоду и, кроме того, я боюсь, что он еще сильно горюет о том, что охота его не увенчалась успехом.

— С полчаса тому назад я слышал, как он и Стротер стреляли. Думаю, что они подстрелили какую-нибудь птицу, а может быть, козу или лань. Стротер замечательный стрелок, и кроме того, никто лучше его не умеет ставить ловушки и подманивать индюков; поэтому я думаю, что наши охотники должны скоро вернуться обратно, и тебе нет никакой надобности ехать им навстречу.

В эту минуту к ним подскакала Теннесси и, остановив лошадь, сказала задыхающимся от быстрой езды и от волнения голосом:

— Папа, я видела сейчас Стротера. Он переезжал через реку, ведя на поводу лошадь Эжена, но самого Эжена, не видно. С ними что-то случилось! Может быть, он ранен, а может быть, и еще какое-нибудь несчастье! Он всегда такой неосторожный!

— Послушай, милочка, ты напрасно так волнуешься раньше времени,— сказал полковник, стараясь успокоить дочь, хотя сам в то же время думал совершенно другое,— может быть, они настреляли так много дичи, что не могли захватить все с собою, и тогда Эжен, вероятно, остался отгонять коршунов.

— Значит, ты думаешь, папа, что с ними ничего особенного не случилось? — спросила Теннесси, успокаиваясь.— Я поеду навстречу Стротеру и спрошу его.

— Не делайте этого, умоляю вас! — сказал старик Карроль глухим и каким-то странным голосом.— На такой, не совсем еще укрощенной, лошади опасно ехать по реке... Я лучше пойду сам.

С этими словами старый траппер побежал навстречу Стротеру, так как был почти уверен, что услышит от него дурные вести.

— Что такое? — кричал он, завидя Стротера,— Уж не случилось ли какого несчастья с вашим молодым господином? Где вы его оставили?

— Он исчез! — ответил Стротер дрожащим голосом,— Его похитили эти проклятые собаки краснокожие! Я в этом уверен. Мы расстались с ним всего полчаса тому назад и должны были сойтись там, где были привя-

заны наши лошади.. Я слышал потом выстрел и думал, что он охотится, но так как после этого он долго не возвращался, я отправился разыскивать его и не нашел...

— Как же это могло произойти?

— Вот все, что я нашел... оно валялось на земле недалеко от того места, где было видно большое кровавое пятно.

И он показал Карролю изящную двустволку с серебряной насечкой, которую так усердно чистил молодой человек все утро.

— Покажите мне это место, — сказал Ваш, — будь они прокляты, ваши индюки! Все ведь это вышло из-за них! Бросьте их тут, я сяду на лошадь бедного юноши и едем! Мы должны как можно скорее разгадать эту тайну! У вас оружие в порядке?

— Да, — лаконично отвечал Стротер.

Один вид такого энергичного, решительного человека, как Ваш Карроль, сразу изменил настроение управляющего, и глубокое отчаяние сменилось в нем гневом. Он бросил индюков на землю. Ваш Карроль вскочил на чистокровного коня, принадлежавшего Эжену, и они галопом поскакали к броду.

— Что-то скажет теперь полковник? — проговорил Стротер, сдерживая лошадь, когда они въезжали в реку. — Не лучше ли нам вернуться в блокгауз и рассказать ему о том, что случилось?..

— Зачем? — перебил его Ваш, смело бросаясь в воду. — Дурные вести и так скоро узнаются. И потом, полковник так хорошо знает меня и так верит мне, что не рассердится за то, что мы уедем, не сказав ему ничего, и наверное одобрит все, что я сделаю.

Стротер не стал спорить, и оба охотника, один настоящий великан, а другой только что не карлик, переехали вброд через реку и, пустив снова лошадей в галоп, поскакали к той прогалине, где Стротер нашел ружье и луже крови.

Дойдя до этого места, Ваш спрыгнул с лошади, передал поводья своему спутнику и, опустившись на колени, стал внимательно изучать следы. Наконец, он выпрямился и, видимо довольный результатами исследования, крупными шагами пошел по следам лошадей. Пройдя таким образом небольшое расстояние, он остановился и снова опустился на колени.

— Какого вы мнения? — спросил он управляющего, обратившись к нему.

— Индейцы набросили на него лассо, — отвечал управляющий.

— Да, это верно, — сказал Карроль, — а что касается крови, то вы ошибаетесь. Я думаю, что у нас нет никаких оснований предполагать, что здесь была пролита именно его кровь.

— А почему вы так думаете? — спросил великан, сильно сомневавшийся.

— Почему?.. А вот почему... Вы разве не видите, что кровавые пятна все время идут с одной стороны, вроде этого следа, а не посередине, как это должно было бы быть, если бы кровь текла у него из раны, когда они тащили его по земле. Да вот, смотрите сами! Видите этот отпечаток конского копыта..? Теперь смотрите тут... этот кровавый след оставила раненая лошадь... Они неожиданно напали на него... но он все-таки успел выстрелить и ранил лошадь... Затем они набросили на него лассо и тащили его по земле, пока он не потерял сознание... потом они повели его сюда... Теперь надо узнать только, куда именно они его увезли... У вас есть револьвер?

— Да, — ответил управляющий, показывая револьвер.

— В таком случае идем, — сказал Карроль, доставая в свою очередь из кармана револьвер и заряжая ружье.

Затем он снова пошел по следам, оставленным копытами лошадей, тогда как Стротер ехал следом за ним верхом, держа другую лошадь на поводу.

— Здесь они перекинули его через седло, — сказал Карроль, приостанавливаясь на минуту. Их было всего трое! — прибавил он, и они были верхом на неподкованных лошадях.

— Значит, они были на диких лошадях? — спросил Стротер.

— Да, три мустанга, — отвечал Ваш, задумчиво опуская голову.

Ему, видимо, было особенно неприятно сделанное им открытие. Он шел медленно, бормоча какие-то слова, которых Стротер, однако же, разобрать не мог. Потом он опять остановился и, обращаясь к управляющему, спросил:

— Вы умеете находить следы и можете сказать, что они означают?

— Я не стану особенно хвалиться,— скромно отвечал управляющий,— но мне случалось это делать.

— В таком случае, скажите мне, какая разница между посадкой бледнолицего и краснокожего?

— Бледнолицые, как нас называют индейцы, откидываются больше назад, тогда как краснокожие сидят чуть не на шее у лошади.

— Отлично,— сказал Карроль, видимо, довольный этим ответом.— Теперь слезайте с лошади, осмотрите эти следы и скажите мне ваше мнение.

Стротер быстро соскочил с лошади и стал изучать следы.

— Обратите особенное внимание на этот след,— сказал Ваш Карроль, указывая рукой на один из них.— Вы ведь видите, что их было всего трое, и что все они были верхом? Две лошади оставили одинаковые следы, а третья лошадь надавливала больше задними копытами, чем передними. И вот мне кажется, что на этой лошади сидел не краснокожий, а бледнолицый... А вы какого мнения?

— Я могу только удивляться и, конечно, согласен с вами. Но каким образом мог этот бледнолицый оказаться союзником индейцев и принять участие в таком преступлении? Это что-то очень странно.

— Негодяев везде и всюду хоть отбавляй,— сказал Карроль,— да вот с нами вместе живет в коррале такой человек, которого мы оба, я и Торнлей, сильно подозреваем и думаем, что ему не миновать виселицы. Скажите, пожалуйста, вам приходилось бывать в Луизиане? Вы хорошо знаете этот штат?

— Отлично.

— Вам там не приходилось видеть некоего Луи Лебара?

— Нет. Я даже и имени такого никогда не слышал.

— Это субъект небольшого роста, коренастый, черполицый, точно негр, с большой длинной бородой. По лицу он скорее похож на мексиканца.

— Нет, такого не знаю,— коротко отвечал Стротер.

Ваш, видимо, остался очень недоволен этим ответом, и, взяв ружье на плечо, молча направился дальше по лесу.

— Берегитесь,— сказал ему Стротер,— тут могут быть индейцы, вам лучше сесть на лошадь, а следы и так видны очень хорошо.

Ваш не ответил ни слова. Он продолжал идти все тем же быстрым шагом, как вдруг внимание его привлек предмет, который показался ему весьма ценной находкой. Это было не что иное, как обертка с табака, данного полковником Магоффином Тигровому Хвосту. Она валялась в траве и тут же виднелось множество следов, оставленных копытами лошадей и мокасинами индейцев.

— Это проделка Тигрового Хвоста! Я и раньше подозревал это, а теперь я в этом уверен! — вскричал Ваш Карроль. — Теперь нечего особенно тревожиться! Наш друг жив и здоров, и мы в самом непродолжительном времени выручим его из беды, или пусть меня не зовут больше мустангером! Все идет отлично! Я теперь знаю, где его искать. Он жив и здоров, поверьте мне. Они похитили его затем, чтобы взять выкуп с полковника. Это любимая проделка проклятого Тигрового Хвоста.

— Что же нам теперь делать? — сурово спросил управляющий, которому было неприятно видеть эту, по его мнению, неуместную веселость мустангера.

— Не бойтесь ничего, я ручаюсь вам за это и беру все дело на себя. Я тоже с ним сыграю штуку, и такую, какой он, наверное, даже и не ожидает. Смотрите! Вся шайка ждала их здесь, а затем они уже все вместе поехали в свой лагерь! След идет прямой линией к лагерю Тигрового Хвоста...

— А сколько воинов у этого вождя семинолов? — спросил Стротер, рассматривая свежие следы.

— Около полутораста.

— А нельзя ли было бы собрать небольшой отряд смелых людей для нападения на логово этого ужасного зверя? — спросил управляющий, давно уже ограничивавшийся только краткими вопросами и такими же краткими ответами.

Карроль обернулся и, глядя на него в упор своими пронзительными глазами, спросил:

— А вы тоже присоединились бы к этим смелым людям?

— И вы еще спрашиваете, черт возьми! — отвечал Стротер, к которому вместе с даром слова вернулась и общительность. — Мы возьмем себе в помощь хорошо вооруженных людей и, кстати, расскажем полковнику, в чем дело, а потом поедем с теми, кто захочет ехать с нами. Нам ведь все-таки нужно с полдюжины револьверов, чтобы напасть на Тигра в его лагерь.

— Вы настоящий мужчина,— сказал Карроль с энтузиазмом,— позвольте пожать вашу руку.

Великан схватил протянутую ему траппером руку и пожал ее так крепко, что тот чуть не вскрикнул от боли.

Затем они сели на лошадей и галопом поскакали обратно в лагерь эмигрантов, где нашли всех в сильной тревоге. Теннесси Магоффин сходила с ума от отчаяния. Полковник приказал вооружиться всем своим людям. Когда Ваш Карроль рассказал о результатах своей поездки и сообщил выработанный им план, все единогласно изъявили желание ехать с ним в логово тигра, как они называли стан краснокожих. Полковник велел женщинам перейти в блокгауз и оставил при них четырех хорошо вооруженных негров. Затем полковник Магоффин, Стротер, Торнлей, Карроль и восьмеро чернокожих, с ружьями и револьверами, верхом отправились к стану индейцев.

Глава 14

ВОРОНОЙ МУСТАНГ

Лагерь семнолов занимал глубокую впадину в самой чаще громадного леса, носившего название Кросс-Тимберс. Впадина эта со всех сторон, кроме лицевой, была окружена низкорослой растительностью местной флоры. Низкорослые дубы, черный терновник, достигавший едва двенадцати футов в высоту, и всевозможные виды растущих в этих местах колючих кустарниковых растений окружали эту впадину непроницаемой живой изгородью, сквозь которую мог пробраться только человек, вооруженный топором.

В этой впадине, пространством приблизительно в один гектар, служившей лагерем для индейцев, стояло от пятидесяти до шестидесяти вигвамов.

Вигвам вождя прежде всего отличался от всех остальных тем, что перед входом в него был врыт в землю большой шест с прикрепленными к нему скальпами убитых врагов; среди этих трофеев немало было скальпов с длинными белокурыми волосами, снятых с бледнолицых женщин.

Этот вигвам был гораздо больших размеров, чем все остальные; в нем жило с десятков сквау, или индейских

женщин, среди которых были лица даже и очень красивые, потому что племя семинолов славится правильностью черт и красотой среди многочисленных племен краснокожих Северной Америки.

Большинство из этих женщин сидело или лежало перед входом в хижину. Одни из них кормили грудных детей, а другие следили за игравшими невдалеке на траве детьми более старшего возраста.

В лагере, по-видимому, остались только женщины и дети, а воины, вероятно, отправились в какую-нибудь экспедицию или на охоту. Кое-где виднелись лошади, привязанные к вбитым в землю кольям и спокойно пощипывавшие густую сочную траву. Вдруг послышался крик, возвещавший возвращение вождя и в ту же минуту толпа мальчишек устремилась к возвращавшимся. Впереди отряда краснокожих, размахивавших копьями и издававших победные крики, скакал вождь, перед которым лежала перекинутая через спину лошади какая-то бесформенная масса, завернутая в одеяло.

Тигровый Хвост подскочил к своему вигваму, спрыгнул с лошади, снял с нее завернутую в одеяло массу, по формам похожую на связанного человека, и без всякой церемонии бросил ее на землю, точно тюк.

При этом одеяло распахнулось, и стало ясно видно, что в нем был и в самом деле человек, бледнолицый пленник, одетый в костюм из синей бумажной материи, какие носит большинство креолов в Луизиане.

Вслед за вождем к его вигваму подскочил еще один всадник. Это был Черный Мустангер.

Он сидел верхом на взятом из корраля чудном мустанге, которого испанский мундштук заставлял стоять смирно, пока всадник, слегка похлопывая хлыстом по вздымавшимся бокам лошади, говорил Тигровому Хвосту:

— Теперь мне следует сейчас же расстаться с вами. Стерегите хорошенько пленника, вам за него заплатят большой выкуп. Только помните, он даже и подозревать не должен, что я вам друг. Если это случится, тогда все дело будет проиграно. Я и в корраль-то еду сию минуту исключительно затем, чтобы отвратить от себя всякое подозрение. Надеюсь, что мои товарищи не догадаются о том, какое я принимал участие в этом деле. Все остальное должно быть сделано сегодня же ночью, раньше, чем

будет достроен блокгауз. Прощайте, я постараюсь пробраться незаметно лесом.

— Хорошо, — сказал вождь, — мои воины будут ждать вас в назначенном месте.

Лебар повернул лошадь, дал ей шпоры и галопом скакал к выезду из впадины, где помещался лагерь семинолов. Здесь он свернул на одну из разветвлявшихся в разные стороны тропинок, прорубленных краснокожими в чаще на тот случай, если бы им понадобилось спастись бегством при внезапном нападении на их лагерь такого числа врагов, с которыми они не смогли бы справиться. Тропинки эти проложены были так искусно и так хорошо замаскированы, что их могли бы обнаружить только опытные глаза посвященных.

Лебар, по-видимому, прекрасно знал эту дорогу, потому что ни на одну минуту не задумывался о том, какую именно из тропинок ему лучше выбрать. Мало того, он заставил даже свою лошадь идти галопом по этой узкой, извилистой тропинке, где ей часто приходилось грудью прокладывать себе дорогу сквозь быстро разраставшуюся чащу кустарников и переплетавшие их лианы.

Он ехал так быстро, что через десять минут выбрался уже на опушку Кросс-Тимберса. Оттуда ему оставалось уже не больше мили до видневшегося впереди корраля, где его оставили стеречь пойманных мустангов его товарищи по охоте, отправляясь к полковнику Магофину.

Одного взгляда было достаточно для него, чтобы убедиться, что в коррале за время его отсутствия не случилось ничего особенного; и он, пустив лошадь в карьер, через две минуты был уже у ворот палисада.

Здесь он, натянув поводья, с такой силой ударил лошадь хлыстом, что бедное животное заржало от боли и поднялось на задние ноги, точно собираясь опрокинуться на спину и придавить собой безжалостного мучителя, но всадник в ту же минуту отпустил поводья и, приподнявшись на стременах, слегка наклонился вперед; лошадь сделала скачок, перелетела через загородку и упала на колени.

Что же касается Лебара, то он, будучи довольно плохим мустангером, т. е. не умея хорошо бросать лассо, и то же время мастерски ездил верхом. В тот момент, когда его лошадь падала, он ловко перепрыгнул через ее голову и, стоя перед ней, спокойно смотрел, как несчаст-

ное животное, не будучи в силах подняться, повалилось, тяжело дыша, на бок.

Через минуту покрытый пеной и вконец измученный мустанг тяжело приподнялся с земли и, весь дрожа, стоял покорно перед всадником.

Черный Мустангер снял с лошади седло, и та, получив от него еще один удар хлыстом, медленно побрела к сбившемуся в кучу табуну.

— Какое счастье, что мои товарищи не приехали сюда в мое отсутствие,— проговорил он, глядя на удаляющуюся лошадь.— Если бы они видели, как быстро я летел сюда, они, наверное, угадали бы всю правду. Интересно знать, через сколько времени они узнают об исчезновении креола? Чтобы его черти взяли, этого глупого простофилю! Я просто убить его готов за те слова, которые он мне сказал тогда. Жаль только, что Тигровый Хвост не согласился покончить с ним. К счастью, он меня не видел. Если вождь и отпустит его за хороший выкуп, он все равно никогда не узнает о моем участии. Я не боюсь старика Магоффина, потому что только Эжен Дюпрэ и его сестра знают меня. Все остальные из Тенесси. Досадно только, что мои товарищи приняли в них участие. Почему, однако, их нет так долго? Хотелось бы мне знать, что именно удерживает их у Магоффина?..

Лебар взобрался на одну из скал, окружавших корраль, и стал с нее смотреть в ту сторону, где был расположен лагерь эмигрантов.

Долгое время он ничего не видел, а потом увидел силуэт всадника, а за ним и еще нескольких, направлявшихся через прерию к лагерю семинолов.

Тем путем, который избрали всадники, до лагеря семинолов было около десяти миль, тогда как от корраля через лес, по тем тропинкам, по которым ехал Лебар, было всего около четырех.

Глядя на скакавших одного за другим всадников, Черный Мустангер пересчитал их. Весь отряд состоял всего из двенадцати человек, в числе которых, как ему показалось, он рассмотрел даже малорослую фигуру Карроля и казавшихся, в сравнении с ним, великанами полковника и управляющего, которые ехали впереди.

— Они знают, что креол исчез,— проговорил Лебар, насмешливо улыбаясь,— и едут теперь разыскивать его. Возможно даже, они подозревают, что его похитили семинолы, и, вероятно, предложат им выкуп за пленника.

Ха-ха-ха! Они даже и не догадываются, какой он с них попросит выкуп. Это заставит их разлюбить эти места и отказаться навсегда от мысли устраивать здесь плантацию. Я хорошо сделал, что вовремя предупредил вождя краснокожих.

И он еще некоторое время следил глазами за маленьким отрядом всадников, легкой рысцей ехавших по дороге к лагерю Тигрового Хвоста, пока они не скрылись за густо разросшимися деревьями.

— Хотелось бы мне знать, что они скажут вождю,— продолжал Лебар.— Если бы ему дать знать как-нибудь, что к нему едут гости, он мог бы устроить им маленький сюрприз. Жаль, что мы не подумали об этом раньше. Все было бы кончено одним ударом и даже сегодня. А почему бы мне не поехать самому предупредить его? Им ведь нужно ехать на целых пять миль больше, чем мне, и потом им нужно будет пробираться лесом по незнакомой для них дороге. Хорошо было бы устроить засаду и захватить полковника, Карроля, Торнлея, а с ними вместе и всех остальных, способных защищать молодых девушек. И я сразу стал бы и богат, и счастлив! Но мне нужно для этого хорошую лошадь, очень хорошую, чтобы успеть вовремя предупредить семинолов, а затем ехать вместе с ними в лагерь Магоффина. Надо поймать нового мустанга. Ну, да у меня тут выбор большой, и на хорошей лошади я, наверное, не опоздаю.

Черный Мустангер спрыгнул со скалы, отвязал от седла лассо, сложил его кольцами и направился к табуну мустангов.

Его приближение по обыкновению испугало мустангов, и они в ужасе бросились в самый конец корраля и сбились в тесную кучу.

Лебар окинул взглядом табун, выбрал великолепного мустанга серо-стального цвета и сделал несколько шагов в ту сторону, где в первом ряду держался этот чудный конь.

Но он, как мы уже говорили и раньше, не отличался искусством бросать лассо, которым к тому же, как и все новички, он слишком долго размахивал над своей головой, прежде чем набросить его на шею лошади. Табун бросился врассыпную. Лебар, когда серый мустанг пробежал мимо него, бросил лассо и в тот же момент почувствовал, что какая-то невидимая сила стремительно тащит его вперед и он падает на землю. Ему казалось,

что для него наступила последняя минута... Но, к его счастью, скоро истощились силы и у мустанга, которого душил накинутый на шею ремень, и пленник, протаскивая за собой мустангера по земле через весь корраль, наконец, остановился. Лебар поднялся и, к своему удивлению, увидел, что его лассо поймало не серого мустанга, а вороного, бывшего одним из вожakov табуна и выделявшегося как своим ростом, так и страшной силой.

— Ты мне за это дорого заплатишь, проклятый! — крикнул мустангер, натягивая лассо и грозя коню кулаком.

Но его угроза произвела совсем не то действие, которого он, вероятно, ожидал. Мустанг, правда, испугался и его сердитого голоса, и грозившего ему кулака, но этот испуг не приковал его к месту, а, наоборот, заставил снова искать спасения в бегстве, и черный жеребец, сделав громадный скачок, снова бросился бежать и снова потащил за собой упавшего на землю Лебара, и эта бешеная скачка по корралю продолжалась до тех пор, пока не свалился от изнеможения и сам непокорный мустанг.

Лебар тяжело поднялся, постоял с минуту, потом подошел к мустангу и отпустил немного петлю лассо. Жеребец вскочил на ноги и сделал было попытку двинуться, но петля заставила его отказаться от этого намерения. Лебар, укорачивая постепенно длину ремня, подходил к нему все ближе и ближе, потом сначала погладил его, а затем несколько раз дунул ему в ноздри. Мустанг вдруг стал смирен, как овечка. Лебар оседлал его, вывел за ворота, вскочил на него, и после короткой борьбы, закончившейся победой укротителя, конь отказался от надежды сбросить с себя поработившего его человека и стрелой помчался к лесу, куда его гнал наездник.

Доехав до входа в ущелье, Лебар увидел, что он явился слишком поздно... Отряд бледнолицых въезжал уже в лагерь краснокожих.

Глава 15

'ЛОГОВО ТИГРА'

— Теперь, полковник, — сказал Ваш Карроль, когда они подъехали к тому месту, откуда стал виден лагерь семинолов, — предоставьте мне полную свободу дейст-

вий... Я лучше вас знаю этого негодяя, Тигрового Хвоста, и поэтому мне гораздо легче будет справиться с ним... Согласны вы уступить мне права главного руководителя и командира экспедиции?

— Да, милейший мой Ваш, даю вам честное слово джентльмена безусловно подчиниться вам,— отвечал полковник.— Вы, само собою разумеется, должны лучше знать нравы и обычаи краснокожих... А что, если они его убили? Что мы тогда будем делать?.. Как быть тогда с его сестрой?..

— Не бойтесь ничего, полковник: он жив, за это я вам отвечаю. Если бы они убили его, то мы нашли бы уже давным-давно его скальпированный труп, и если бы они вообще имели намерение убивать его, они не стали бы откладывать это и не стали бы тащить его в лагерь... Нет и нет, они похитили его только затем, чтобы взять за него выкуп... Предоставьте мне устроить это дело и дайте мне слово исполнить все, что бы я ни потребовал, и вы увидите, как все хорошо кончится.

— Даю вам слово,— сказал полковник.

Тем временем маленький отряд въехал в лагерь семинолов.

Появление эмигрантов, по-видимому, не вызвало никакой тревоги, и только одни дети сгруппировались по обе стороны въезда и молча рассматривали прибывших, бросая на них сердитые взгляды.

Ваш Карроль, как будто не сознавая грозящей им опасности, смело продолжал ехать вперед. На самом же деле он отлично знал, с кем они имеют дело, но решил взять отвагой и во что бы то ни стало добиться успеха. Так они доехали до вигвама Тигрового Хвоста, возле которого стояло несколько вооруженных воинов; здесь он остановил лошадь и, обернувшись к полковнику и понижая голос до шепота, сказал ему:

— Вы оставайтесь здесь и держитесь наготове... В случае, если нас окружают индейцы, стреляйте в них; а теперь мы с управляющим пойдем в логово к тигру.

С этими словами он спрыгнул с лошади. Примеру его сейчас же последовал Стротер. Затем с ружьями в руках они направились к вигваму вождя. Войдя в палатку, Карроль достал из-за пояса найденную им в лесу обертку из-под табака и бросил ее к ногам стоявшего посреди палатки начальника,

— Как вы думаете, где я нашел эту бумагу? — спросил он.

Семинол поднял глаза, взглянул на непрошенного гостя, и с уст его сорвалось глухое рычание, похожее на рычание дикого зверя.

— Я нашел ее,— продолжал мустангер тем же спокойным тоном,— рядом с местом исчезновения нашего друга и сейчас же угадал, что вы похитили молодого командира бледнолицых... Где он?.. Что вы с ним сделали?..

Глаза Тигрового Хвоста сверкали, как раскаленные уголья, и он гневно взглянул на стоявшего перед ним пигмея, осмелившегося разговаривать так с вождем в его собственном вигваме.

— Какое имеете вы право спрашивать меня о пленнике? — грубо возразил краснокожий.

Ваш Карроль вспыхнул, глаза его сверкнули, но он сдержал себя и, не сказав ни слова, ограничился тем, что сделал знак рукою стоявшему за его спиною гиганту-управляющему, который сейчас же выступил вперед и глухим, могучим голосом, похожим на рев медведя, что, видимо, произвело сильное впечатление на индейца, сказал:

— Слушай, вождь! Ты пришел к нам в лагерь под видом друга, и мы тебя принимали, как честного человека... Разве не правду я говорю?

Тигровый Хвост бросил на него презрительный взгляд.

— Нет,— отвечал он затем.— Я просил много виски и много табаку, а мне дали самое дешевое одеяло и немножко табаку!

— Мы дали тебе то, что могли дать,— возразил Стротер.— У нас нет виски, чтобы раздавать другим, нет у нас и пороха для чужих... А как отблагодарил ты нас за подарки?.. Ты похитил моего молодого господина, самого лучшего юношу во всем Техасе, и насмерть перепугал всех его родных, которые думают, что ты его убил... Ну, что же ты мне ответишь на это?

Вождь насмешливо улыбнулся.

— Где твой пленник? — резким тоном спросил Ваш Карроль.

Глаза семинола снова сверкнули гневом, но он не ответил ни слова. Он считал себя в полной безопасности у себя в вигваме, среди своих воинов, и ему, конечно, и в голову не могло прийти, до чего может дойти дерзкая

храбрость бледнолицых. На его лице снова появилась та же презрительно-насмешливая улыбка, и он, оборачиваясь к своим собеседникам спиной, проговорил:

— Я хочу много виски, много пороха, и тогда я вам отдам его.

Ваш Карроль бросил взгляд на своего спутника, и в то же мгновение великан протянул руку и схватил индейца за волосы. Краснокожий пошатнулся и упал на колени, даже не вскрикнув, и только лицо у него стало землистого цвета и сам он весь дрожал от страха. Ваш Карроль, приложив дуло револьвера к голове индейца, твердым голосом сказал ему:

— Только крикни, краснокожая собака, и я прострелю тебе голову!. А теперь говори скорее, где молодой господин?

Глава 16

РЕЙНДЖЕРЫ

В тот самый день, когда полковник вместе со своими друзьями смело ехал в лагерь семинолов, на весьма значительном расстоянии к юго-востоку от Кросс-Тимберса снимался с привала отряд вооруженных людей, ночевавших среди прерий. Но если бы кто-нибудь проследил их маршрут за последние несколько дней, тот, наверное, сказал бы, что этот отряд направляется именно к той части обширной техасской равнины, которая носит название Кросс-Тимберс.

В этом отряде как люди, так и лошади казались одинаково способными для той тяжелой и подвижной жизни, которую им приходилось вести в необъятных прериях. Все лошади в отряде были полукровки, и знаток сказал бы, что они представляют помесь малорослого, поджарого и быстрого мустанга, или дикой техасской лошади, с ширококостными, рослыми лошадьми северных штатов — помесь, которая не имеет ничего подобного себе во всем свете и дает чудную охотничью и кавалерийскую лошадь. Эти стройные и неутомимые лошади могут в течение целой недели делать по полтораста километров в день, не требуя никакого ухода и вечно оставаясь на подножном корме.

Всадники на первый взгляд казались охотниками; у

всех были длинные бороды, все были одеты в костюмы, сшитые из кож различных животных, причем преобладающим материалом служили буйволовые кожи, все были вооружены с головы до ног. У всех было заткнуто за поясом по револьверу, а у некоторых даже и по два; почти у всех были в руках заряжающиеся с казенной части карабины Шарна, потому что в это время обыкновенные, заряжающиеся с дула ружья начали выходить уже из употребления.

Отряд состоял из восьмидесяти человек; и когда раздались звуки сигнального рожка (последнее обстоятельство служило доказательством правильной организации, а не случайно собравшегося общества охотников), все бросились седлать лошадей и стали готовиться к выступлению в поход.

Командир этого кавалерийского отряда не обращал на себя внимания своей внешней силой. Он был небольшого роста, скромный пожилой человек с рыжеватыми, сильно поседевшими волосами. И только в его серых глазах, когда он устремлял их на кого-нибудь из своих подчиненных, сверкала непреклонная воля, заставлявшая повиноваться ему даже самых строптивых.

По одежде — хотя костюм его был самый скромный — он больше всех был похож на жителя цивилизованных стран. На нем была надета широкополая серая шляпа, серая охотничья куртка и высокие из желтой кожи сапоги с голенищами выше колен, какие носят фермеры и охотники южных штатов Северной Америки.

Единственным знаком его достоинства могло служить разве только его оружие: два чудных револьвера с серебряной насечкой, ручки которых выглядывали из кобур, и магазинная винтовка Кольта, висевшая на перевязи через плечо.

Все его приказания, которые он отдавал не торопясь, спокойным голосом и таким тоном, точно беседовал с друзьями, беспрекословно исполнялись. Подчиненные большей частью называли его полковником и только изредка заменяли этот титул словом «шериф» или «мистер Гейс».

Командир отряда и в самом деле был не кто иной как знаменитый Джек Гейс, неутомимый враг индейцев и мародеров всех видов и всех национальностей, которых еще так много бродит по необъятным прериям и лесам Техаса. Особенно боялись его конокрады, которых одно

его имя приводило в ужас и заставляло обращаться в бегство. Он был основателем и главою общества «рейнджеров», которые вели неустанную борьбу с кровожадными индейцами и всякого вида преступниками, грабившими и убивавшими мирное население Техаса.

Итак, полковник Гейс был шерифом Техаса и, в силу занимаемого им служебного и общественного положения, имел право казнить всех попадавших ему в руки грабителей и убийц, к какой бы национальности они ни принадлежали и где бы ни удалось ему их захватить. Но при этом, прежде чем казнить преступника, он всегда соблюдал требуемые законом формальности: злодей должен был сначала выслушать приговор присяжных, избравшихся из числа наиболее уважаемых «рейнджеров», а потом уже, если они признавали его виновным, шериф приводил приговор тут же на месте в исполнение.

Мрачная история, которую одинаково хорошо знали как подчиненные ему «рейнджеры», так равно и его враги, т. е. преследуемые им злоеды, немало способствовала увеличению того престижа, которым шериф пользовался и у тех, и у других.

В этой истории, правдивой от начала до конца, повествовалось об ужасной кровавой драме, разыгравшейся в доме мистера Гейса.

Двадцать лет назад — так начинается рассказ — ночью в столовой одного тexasского ранчero сидела, занимаясь работой, женщина лет тридцати пяти отроду. В этой же комнате, кроме нее, была еще молодая девушка, лет шестнадцати-семнадцати, которая тоже работала, и еще очень пожилая женщина, читавшая книгу.

Это были жена, дочь и мать мистера Гейса, который был почти одних лет со своей женой. Мистер Гейс выехал из дому ранним утром, и его близких сильно тревожило такое продолжительное отсутствие.

— Меня это начинает сильно беспокоить, — сказала вдруг, поднимая голову, старушка, которая делала вид, что читает, а на самом деле только держала в руках книгу и давно уже не перевертывала даже страниц. — Вильям никогда не возвращался так поздно. Я боюсь, не случилось ли с ним чего...

В эту самую минуту звук ружейного выстрела нарушил тишину ночи. Потом послышался крик агонии, а за ним галоп лошади, скакавшей от берега реки к дому.

— Господи! Что значит этот выстрел и этот ужасный

воплъ? — вскричала миссис Гейс, бросаясь к наружной двери и распахивая ее настежь.

В эту самую минуту к крыльцу подскакала, тяжело дыша от усталости, лошадь. С нее спрыгнул всадник, вбежал на крыльцо, втолкнул бросившихся было к нему навстречу женщин обратно в комнату, а затем обернулся к лошади и что было силы ударил ее хлыстом; лошадь сделала скачок и в одно мгновение скрылась во мраке ночи.

В то время, как Вильям Гейс (это был сам ранчero) стоя на крыльце осматривал берег реки, в той стороне сверкнула молния, грянул выстрел и ружейная пуля вошла в притолоку двери, которая оставалась открытой.

Ранчero прыгнул в комнату, захлопнул дверь и задвинул ее двумя железными засовами. Затем он бросился к жене, сжал ее в объятиях, поцеловал в лоб дочь Мэри и обнял старуху-мать, которая точно окаменевшая стояла посреди комнаты.

— Не бойтесь,— сказал он им, стараясь улыбнуться,— не бойтесь ничего, повторяю вам! Лучше помогите мне отразить нападение. Мэри, неси сюда оружие и заряды и клади все это на стол. Тут дорога каждая минута. За мной по следам гонятся команчи. Они сожгли ранчо Котгуса и перебили всех живших в нем. Милочка Мэри, ты храбрая девочка, бери свой маленький карабин и следи сквозь бойницу за берегом реки. Помни, дитя мое, что теперь ты будешь защищать мать и бабушку!

— Хорошо, отец; я буду сражаться храбро, ты увидишь.

— Я знаю, моя дорогая. Теперь как раз всходит луна, и это будет для нас хорошей помощью в борьбе с проклятыми краснокожими. Видите, как быстро светлеет. Потушите камин и лампу, нам ни то, ни другое пока не нужно. Не бойтесь, матушка, они ничего не сделают нам, мы гораздо сильнее их.

— Дай Бог, чтобы это было так,— сказала старушка глухим дрожащим голосом; — я уже старуха, но и мне не хотелось бы умереть насильственной смертью.

В эту минуту грянул залп, и слышно было, как пули впивались в стены или, вернее, в толстые бревна, из которых было сооружено ранчо.

Жалобное хныканье собирающегося расплакаться ребенка раздавалось в одном из углов темной комнаты и за-

ставило мистера Гейса покинуть свое место у бойницы и поцеловать лежавшего в колыбели мальчика и тут же вернуться обратно на свое место.

Мэри, сжимая в руке заряженный карабин, бледная, стояла возле бойницы, проделанной в северной стороне дома, обращенной к реке. Вдруг она приложила глаз к отверстию и точно застыла в этой позе. Она, казалось, не слышала ни выстрела, сделанного в это время ее отцом, ни предсмертного вопля сраженного краснокожего, ни полных ярости криков остальных индейцев. Что же так сильно заинтересовало ее? Шагах в двадцати от дома росло громадное дерево, нижние ветви которого доходили как раз до самой крыши. Индейцы обратили внимание на это обстоятельство, и один из них стал медленно взбираться на дерево.

На этого-то индейца и смотрела Мэри, отлично понимавшая намерение краснокожего. Она видела, как он скользит по ветке с тем, чтобы спрыгнуть потом на крышу. Его примеру последуют, конечно, и те индейцы, которые стоят под деревом и с любопытством следят за гимнастическими упражнениями своего товарища; а затем, в то время, как часть шайки будет отвлекать внимание осажденных с другой стороны, они разберут крышу и в одно мгновение перестреляют всех находящихся в доме.

Между тем индеец, сидя верхом на ветке, медленно подвигался вперед. Мэри, бледная, как смерть, смотрела на него, но не стреляла, хотя и сознавала прекрасно, что ей необходимо стрелять, если она хочет спасти своих близких от грозящей им мучительной смерти.

Индеец полз вперед медленно и очень осторожно, потому что тонкая ветка гнулась под тяжестью его тела, но, тем не менее, он все-таки подвигался вперед, все ближе и ближе к дому.

Мэри, наконец, решила стрелять, просунула дуло карабина в бойницу, прицелилась дикарю в грудь и спустила курок. Татуированный индеец вскрикнул, схватился руками за ветку, стараясь удержаться, наклонился сначала в одну сторону, потом в другую и затем с жалобным стоном свалился с дерева.

В это время Вильям сделал еще три выстрела в группу индейцев, обстреливающих дом с его стороны, и принудил их отступить в более безопасное место.

После этого в течение некоторого времени царство-

вала полная тишина как внутри домика, так и снаружи; но эта тишина была гораздо ужаснее, чем происходившая за минуту перед тем перестрелка. Вильям и Мэри стояли у своих бойниц, готовые стрелять при малейших признаках тревоги. Миссис Гейс взяла ребенка из колыбели и, прижимая его к груди, опустилась на колени возле старушки, все еще продолжавшей плакать.

Вильям и Мэри ранили и убили с полдюжины краснокожих; остальные отошли в соседний лесок, и доносившиеся оттуда крики служили доказательством, что у них шло совещание.

Дикари не могли, конечно, не заметить, что в них стреляли из бойниц, проделанных в двух стенах дома, и, удалившись в лес, вероятно, обсуждали план нападения на незащищенные стороны дома. Вильям, когда ему пришла в голову эта мысль, бросился к бойницам, проделанным в других стенах, но было уже слишком поздно...

Краснокожие отрядили двух воинов и те, укрываясь в тени, незаметно проскользнули к дому со стороны корраля и с него взобрались на крышу.

В ту минуту, когда несчастный отец возвращался к своему наблюдательному посту, так как в той стороне снова слышались крики и снова началась стрельба, дюжина дикарей, подтащив к дому бревно и действуя им как тараном, стали колотить в дверь, которая очень скоро поддалась ударам и упала внутрь комнаты.

Вильям сделал три выстрела в толпившихся перед дверью команчей, и трое из них упали убитыми, а остальные обратились в бегство и скрылись под деревьями.

Но осажденные, внимание которых всецело было поглощено грохотом тарана, разбивавшего дверь, и происшедшей затем кровавой сценой, не слышали, как взобравшиеся на крышу команчи разбирали кровлю и потолок. О появлении их Вильям узнал только в ту минуту, когда проникнувшие в дом краснокожие убивали его жену и мать. Их предсмертные крики заставили обернуться его и Мэри, и в то же мгновение оба дикаря, сраженные пулями, упали на трупы их жертв... Но теперь и осаждающие знали, что их хитрость имела успех, и через минуту Вильям и его отважная дочь лежали уже тяжело раненные... Уцелел только один ребенок, и то, по всей вероятности, потому, что его прикрыла своим телом убитая мать...

Когда Вильям пришел в себя через несколько дней, он с ужасом узнал, что у него остался только этот крошка-мальчик: его и ребенка спасли опоздавшие всего на несколько минут соседние плантаторы...

Вот причина, почему Вильям так безжалостно преследовал индейцев, а заодно с ними и всегдашних союзников краснокожих — всякого рода преступников. Он знал, конечно, что далеко не все индейцы заслуживали ненависти, но, несмотря на это, один их вид приводил его в страшное бешенство. Все знали, что когда «рейнджерам» приходилось судить краснокожего, шериф отказывался от принадлежавшей ему роли председателя и выступал в качестве обвинителя и, если суд признавал краснокожего виновным, он с какой-то свирепой радостью присутствовал при исполнении приговора, а потом, со слезами на глазах, уходил в свою палатку и проводил там иногда по несколько дней.

Таков был человек, начальствовавший над «рейнджерами» в Техасе...

Когда раздался второй сигнал, весь отряд сидел уже на конях; затем, по команде шерифа, всадники повернули коней направо и, перестроившись по четверо в ряд, тронулись с места рысью.

Шериф Гейс возглавлял отряд. Рядом с ним ехал человек с лицом до такой степени побуревшим от загара, что его можно было принять за индейца: это был креол из Луизианы.

— Вы уверены, Батист, что мы идем по верному следу? — спросил Гейс своего спутника.

— Да, полковник.

— Имейте в виду, что я не люблю разъезжать на удачу. У нас много дела, мы не можем тратить время попусту и должны действовать всегда наверняка.

— Я уверен, что тут нет никакой ошибки, — сказал креол.

— А почему вы так уверены в этом?

— По описанию примет этого человека я уверен, что он не кто иной, как Антонио Микелец! Я готов даже поклясться в этом! А вы знаете, что я не люблю вводить других в заблуждение... Я уверен, что мы его непременно захватим, уверен также, что он будет приговорен судом к смерти... Но даже и его смерть не может искупить его вины... Если бы только вы знали, какого хорошего человека убил этот негодяй!.. Ах, как бы мне хотелось

увидеть его перед судом присяжных в Новом Орлеане!

— Если только ваши сведения верны, ему не уйти от нас, и вам не придется долго ждать суда над ним,— сказал шериф.— Мы сами будем его судить и сейчас же после суда исполним приговор.

— Тем лучше, полковник. Я, по крайней мере, своими глазами увижу тогда, что ему не удастся уйти от веревки, а он, поверьте мне, давно заслужил смерть.

— Очень возможно,— проговорил Гейс,— что нам удастся убить одним выстрелом двух зайцев. Я знаю, что в тех местах живет шайка семинолов, покинувших свое племя и промышляющих теперь грабежами. К ним, говорят, пристало немало негодяев и из других племен краснокожих... Ах, если бы мне найти между ними того, кого я ищу столько лет! Если бы я мог отомстить теперь последнему из убийц и уйти на покой, который я давно заслужил, чтобы жить вместе с моим сыном.

Креол с удивлением смотрел на него... Начальник «рейнджеров» не любил ни вспоминать о прошлом, ни говорить о будущем... Гейс поднял голову, провел рукой по глазам и, дав шпоры лошади, пустил ее в галоп... Креол решил, что разговор кончен и, придерживав лошадь, присоединился к своим товарищам-«рейнджерам», которые ехали весь день с такой быстротой, что к вечеру были уже не более, как в пятнадцати километрах от корраля мустангеров. Шериф дал сигнал остановиться, и через несколько минут представители закона уже стояли лагерем на берегу того самого потока, возле которого строил свой блокгауз полковник Магоффин.

Глава 17

ЗАЛОЖНИК

Эдуард Торнлей и полковник Магоффин, по предварительному уговору с мустангером, продвинули своих лошадей на несколько шагов дальше и поставили их таким образом, чтобы происходящее в вигваме Тигрового Хвоста не было видно ни бродившим по лагерю воинам, ни тем из них, на которых лежала обязанность охранять особу вождя, причем последние, не предполагая, чтобы бледнолицые рискнули употребить силу, даже отошли в сторону и уступили им свое место.

К тому же как раз в это время из-за чего-то поспорили сидевшие на лужайке женщины и подняли такой адский крик, что никакое чуткое ухо не могло расслышать ни одного слова из того, что говорилось внутри вигвама.

Словом, все благоприятствовало, по-видимому, исполнению намерения мустангера; Тигровый Хвост попался в подстроенную ему ловушку, потеряв возможность оказать хотя бы малейшее сопротивление. Неожиданное нападение, страшная сила великана-управляющего и дуло револьвера — все это вместе взятое сразу лишило индейца мужества, и двое смельчаков выдвинулись перед собою уже не кровожадного хищника, а робкого труса, каким Тигровый Хвост, впрочем, и становился всегда, когда видел, что сила не на его стороне.

Ваш Карроль с удовольствием смотрел, как лицо вождя постепенно бледнело, или, вернее, принимало все более и более землистый оттенок, что у краснокожих и негров особенно заметно проявляется в минуты сильного испуга. Ему приходилось уже видеть это на лице Тигрового Хвоста, когда они так внезапно явились в лагерь полковника Магоффина: этот землистый цвет служил верным признаком, что индеец беспрекословно исполнит все, чего бы они от него ни потребовали.

— Вы, может быть, душиите его слишком сильно, — сказал он шепотом управляющему. — Этот негодяй, пожалуй, не в состоянии будет даже и говорить... Дайте ему передохнуть немножко, но только не выпускайте совсем.

Великан, добродушно улыбаясь, немного разжал руку.

— А теперь, слушай ты, краснокожая собака! — сказал Ваш Карроль глухим, гневным голосом. — Говори скорее, где молодой бледнолицый господин; но помни, если ты скажешь неправду, я прострелю тебе голову... Ну, говори, где он?..

Индеец робким, дрожащим от страха голосом быстро отвечал:

— Там... там... за вигвамом!..

Карроль обернулся, подошел к выходу и, убедившись, что им пока не грозит никакая опасность, снова вернулся к вождю и сказал ему:

— Я сам пойду посмотрю, правду ли ты сказал мне... Но, если ты вздумаешь кричать или вырываться, ты бу-

дешь сейчас же убит!.. Если сюда заглянет кто-нибудь,— прибавил он, обращаясь к Стротеру,— следите внимательно за этим негодяем... Это такая хитрая бестия, что от него можно ожидать всего... Смотрите за ним!.. И если только он шевельнется, убейте его, как собаку!.. Без него нам уже не так трудно будет справиться с его воннами.

Стротер улыбнулся и, как бы желая показать, что он не выпустит пленника, сильно сдвинул ему плечо, что заставило краснокожего скорчить болезненную гримасу и пригнуться. Затем управляющий достал правой рукой из-за пояса револьвер и направил его дуло на дрожавшее от страха лицо краснокожего.

Ваш Карроль распахнул задние полотнища вигвама и увидел Эжена Дюпрэ: молодой человек со связанными руками и ногами лежал на боку, не имея даже возможности повернуться на спину, так как концы веревки, которой были связаны его руки, были обмотаны вокруг врытого в землю столбика.

Охотник в одну минуту перерезал веревки и помог Эжену встать, но тот чувствовал себя до такой степени разбитым, что не мог идти, и мустангеру пришлось тащить его чуть не на руках. В ту минуту, когда они входили в вигвам, полковник обернулся и, увидя племянника, хотел было броситься к нему, но Ваш Карроль жестом заставил его отказаться от этого намерения.

— Не надо, не надо, полковник!.. Теперь-то, собственно, нам и грозит настоящая опасность... Мы сделали большую глупость, что не захватили лошади для мистера Дюпрэ... Ну, да теперь поздно горевать об этом... Стойте здесь!

И бывший траппер не спеша вышел один из палатки и, точно не замечая краснокожих, которые смотрели на него широко открытыми от удивления глазами, направился к чудному мустангу, покрытому заменявшей ему седло ягуаровой шкурой. Это служило признаком, что мустанг принадлежит самому вождю племени. Он был привязан к врытому в землю столбику в нескольких шагах от вигвама. Карроль подошел к мустангу, погладил его, отвязал, вскочил на спину, подъехал к вигваму спрыгнув с лошади, сказал, улыбаясь, Эжену:

— Ну, молодой человек, пожалуйста, я помогу вам взобраться на лошадь... Вождь дарит вам этого коня.

И, подхватив Эжена Дюпрэ под руку, он помог ему

сесть на лошадь, а затем вернулся и, снова грозя краснокожему револьвером, сказал ему:

— Слушай, Тигровый Хвост, ты пойдешь нас провожать пешком и скажешь твоим воннам, что ты хочешь идти с нами один, и чтобы никто из них не смел навязываться тебе в провожатые... Мой друг Стротер тоже хочет пройтись немного пешком и кстати посмотрит за тобой... Если ты вздумаешь удрать, или позвать на помощь своих разбойников-воинов, он в ту же минуту отправит тебя охотиться в прерии великого духа, а если он почему-нибудь промахнется, тогда это сделаю я и прострелю твою глупую башку... Ты меня понимаешь?

— Да,— отвечал Тигровый Хвост голосом уже гораздо более твердым, так как он видел, что жизни его не грозит никакая опасность.

Но прежде чем подать сигнал к отъезду, Ваш Карроль счел необходимым сказать еще несколько слов своему пленнику.

— Ты видишь теперь сам,— сказал он,— что мы не хотим делать тебе ничего дурного, и если тебе дорога жизнь, ты должен и сам ничего не предпринимать против нас... Скажи же твоим воинам, чтобы они дали нам дорогу и, главное, чтобы они не преследовали нас.

Тигровый Хвост утвердительно кивнул головой, после чего старый мустангер попросил полковника Магоффина стать во главе отряда и ехать шагом. За ним следовал Стротер, который шел пешком рядом с пленником; с одной стороны от них ехал верхом Ваш Карроль, ведя за собою на поводу лошадь управляющего, а с другой — Эдуард Торнлей, готовый стрелять в краснокожего при первой попытке его к бегству. Что же касается остальных всадников, то они составляли общий арьергард.

Им пришлось идти между двумя рядами воинов, бросавших на них свирепые взгляды и, видимо, готовых взяться за оружие. Ваш Карроль дал знак Тигровому Хвосту, и тот сказал своим воинам, чтобы они расходились по своим палаткам и не боялись за него, потому что он по доброй воле согласился служить заложником для бледнолицых.

К этому старый траппер прибавил еще от себя, что вождю не будет грозить ни малейшей опасности, если воины не вздумают напасть на маленький отряд, но если они обнаружат враждебные намерения, то жизни его, особенно если он попытается бежать, придет конец. Се-

минолы отвечали на эту короткую речь криками гнева, но, тем не менее, все-таки исполнили приказание вождя и один за другим разбрелись в разные стороны.

— Ну, пока все идет хорошо! Прибавьте шагу, полковник, и все смотрите хорошенько, чтобы пленник не убежал!.. Если краснокожие пустятся за нами в погоню, я убью пленника, а сами мы постараемся тогда ускакать от них.

Стротер левой рукой держал индейца, а в правой у него был заряженный револьвер. Индеец, впрочем, не обнаружил ни малейших попыток к бегству и с опущенной головой шел быстрыми шагами, обдумывая, по всей вероятности, как отомстить так жестоко насмеявшимся над ним бледнолицым.

Ваш Карроль не спускал с него глаз ни на одну минуту и через известные промежутки отряжал кого-нибудь из ехавших в арьергарде всадников узнать, не следуют ли за ними индейцы. Но краснокожих не было видно; они, по всей вероятности, даже не покидали лагеря.

Когда они были приблизительно в километре от лагеря, Ваш Карроль приказал остановиться, считая, что они настолько удалились от стана индейцев, что им нечего уже бояться их, а странствование пешком слишком замедляло возвращение в блогкауз, где их ждали с нетерпением. Он объявил пленнику, что он свободен, но Стротер считал необходимым, прежде чем выпустить индейца, сделать ему приличное внушение.

— Только помни, на плантацию больше не смей являться, иначе тебе плохо придется,— сказал он грозным тоном.

Тигровый Хвост бросил на него взгляд, полный такой свирепой ненависти, что управляющему пришло в голову, что они, пожалуй, поступают не совсем благоразумно, отпуская на свободу пленника. Но затем, вспомнив, что они дали слово отпустить его здоровым и невредимым, он отвел его на несколько шагов от стоявших неподвижно всадников и, повернув лицом в ту сторону, где виднелся лагерь индейцев, дал ему такого пинка ногой, что краснокожий отлетел от него шагов на десять и растянулся. Вскочив на ноги и, крикнув какую-то угрозу на гортанном языке семинолов, он скрылся в кустах.

— Вы нажили себе смертельного врага, мистер Стротер,— сказал Карроль.— Тигровый Хвост никогда не забудет и не простит вам этой обиды.

— Не беспокойтесь, я тоже никогда не забуду его.

В то время, как маленький отряд, пустив лошадей в галоп, спешил как можно скорее добраться до блокгауза, вождь во весь дух летел к становищу краснокожих, где у самого въезда в ущелье его ждали стоявшие группами воины. Тигровый Хвост еще издали кричал им:

— На коней! На коней! Смерть бледнолицым! Смерть всем бледнолицым!

Через минуту большинство воинов были уже на конях и с громкими воинственными криками размахивали оружием. Наиболее пылкие из них, не имея терпения ждать, пока выступит весь отряд, сейчас же бросились вдогонку за эмигрантами. Они очень скоро догнали эмигрантов, которые в первый раз ехали по незнакомым им лесным тропинкам и, держась на довольно почтительном, впрочем, от них расстоянии, обстреливали их из ружей, хотя и не причиняя вреда, но, тем не менее, все-таки сильно их задерживая. Ваш Карроль несколько раз останавливался и стрелял из своего дальнобойного карабина в индейцев, и почти каждый выстрел попадал в цель, а затем догонял своих товарищей, которые стремились в это время как можно дальше оторваться от врагов.

Один из индейцев, бывший, может быть, похитрее, а, может быть, и посмелее остальных, пробрался стороною между деревьями и, подскакав к Карролю, взял на прицел ружье и спустил курок, но мустангер вовремя успел отскочить в сторону, а затем повернул лошадь и, выхватив револьвер, метким выстрелом убил индейца, который был одним из командиров семинолов.

Но оставим пока сражающихся с индейцами эмигрантов и вернемся снова в лагерь индейцев.

Мы уже говорили, что Луи Лебар, при виде въезжавшего в лагерь полковника Магоффина, с которым были также и мустангеры Торнлей и Карроль, должен был по неволе отказаться от своего намерения. Но так как ему пока ничего было бояться, что его компаньоны заметят его отсутствие в коррале, креол решил, спрятавшись в укромном местечке, дожидаться возвращения полковника Магоффина, чтобы узнать, какие результаты будет иметь его поездка в лагерь семинолов.

Он привязал свою лошадь к дереву, а сам взобрался на вершину, откуда ему была прекрасно видна хижина вожды. Он видел, как выстроились эмигранты перед

входом в палатку, видел, как ненавистный ему Ваш Кароль прошел в сопровождении Стротера к вождю, затем вышел обратно и, отвязав лошадь, посадил на нее юного Дюпрэ. Но его удивление сменилось бешенством, когда он увидел, как уезжавшие эмигранты уводили с собой и вождя семинолов, которому не только не удалось взять с них выкуп, но самому еще пришлось служить заложником.

Лебар, проследив несколько минут за уезжавшими шагом эмигрантами, спустился с дерева, вскочил на лошадь и галопом поскакал в лагерь краснокожих, где его приветствовали громкими криками радости.

Он направился в вигвам вождя, куда вслед за ним собрались на совет все старейшины племени. В то время, как они совещались, придумывая способ выручить из плена Тигрового Хвоста и отомстить за него бледнолицым, показался он сам, буквально задыхавшийся от бешенства и, видимо, желавший сейчас же лететь вдогонку за эмигрантами. Но Лебару достаточно было сказать Тигровому Хвосту несколько слов, чтобы заставить его отказаться от этого намерения.

— Вождь,— сказал Лебар краснокожему,— я понимаю ваше желание отомстить, но вы сделаете большую ошибку, если поедете вдогонку за вашими врагами. Вы можете отомстить им гораздо лучше, не подвергая себя при этом почти никакому риску. Вы упускаете из виду, что в лагере у них теперь никого не осталось для охраны молодых девушек, о которых я вам говорил. Вы можете проехать туда кратчайшим путем и попасть в лагерь полковника задолго до возвращения эмигрантов. Послушайте моего совета, возьмите с собой пятьдесят воинов для нападения на лагерь бледнолицых и пошлите Вороново Крыло с остальными воинами вдогонку за эмигрантами. Прикажите ему, не вступая с ними в настоящий бой, стараться только задержать их. Тем временем сами мы поедем другой дорогой к лагерю эмигрантов и будем там по крайней мере на полчаса раньше. Этого времени вполне достаточно на то, чтобы разграбить лагерь и забрать из него все самое ценное. Потом мы заглянем в корраль и выпустим из него мустангов, чем накажем за непрошенное вмешательство моих компаньонов, и со всей добычей скроемся в лесу.

При первых же словах мустангера лицо Тигрового Хвоста просияло, и через минуту он сидел уже верхом

на приведенной для него лошади и осматривал выстроившийся по его приказанию отряд в пятьдесят отборных воинов.

— Благодарю моего брата за совет,— сказал он, обращаясь к Черному Мустангеру,— я слушал его слова с таким же удовольствием, с каким ухо изнемогающего от жажды охотника слышит журчание ручейка... Едем! — крикнул он в заключение, размахивая своим томагавком.

Затем вождь подозвал женщин и приказал им сниматься с лагеря и перебираться в другое, более надежное убежище в глубине леса.

Через пять минут после того отряд Тигрового Хвоста, углубившись в лес, уже выезжал на тропинку, которая вела к броду через речку, а оттуда мимо корраля, где помещались пойманные мустанги, к лагерю эмигрантов.

Перебравшись на другой берег реки, где дорога была уже гораздо шире, индейцы пустили лошадей во весь опор. Вскоре перед ними открылся лагерь эмигрантов, и они с радостью убедились, что отряд полковника еще не возвращался.

Отряд эмигрантов был еще в четырех милях от лагеря, когда солнце скрылось уже за горизонтом. Преследовавший их отряд был довольно многочислен. Индейцы все время строго следовали совету Лебара задерживать эмигрантов: краснокожие, рассеявшись по всему лесу, старались незаметно подкрасться с боков и затем, разрядив свои ружья, опять исчезали. Такие нападения заставляли эмигрантов довольно часто останавливаться и в свою очередь открывать огонь по нападающим, которые, хотя и терпели почти каждый раз урон, но не прекращали своих действий. Все эти остановки сильно задерживали эмигрантов, и полковник с ужасом думал, какое большое расстояние остается еще им проехать до блокгауза. Вдруг со стороны лагеря до них донесся залп ружейных выстрелов. Полковник побледнел и, обращаясь к Карролю, сказал:

— Слышите эти выстрелы?.. Они напали на наш лагерь!.. Моя дочь и племянница погибли!.. А между тем, мы не можем ехать скорее, потому что тогда преследующие нас краснокожие перестреляют нас поодиночке.

Ваш Карроль на минуту задумался, а потом, подняв голову, сказал полковнику Магоффину:

— Полковник, вы сейчас убедились, что у вас нет ос-

нования жалеть о том, что вы последовали моему совету...

— Да.

— Ну так вот, предоставьте мне еще раз полную свободу действий. У меня и у Торнлея лошади гораздо лучше, чем у ваших людей, поэтому позвольте нам ехать вперед, а вы постарайтесь насколько возможно задержать этих негодяев.

— Поезжайте, мой друг, и спасите их... Помогите вам Бог!

Мустангеры, пришпорив лошадей, во весь опор поскакали в ту сторону, откуда слышались выстрелы врагов, осаждавших блокгауз.

Глава 18

ЛУИЗИАНА И ТЕННЕССИ

Полковник Магоффин, отправляясь разыскивать своего похищенного краснокожими племянника, приказал всем оставшимся в лагере перебраться в блокгауз и при этом велел слушаться его дочери, как его самого.

Тениессси Магоффин, несмотря на сильные переживания в связи с исчезновением Эжена, показала себя достойной доверия, оказанного ей отцом. Она сама следила за тем, как переносили в блокгауз все более или менее ценное имущество эмигрантов. Затем она велела подтащить фургоны и загородить ими вход в блокгауз, куда заставила также перейти всех женщин и детей. Что же касается рогатого скота и упряжных лошадей, то их загнали в оставленное между фургонами небольшое пространство, которое затянули снаружи веревками и загородили ветвями колючих кустарниковых растений. Эта наскоро сооруженная изгородь имела целью скорей не дать разбежаться скоту, чем защитить от вторжения врагов или даже хищных зверей.

Для защиты блокгауза на случай нападения краснокожих, полковник оставил всего четверых слуг, но толстые стены вновь сооруженного блокгауза представляли сами по себе такой надежный оплот, что четверо вооруженных людей могли сопротивляться значительно большому числу врагов. Это именно и имел в виду полковник Магоффин, так как оставленные им слуги были вооружены ружьями и стреляли довольно неплохо.

Впрочем, ни полковнику, ни мустангерам и в голову не приходило, что индейцы могут во время их отсутствия напасть на лагерь эмигрантов. Зато Теннесси оказалась гораздо предусмотрительнее всех и, как только полковник уехал разыскивать похищенного индейцами Эжена, она сейчас же стала приводить блогкауз в оборонительное положение, точно ей удалось какими-то судьбами подслушать разговор Лебара с вождем племени семиолов.

По мере того, как работа по укреплению блогкауза подвигалась вперед, она становилась все более и более спокойной, и тревога за участь двоюродного брата постепенно заменялась в ней надеждой скоро увидеть его возвращающимся вместе со всеми эмигрантами. По временам она отрывалась от дела и подходила к Луизиане, стараясь ее утешить и пробудить и в ней надежду на скорое свидание с братом. В одну из таких минут, когда она особенно горячо уговаривала кузину не терять мужества, Луизиана вдруг вскочила и встревоженным голосом проговорила:

— Тенни, слышишь?.. Там стреляют...

Обе молодые девушки взбежали на парапет и, чутко прислушиваясь, устремили глаза в ту сторону, куда еще днем уехал маленький отряд полковника. Через минуту порывом ветра до них донесло звуки ружейных выстрелов, раздававшихся в лесу на другом берегу потока.

— Слышишь? — проговорила Луизиана. — Там идет битва!

— Да, но кто знает, может быть, это, наоборот, хороший знак?..

— Господи! Спаси моего брата!.. Что будет со мной, если его убьют!..

— Милочка, послушай меня и не приходи в отчаяние раньше времени.

— Я так измучилась, так исстрадалась!.. Я с ума схожу!

— Перестань! Отчаяние — большой грех. Будем лучше слушать.

И кузины, прекратив разговор, прислушались. Выстрелы слышались все чаще и чаще и с каждой минутой все громче и громче, что служило доказательством, что сражающиеся быстро приближаются к блогкаузу.

— Они едут сюда!.. Они скоро будут здесь! — вскричала Луизиана,

— Да, и я уверена, что и твой брат с ними,— сказала Теннесси,— я даже и мысли не допускаю, чтобы они могли вернуться одни, без него.

— Спасибо тебе, дорогая, за твое старанье утешить меня, но я не смею даже и надеяться на такое счастье.

— А я в этом уверена, повторяю тебе еще раз. Отец мой дал слово не возвращаться без него, и, поверь мне, он сдержит его.

— Все это так, но ты забываешь, что враги преследуют их,— продолжала Луизиана,— они могут убить кого-нибудь из них. Хоть бы они уже поскорей приезжали сюда: здесь все-таки не так опасно.

Теннесси не отвечала ни слова: она прислушивалась к выстрелам, которые раздавались гораздо реже, а затем и совсем стихли. Вдруг она почувствовала, что кузина схватила ее за руку. Теннесси обернулась к ней и увидела, что Луизиана широко раскрытыми от ужаса глазами смотрит в развертывавшуюся перед ними безграничную прерию. В той стороне, куда смотрела креолка, виднелся, не более как в двух километрах от блокгауза, отряд краснокожих, быстро приближавшихся к лагерю бледнолицых. Когда индейцы подъехали ближе, молодые девушки узнали в одном из всадников вождя семинолов — Тигрового Хвоста, у которого за плечами развевался украшенный хвостами плащ из шкуры ягуара. Впереди индейцев, на чудном вороном мустанге, скакал европеец, подгонявший своего коня ударами хлыста и шпор.

— Смотри! Это он! — воскликнула Луизиана.

— Кто он?

— Микелец... Убийца моего жениха!

— Этого не может быть!

— Он, он... Уверяю тебя... Мой брат убит!.. Теперь настала моя очередь умереть... Мы погибли!..

Луизиана пошатнулась и, наверное, свалилась бы с парашюта, если бы кузина не успела вовремя подхватить ее под руки и удержать. Теннесси в эту минуту проявила необыкновенное мужество и энергию и держала себя точно старый воин, для которого подобного рода явления не составляют ничего необыкновенного.

— Послушай, Луизиана,— сказала она своей кузине,— теперь не время предаваться отчаянию. Мы должны защищаться сами, потому что помощь если и явит-

ся, то во всяком случае, не скоро. Берите ружья, заряды и становитесь все по местам! Но только не стрелять до тех пор, пока я не подам сигнала. Дайте индейцам подъехать.

В это время индейцы были уже всего в сотне шагов и, не видя никого из эмигрантов, решили, что оставшиеся в лагере женщины и дети, испуганные появлением краснокожих, попрятались в фургоны, и нападающим остается только перебить их и разграбить имущество бледнолицых. Шагах в шестидесяти от блокгауза индейцы осадили лошадей, издавая грозные воинственные клики. В эту минуту Теннесси твердым голосом скомандовала стрелять. С бастиона загремело четыре выстрела, за которыми тотчас же последовал и пятый — это стреляла из своего охотничьего карабина сама Теннесси. Пятеро всадников свалились с лошадей убитыми или смертельно ранеными, а остальные с громкими криками рассеялись. Теннесси показала себя образцовым комендантом. Не переставая ни на минуту стрелять из своего ружья, она приказала четверым своим помощникам переменить места, чтобы заставить индейцев думать, что число защитников блокгауза гораздо больше, чем оно есть в действительности, но не велела им стрелять, пока она не скомандует снова открыть огонь.

Тигровый Хвост, со своей стороны, тоже изменил тактику и велел своим воинам перестроиться в одну растянутую линию, которая широким полукругом охватила блокгауз со стороны прерии, причем воинам было отдано приказание поддерживать сильный огонь по осажденным, стараясь, однако ж, не ранить ни одну из молодых девушек... С этой минуты пули не переставая, точно шмели, жужжали по всем направлениям, заставляя защитников блокгауза искать спасения за стенами и почти лишив их возможности отвечать выстрелами на выстрелы... Теннесси каждый раз, как осмеливалась поднять голову, видела постепенно приближавшуюся к блокгаузу линию краснокожих и с ужасом убеждалась, что они каждую минуту могут проникнуть внутрь или со стороны реки или же в огороженное веревками и ветками колючих кустарников пространство между стоявшими у входа фургонами... Тигровый Хвост, очевидно, имел намерение, окружив осажденных и осыпая их дождем пуль, дать части своих воинов незаметно прокрасться к повозкам с тем, чтобы оттуда уже проникнуть в блокгауз

и перестрелять эмигрантов. Теннесси Магоффин подошла к кухне и встревоженным голосом спросила ее:

— Можешь ты стрелять?.. Милочка, нам грозит большая опасность и я прошу тебя помочь нам.

— Хорошо. Я буду стрелять и сделаю все, что ты прикажешь, моя дорогая...

— Ты и сама должна понимать, что не будь нас так мало, мы могли бы отбить нападение краснокожих... Помогите нам, и мы, может быть, продержимся до возвращения наших: они теперь должны быть уже недалеко... Эй, вы! Слушайте,— крикнула она, обращаясь к негритянкам, которые сидели на корточках, прижавшись к стене,— если вам дорога жизнь, вы тоже должны сражаться, пока к нам не явится помощь!.. Берите ружья и стреляйте в краснокожих... Если вы даже и не убьете никого, это не беда... Мне нужно только, чтобы вы стреляли!

— О, мисс,— взмолились негритянки,— мы и ружья-то никогда не держали в руках!..

— Это ничего не значит,— отвечала молодая девушка,— вы должны стрелять!.. Я научу вас... Это необходимо, потому что иначе через несколько минут мы все будем убиты и оскальпированы!

Ее энергия победила в негритянках инстинктивный страх к огнестрельному оружию, и они одна за другой занимали места, которые им указывала Теннесси, объяснявшая им в то же время, как нужно заряжать ружье и стрелять из него.

Молодая девушка расставила их позади фургонов, которые загораживали единственный вход в блокгауз и под защиту которых, как она думала, краснокожие будут, наверное, пытаться проникнуть к осажденным. Ее предположение подтвердилось даже скорей, чем она ожидала: в ту минуту, когда она собиралась уже уходить, оставив негритянок охранять опасный пост, под одним из фургонов показался пробиравшийся ползком краснокожий, за которым в нескольких шагах виднелось еще двое индейцев... Теннесси, скомандовав негритянкам стрелять, прицелилась сама в ближайшего индейца и спустила курок... Сраженный ею краснокожий подпрыгнул и растянулся мертвый, а следовавшие за ним индейцы обратились в бегство.

Теннесси приказала негритянкам дать еще один залп

и поспешила к своему месту на парапете. Девушка с ужасом убедилась, что индейцы за время ее отсутствия еще более приблизились к блокаузу... Она выстрелила в ближайшего к ней краснокожего, что заставило индейцев снова отступить, потеряв при этом еще одного раненым...

Теннесси была не только комендантом, но почти что и единственным защитником этой недостроенной крепости и появлялась со своим карабином везде, где только, по ее мнению, грозила наибольшая опасность. При этом она сделала сильно удивившее ее открытие: каждый раз, как она во весь рост выпрямлялась над бруствером, индейцы сейчас же прекращали стрельбу. Она, по всей вероятности, удивилась бы еще больше, если бы слышала, как Тигровый Хвост отдавал своим воинам приказание не стрелять ни в нее, ни в ее кузину, и во что бы то ни стало захватить их живыми.

Один из негров, поощряемый примером мужественной молодой девушки, вознамерился подражать ей и, выпрямившись во весь рост, выстрелил в толпу индейцев... Но в то же самое мгновение в ответ ему грянул целый залп, и храбрый защитник блокауза, взмахнув руками, с громким предсмертным криком откинулся назад. К несчастью, предсмертный крик его слышали не одни только защитники блокауза, которых он привел в ужас, но и краснокожие, приветствовавшие гибель врага громкими радостными возгласами. Теннесси снова выпрямилась во весь рост и выстрелила в ближайшего к ней индейца, и это снова заставило индейцев отступить на несколько шагов.

Между тем солнце опускалось все ниже и ниже, и в самом непродолжительном времени должна была наступить ночь. В лесу не умолкая гремели выстрелы и слышались крики индейцев. Вдруг Теннесси, которая все свое внимание сосредоточивала на том, что происходило в лесу, почувствовала, что кто-то потянул ее за платье. Теннесси вздрогнула и, обернувшись, увидела Луизиану, которая подошла к ней так тихо, что она этого не заметила. Луизиана в левой руке держала хлыст, а в правой — заряженный револьвер, ручка которого была богато украшена серебряной насечкой. Другой револьвер выглядывал из кобуры, пристегнутой к поясу.

— Теннесси, — сказала она, понижая голос до шепота

та,— я не могу вам здесь принести никакой пользы; поэтому я хочу пробраться за реку и поискать там помощи...

— Помощи? — повторила с удивлением Теннесси.

— Да, милочка,— отвечала Луизиана.

— Но ты забываешь, Луизиана, что они убьют тебя раньше, чем ты успеешь достигнуть противоположного берега реки.

— Нет,— возразила Луизиана,— они не убьют меня.. Разве ты сама не видишь, что они умышленно не хотят стрелять ни в меня, ни в тебя?

— Да, это правда; они, вероятно, хотят захватить нас живыми.

— Потом, слушай. Я знаю презренного негодяя, который командует этой шайкой краснокожих: это убийца Антонио Микелец. Я уверена, что это он заставил индейцев щадить нас, потому что он хочет захватить меня в плен и заставить быть его женой... Поэтому в меня не будут стрелять ни в каком случае... Я ничем не рискую.

— Но они бросятся за тобой в погоню... Подумай только, что ждет тебя, если ты попадешь к ним в плен?.. Ты погибнешь!..

— Нет, и прежде всего потому, что они не догонят меня,— спокойно отвечала Луизиана: — моя лошадь скачет удивительно быстро... А потом, если бы они даже и догнали, у меня есть два револьвера, и последний выстрел я приберегу для самой себя!..

— Милочка, Луизиана, помочь нам может только мой отец, но тебе не удастся пробраться к нему... Слышишь выстрелы?.. Это отец пробивается к нам на ручку. Скоро он будет здесь... Послушай моего совета, откажись от своего намерения!..

— Нет, я поеду... Кроме того, это отвлечет индейцев, потому что многие из них бросятся за мной в погоню,— возразила Луизиана,— и тогда тебе хоть немного легче будет защищать блокгауз... И потом,— сказала она в заключение,— я, наверное, приведу вам помощь... Я в этом уверена!

И она, не слушая никаких возражений, бросилась к своей лошади, быстро оседлала ее и через минуту уже скакала к реке.

СЛИШКОМ ПОЗДНО

Странствующий по прериям путешественник обязательно каждую ночь слышит далеко не гармоничный лай и завывание койотов, которые как бы ставят себе в обязанность сопровождать его во все время пути и задавать ему по ночам концерты. Бодрствующие и завывающие по ночам койоты, как ни надоедливы их концерты, являются самыми лучшими и бдительными часовыми как для одинокого траппера, заночевавшего в прерии, так равно и для стоящих лагерем индейцев или охотников, которые часто бывают вынуждены тушить на ночь костры из опасения внезапного нападения бледнолицых или краснокожих разбойников, которых они боятся больше, чем диких зверей. Прекращение серенады койотов служит знаком, что к бивуаку приближаются люди или крупные хищники, которых трусливые койоты боятся не меньше, чем охотника.

Рейнджеры, располагаясь на ночь, ограничились устройством временного загона для лошадей, охраняемого часовыми, затем, не разбивая палаток, они зажгли возле этого загона большой костер и, ведя оживленную беседу, принялись готовить ужин. Приготовление этого ужина отнимало, впрочем, у них очень мало времени: каждый, кому хотелось есть, подходил к лежавшим вблизи костра двум ланям, подстреленным вечером, большим охотничьим ножом вырезал себе по своему вкусу кусок и жарил его на вертеле, пек на угольях или на раскаленных добела камнях.

Рейнджеры расположились на берегу ручья, впадавшего в речку, рядом с которой полковник Магоффин построил свой блокгауз. Одну из групп, на которые разбились ужинаявшие рейнджеры, составляло всего двое людей: полковник-шериф и уже знакомый нам Батист, служивший проводником.

— Мы теперь уже совсем близко от Кросс-Тимберса, полковник,— сказал проводник,— отрезая кусок жареной говядины.

— Да, всего в нескольких милях,— отвечал полковник,— указывая вытянутой рукой в ту сторону, где виднелась река.

— Я сгораю от нетерпения...

— Я не меньше вас желаю как можно скорее увидеть вашего друга Микелеца и с ним, может быть, и того, кого ищу уже давно и с кем мне нужно свести свои личные счета... Я надеюсь, что завтра, если только полученные вами сведения подтвердятся, мы непременно покончим, по крайней мере, с одним из них...

Полковник умолк и, подняв голову, стал прислушиваться. Затем он встал и, подняв кверху руку в знак молчания, вышел за черту лагеря... Койоты вдруг прекратили свой концерт... Полковник сделал еще несколько шагов вперед, опустился на колени, припал ухом к земле и стал слушать... Неопределенный, вначале слабый шум с каждой минутой становился все слышнее и слышнее, и полковник совершенно ясно различал топот конских копыт... Гейс вернулся в лагерь, велел потушить костер и привести лошадь, а затем, обращаясь к рейнджерам, сказал:

— На коней, друзья! Кто-то скачет сюда к нам, спасаясь от погони... Скорей! Через несколько минут и беглецы, и преследователи будут здесь!

Рейнджеры бросились к лошадям, и через минуту весь отряд был уже на конях и в боевом порядке, готов был следовать за своим командиром... Шериф, как и подобало, ехал впереди. Не успел отряд проехать и четверти мили, как впереди вырисовался темный силуэт всадника, скакавшего во весь опор на белом мустанге.

— Стой! С коня долой! — скомандовал шериф. — Стоять смирно и не трогаться с места, пока я не подам сигнала!

Он один поехал навстречу неизвестному всаднику и через несколько минут с удивлением увидел молодую девушку, сидевшую верхом на белом крапчатом мустанге... Вдруг она осадилась лошадь, и, подъезжая шагом к бывшему от нее всего в нескольких шагах шерифу, сказала:

— Кто бы вы ни были, умоляю вас спасти меня от преследующих меня врагов!

— Само собой разумеется.

— С кем я имею удовольствие говорить?

— Я полковник Гейс, техасский шериф, а эти люди рейнджеры... А теперь скажите мне, какие враги преследуют вас?

— Индейцы, — отвечала молодая девушка.

— Хорошо.

— Ими командует человек, который хуже самого презренного из всех индейцев... Это преступник... Убийца!.. Его зовут Микелец!

— Микелец! Неужели?

— Вы его знаете?

— Я его именно и разыскиваю, и вы сообщили мне самую приятную новость... И вы уверены, что это он преследует вас вместе с индейцами?

— Да, он скоро будет здесь.. Мне удалось уйти от них только потому, что у меня очень быстрая лошадь... Я увидела огонь у вас в лагере и спешила к вам, но...

— Тише, мисс. Слушайте!

Молодая девушка умолкла и стала слушать. В ночной тишине ясно слышался топот летевших во весь опор лошадей. Затем всадники, очевидно, вдруг остановились... И снова наступила полная тишина.

— Какое несчастье! — сказал полковник. — Они остановились!.. Онн, по всей вероятности, увидели дым, поднимающийся еще от костра, а, может быть, рассмотрели даже и не успевшие погаснуть искры... Теперь нам придется самим догонять их... Очень жаль, потому что Микелец за ночь может скрыться от нас, и нам, может быть, долго еще придется искать его потом.

— Если только он узнает, что его разыскивают, он непременно скроется, потому что он очень осторожен и ловок.

— А теперь скажите мне, мисс, каким образом вы попали сюда?

— Перед заходом солнца мне послышался звук сигнального рожка, — отвечала молодая девушка, которая была не кто иная, как Луизиана Дюпрэ, — ветер в то время дул с этой стороны, и я два раза слышала звуки сигнала, но я не думала, что вы стоите лагерем так далеко от нас, потому что мне пришлось проехать не меньше десяти миль.

— Порывы ветра, должно быть, были очень сильны, раз вы слышали звуки рожка на таком далеком расстоянии, — сказал шериф.

— Но я до такой степени не была уверена в этом и так боялась, что, может быть, ошибаюсь, что никому даже не рискнула сказать об этом... А вы, мистер, разве не слышали выстрелов в той стороне?

— Нет мисс. Значит, там идет битва?

— Да, мистер, и я вас умоляю помочь нам!.. На мо-

его дядю, полковника Магоффина, напали в лесу индейцы...

— А вы не знаете, к какому племени принадлежат эти индейцы?

— Они сами называют себя семинолами, а их вождь носит прозвище Тигровый Хвост...

— Тем лучше, у меня и к нему есть дело... Но вы, мисс, если не ошибаюсь, приехали не с той стороны, где идет битва? — сказал полковник, указывая рукой туда, где, по словам молодой девушки, должен был находиться полковник Магоффин.

— Нет, полковник, — отвечала Луизиана, — я оставалась в лагере вместе с моей кузиной и неграми... Индейцы, узнав, что лагерь остался почти без всякой защиты, напали и на нас... Мы сражались храбро, впрочем, мне следовало бы сказать, что лагерь защищала одна моя кузина, потому что у меня не хватило на это мужества... Поэтому я решила отправиться искать помощи и при этом рассчитывала, что мне удастся уменьшить число нападающих, так как они отрядят за мной погоню... Я не знаю, сколько именно там осталось индейцев, и даже представить себе не могу, как будет дальше защищаться от них моя кузина... Поэтому, умоляю вас, поезжайте к ним как можно скорее на помощь!

— К счастью, этого нельзя сделать сейчас, мисс, потому что нам преграждают путь преследовавшие вас индейцы, и для того, чтобы захватить их командира и уничтожить с ним всю шайку, мы должны выждать еще некоторое время... Они прекратили преследование вероятно потому, что увидели дым от костра, который я приказал притушить, но затем, убедившись что здесь все тихо, они снова бросятся в погоню за вами, и тогда они погибнут... А если мы сами теперь же нападём на них, мы попадем в засаду... Поэтому нам следует непременно выждать немного... Они не знают ни кто мы такие, ни сколько нас, и если здесь все будет тихо, они подумают, что мы испугались и бежали... Но если они раздумают ехать дальше, тогда мы сами нападём на них, хотя это и гораздо рискованнее... Вы со мной согласны, мисс?

— Все это правда, полковник, но каждая минута промедления приводит меня в отчаяние!..

— Я это понимаю отлично, но иначе, право, нельзя... А теперь послушаем, что делают наши враги...

Кругом на всем необъятном пространстве прерии цар-

ствовала глубокая тишина. Койоты молчали, видимо, не смея снова начать свой ужасный концерт; что же касается индейцев, то они исчезли, точно призраки, во мраке ночи.

Полковник, которому эта могильная тишина казалась подозрительной и которого отчаяние молодой девушки заставило решиться возможно скорее исполнить ее просьбу, передал поводья своей лошади одному из регуляторов и пешком отправился на разведку.

Луизиана, которая тоже спешила по примеру регуляторов, видела, как шериф, пройдя несколько шагов по высокой траве, опустился на колени и ползком стал пробираться в ту сторону, где должны были скрываться индейцы, и скоро темный силуэт отважного предводителя рейнджеров скрылся уже из виду... Через несколько минут томительного ожидания молодая девушка услышала как будто оклик часового... В то же мгновение грянул выстрел... Рейнджеры вскочили на лошадей... В эту минуту в ответ на одиночный выстрел грянул залп. Затем опять послышалось пять одиночных выстрелов из карабина, сопровождаемые громкими криками индейцев: это служило доказательством, что шериф, разряжая свой карабин, каждый раз ранил или убивал индейца... Вскоре появился и сам шериф, крича на ходу:

— Вперед, друзья!

Рейнджер, которому полковник Гейс поручил свою лошадь, поспешил к нему навстречу. Шериф одним прыжком вскочил в седло...

— Вперед, друзья! — повторил полковник отданное им приказание. — Но только помните — стрелять надо без промаха!

Луизиана присоединилась к командиру рейнджеров, который, припав к своему кошу, скакал впереди отряда... Но индейцы предпочли не вступать с ними в битву и, заслышав боевой клич рейнджеров, моментально рассеялись в разные стороны...

Шериф осадил лошадь и, боясь попасть в засаду, свистком собрал рейнджеров и стал советоваться с ними; потом, обращаясь к Луизиане, спросил:

— Где ваши друзья? Где лагерь, в котором ваш дядя оставил вас с неграми?

— Лагерь там, на берегу реки, и мы его увидим, не смотря на темноту... если только блокгауз еще существует...

— Надеюсь на Бога, мисс,— сказал шериф твердым голосом, а затем, обращаясь к рейнджерам скомандовал: — За мной!.. В карьер!..

Отряд ехал вдоль реки, и через полчаса бешеной скачки они были уже на вершине, откуда не только ясно была слышна перестрелка защитников блокауза с краснокожими, но даже был виден огонь при каждом выстреле. Луизиана, видя, как часто сверкали выстрелы в самом блокаузе, почувствовала себя несколько спокойнее и решила, что это происходит по всей вероятности потому, что ее дяде удалось благополучно пробраться со своими людьми туда. Но, когда она высказала эту мысль шерифу, тот, видимо, не разделяя ее мнения спросил:

— Сколько людей у вашего дяди?

— Человек двенадцать или четырнадцать,— отвечала молодая девушка,— кроме того, там должен быть еще и Карроль со своим другом Торилеем...

— Карроль? Какой Карроль?

— Вашингтон Карроль.

— Вашингтон Карроль? Вы в этом уверены?

— Да,— отвечала молодая девушка.

— Вы подвезли ваши фургоны к самому блокаузу?— спросил затем шериф.

— Да, два фургона и карету... Когда начали строить блокауз...

Но она не закончила начатой фразы, потому что как раз в эту минуту вспыхнуло пламя над двумя фургонами, загоравшимися вход в блокауз и осветило защитников укрепления. Двое из них, как раз в этот момент, взмахнув руками, упали сраженные внутрь здания.

— Скорей!.. Помогите им! — умоляла Луизиана, которую эта кровавая картина приводила в ужас.— Скорей, иначе будет слишком поздно!

— Вперед, друзья, вперед! — крикнул Гейс, прищипывая лошадь и бросаясь с места в карьер.

Но как ни спешили рейнджеры, индейцы предупредили их и как демоны устремились на приступ блокауза, откуда уже не было слышно выстрелов и неслись только отчаянные вопли избиваемых женщин и детей.

— Кричите, друзья мои, кричите громче! — говорил полковник Гейс регуляторам.— Наши крики, может быть, испугают краснокожих и заставят их обратиться в бегство!..

И он, подавая пример, принялся кричать во всю силу

своих легких; затем он разрядил на воздух револьвер, как бы давая этим сигнал начать стрельбу, и рейнджеры стали сейчас же стрелять на скаку, в надежде если не ранить индейцев, то может быть, вызвать этим смятение среди них... Когда они через несколько минут после этого подъезжали к реке, пожар уже догорал и громкие крики сменились слабыми восклицаниями и стоном умирающих... В момент переправы через реку индейцы сделали несколько выстрелов по регуляторам, но одного залпа оказалось достаточно, чтобы обратить в бегство краснокожих, которых не могло, кроме того, не испугать и весьма значительное число бледнолицых.

Полковник первый переплыл через реку, которая в этом месте была и широка и довольно глубока, и сейчас же бросился к блокгаузу... В ту минуту, когда он вбежал в эти обгорелые развалины и спрашивал, не осталось ли кого-нибудь в живых, ему отвечал слабый голос:

— Почти никого, почти никого!

Глава 20

БЛОКГАУЗ

Луизиана воежала в блокгауз одновременно с шерифом и они увидели ужасную картину разыгравшейся здесь кровавой драмы. Сквозь багрово-красные клубы дыма видны были лежавшие вповалку тела мужчин, женщин и детей, бледнолицых, краснокожих и негров. Одни из них уже мертвы, а другие еще мучились в предсмертной агонии. Все они, за исключением индейцев, были оскальпированы; но индейцев, надо заметить, было гораздо меньше, чем других, и жертвами кровавой бойни стали, главным образом, негры, негритянки и их дети. Из бледнолицых бросался в глаза великан в охотничьей блузе; он, по всей вероятности, свалился последним, потому что его громадное тело лежало сверху. Он был уже мертв, и все еще сжимал своими могучими руками задущенных им перед смертью врагов. Управляющий, а это был он, тоже был оскальпирован, как и все убитые...

— Кто это говорил сейчас? — спросил шериф.

— Я, — отвечал тот же голос, доносившийся из противоположного угла блокгауза.

— А где остальные? — спросил шериф, делая несколь-

ко шагов в ту сторону, откуда слышался голос разговаривавшего с ним человека.

— Они ушли... уехали...

— Все?

— О, нет.

— Да где же вы?

— Здесь, под этой грудой проклятых краснокожих,— отвечал неизвестный.— Я не могу сам выбраться, помогите мне, пожалуйста... Кроме меня, я думаю, в живых остался только один бедный малютка... Он тут, возле меня...

— А как вы себя чувствуете?

— Очень плохо... Мне, должно быть, осталось недолго жить... Помогите же мне выбраться отсюда поскорей... Я задыхаюсь...

Гейс вместе с Луизианой, у которой из глаз струились слезы, поспешили на помощь к умирающему, который лежал в углу под кучей навалившихся на него мертвых тел. Полковник оттащил в сторону трупы убитых индейцев, и тогда, при свете догоравшего пожара, увидел зывавшего о помощи белого, в котором, к своему удивлению узнал своего старого приятеля Карроля.

— Карроль, неужели это ты, дружище? — спросил шериф.

— Я, или, вернее, то, что от меня осталось,— отвечал бывший трапер, голос которого звучал теперь уже гораздо громче.

Затем он вдруг вскочил на ноги и, протягивая Гейсу руку, проговорил:

— Как я рад тебя видеть, шериф!.. Ты всегда являешься там, где совершается преступление... Жаль только, что ты приехал поздно и не можешь уже спасти остальных...

— Я опоздал всего на несколько минут... А что твои раны?

— Мои раны?.. А я и забыл совсем о них... У меня страшно болит рука,— сказал он,— приподнимая правой рукой висевшую, как плеть, левую, и потом, у меня, должно быть, сидит пуля и в ноге... Но все это пустяки, я чувствую себя прекрасно и, должно быть, просто-напросто со страху вообразил себя умирающим...

Тем временем Луизиана обошла весь блокгауз и убедилась, что из белых пострадали только двое: убитый и оскальпированный Стротер и раненый Ваш Карроль.

Все остальные были негры и краснокожие. Это ее и обрадовало и испугало в одно и то же время, и она, подбежав к Карролю, прерывавшимся от волнения голосом спросила:

— А где мой дядя? Где Теннесси? Где мой брат? Где они, скажите, ради Бога? Неужели они тоже все убиты?

— Нет, мисс, успокойтесь,— отвечал трапер,— они все перебрались на другой берег реки раньше, чем блокгауз стал добычей индейцев и, вероятно, спрятались где-нибудь в кустах на берегу... Я остался здесь вместе с управляющим Стротером и неграми... Ах, если бы мы только знали, что вы так близко и так скоро явитесь к нам на помощь, мы все ждали бы вас здесь, и все были бы еще теперь живы... Индейцам ни за что не удалось бы взять так скоро блокгауз, если бы мы все вместе защищали его ..

— А вы уверены, что они не попали в руки индейцев?..

— Скажите, почему они решили покинуть вас?

— Они уехали, как только совсем стемнело, мисс... Мы понимали, что не в состоянии будем все равно долго защищать блокгауз, особенно ночью, и поэтому решили удалить вашего дядю, вашу кузину и вашего брата... И, если с ними не случилось ничего особенного, они должны быть теперь на другом берегу, где им не трудно будет скрываться в чаще до самого рассвета...

— Но где именно искать их там? — спросил шериф.— И кто еще уехал с ними?

— Уехали только мисс Теннесси, полковник и его племянник, мистер Эжен. Мой компаньон, Эдуард Торнлей, отправился еще раньше разыскивать мисс Луизиану, но за него я нисколько не боюсь: он такой человек, который сумеет и защитить себя и преодолеть всякую опасность. Потом, он и не станет особенно рисковать собой, пока не разыщет мисс Луизиану...

— Не понимаю, как могла прийти вам в голову такая безумная мысль,— перебил его шериф,— им ни в каком случае не следовало уезжать из блокгауза.

— Значит, вы думаете, что они погибли? — спросила его Луизиана, которую слова шерифа снова заставили вспомнить о близкой опасности.

— Зачем вы меня спрашиваете об этом? Разве я знаю, что с ними? Где и как искать их нам теперь среди ночи?.. Слушайте, Ваш, вы и в самом деле только легко ранены?

— Я ранен двумя пулями, но это мне нисколько не

мешает отомстить как за себя, так и за беднягу Строте-ра. Я видел, как он сцепился с этими двумя краснокожими, и видел, как к нему подкрался сзади третий дикарь и ударил его топором по голове. Бедный друг! Какую нужно было иметь силу для того, чтобы получив смертельную рану, не выпустить попавшихся ему в руки врагов и задушить их. Он был не только сильный, но и храбрый человек. Я был недолго знаком с ним, но буду вспоминать о нем всю жизнь.

В эту минуту за рекой раздался ружейный выстрел и послышались громкие крики краснокожих. Собеседники вздрогнули и переглянулись. Ваш Карроль бросился было к выходу, но в ту же минуту остановился, громко вскрикнув:

— Проклятие! Я не могу ходить... Но я думаю, что на лошади я все-таки мог бы еще держаться.

Шериф Гейс тем временем уже бежал к реке, ворча про себя:

— Именно этого я и боялся. Дикари открыли их убежище.

С того места на берегу, где они стояли, видно было, как на другой стороне шайка индейцев с громкими криками преследовала убежавших от них трех всадников. Луизиана Дюпрэ, стоявшая рядом с шерифом, узнала в них дядю, кузину и брата. Беглецы, спасаясь от преследователей, решили снова перебраться через реку и смело бросились в воду. В эту минуту скакавший впереди краснокожих всадник, в котором Луизиана с ужасом узнала своего смертельного врага Антонио Микелеца, распустил лассо и набросил его на Теннесси Магоффин. Молодая девушка вскрикнула и упала в воду, которая поглотила ее, впрочем, лишь на одно мгновение, и снова появилась на поверхности. Этим воспользовался Черный Мустангер, чтобы вытащить пленницу на берег. Полковник Магоффин и его племянник Эжен повернули лошадей, видимо, с намерением выручить из беды несчастную Теннесси, но им загородили путь краснокожие. Загремели выстрелы; но дикари, очевидно, не хотели убивать ни полковника, ни его племянника и ограничились только тем, что застрелили их лошадей, рассчитывая, что тогда бледнолицые поневоле должны будут сдать в плен. Но надежды их не оправдались: полковник и его племянник исчезли в волнах потока. Тем временем Черный Мустангер, не слезая с лошади, нагнувшись поднял молодую де-

вушку, перекинул ее через седло и помчался во весь опор вдоль берега реки. За ним сейчас же последовали и все индейцы. В ту же минуту на поверхности воды появились полковник и Эжен и быстро поплыли к берегу. Созерцавший эту сцену командир рейнджеров поднял руку и твердым голосом произнес клятву.

— Клянусь всемогущим Богом,— сказал он,— что завтра до захода солнца молодая девушка будет освобождена из плена, а похитивший ее презренный негодяй повешен! Оставляйтесь здесь, мисс, я этого требую. Я дам вам для охраны десятков рейнджеров. Вам не грозит тут ни малейшей опасности, не бойтесь и за своих родных: даже с вашей кузиной, ничего не случится. Завтра вы будете снова все вместе. Клянусь вам в этом! Но вы должны исполнить мое приказание и остаться здесь.

Его голос звучал так повелительно, что молодая девушка не посмела ослушаться его.

Через пять минут после этого рейнджеры, предводительствуемые шерифом, переправились через реку и во весь опор помчались вдогонку за краснокожими и похитителем молодой девушки Антонио Микелецем, прозванным индейцами Черным Мустангером.

Глава 21

ЛОВКИЙ ОБМАН

В ту минуту, когда рейнджеры переезжали через реку, приблизительно в миле от лагеря эмигрантов на холме появился одинокий всадник и, глядя на остатки догравшего блокгауза, грустным тоном проговорил:

— Я опоздал!.. Я опоздал!.. Я, точно маленький ребенок, заблудился в кустарнике и из-за этого мне не удалось напасть на ее следы и найти ее. Кто знает, где она теперь? Индейцы, по всей вероятности, увезли ее в свой лагерь, и она теперь во власти Тигрового Хвоста. Я не сумел найти ее и только совершенно напрасно поклялся моим товарищам. Что теперь делать? Куда ехать? У меня голова идет кругом. Мне и больно и досадно на самого себя.

И он, задумавшись, опустил голову и ослабил поводья лошади, которая, вытянув шею, стала обрывать листья с ближайших кустов.

Эдуард Торнлей (нет надобности говорить, что этот одинокий всадник был не кто иной, как товарищ старого траппера), прибыв вместе с Карролем в блокгауз и узнав, что Луизиана уехала за помощью бросился в ту же минуту вдогонку за нею, не обращая внимания на пули, которыми осыпали его индейцы. Отправившись разыскивать молодую девушку, он не только не напал на ее след, но еще и сам, попав ночью в незнакомую ему местность, заблудился и потом довольно долгое время разыскивал дорогу к реке. Наконец, когда было уже совсем темно, он добрался туда, каким-то чудом избегнув столкновения с краснокожими.

Эжен спрыгнул с лошади, которая изнемогала от усталости, и стал смотреть на развертывавшуюся перед ним картину пожара. Вдруг он услышал топот копыт множества лошадей, галопом приближавшихся к тому месту, где он стоял. Это заставило его прийти в себя и он, скорее инстинктивно, чем сознательно, отвел свою лошадь в кусты и зажал ей ноздри на тот случай, чтобы она не вздумала выдать себя ржаньем. Минуты через две после этого он увидел подскакавших к холму всадников, которые вдруг остановили лошадей и стали как будто прислушиваться. Все они, за исключением одного бледнолицего, были краснокожие. Этот бледнолицый к удивлению Торнлея оказался Луи Лебаром, у которого через седло была перекинута какая-то бесформенная масса, показавшаяся Торнлею в первую минуту большим белым мешком, но в которой он затем узнал фигуру женщины, находившейся, по всей вероятности, в обмороке. Это открытие привело его в ужас, и ему пришло в голову, что пленница Черного Мустангера, может быть, не кто иная, как Луизиана Дюпрэ. Он инстинктивно выхватил револьвер и навел дуло на грудь злодея, который находился не более, чем в двадцати шагах от него, но не выстрелил. Впоследствии, вспоминая об этом событии, он каждый раз говорил, что и сам не знает, как хватило у него благоразумия сдержаться и не прострелить голову презренному негодяю. Лебара окружало десятка два индейцев, и выстрел из револьвера, даже и вполне удачный, не мог бы обратить в бегство такую большую шайку, не говоря уже о том, что они, если бы даже и отступили, наверное, захватили бы с собой и пленницу. Торнлей только еще крепче сжал ноздри своей лошади, которая не стояла на месте и, видимо, стремилась к мустангам

краснокожих. В эту минуту он услышал, как Луи Лебар говорил по-английски своей пленнице:

— Вы должны благодарить меня, мисс, за то, что вы не оскальпированы до сих пор. Как неблагоприятно было с вашей стороны искать убежища в этом лесу, где кишмя кишат краснокожие. Проклятые регуляторы помешали мне захватить вашу кузину, но я все-таки надеюсь, что с помощью воинов Тигрового Хвоста мне удастся отбить ее у них. А если и не удастся, с нас достаточно будет и одной вас, чтобы отомстить нашим врагам. Вы только напрасно утомляете ваши глаза, мисс, все равно никого не увидите. Как ни хитры наши преследователи, а мне догнать индейца, впереди которого на лошади сидит закутанный в белое одеяло другой индеец, которого они принимают за вас, а в это самое время мы с вами спокойно доберемся до лагеря Тигрового Хвоста, мисс Магоффин.

Торнлей выходил из себя от гнева, слушая речь Лебара, но в то же время не мог не осознавать, что злодей говорил правду, потому что как раз в эту минуту он слышал ружейные выстрелы и конский топот в направлении, диаметрально противоположном тому, которое избрал похититель молодой девушки.

Впрочем, в словах Луи Лебара было нечто такое, что было и приятно услышать молодому человеку: он узнал о прибытии рейнджеров и о том, что Луизиане удалось найти этих добровольных защитников мирного населения Техаса.

Лебар в это время о чем-то шепотом переговаривался с одним из индейцев, игравшим, очевидно, роль командира отряда краснокожих. Затем он разразился веселым хохотом, и, обращаясь к пленнице, сказал:

— Слышите, как они усердно стреляют, мисс Магоффин? Как быстро, однако, они скачут, судя по тому, что выстрелы стали едва слышны; они теперь должны быть уже далеко. Что, если бы им сказать, что они проехали мимо нас и гонятся сами не знают, за кем,— то-то разозлились бы эти идиоты-рейнджеры. Но только не вздумайте кричать, мисс Магоффин, потому что тогда мне, к величайшему моему сожалению, придется убить вас. А мне, признаюсь вам, не хотелось бы этого делать, потому что я дал слово Тигровому Хвосту доставить вас ему здоровой и невредимой. Вас ожидает честь стать женой вождя семинолсв, и в награду за это он обещал мне по-

мочь захватить вашу очаровательную кузину, которая будет моей женой. Сейчас мы поедem с вами в лагерь к семинолам, откуда вашим друзьям трудненько уже будет выручить вас.

Торнлей, слушая, несколько раз хватался за револьвер, но благоразумие брало верх над минутным желанием расправиться с презренным негодяем и он продолжал неподвижно стоять на одном месте и ждал, что скажет пленница в ответ.

Но молодая девушка не проронила ни слова. Лебар обратился к руководившему отрядом краснокожих индейцу и спросил, не пора ли им ехать. Индеец ответил ему что-то на языке семинолов, после чего весь отряд легкой рысцой тронулся к лагерю краснокожих.

Эдуард Торнлей сел на лошадь и последовал за ними, стараясь все время держаться на таком расстоянии, чтобы индейцы не могли ни увидеть его, ни расслышать топот копыт его лошади по твердому грунту прерии.

Похитители сначала ехали почти параллельно течению реки на довольно, впрочем, значительном расстоянии от нее, а затем, проехав мили две, стали постепенно приближаться к реке. Торнлей, следуя за ними, все более и более убеждался, что отряд, как и говорил Лебар, действительно направляется в стан краснокожих, где сам он был всего несколько часов тому назад вместе с Карролом и полковником Магоффином... Вдруг послышались ружейные выстрелы, а затем и топот конских копыт. Торнлей решил, что это должны быть рейнджеры... Заслышав выстрел, Лебар пустил лошадь в галоп и через минуту вместе с сопровождавшими его индейцами был уже на другом берегу реки... Между тем выстрелы прекратились и Торнлей решил, что рейнджеры, по всей вероятности, нагнали индейцев, старавшихся направить их на ложный след и, покончив с ними, спешат обратно, чтобы исправить свою ошибку... Торнлей тоже направился к реке и невдалеке от берега скрылся в чаще кустарника, где решил дожидаться прибытия рейнджеров. Что же касается Лебара и сопровождавших его индейцев, то они, перебравшись на другой берег реки, моментально спешились и тоже скрылись в кустах, представлявших такое надежное убежище, откуда рейнджерам было бы довольно трудно выбить их, и где они могли бы провести всю ночь до рассвета и дожидаться помощи от своих.

Через несколько минут показались рейнджеры. Торн-

лей поспешил к ним навстречу и, указывая на противоположный берег реки, сказал:

— Берегитесь! Там индейцы!

Затем, обращаясь к ехавшему впереди отряда рейнджеров всаднику, которого он не без основания считал командиром, мустангер прибавил:

— Я Торнлей... Я мустангер и друг полковника Магоффина... Я вместе с ним ездил в лагерь краснокожих освободить его племянника, попавшего в плен к индейцам... И покинул его потому, что отправился разыскивать молодую девушку, которая сообщила вам о нападении на лагерь эмигрантов... Индейцы обманули вас... Вы гнались за индейцем, завернутым в белое одеяло, а мисс Магоффин на том берегу в какой-нибудь тысяче шагов от этого места. Но я думаю, что до рассвета мы не можем ничем помочь ей.

— Почему?

— Потому что похитивший ее человек, бледнолицый, засел на другом берегу в кустах вместе с индейцами и, как только убедится, что вы хотите напасть на него, сейчас же покинет свое убежище и за ночь успеет уйти так далеко, что нам придется потом долго разыскивать его.

— В таком случае...

— В таком случае нам остается только одно: спрятать здесь, в кустах, лошадей, пробраться пешком к берегу и следить за ними. Для вас это будет тем легче, что они даже и не подозревают, что вы знаете место, где они скрываются.

— А если они уйдут потихоньку?..

— Этого нечего бояться... лагерь индейцев на этом берегу... Кроме того, если у вас есть кто-нибудь, знакомый с жизнью прерий, его можно отправить разведчиком. Отрядите часть ваших людей со мной, и я немного ниже переправлюсь вместе с ними через реку и зайду индейцам в тыл... Если индейцы вздумают покинуть свое убежище, ваш разведчик подаст нам сигнал, и мы тогда с двух сторон нападём на них... Есть у вас такой человек?

— О, да. У нас есть именно такой человек, какой нужен.

— Позовите его и прикажите ему сейчас же отправляться.

Шериф подозвал к себе одного из рейнджеров, сказал ему несколько слов и тот сейчас же отправился ис-

полнить опасное поручение. Затем Гейс, спрыгнув с лошади и передав ее одному из своих людей, сказал Торнлею:

— Мне очень нравится ваш план, лучше ничего и придумать нельзя. Слезайте с лошади. Мои люди отведут ее подальше от берега вместе с нашими лошадьми, а затем вернутся обратно, и мы ползком проберемся к самому берегу и будем ждать сигнала от нашего разведчика, в помощь которому я отрядил часть моих людей.

В это время было около десяти часов вечера... С безоблачного неба сияла луна... Никому, даже человеку хорошо знакомому с прерией, не могло бы прийти в голову, что оба берега реки заняты двумя отрядами врагов, готовых каждую минуту начать битву. Часа через два шериф, все время внимательно исследовавший берег, сказал Торнлею:

— Наш разведчик, должно быть, давно уже на месте и раз он не давал до сих пор сигнала, значит индейцы и в самом деле решили дожидаться тут наступления утра... Я хочу воспользоваться этим и съездить в блокгауз... Почему бы нам не отправиться туда, захватить с собой человек двадцать, а здесь оставить для охраны человек сорок или пятьдесят?..

— Я готов ехать хоть сию минуту.

— Я оставляю здесь своего лейтенанта и прикажу ему на рассвете завязать перестрелку с индейцами...

— Едемте! Едемте скорей! Но прежде скажите мне, с кем я имею честь разговаривать...

— Я шериф Гейс, начальник рейнджеров.

Торнлей, услышав это пользовавшееся всеобщим уважением имя, приподнялся и почтительно пожал протянутую ему полковником руку.

Через четверть часа шериф, сделав все необходимые распоряжения, скакал уже вместе с Торнлеем к блокгаузу; их сопровождал отряд из двадцати всадников.

Глава 22

БИТВА

В самой чаще девственного леса, носившего название Кросс-Тимберс, среди большой поляны, образовавшейся здесь не случайно, а благодаря тому, что над этим потру-

дильсь руки человеческие, был расположен укрепленный лагерь племени семнолов, которыми предводительствовал Тигровый Хвост.

Вечером того дня, когда произошло нападение индейцев на блокгауз эмигрантов, по всему лагерю перед палатками ярко пылали огни, заставлявшие предполагать, что большинство воинов вернулось уже обратно и что лагерь этот являлся таким убежищем, где индейцы могли считать себя в полной безопасности... Все пространство между деревьями, окружавшими занимаемую лагерьем поляну, было засажено кустарниковыми растениями, образовавшими такую непроницаемую живую изгородь-ограду, через которую было бы труднее пробраться, чем через большую реку или через крепостные рвы и стены. Ограду эту, шириною около пятидесяти футов, прорезывало бесчисленное множество узких и к тому же весьма извилистых тропинок, искусно замаскированных непроницаемыми для глаз завесами вьющихся растений и нарочно густо насаженными в таких местах колючими кустарниковыми растениями. Лесистая часть прерии, носившая название Кросс-Тимберс, была значительно выше окружающей ее территории, а поляна, служившая лагерьем, наоборот, занимала середину большой впадины, дно которой по уровню было гораздо ниже окружающей эту часть леса местности, это уже само по себе являлось большим преимуществом для тех, кто больше любит рассчитывать на хитрую уловку, чем на силу, и всего больше заботится о том, чтобы их убежище не было обнаружено. Такой рельеф почвы способствовал и тому, что, сколько бы в лагере ни горело костров, из прерии не было видно ни огня, ни дыма.

В этот вечер, несмотря на ярко пылавшие костры, в лагере хозяйничали почти исключительно женщины и дети, так как взрослое мужское население ограничивалось всего несколькими воинами, занимавшими сторожевые посты у каждой из тропинок, по которым можно было проникнуть в лагерь.

Часть воинов отправились в тот лагерь, где так еще недавно Тигровый Хвост имел столкновение с Карролем, окончившееся освобождением юного креола Дюпре и повлекшее за собою нападение на блокгауз. Но главные силы краснокожих, состоявшие из целой сотни отборных воинов, скрывались в засаде на берегу реки, противопо-

ложную сторону которой занимал оставленный шерифом отряд рейнджеров всего из пятидесяти человек.

Полковник Гейс должен был знать краснокожих лучше, чем Торнлей, и с его стороны было странно, что он согласился с мнением последнего, будто индейцы даже и не подозревают об их присутствии на этом берегу реки. Индейцы прекрасно видели их еще в то время, когда они подъезжали к Торнлею, видели, затем, как рейнджеры, по приказанию шерифа, спешили и, конечно, со свойственным им умением разгадали остроумный, в сущности, план Торнлея. Микелец не покинул своего убежища и не обратился в бегство только потому, что ему нужно было бы снова переправиться через реку, чтобы достигнуть укрепленного лагеря краснокожих. Кроме того, он не думал, что его могут окружить таким образом, что ему нельзя будет выбраться тем более, что он мог рассчитывать еще на помощь со стороны вождя племени семинолов, который, по его мнению, должен был находиться или в одном из лагерей, или же вблизи блокгауза, и на рассвете непременно явится на выручку к своему другу, сбывшему для него бледнолицую жену.

Поэтому Микелец и командовавший отрядом краснокожих индеец решили не покидать избранного ими убежища до рассвета, а пока отправить на розыски вождя племени трех разведчиков, одному из которых было приказано идти к блокгаузу и собрать на помощь всех, кого он найдет вблизи него. Другому дано было поручение отправиться в маленький временный лагерь Тигрового Хвоста, а третьего послали в укрепленный лагерь к чаще леса на случай, если Тигровый Хвост отправиться туда с оставшимися при нем воинами.

Разведчиков не удалось увидеть никому из рейнджеров, потому что индейцы воспользовались рекой. Они осторожно, один за другим, спустились в воду, нырнули и быстро поплыли по течению, выходя на поверхность только затем, чтобы вдохнуть, а затем сейчас же ныряли опять, и так плыли они до тех пор, пока не миновали опасную зону.

Нет надобности говорить, что все трое благодаря этой тактике благополучно избегли грозившей им опасности и со свойственным индейцам умением исполнили каждый возложенное на него поручение. Первым достиг цели тот, которому поручено было отправиться к блокгаузу, вокруг которого и в самом деле бродило немало ин-

дейцев. Разведчик, собрав их, повел в лагерь, куда одновременно с ними явился второй посланный и где они нашли Тигрового Хвоста и при нем около пятидесятии воинов. Разведчики, сделав вождю обстоятельный доклад о положении отрядов обеих враждующих сторон, сообщили ему затем выработанный Микелецом план сражения с рейнджерами, если только последние решат вступить в бой с индейцами. Микелец предполагал не покидать занимаемого им места до рассвета, и, насколько будет возможно, делать вид, что ему ничего не известно о присутствии врагов на другом берегу реки. Что же касается вспомогательных отрядов, которые могли бы привести разведчики, то они должны были, следуя вверх или вниз по течению реки, смотря по тому, что окажется удобнее, явиться на помощь к Микелецу, как только начнется битва.

К счастью, ни Микелец, ни его кровожадный союзник Тигровый Хвост не ведали одного весьма важного обстоятельства, которое, если бы они об этом знали, заставило бы их отказаться от сражения. Они не знали, что во время битвы они сами очутятся между двух огней. Другой берег реки, прямо против них, занимал небольшой отряд рейнджеров, всего в пятьдесят человек, но зато тылу их угрожал другой отряд, состоявший приблизительно из сорока человек, под командой самого шерифа Гейса, при котором находились, кроме того, полковник Магоффин, его племянник, Торнлей и Ваш Карроль. Последний был бледен и казался очень слабым, вероятно, вследствие слишком потери крови. Но он уверял, что это ровно ничего не значит и силы вернутся к нему, как только начнется битва. Он выразил желание, чтобы ему вместе с Торнлеем и двумя или тремя рейнджерами было поручено охранять Луизиану Дюпрэ, которая тоже была при этом отряде вместе с братом и дядей.

С первыми проблесками зари маленький отряд сел на коней и медленно тронулся к реке, с целью напасть с тылу на Микелеца, который, по донесению стороживших его разведчиков, продолжал занимать избранную им позицию на берегу реки.

Что же касается корраля, служившего в эту ночь сборным пунктом для рейнджеров, то он остался нетронутым, может быть, потому, что индейца забыли или не имели времени выгнать из него мустангов, а может быть, потому, что рассчитывали сами завладеть пойманнами

лошадьми после того, как все бледнолицые будут перебиты. Это могло быть и потому, наконец, что Тигровый Хвост запретил грабить имущество, принадлежащее его другу и союзнику Антонио Микелецу.

Торнлей, полковник и его племянник взяли для себя из корраля свежих лошадей взамен своих, изнемогавших от усталости. При этом Торнлей, точно предчувствуя все то, что должно было случиться в этот день, выбрал для себя самого лучшего коня из всего табуна. Им оказался тот самый светло-серый мустанг, на котором ездил уже накануне Луи Лебар. Торнлей с одного взгляда оценил все достоинства этой удивительной лошади, которая могла сослужить ему большую службу, если бы ему пришлось состязаться в быстроте с конем Тигрового Хвоста или же изменника Микелеца.

Торнлей знал теперь, какая гнусная личность этот Черный Мустангер, и, передавая своему другу Карролю подслушанные им слова, в заключение прибавил, что он считает себя обязанным искупить свою вину, состоявшую в том, что он уговорил Карроля принять Микелеца в товарищи. Он постарается во что бы то ни стало поймать его своим лассо и передать затем в руки правосудия. На этом же основании он настоял, чтобы ему позволили отправиться на разведку, и затем, вернувшись, сообщил, что Микелец и краснокожие продолжают прятаться в том же месте на берегу реки.

Индейцы, сами укрывшись в кустах, отвели лошадей за несколько сот шагов в соседний лесок, где их охраняло несколько воинов. И только Тигровый Хвост, Микелец и одна женщина сидели верхом. Женщина эта попала сюда, очевидно, не по доброй воле, потому что руки у нее были связаны за спиной, а сама она была привязана к лошади... В эту минуту мустангер услышал подавленное восклицание, раздавшееся почти над самым его ухом и, обернувшись, увидел бледное лицо Эжена Дюпрэ, который сверкавшими от гнева глазами смотрел на похитителей его кузины. Торнлей наклонился к нему и, понижая насколько возможно голос, сказал ему:

— Теперь как раз время напасть на них... Надо сказать нашим... идите за мной.

Юный креол, хотя, видимо, и очень неохотно, повиновался. Пробравшись благополучно сквозь цепь часовых, они вскоре достигли того места, где их ждали ре-

гуляторы, и Торнлей, отдав отчет в исполнении возложенного на него поручения, в заключение сказал шерифу:

— Полковник, послушайте, нападём на них... мы захватим их врасплох и освободим несчастную молодую девушку.

— Нет, мой друг,— отвечал шериф своим обычно спокойным тоном,— нам нельзя нападать первыми. Не дай Бог, чтобы повторилось то, что было вчера, когда каждый делал, что хотел... Если это случится, нынешний день обойдется нам еще дороже вчерашнего, а ведь все это произошло потому, что не приняли самых необходимых предосторожностей!

Торнлей сознавал, что в этом много горькой истины и, не говоря ни слова, сел на свою лошадь; примеру его последовал и Эжен Дюпрэ.

— А теперь,— продолжал шериф,— потрудитесь выслушать мои распоряжения: весь отряд выстраивается в одну линию, и люди, держась в нескольких шагах друг от друга, образуют цепь, которая должна будет охватывать кольцом всю эту часть побережья. Затем, как только я дам сигнал атаки, все должны будут сразу броситься на врагов, стараясь при этом как можно меньше подставлять себя под выстрелы врагов и ни в коем случае не стрелять самим до тех пор, пока станет возможным стрелять без промаха... Они, по-видимому, даже и не подозревают, что мы зашли им с тыла и поэтому, если мы нападём на них врасплох, мы можем рассчитывать на полную победу.

Рейнджеры, выслушав это приказание, разошлись по своим местам и через минуту уже выстроились в одну линию, охватив пространство шагов в триста — четыреста в длину.

Вслед за тем шериф Гейс медленно въехал на вершину холма, отделявшего их от краснокожих и, остановившись здесь, услышал выстрелы рейнджеров с противоположного берега. Краснокожие, по-видимому, не желали уклоняться от битвы, так как вместо того, чтобы отступать, они наоборот ползком стали подбираться ближе к берегу, и в свою очередь стали стрелять в рейнджеров...

Индейцы до такой степени увлеклись битвой, с каждой минутой разгоравшейся все более и более, что отряд полковника Гейса незаметно мог подойти к ним на близкую дистанцию... Шериф дал сигнал, и его отряд открыл

огонь, стреляя почти в упор... Неожиданность атаки смутила индейцев до такой степени, что они, несмотря на свое численное превосходство, бросились врассыпную к лошадям, намереваясь искать спасения в бегстве. Рейнджеры и тут предупредили их: они успели уже завладеть лошадьми и встретили индейцев выстрелами из револьверов и карабинов... Краснокожие, видя, что им отрезан единственный путь к бегству, защищались отчаянно и думали только о том, чтобы как можно дороже продать свою жизнь... Враги сцепились в рукопашную...

Эдуард Торнлей и Эжен Дюпрэ, принимая участие в битве, со страхом думали о том, что какая-нибудь шальная пуля может ранить Теннесси Магоффин, и всеми силами старались проложить себе путь к тому месту, где должны были находиться молодая девушка, охранявший ее Тигровый Хвост и Антонио Микелец.

Тигровый Хвост, видя, что битва проиграна, схватил за повод лошадь, на которой сидела связанная по рукам и ногам пленница, и насколько возможно быстро потащил ее за собой, следуя вдоль берега реки; за ним сейчас же последовал и Антонио Микелец... Но Торнлей и Эжен увидели их с вершины холма и, не обращая внимания на свистевшие кругом пули, бросились вдогонку за беглецами... Эжен держал в правой руке револьвер, а Торнлей — свернутое в кольцо лассо.

К западу, т. е. к той стороне, куда направил путь Тигровый Хвост, лес отступал от реки, и перед беглецами открывалась покрытая высокой травой безлесная равнина шириною в несколько миль. Затем лес опять вдруг подвигался к реке, оставляя только узкую дорогу между собой и берегом...

Эжен Дюпрэ невольно вскрикнул, видя, что Тигровый Хвост повернул свою лошадь в ту сторону, заставляя, конечно, следовать за собой и пленницу и не отстававшего от него ни на шаг Микелеца. Торнлей тоже обратил на это внимание и, прищпорив коня, вместе с Эженом пустился вдогонку за убегающими. Как ни быстро скакали беглецы, но у преследователей лошади оказались гораздо лучше, чем у них и, благодаря этому с каждой минутой расстояние между обеими группами все более и более сокращалось... Достигнув конца равнины, Тигровый Хвост вдруг остановил свою лошадь... Примеру его сейчас же последовал ехавший рядом с ним Микелец... Чер-

ный Мустангер обернулся к преследователям и, показывая им револьвер, громко крикнул:

— Стой! Ни шагу дальше! Иначе я сейчас же застрелю пленницу!

Эжен осадил свою лошадь, но Торнлей точно не слышал обращенных к ним слов и устремился на Черного Мустангера... Микелец, вместо того, чтобы исполнить свою угрозу, повернул дуло револьвера и выстрелил в своего бывшего компаньона... Но он слишком торопился и, стреляя не целясь, дал промах. В то же мгновение он повернул лошадь и обратился в бегство, предоставив своему другу Тигровому Хвосту одному сразиться с двумя врагами... Краснокожий в противоположность ему сохранил свое обычное хладнокровие: в ту минуту, когда Торнлей, видевший только одного убежавшего от него Микелеца, пролетел на своем сером мустанге мимо индейца, Тигровый Хвост выстрелил в него из ружья, но дал промах, потому что как раз в это мгновение на него налетел Эжен Дюпрэ... Лошадь молодого человека ударила грудью лошадь индейца с такой силой, что та не удержалась на ногах и упала, увлекая вместе с собой и всадника... Не ожидавший такого результата Эжен тоже не сумел удержать своего коня и вместе с ним тоже полетел на землю... Торнлей, обернувшись в последний раз, видел как Эжен и Тигровый Хвост, сцепившись в рукопашную, катались по земле. Но всякое промедление грозило лишить его возможности свести счеты с похитителем Теннесси, который был от него всего в нескольких шагах... Торнлей взмахнул лассо, бросил его, тонкий ремень охватил плечи злодея, сорвал его с лошади и потащил по земле... Торнлей прежде, чем остановить свою лошадь, крикнул Черному Мустангеру:

— Бросьте револьвер, а не то я буду тащить вас до тех пор, пока в вас будет хоть искра жизни.

Микелец разжал руку, в которой у него было оружие... Торнлей остановил своего мустанга и ослабил ремень лассо... Черный Мустангер стал просить у него пощады.

— Послушайте, Эдуард Торнлей,— сказал он в заключение,— я не понимаю, за что именно вы вооружились против меня... Разве вы не считаете уже больше меня своим товарищем, своим компаньоном?

— Вы меня обманули,— отвечал Торнлей, подъезжая к нему,— но я знаю, что вы не тот, за кого вы себя выда-

вали... Вы Антонио Микелец, убийца, которого разыскивают прибывшие сюда нарочно регуляторы...

— Пожалейте меня! Я не виноват, клянусь вам! Не выдавайте меня им, Торнлей! Умоляю вас! Разве вы не знаете, что это за люди? Они убьют меня без всякого суда и следствия!

— Я не понимаю, почему вы их так боитесь? — возразил Торнлей, — честным людям нечего бояться рейнджеров: они вешают только убийц и конокрадов... Вас будут судить и, если присудят к повешению, значит, вас признают виновным в убийстве.

— Я убил, защищая свою собственную жизнь! — полным отчаяния голосом завонил Микелец. — Пустите меня! Я навсегда покину эти места!.. Какое вы имеете право выдавать меня им?

И он сделал было попытку сбросить с себя лассо и подняться, но как раз в эту минуту подъехали рейнджеры, среди которых Микелец увидел хорошо знакомое ему лицо Батиста Леду, траппера из Луизианы... Черный Мустангер окинул их о взглядом, и строгое выражение лиц регуляторов сказало ему, что убийце жениха Луизианы Дюпрэ и похитителю Теннесси Магоффин нечего ждать пощады.

Глава 23

СУД

Нападение Эжена Дюпрэ на вождя краснокожих закончилось тем, что оба они свалились с лошадей и сцепились в рукопашную, причем Эжен очень скоро почувствовал, что Тигровый Хвост гораздо сильнее его. Но это, впрочем, несколько не обескуражило его, и в то время, как индеец старался высвободить руку и вытащить свой охотничий нож, молодой мустангер не переставая, изо всей силы колотил его по голове ручкой револьвера, из которого он имел неосторожность выпустить все до последнего заряда. Индеец пригнул голову и, благодаря этому, удары сыпались не на голый череп, а на высоко взбитую прическу, не причиняя почти никакой боли. Краснокожему вскоре удалось одолеть своего врага и запрокинуть его на спину... Затем Тигровый Хвост схватил Эжена левой рукой за волосы и, сжимая в правой руке

нож, издал победный воинский клич, собираясь снять скальп с поверженного им врага... В эту минуту налетели рейнджеры... грянул револьверный выстрел, и вождь семинолов, вскрикнув, выронил нож, разжал левую руку и, откинувшись навзничь, упал мертвый... Пуля пробила ему сердце.

Меткий выстрел, избавивший Эжена от мучительной, казавшейся неминуемой, смерти, принадлежал полковнику Гейсу, прибывшему вовремя во главе своих рейнджеров. Однако, все они сейчас же покинули Эжена и, бросились вдогонку за мустангом, к которому была привязана Теннесси Магоффин и, который, испугавшись, обратился было в бегство, но его предупредил Торнлей, без труда остановивший беглеца своим лассо...

Потом все вместе, с пришедшим в себя Эженом Дюпрэ и освобожденной Теннесси Магоффин, сгруппировались вокруг лежавшего на земле Черного Мустангера... Шериф окинул взглядом присутствовавших и твердым голосом представителя закона сказал:

— Теперь, друзья мои, нам остается еще исполнить долг правосудия. Мне в последний раз... Один из тех, с кем мы вели сегодня борьбу, убит, и я почти жалею об этом, потому что я тщетно разыскивал его многие годы... Тигровый Хвост был сыном того индейца, который руководил индейцами, убившими моих мать, жену, дочь... Если бы нам удалось захватить его живым, я отказался бы от обязанности судьи и взял бы на себя обязанности палача! Но Богу было угодно иначе, хотя именно я и убил выстрелом из револьвера этого краснокожего в ту минуту, когда он хотел оскальпировать вашего племянника, полковник Магоффин... Ну, да об этом теперь поздно уже говорить, займемся лучше делом этого презренного негодяя... Полковник Магоффин, можете вы подтвердить, что человек, называющий себя Луи Лебаром, в действительности Антонио Микелец, убийца жениха вашей племянницы?

— Да, я подтверждаю это,— отвечал полковник Маготфин.

— А вы, господа? — продолжал допрашивать шериф, обращаясь к Эжену Дюпрэ и к обоим мустангерам.

— Я тоже подтверждаю это,— отвечал Дюпрэ.

— Мы знали его под именем Луи Лебара и считаем его способным на всякое преступление.

— Хорошо. Посадите его на лошадь,— приказал ше-

риф двоим из рейнджеров,— и привяжите его покрепче.— Мы поедem в блокгауз и там будем судить его.

Рейнджеры связали Черному Мустангеру руки за спиной, перекинули его через спину лошади и крепко привязали к ней веревками. Пленник не произнес ни слова, с уст его не сорвалось ни одной жалобы, ни одного стопа, и только глаза его метали молнии... Отряд выстроился и почти по прямой линии направился к блокгаузу, до которого им нужно было проехать всего несколько миль. Полковник Магоффин подъехал к шерифу и, наклоняясь немного к нему, спросил:

— Дорогой друг, вы сейчас только сказали, что сегодня вы в последний раз исполняете обязанности председателя суда рейнджеров... могу я узнать, чем именно вызвано было это заявление?

— О, да! Я не делаю из этого тайны... Не позже, как завтра, я откажусь от звания командира техасских рейнджеров, так как я сохранял за собой эту должность до сих пор потому только, что мне нужно было отомстить за избиение моей семьи... Теперь я перееду к моему сыну в Филадельфию и буду жить с ним... Я заслужил право на отдых и очень рад, что, заканчивая свою служебную деятельность, поймал причинившего вам столько горя Антонио Микелеца.

— Да, для нас это большое счастье, особенно если мы останемся жить в этом месте, проговорил полковник Магоффин,— он так озлобился за это время, что я едва узнал его. Но я видел, что он убил Оскара Бретона и бросил тело в реку, протекавшую возле моей плантации... Они встретились на охоте, и злодей подло убил его выстрелом в спину. Мы потом нашли невдалеке от того места, где разыгралась эта трагедия пых из его ружья и пороховницу, которую он обронил, убегая.

— Вы можете клятвенно подтвердить, что вы его узнали, и что все произошло именно так, как вы рассказывали? — спросил шериф Эжена.

— Да, я в этом уверен.

— В таком случае суд над ним займет немного времени, и он будет сейчас же повешен.

Подъехав к тому месту, где происходила главная битва, они увидели десятка два индейцев, которых стерегли оставшиеся при них рейнджеры. Эти индейцы были единственные оставшиеся в живых из всего племенн; все остальные были убиты.

Проехав еще немного, всадники остановились на одной из лужаек вблизи блокгауза, и здесь сейчас же открылось заседание суда. Шериф исполнял обязанности председателя, старший его помощник — прокурора, а младший — защитника обвиняемого, что же касается присяжных, то они были избраны по жребию из числа присутствовавших рейнджеров. Полковник Магоффин, Батист Лэду и Эжен Дюпрэ удостоверили личность Антонио Микелеца и подтвердили обвинение его в убийстве Оскара Бретона, труп которого убийца затем бросил в реку, где его нашли через несколько часов после совершения преступления. Потом по следам, оставленным убийцей, нашли самое место, где было совершено убийство, недалеко от которого был найден сначала пых, а потом и пороховница убийцы. По окончании допроса свидетелей председатель обратился к обвиняемому с вопросом, не желает ли он что-либо сказать в свою защиту. Черный Мустангер презрительно пожал плечами.

— Нет. Да и к чему бы это привело? Я осужден заранее. Я убил Оскара Бретона, потому что ненавидел его. Я был честный человек, пока не узнал о его существовании. Я любил дочь полковника, но она отказалась выйти за меня замуж, потому что любила его. Тогда я поклялся, что она никогда не будет его женой и за несколько дней до свадьбы убил его. Вот и все! Теперь мне остается только проклясть вас всех, и я с удовольствием сделаю это... Я вас проклинаяю!

Кругом поднялся ропот негодования, но председатель заставил жестом умолкнуть негодующих, а затем громким голосом спросил:

— Не может ли кто-нибудь сказать что-либо в защиту обвиняемого?

Никто не отозвался.

— В таком случае я ставлю вопрос господам присяжным,— и, обернувшись к присяжным, спросил: — признаете ли вы этого человека виновным в убийстве?

Присяжные единогласно ответили:

— Да, виновен.

Вслед за тем председатель снова поднялся и, обращаясь к Антонио Микелецу, сказал:

— Пленник, вы признаны виновным по закону приговор, который не допускает никаких смягчающих обстоятельств. Вы совершили уже одно убийство раньше, а теперь собирались совершить новое, еще более тяжкое пре-

ступление. За это вы присуждены к смерти и должны быть повешены! Я даю вам четверть часа времени на то, чтобы помолиться и раскаяться в совершенных вами преступлениях.

— Я предпочитаю быть повешенным сию минуту! — проговорил осужденный.

— В таком случае нам здесь больше нечего делать, и мы можем ехать, — сказал шериф полковнику, отдав шепотом приказание своему помощнику.

Рейнджеры в ту же минуту привели приговор в исполнение, после чего весь отряд направился к блокгаузу. Дорогой полковник стал благодарить шерифа за оказанную ему помощь.

— Не будь вас, — сказал он в заключение, — мы все бы погибли!

— Об этом не стоит и говорить, полковник: потолкуем лучше о том, что вы станете теперь делать.

— Все мое имущество, по всей вероятности, погибло, — отвечал полковник, — но мои близкие спасены, и я могу только благодарить за это Бога... И я скорблю о погибших слугах и радуюсь за себя лично в то же время...

Они подошли к блокгаузу и все, не исключая суровых, привыкших к таким печальным картинам рейнджеров, со слезами смотрели на убитых и оскальпированных негров, вместе с которыми лежал и бывший управляющий полковника Стротер. При виде тела Стротера Ваш Карроль, которому убитый гигант внушал большую симпатию, потупился, но затем быстро справился с собой и, смахнув набежавшую было слезу, сказал, подходя к полковнику:

— Вы потеряли в нем честного и самого преданного вам слугу... Я много видел на своем веку хороших и храбрых людей, но такого, признаюсь, не видел... Будь они прокляты, эти краснокожие!.. О! Я еще отомщу им за него!

Затем он отвел полковника в сторону и, еще более понижая голос, продолжал:

— Послушайте! Это, правда, очень большое несчастье, но могло бы быть еще и хуже! Все ваши остались целы и невредимы. Вы потеряли только слуг и рабов... Мне нечего говорить вам, что ни я, ни мой товарищ не покинем вас в такую тяжелую минуту... Полковник Гейс и его рейнджеры тоже помогут вам... Вы должны сейчас же начать работы на плантациях риса и хлопчатника.

— Ах, дорогой мой Карроль,— отвечал грустным тоном полковник Магоффин,— у меня нет теперь рабочих рук для того, чтобы заняться выращиванием риса или хлопчатника... Как плохо я сделал, что покинул бедняков негров! Если бы я остался с ними, они, может быть, не были перебиты...

— Ну, в этом отношении я с вами не согласен,— возразил бывший траппер,— вы, наоборот, хорошо сделали, что не остались здесь... Если бы вы остались, то в результате и вы, и мисс Магоффин были бы теперь тоже убиты и оскальпированы, и ваши тела лежали бы теперь такими же изуродованными среди этой кучи убитых... Помните, что я вам говорил: единственное средство избежать того, что случилось, было вернуться сейчас же обратно. Но раз вы решились остаться здесь, вы должны были ждать, что на вас непременно нападут днем или ночью... Теперь вы почти совсем избавились от врагов, от которых вам могла грозить опасность, а это значительно меняет дело... Да вот, спросите шерифа, я уверен, что он тоже посоветует вам остаться здесь.

— Я в этом отношении всецело присоединяюсь к мнению нашего общего приятеля Карроля,— сказал Гейс,— по-моему, нет никакого основания приходить в отчаяние и терять мужество... Вы понесли тяжелую потерю, но в то же время вы избавились от опасных соседей, которые могли причинить вам еще более тяжкие бедствия. Ваш блокгауз, в сущности, пострадал очень мало и для вас не составит большого труда теперь довести постройку до конца... Скот у вас тоже весь уцелел...

— В самом деле? — спросил полковник, обрадовавшись.

— Я только что убедился в этом собственными глазами.

— Что касается постройки блокгауза, то в этом деле мы все вам поможем... Вы займетесь скотоводством и станете понемногу распахивать землю; на первое время для этого не потребуется особенно большого числа рук... Я знаю немало людей, которые прибыли к нам в Техас не имея почти ничего и владеющих сейчас крупным состоянием!

— Кроме того,— вмешался Торнлей,— если вы ничего не будете иметь против... Ваш Карроль и я... если вы не сочтете это навязчивостью с нашей стороны... мы мог-

ли бы расширить корраль и держать в нем, кроме лошадей, еще и рогатый скот.

— Неужели вы считаете это возможным? Вы хотите...

— Да, полковник. Мой товарищ пострадал довольно тяжело, и, по моему мнению, ему необходим продолжительный отдых, ему ни в коем случае нельзя ни ехать со мной в Некогдочс, ни помогать мне укрощать мустангов, а всего лучше было бы остаться ему здесь... а я тем временем покончу с укрощением мустангов... Такой табун укрощенных лошадей представляет довольно значительную ценность... К тому же укрощение займет в сущности очень мало времени...

Говоря это, Торнлей краснел все больше и больше от смущения, чувствуя в то же время, что сердце у него замирает от страха услышать неблагоприятный ответ от полковника или же протест со стороны Карроля. Он старательно избегал встретиться глазами с присутствовавшей тут же Луизианой Дюпрэ, которая собственно и была виновницей явившегося вдруг у Торнлея проекта заняться скотоводством...

— Мистер Торнлей! — сказал ему в ответ на эту речь полковник слегка дрожащим от волнения голосом и протягивая при этом мустангеру руку. — Мистер Торнлей! Я не знаю, как и благодарить вас за ваше великодушное предложение... Вы настоящий джентльмен... Но я не могу согласиться принять такую жертву с вашей стороны и заставить вас отказаться от той свободной жизни, которую вы вели до сих пор, ради того, чтобы помочь в беде жалкому старику, который может отблагодарить вас только словами.

— Сэр, — твердым голосом возразил Торнлей, — могу вас уверить, что я давно уже решил поселиться именно в этих местах, и поэтому согласитесь вы или нет принять мое предложение, я не уеду отсюда и в случае отказа все ограничится тем, что я буду жить вместе с моим другом Карролем где-нибудь в окрестностях... Предложение мое, как видите, объясняется очень просто!..

— Да, это правда, полковник, — вмешался в разговор бывший траппер, который, как и Луизиана Дюпрэ, отлично понимал, что именно вызвало у Торнлея желание поселиться там и заняться скотоводством, — мы с Эдуардом давно уже решили поселиться в этих местах. Мне тоже надоело странствовать по прерии, и я решил пу-

стить здесь корни... Место здесь чудесное... У нас здесь корраль... Нет, я больше никуда не поеду!..

Кончилось тем, что полковник, тоже прекрасно понимавший, какое чувство диктовало Торнлею это предложение, дал свое согласие, и новые компаньоны скрепили словесный договор крепким рукопожатием...

Рейнджеры в несколько дней не только достроили само здание блокгауза, но даже обнесли его еще высоким палисадом с вырытым перед ним довольно глубоким рвом... Затем рейнджеры ушли и увели с собою взятых ими в плен индейцев, которых они, однако, не стали убивать, а лишь переправили на территорию, специально предназначенную для индейцев племени семиолов...

Перед отъездом Гейс сдал команду над рейнджерами своему помощнику и ему же вручил официальное прошение на имя губернатора об отставке, а сам отправился к своему сыну в Филадельфию, где тот играл довольно видную роль в коммерческом мире.

В заключение остается только сказать, что через сравнительно короткий промежуток времени Торнлей, женившись на Луизиане Дюпрэ, приобрел еще больше прав на то, чтобы интересоваться успехом своей плантации, также и его друг Ваш Карроль... Эжен Дюпрэ, женившийся на Теннесси Магоффин, все так же страстно увлекается охотой, но теперь ему не грозит уже опасность быть схваченным краснокожими: теперь войны глубоко зарыты в землю, и теперь в этой части Техаса царят мир и тишина!

СОДЕРЖАНИЕ

ОХОТНИК НА БОБРОВ. <i>Роман</i>	5
ТРОПА ВОЙНЫ. <i>Роман</i>	61
ЧЕРНЫЙ МУСТАНГЕР. <i>Роман</i>	351

Майн Рид.

М 14 Охотник на бобров. Роман; Тропа войны. Роман; Черный мустангер. Роман. / М.: МП «Активитас». 1992.— 480 с., ил. (Капитан Майн Рид. Романы и повести. Т. 4.)

ISBN 5—7685—0064—2

В четвертый том многотомного собрания «Капитан Майн Рид. Романы и повести», вошли три произведения Т. М. Майн Рида — романы «Охотник на бобров», «Тропа войны» и «Черный мустангер». Последний из них написан Майн Ридом в соавторстве с Ф. Унттекером. Роман «Охотник на бобров» издавался в начале XX века И. Сыттым, а роман «Тропа войны» — в 30-е годы в издательстве «Земля и Фабрика». Эти произведения общепризнанного мастера авантюрно-приключенческого жанра мало знакомы современному читателю и несомненно вызовут большой интерес у самой широкой аудитории.

М 4703010100—004
Э26(03)—92

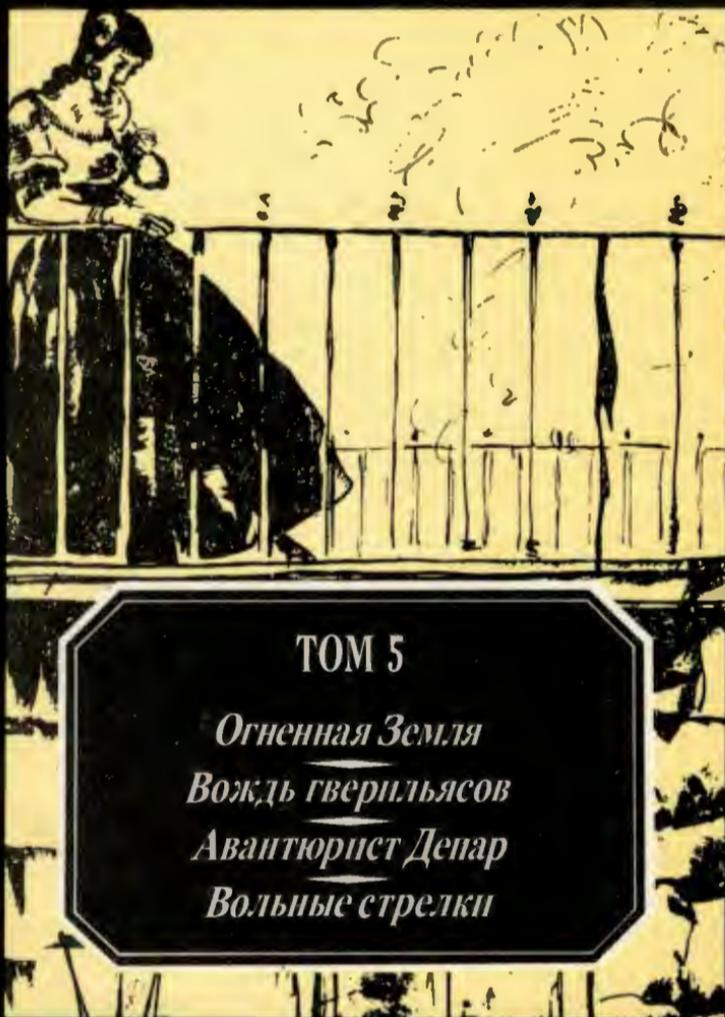
ББК 84.(Вл).

Сдано в набор 13.07.92. Подписано в печать 05.10.92.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 300 000 экз. (2-й завод 150 001—300 000 экз.). Заказ 3178.

Российский государственный информационно-издательский центр
«Республика». Полиграфическая фирма «Красный
пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ISBN 5—7685—0064—2

МАЙН РИД

ТОМ 5

Огненная Земля
Вождь гверильясов
Авантюрист Декар
Вольные стрелки